ИСТОРИЯ ИМПЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

БЕЛАРУСЫ И РУССКИЕ

1772-1991

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

ИСТОРИЯ ИМПЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

БЕЛАРУСЫ И РУССКИЕ 1772–1991 гг.

Составитель Анатолий Тарас

Издание 2-е, исправленное

Минск
Издатель А.Н. Вараксин
2008

УДК 94 (476+470) "1772/1991"
ББК 63.3 (4Бел) +63.3 (2Рос)
И90

И90 **История** имперских отношений: беларусы и русские, 1772–1991 гг. /Составление, перевод с беларуского языка, научное редактирование А.Е. Тараса — Минск: А.Н. Вараксин, 2008. — 608 с.
ISBN 978-985-6822-76-9

После захвата Российской империей в 1792–95 гг. беларуской части Речи Посполитой — Великого княжества Литовского — в памяти жителей Беларуси за 200 лет было стерто почти все, что могло способствовать их национальной самоидентификации. В послевоенный период процесс «забывания» беларусами своего языка, своей истории и своей культуры, организованный партийно-советским руководством, приобрел новый импульс. По замыслу кремлевских идеологов, все народы СССР должны были «слиться» в единую «коммунистическую нацию» на базе русского языка, советской культуры, марксистско-ленинской идеологии.

Несмотря на то, что Беларусь обрела в 1991 году независимость, общественность соседних стран, в первую очередь России, рассматривает ее через призму старых мифов и догм — как эпохи царизма, так и советской эпохи. Даже некоторые беларусы (тем более, представители других этносов) еще верят в то, что «беларусы — часть великой русской нации», что «Беларусь — условное название Северо-Западного края Российской империи», что «язык, религию, культуру, искусство и вообще цивилизацию беларусы получили от русских». Данная книга последовательно и аргументировано опровергает эти и другие выдумки шовинистов.

Практическое ее значение обусловлено тем фактом, что беларуское общество ныне подвергается сильному идеологическому воздействию со стороны российских «державников» (а также их «пятой колонны» в Беларуси), призывающих «ликвидировать» суверенное беларуское государство и «включить» его в состав Российской Федерации. С другой стороны, национальное самосознание значительной части беларусов размыто в результате двух веков экспансии со стороны восточного соседа в областях политики и экономики, языка и истории, религии и культуры.

Поэтому важно донести до беларусов всех поколений, в первую очередь до молодежи, правду об истории нашего народа, его языке и культуре.

УДК 94 (476+470) "1772/1991"
ББК 63.3 (4Бел)+63.3 (2Рос)

ISBN 978-985-6822-76-9

«Кожны сумленны чалавек павінен зрабіць што-небудзь добрае для сваёй Бацькаўшчыны»

(«Каждый совестливый человек должен сделать что-то хорошее для своей Отчизны»)

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Главную идею этой книги можно кратко характеризовать следующим образом: всем людям, проживающим ныне в независимом суверенном государстве — Республика Беларусь, необходимо определиться, кем они себя считают: его гражданами или гостями?

Беларусь, по определению, не Россия, не Польша, не Украина. Поэтому каждому человеку, имеющему беларуский паспорт, давно пора решить, кто он — беларус, живущий в своем национальном государстве, или иностранец, оказавшийся здесь по воле судьбы? Речь не идет об этнической принадлежности, ведь графа «национальность» в беларуском паспорте отсутствует. Беларусами могут считать себя русские и поляки, евреи и украинцы, татары и литовцы. В нашей многовековой истории так всегда и было.

Имеется в виду другое — гражданская самоидентификация. То есть, с каким государством отождествляет себя человек, сторонником чьих политических и экономических интересов он является? Если, например, все его помыслы связаны с Россией, то зачем ему беларуский паспорт? Получил бы российский с орлами и вид на жительство в Беларуси, не было бы никаких вопросов.

В данной связи уместно напомнить, что беларуское законодательство отвергает двойное гражданство. Это правильно. В нормальном обществе недопустимо, чтобы его члены ментально связывали себя с какой-то другой страной — считали приоритетными ее историю и традиции, культуру и искусство, язык и религию, законы и политику. Вот и наше государство побуждает всех жителей Беларуси к осознанному выбору. Как ни пытаются некоторые люди уходить от такого выбора, сделать его придется всем. Каждому рано или поздно надо выбрать что-то одно, потому что невозможно до бесконечности сидеть на двух стульях сразу. Я надеюсь, что изучение материалов предлагаемой вашему вниманию книги поможет многим читателям совершить сознательный выбор.

•○•

Книга подготовлена на русском языке, исходя из следующих соображений.

Во-первых, те граждане Беларуси, которые читают по-беларуски, в своем большинстве осведомлены о проблемах русификации нашей страны. Эта книга предназначена не им, а беларусам, забывшим национальный язык, либо сознательно отказавшимся от него*.

Во-вторых, редактор-составитель и авторы хотят, чтобы эта книга была доступна читателям других бывших союзных республик Советского Союза, так как они тоже являются жертвами русификации.

В-третьих, мы рассчитываем на то, что с ней познакомятся российские политологи, публицисты, историки — те люди, которые вырабатывают идеологию современной России.

Несколько слов о терминах. Авторы используют в своих материалах термины «Беларусь и «беларусы» (через «а»). Но в цитатах из публикаций российских авторов, а также из документов советского периода, в названиях ряда опубликованных книги и статей слова «Белоруссия» и «белорусы» пишутся через «о».

Кстати, вот что говорит по этому поводу шведский журналист Альбин Абрахамсон в своей книге «89 миллиметров от Европы» (1999 г.), посвященной Беларуси:

> «Большинство шведов до сих пор называют эту страну Белороссия (Vitryssland), несмотря на то, что с 19 сентября 1991 года она называется Республика Беларусь. В этом неправильном наименовании мы находимся в одной компании с большинством европейских культур, которые тоже придерживаются старого названия Беларуси: англичане говорят «Byelorussia» или «Belorussia», французы — «Bielorussie», а немцы — «Weissrussland»...
>
> Для беларусов название Беларусь важно тем, что оно указывает на то, что происхождение страны корнями входит в старую Киевскую Русь, а не в Россию. Отсюда и легкое раздражение, когда мы, шведы, говорим Бело-россия, а не Бела-русь».

Предлагаемая коллективная работа в основном составлена из работ, ранее опубликованных на беларуском языке. В процессе подготовки к изданию эти работы были переведены на русский язык, сокращены и заново отредактированы. При этом с целью экономии места и облегчения восприятия текста редактор снял большинство сносок на цитируемые источники.

---

* Согласно опубликованным данным опросов социологов, по состоянию на сентябрь 2007 года, 57,4% жителей Беларуси читают книги, журналы и газеты только на русском языке. Еще 38,3% могут читать на двух языках. Лишь 4,3% населения (около 420 тыс. чел.) читают литературу и прессу исключительно на беларуском языке.

ВВЕДЕНИЕ: РУССКИЕ И БЕЛАРУСЫ

(**Вадим Деружинский**, журналист)

Кто такие беларусы? Представления об этом весьма туманны даже у многих беларусов. Таков печальный результат русификаторской политики царизма в XIX веке и экспериментов коммунистов в XX веке по созданию «единого советского народа».

Но что является для беларусов привнесенным извне, а что — исконно родным? Этот вопрос важен хотя бы потому, что сегодня беларусы возрождают свою государственность и культуру, чему мешают мифы, навязанные царскими и коммунистическими идеологами.

Например, в России многие политики, общественные деятели, журналисты, историки систематически заявляют о том, что беларусы и русские — практически один и тот же народ, с единой культурой, религией, языком и историей, с едиными «корнями». Исходя из этого принципиально неверного тезиса, они обосновывают ненужность беларусам своей государственности и настойчиво предлагают увеличить территорию России за счет «шести беларуских областей».

Популярны в определенных кругах и рассуждения о «степени похожести» беларусов и русских — мол, они соотносятся между собой примерно так же, как этносы немцев и австрийцев. Однако эта аналогия несостоятельна. После того, как Гитлер аннексировал Австрию в 1934 году (пресловутый «аншлюс»), австрийцы не превратились в немцев, несмотря на то, что в своем большинстве были увлечены идей нацистов о создании Третьего Рейха. Слияние этносов возможно только при условии единой истории. Именно разная история двух германских этносов не позволила австрийцам превратиться в немцев. Они уважали историю своих предков, создавших великое государство — Австро-Венгерскую империю.

Так и у беларусов (по крайней мере, у образованной части нации) сохранилась память о своем славном государстве — Великом княжестве Литовском (ВКЛ), память, которую всячески пытались уничтожить царизм и коммунизм. Понятно, что ни о каком симбиозе «двух историй» — ВКЛ и Московии — в России никто не помышляет, там ждут от беларусов одностороннего отказа от своей истории. Как и у немцев с австрийцами, так и здесь, при подобном подходе в принципе ничего хорошего получиться не может.

Но и это не главное. Немцы и австрийцы — действительно весьма похожие нации. А в нашем случае речь идет о двух РАЗНЫХ народах, общее между которыми лишь то, что было навязано беларусам за 200-летний период целенаправленной русификации во времена царской России и Советского Союза. Еще в 1910 году в своей «Краткой истории Беларуси» выдающийся беларуский историк Вацлав Ластовский (1883–1938) писал:

«Часто мы встречаем у российских историков мысли, будто при разделе Польши Россия руководствовалась чувством племенной общности с беларусами и хотела вызволить этот «русский» народ из-под гнета Польши. Но когда мы приглядимся ближе к этому вопросу, то увидим, что тут ни племенное, ни национальное, ни даже религиозное чувство не имело никого значения. Россия тогда, так же, как и Польша, была в руках шляхты — дворянства, и народ там был также в неволе, а каждое слово, брошенное за народ, за его тяжкую долю, тяжко каралось. Не могли же одни и те же самые люди быть одновременно «крепостниками» в своем Отечестве, а либералами и демократами в newдобытом крае.

Да и не знали тогда в России, кто и что такое Беларусь и беларуский народ: наука вообще стояла низко, а тем более этнография и история соседнего государства. ...Захватив под свою власть беларуские земли, Россия говорила загранице, что народ тут чисто русский, а одновременно издавались циркуляры, в которых говорилось о необходимости русификации этого народа».

1. «Белоруссия» — придуманное название

Так кто же такие беларусы, и зачем надо было русифицировать их?

Вот что пишет Ластовский о переломном периоде захватнической войны Московии против Великого княжества Литовского и Польского королевства в 1654–67 годах:

«Тем временем московскому войску в Беларуси как бы перестало везти. Причина этого была вот какая: когда украинские казаки перешли под царя Московского, они думали найти в Московском государстве близкий себе православный народ; так же думали и православные в беларуско-литовских землях, видя московского царя опе-

«Кожны сумленны чалавек павінен зрабіць што-небудзь добрае для сваёй Бацькаўшчыны»

(«Каждый совестливый человек должен сделать что-то хорошее для своей Отчизны»)

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Главную идею этой книги можно кратко характеризовать следующим образом: всем людям, проживающим ныне в независимом суверенном государстве — Республика Беларусь, необходимо определиться, кем они себя считают: его гражданами или гостями?

Беларусь, по определению, не Россия, не Польша, не Украина. Поэтому каждому человеку, имеющему беларуский паспорт, давно пора решить, кто он — беларус, живущий в своем национальном государстве, или иностранец, оказавшийся здесь по воле судьбы? Речь не идет об этнической принадлежности, ведь графа «национальность» в беларуском паспорте отсутствует. Беларусами могут считать себя русские и поляки, евреи и украинцы, татары и литовцы. В нашей многовековой истории так всегда и было.

Имеется в виду другое — гражданская самоидентификация. То есть, с каким государством отождествляет себя человек, сторонником чьих политических и экономических интересов он является? Если, например, все его помыслы связаны с Россией, то зачем ему беларуский паспорт? Получил бы российский с орлами и вид на жительство в Беларуси, не было бы никаких вопросов.

В данной связи уместно напомнить, что беларуское законодательство отвергает двойное гражданство. Это правильно. В нормальном обществе недопустимо, чтобы его члены ментально связывали себя с какой-то другой страной — считали приоритетными ее историю и традиции, культуру и искусство, язык и религию, законы и политику. Вот и наше государство побуждает всех жителей Беларуси к осознанному выбору. Как ни пытаются некоторые люди уходить от такого выбора, сделать его придется всем. Каждому рано или поздно надо выбрать что-то одно, потому что невозможно до бесконечности сидеть на двух стульях сразу. Я надеюсь, что изучение материалов предлагаемой вашему вниманию книги поможет многим читателям совершить сознательный выбор.

Книга подготовлена на русском языке, исходя из следующих соображений.

Речь Посполитая в 1569 году, ВКЛ сохранило все атрибуты суверенного государства: свою систему центральной и местной власти, свою национальную армию (войско ВКЛ), свои законы (Статут ВКЛ на беларуском языке), собственную валюту (литовский талер чеканился вплоть до 1794 года) и т.д. Это и есть то, что Ластовский именовал «культурной работой этноса беларусов» на протяжении столетий.

Когда сегодня говорят о беларусах, надо прежде всего уяснить, о чем вообще идет речь. Термин «беларусы» появился только потому, что царская администрация переименовала «литвинов» в «белоруссцев». А после подавления восстания 1863–64 гг. генерал-губернатор М.Н. Муравьев запретил и термин «Белоруссия», придуманный идеологами царизма, вместо него он ввел термин «Северо-Западный край России». Что ж, название даже такой страны как Польша царизм с конца 80-х годов XIX века пытался заменить термином «Привислинский край»!

Иначе говоря, термины «Белоруссия» и «белорусы» придумали царские чиновники. Народ таких терминов не знал до конца XIX века. Впрочем, согласно опросам этнографов, даже в начале 1950-х годов сельские жители Минской области БССР именовали себя «ліцьвінамі» («литвинами») или «тутэйшымі» («здешними»).

После подавления восстания 1831 года российские власти проводили целенаправленную русификаторскую политику в отношении беларуского народа, посмевшего восстать вместе с поляками. Была уничтожена униатская церковь в Беларуси, запрещено богослужение и книгоиздание на беларуском языке, упразднен Статут ВКЛ (свод законов), действовавший, кстати, только в Беларуси, но не в старостве Жемойтском — нынешней республике Летува, было запрещено употребление термина «Литва»*.

Ретроспективно, желая как-то обосновать переименование царскими чиновниками литвинов в беларусов, авторы статьи в энциклопедии «Беларусь» заявляют, что «в XVI–XVII веках в Москве так называли /Белой Русью/ территории Витебщины, Могилевщины и Смоленщины. Существуют различные объяснения их этимологии»...

Не надо фантазировать. Это в Золотой Орде четыре стороны света связывали с черным, красным, синим и белым цветами, причем Востоку соответствовал синий, а Западу — белый. В частности, в Ор-

---

* Кстати, недавно в США вышло исследование Т. Снайдера из Нью-Хэйвенского университета, где он впервые в западной историографии заявил, что историческая Литва — это Беларусь. См.: Timothy Snyder. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Belarus (1569–1999). New Haven. 2003.

«Кожны сумленны чалавек павінен зрабіць што-небудзь добрае для сваёй Бацькаўшчыны»

(«Каждый совестливый человек должен сделать что-то хорошее для своей Отчизны»)

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Главную идею этой книги можно кратко характеризовать следующим образом: всем людям, проживающим ныне в независимом суверенном государстве — Республика Беларусь, необходимо определиться, кем они себя считают: его гражданами или гостями?

Беларусь, по определению, не Россия, не Польша, не Украина. Поэтому каждому человеку, имеющему беларуский паспорт, давно пора решить, кто он — беларус, живущий в своем национальном государстве, или иностранец, оказавшийся здесь по воле судьбы? Речь не идет об этнической принадлежности, ведь графа «национальность» в беларуском паспорте отсутствует. Беларусами могут считать себя русские и поляки, евреи и украинцы, татары и литовцы. В нашей многовековой истории так всегда и было.

Имеется в виду другое — гражданская самоидентификация. То есть, с каким государством отождествляет себя человек, сторонником чьих политических и экономических интересов он является? Если, например, все его помыслы связаны с Россией, то зачем ему беларуский паспорт? Получил бы российский с орлами и вид на жительство в Беларуси, не было бы никаких вопросов.

В данной связи уместно напомнить, что беларуское законодательство отвергает двойное гражданство. Это правильно. В нормальном обществе недопустимо, чтобы его члены ментально связывали себя с какой-то другой страной — считали приоритетными ее историю и традиции, культуру и искусство, язык и религию, законы и политику. Вот и наше государство побуждает всех жителей Беларуси к осознанному выбору. Как ни пытаются некоторые люди уходить от такого выбора, сделать его придется всем. Каждому рано или поздно надо выбрать что-то одно, потому что невозможно до бесконечности сидеть на двух стульях сразу. Я надеюсь, что изучение материалов предлагаемой вашему вниманию книги поможет многим читателям совершить сознательный выбор.

•○•

Книга подготовлена на русском языке, исходя из следующих соображений.

«Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

«Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...

Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910—20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

* «Наука и жизнь», 2006, № 3.

народы Полабской Руси и Поморья, спасаясь от немецкой экспансии, уходили все дальше и дальше на восток.

Летописи свидетельствуют, что «славянские элементы» появились на территории Литвы (будущей Беларуси) благодаря миграции славян из Полабской Руси и Поморья (ободритов, лютичей-лютвинов, русинов острова Русин /Рюген/ и Старгорода /Ольденбурга/, лужичан Лужицкой Сербии, поморских пруссов, а также мазуров). Тогдашние этносы Западной и Центральной Беларуси (ятвяги, дайнова, лютва) не только дали им всем место, но и смешались с ними. В результате этого смешения возникло Великое княжество Литовское.

Мигрировавшие народы Центральной Европы принесли сюда свои фамилии на «ич», отсутствующие в языках современных поляков, украинцев и русских. Отмечу попутно, что писатель Юрий Брезан, лужицкий серб, лауреат двух Государственных премий ГДР, в книге «Избранное» (Москва, 1987 г.) своих персонажей лужичан называет «беларускими» именами Якуб, Михась, Ян, Ганна и т.д. Но «беларуские» ли это имена и фамилии? Скорее, они «собственность» лужичан.

Молодые беларуские крестьянки

Более чем вероятно, что литвинский (беларуский) язык и этнос возникли в процессе взаимодействия языков и этносов полабско-поморских славян и балтов. Древние культурные истоки беларусов надо искать у лужицких сербов. Серьезных исследований в этом направлении не было, хотя именно тут очевидна полная идентичность и совпадение в деталях, а не просто нечто этнически «похожее».

Обращаю внимание читателей на указанную проблему по той причине, что в России существует принципиально иная, ничем не обоснованная версия этнокультурного происхождения беларусов: мол, беларусы — это восточные славяне, которые изначально проживали на территории Днепра (и оттуда же якобы «вышли» русские).

Именно такая концепция позволяла идеологам царизма изображать беларусов как «младший» и «изначально родственный» рус-

ским этнос, а его фактическую несхожесть с русским народом они объявляли результатом «полонизации». На самом же деле беларусы в своем этническом содержании похожи не столько на поляков, сколько на лужицких сербов, на других славян и балтов Полабья и Поморья.

2. Разное происхождение: генетика и антропология

Главная проблема для русских идеологов состоит в том, что они — вопреки научным данным — отождествляют себя со «славянами». Это заблуждение вбито в их головы с раннего детства благодаря псевдоисторическим рассказам о том, «как жили наши далекие предки». Например, в совершенно фантастическом мультике о каком-то Ратиборе, якобы жившем в VI веке, голос за кадром вещает, что «наши предки тогда назывались россичами или русичами»*.

Так вот, «россичи» — это термин XIX века, а вместо слова «русич» (тоже термин XIX века) в средние века бытовал термин «русины». Так себя именовали украинцы (и жители юго-восточных районов Беларуси), тогда как предки нынешних россиян даже во времена царя Петра I называли себя московитами. Что же касается VI века, то славян в то время на территории нынешней России вообще не было.

Историческая наука давно установила, что коренное население Московии — финские племена — закончило процесс своей славянизации к XVI–XVII векам, а население Поволжья — лишь к концу XIX — началу XX веков. То есть там, где, согласно современным российским мифам, уже в VI веке «жили славяне».

Где же следы их пребывания? Все исторические топонимы Московии — не славянские, а финские: Москва, Калуга, Муром, Рязань (Эрзя), Суздаль, Тула и т.д. Но эти финские топонимы большинство россиян по незнанию истории считают «славянскими». И точно так же (как «славянские») они воспринимают тысячи татарских фамилий типа Карамзина, Кутузова, Сумбулова или Сумарокова (прозвища татарских мурз, перешедших на службу Москве).

А действительно славянскую фамилию Скорина считают «нерусской» и «неславянской». Например, известный в России историк и публицист Мурад Аджи пишет, что «эта фамилия чужда и инородна русскому уху». Оно и понятно: поскольку Аджи себя — чистокровного тюрка — записал в «исконно русского», такому «русскому» действительно чужда старославянская лексика. Он и ему подобные знать не знают, что фамилия Скорина происходит от слова «скор-

* То же самое утверждает современный российский писатель Валентин Иванов в своем романе «Русь изначальная» (1982 год). Книга талантливая в художественном отношении, но в плане истории представляет собой ненаучную фантастику.

няк» (мастер выделки кож), и что эта фамилия была в старину одной из распространенных среди славян.

Зато «исконно русским и славянским» стали считать в современной России финский «окающий» акцент: им наделяют в фильмах героев «Древней Руси», его эксплуатируют популярные комики — «русские бабки». Никого не смущает тот факт, что ближайшие родственники русских — финны Финляндии — точно так окают, когда говорят по-русски или по-немецки.

Такое же смешение понятий произошло в вопросе антропологической идентичности. Поскольку финны внешне похожи на индоевропейцев, нетрудно придти к выводу, что именно так должны выглядеть славяне. Вот характерный пример: в повести «Кто стреляет последним» (1976 г.) российский писатель Николай Наумов пишет, как некий гауптман Отто, рассматривая пленного снайпера, родом из Рязани (то есть, из этноса эрзя), констатирует: «типичный славянин — круглое лицо, короткий широкий нос». Но это описание финна, а не славянина. Среди беларусов и поляков таких лиц нет.

Российские археологи нашли массу вещественных доказательств того, что до IX века на территории современной России вообще не было славян. Важнейшую роль в этом открытии сыграли раскопки в Новгороде, которые ведутся уже нескольких десятилетий. Было установлено (специально подчеркиваю — достоверно установлено учеными), что славяне, древнерусский язык и Рюрик появились в Новгороде одновременно! Более того, сам Новгород основали в середине IX века именно эти славяне-колонисты из Полабской Руси (т.е., с территории нынешней Германии).

Никаких «исконных» славян до Рюрика не было. Этот факт вызвал шок, хотя подозрения на сей счет существовали и раньше. Так, Л.В. Алексеев в книге «Полоцкая земля» еще в 1966 году писал:

> «Современные данные археологии и топонимики показывают, что в эпоху раннего железа Восточную Европу населяло три крупных группы племен. Первая, ирано-язычная, занимала Крымский полуостров, Кубань, Нижний Дон, Нижний Днепр и доходила на севере до водораздела Сейма, Десны и Оки...
>
> Вторая, финно-язычная группа, охватывала все Верхнее Поволжье, бассейн Средней и Нижней Оки, на западе доходила до озера Эзель и оставила так называемую Дьяковскую культуру.
>
> Третья, балто-язычная, охватывала все Верхнее Поднепровье (включая Киев, правобережье Сейма, верхнюю Оку) и уходила на запад в Прибалтику».

Обратите внимание: иранцы, финны и балты. Никаких славян!

ским этнос, а его фактическую несхожесть с русским народом они объявляли результатом «полонизации». На самом же деле беларусы в своем этническом содержании похожи не столько на поляков, сколько на лужицких сербов, на других славян и балтов Полабья и Поморья.

2. Разное происхождение: генетика и антропология

Главная проблема для русских идеологов состоит в том, что они — вопреки научным данным — отождествляют себя со «славянами». Это заблуждение вбито в их головы с раннего детства благодаря псевдоисторическим рассказам о том, «как жили наши далекие предки». Например, в совершенно фантастическом мультике о каком-то Ратиборе, якобы жившем в VI веке, голос за кадром вещает, что «наши предки тогда назывались россичами или русичами»*.

Так вот, «россичи» — это термин XIX века, а вместо слова «русич» (тоже термин XIX века) в средние века бытовал термин «русины». Так себя именовали украинцы (и жители юго-восточных районов Беларуси), тогда как предки нынешних россиян даже во времена царя Петра I называли себя московитами. Что же касается VI века, то славян в то время на территории нынешней России вообще не было.

Историческая наука давно установила, что коренное население Московии — финские племена — закончило процесс своей славянизации к XVI–XVII векам, а население Поволжья — лишь к концу XIX — началу XX веков. То есть там, где, согласно современным российским мифам, уже в VI веке «жили славяне».

Где же следы их пребывания? Все исторические топонимы Московии — не славянские, а финские: Москва, Калуга, Муром, Рязань (Эрзя), Суздаль, Тула и т.д. Но эти финские топонимы большинство россиян по незнанию истории считают «славянскими». И точно так же (как «славянские») они воспринимают тысячи татарских фамилий типа Карамзина, Кутузова, Сумбулова или Сумарокова (прозвища татарских мурз, перешедших на службу Москве).

А действительно славянскую фамилию Скорина считают «нерусской» и «неславянской». Например, известный в России историк и публицист Мурад Аджи пишет, что «эта фамилия чужда и инородна русскому уху». Оно и понятно: поскольку Аджи себя — чистокровного тюрка — записал в «исконно русского», такому «русскому» действительно чужда старославянская лексика. Он и ему подобные знать не знают, что фамилия Скорина происходит от слова «скор-

* То же самое утверждает современный российский писатель Валентин Иванов в своем романе «Русь изначальная» (1982 год). Книга талантливая в художественном отношении, но в плане истории представляет собой ненаучную фантастику.

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

«А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Ланe и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

«Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

---

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

данные генетики (которая, в отличие от истории — точная наука) утверждают: беларусы — это славянизированные западные балты, а русские — это славянизированные финны.

Руководитель исследования, доктор медицинских наук Е.В. Балановская отметила:

«Пришлось рассмотреть данные многих систем — антропологии (соматологии, дерматоглифики, одонтологии), классической генетики (группы крови, белки крови), тысяч фамилий, данные по разным системам ДНК маркеров (аутосомных, Y-хромосомы, митохондриальной ДНК).

...Мы собрали воедино два огромных массива информации о русском народе, накопленные за многие десятилетия антропологией и генетикой. Мы провели два новых исследования — ДНК и фамилий. И придумали способ, как сравнить эти четыре столь разных системы признаков — антропологии, классической генетики, молекулярной генетики, фамилий. Мы строили компьютерные геногеографические карты для каждого признака.

Например, для антропологии — карту роста бороды; для классической генетики — карты встречаемости генов групп крови; для молекулярной генетики — карту гена устойчивости к СПИДу; для фамилий — карту встречаемости Ивановых во всех частях русского ареала. Четыре столь разных системы, и в каждой — много признаков. Для каждого создана карта. А затем получили «обобщенные» карты для каждой системы признаков. И после этого впервые могли сравнить все данные о русском генофонде...

Наше «открытие» в том, что совершенно разные науки и признаки — антропология, генетика, фамилии — полностью согласны друг с другом и, дополняя друг друга, рисуют общий портрет русского генофонда. Причем русский генофонд здесь, к счастью, не одинок. Еще до изучения русского генофонда мы сделали аналогичный набросок портрета генофонда народов Восточной Европы, включая в него и народы «ближнего зарубежья» (от Черного моря до Балтики), и Кавказа, и Приуралья. И обнаружили вновь единогласие свидетелей! Хотя портрет генофонда народов Восточной Европы оказался совершенно иным — волны генофонда следовали в Восточной Европе не по оси «север — юг», как в русском генофонде, а по оси «запад — восток».

Поэтому и для русского генофонда — занимающего огромную часть Восточной Европы — мы ожидали увидеть все ту же восточноевропейскую закономерность. Но нет! Русский генофонд обнаружил свое собственное строение, связанное с его собственной историей. Однако все генофонды в равной степени важны и интересны».

Результаты указанного исследования шокировали в России очень многих. Чтобы успокоить возмущенных несогласных сограждан (главным образом публицистов и некоторых историков), Е.В. Бала-

повская разъясняет, что не надо верить мифам. Следует вспомнить, что раньше эти территории действительно были исконно финскими:

«Термин «исконный» русский ареал мы всегда берем в кавычки, помня, что история дославянского населения на этой территории НА ПОРЯДОК дольше славянского. Генетическая память пронизывает все слои генофонда, все напластования, пришедшие от разных обитателей Восточной Европы. Поэтому, анализируя «исконный» ареал, мы никогда не говорим об «исконно» русском генофонде, об «исконно» русских генах. Авторы считают, что их просто нет.

Есть генофонд, раскинувшийся в этом ареале и вобравший в себя (как и все другие генофонды) гены многих популяций, оставивших в ходе многих тысячелетий свой генетический след. И любая привязка гена к народу неверна — это разные системы координат. Принадлежность к народу определяется самосознанием человека. Генофонд определяется концентрацией генов в исторически определенном ареале. Поэтому, говоря «русский генофонд», мы имеем в виду все гены, собранные ходом истории в «исконном» русском ареале и запечатленные в нем».

Итак, концепция о «едином происхождении восточных славян» (русских, украинцев, беларусов) — ныне уже разоблаченный миф. Никаких «восточных славян» нет. Генетически и антропологически русские — это финны (усвоившие язык славянского типа, принявшие православие). На картах, составленных генетиками, влияние русского генофонда еще ощутимо в Витебской и Могилевской областях, но далее в Центральной и Западной Беларуси (исторической Литве) его уже нет, генетически там ближайший сосед — польская Мазовия (Мазова).

Все это навсегда поставило точку в придуманной царизмом лжи о «едином происхождении беларусов и русских». Генетически и антропологически — это два разных этноса, более того — это разные этнические группы, ибо беларусы — индоевропейцы, а русские — нет*.

---

* Итак, точная наука генетика доказала, что русские, беларусы и украинцы вовсе не «родные братья-славяне». Они даже не двоюродные! Славянами являются только беларусы и украинцы. Кто действительно «прямая родня» русским, так это вепсы, коми-зыряне, марийцы, мордвины, тогда как современные финны и эстонцы им двоюродные братья.

Подобные заявления русскому человеку кажутся шокирующими, достаточно вспомнить популярные в России анекдоты о «горячих эстонских парнях». Поэтому выводы генетиков будут усваиваться очень медленно, ибо они опровергают ВСЕ традиционные представления на этот счет. Принципиально новую концепцию требуется не столько понять (с этим дело обстоит достаточно просто), сколько принять. Другими словами, к ней надо привыкнуть. — *Прим. Ред.*

данные генетики (которая, в отличие от истории — точная наука) утверждают: беларусы — это славянизированные западные балты, а русские — это славянизированные финны.

Руководитель исследования, доктор медицинских наук Е.В. Балановская отметила:

«Пришлось рассмотреть данные многих систем — антропологии (соматологии, дерматоглифики, одонтологии), классической генетики (группы крови, белки крови), тысяч фамилий, данные по разным системам ДНК маркеров (аутосомных, Y-хромосомы, митохондриальной ДНК).

...Мы собрали воедино два огромных массива информации о русском народе, накопленные за многие десятилетия антропологией и генетикой. Мы провели два новых исследования — ДНК и фамилий. И придумали способ, как сравнить эти четыре столь разных системы признаков — антропологии, классической генетики, молекулярной генетики, фамилий. Мы строили компьютерные геногеографические карты для каждого признака.

Например, для антропологии — карту роста бороды; для классической генетики — карты встречаемости генов групп крови; для молекулярной генетики — карту гена устойчивости к СПИДу; для фамилий — карту встречаемости Ивановых во всех частях русского ареала. Четыре столь разных системы, и в каждой — много признаков. Для каждого создана карта. А затем получили «обобщенные» карты для каждой системы признаков. И после этого впервые могли сравнить все данные о русском генофонде...

Наше «открытие» в том, что совершенно разные науки и признаки — антропология, генетика, фамилии — полностью согласны друг с другом и, дополняя друг друга, рисуют общий портрет русского генофонда. Причем русский генофонд здесь, к счастью, не одинок. Еще до изучения русского генофонда мы сделали аналогичный набросок портрета генофонда народов Восточной Европы, включая в него и народы «ближнего зарубежья» (от Черного моря до Балтики), и Кавказа, и Приуралья. И обнаружили вновь единогласие свидетелей! Хотя портрет генофонда народов Восточной Европы оказался совершенно иным — волны генофонда следовали в Восточной Европе не по оси «север — юг», как в русском генофонде, а по оси «запад — восток».

Поэтому и для русского генофонда — занимающего огромную часть Восточной Европы — мы ожидали увидеть все ту же восточноевропейскую закономерность. Но нет! Русский генофонд обнаружил свое собственное строение, связанное с его собственной историей. Однако все генофонды в равной степени важны и интересны».

Результаты указанного исследования шокировали в России очень многих. Чтобы успокоить возмущенных несогласных сограждан (главным образом публицистов и некоторых историков), Е.В. Бала-

Называть «схожими до степени братства» абсолютно разные по содержанию МАШИНЫ воспроизводства генофонда просто нелепо. У беларусов — генофонд и антропология сплава западных балтов и славян, у русских — генофонд и антропология сплава финнов и тюрок.

Дополняют картину современные исследования беларуских ученых, изучавших антропологию и генетику беларусов. В 2005 году, одновременно с завершением работы российских ученых по изучению русского генофонда, в Беларуси были опубликованы результаты аналогичного исследования. Это книга А.И. Микулича «Беларусы в генетическом пространстве: Антропология этноса». Вот отрывки из рецензии Дмитрия Санько на нее (в переводе В. Деружинского):

«Монография подводит итоги более чем 30-летним экспедиционным исследованиям, проведенным известным антропогенетиком Алексеем Микуличем в Республике Беларусь и на смежных территориях стран-соседей — Российской Федерации, Республики Летува, Украины. Объектом их было, прежде всего, сельское население как носитель наиболее характерных генетических и конституционных особенностей популяций. Изучением было охвачено около 120 избранных групп. Они формировались из тех представителей, которые имеют предков местного происхождения до 4—5 колена.

Исследование генофонда коренных местных популяций показало целостность беларуского этноса, его гомеостаз /устойчивость — *В.Д.*/ во времени и пространстве, а также очевидность геногеографического компонента в этнической истории.

На карте генетической отдаленности от средних беларуских частот генов в населении Восточной Европы, созданной на основе значений ДНК-маркеров, ясно видна особенность генофонда беларусов, к которым примыкают коренные жители Псковщины, Новгородчины, Смоленщины, Брянщины, Виленского края и Украинского Полесья. Компактный ареал беларуского генофонда на этой карте в общих чертах соответствует сфере расселения беларусов в исторической ретроспективе...

Известно, что «европеизация» российского населения остановилась под татаро-монгольским нашествием. Изучение генофонда беларусов практически не показало присутствия в нем примет монгольской расы. Это подтверждает исторические свидетельства о том, что Беларусь не знала татаро-монгольского ига. Интересно также отметить, что общая тенденция изменчивости в границах беларуского ареала имеет меридиональное направление /Запад — Восток — *В.Д.*/, в то время как для российского ареала ее направление перпендикулярно — широтное /Север — Юг — *В.Д.*/.

Каждый из трех восточно-славянских этносов, согласно антропологическим данным, по своему уникален. Они формировались в разном географическом пространстве, на особых субстратных праосновах. Помещенная в книге графическая интерпретация обобщенных характеристик генофондов позволяет наглядно увидеть степень схожести и различия.

«Этнические облака» беларусов и украинцев довольно компактны и частично перекрываются. Российское же «облако» размытое, только незначительная его доля перекрывается с первыми двумя. В то время как украинское «этническое облако» вообще не граничит с финно-угорскими, а беларуское лишь касается их — центр «этнического облака» российских популяций находится в одном кластере с финно-угорскими, а не славянскими этносами.

Алексей Микулич аргументировано опровергает суждения московских коллег о том, что ядро российского генофонда исстари находится на северо-западе российского этнического ареала (Псковщина, Новгородчина) с привлечением части земель, которые сегодня находятся в составе Республики Беларусь. Он отмечает, что к беларусам Придвинья генетически весьма близки коренные жители Псковской и Новгородской, как и Смоленской областей (этому факту есть историческое объяснение — это этнически территория кривичей). Но это вовсе не повод исключать их из беларуского этнического ареала.

Сопоставление данных генной географии с материалами археологов дает очень интересные результаты. Географическая структура современного беларуского генофонда во многом соответствует древним археологическим культурам... Это важный аргумент в пользу генетической непрерывности поколений. Анализ антропогенетического и генодемографического материала приводит автора к выводам о глубокой древности беларуского этноса. Современная картина беларуского генофонда сформировалась как путем долговременного приспособления в результате естественного отбора, так и в процессе этнической консолидации.

Пользуясь «генетическим календарем», автор установил, что популяции коренных жителей Беларуси ведут свою родословную непрерывно не менее 130—140 поколений, то есть, самое позднее с середины 2-го тысячелетия до нашей эры. По мнению автора, происхождение, особенности языка, материальной и духовной культуры, существование в течение многих веков своего государства — Великого княжества Литовского, перевес эмиграционных процессов над иммиграционными — содействовали консолидации и формированию этнического содержания беларусов».

Исследование интереснейшее. Но книга издана на беларуском языке, а его русские не понимают, несмотря на постоянные заявле-

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

«Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

«Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...

Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910—20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

---

* «Наука и жизнь», 2006, № 3.

Весьма показательны в этом плане записки тверского купца Афанасия Никитина (конец XV века) о «хождении за три моря». В них автор запросто переходит со славяно-финского койне Московии на тюркский язык, не видя особой разницы между ними. В своем «хождении», буквально на каждой странице, Никитин то разражается длинной тирадой на тюркском, то непринужденно вплетает короткие тюркские фразы между русских. Вот типичный пример:

«В Индейской земле купцы останавливаются на подворьях, еду для них варят хозяйки. Они и постель гостям стелют, и спят с ними, сикиш илересен ду шитель бересин, сикиш илимесь ёкъжитель берсен достур аврат чектур, а сикиш муфут».

В этом фрагменте Никитин привел на тюркском языке некоторые деликатные подробности: «хочешь с хозяйкой иметь близкую связь — даешь два шителя, не хочешь — даешь один шитель».

Свои записки он закончил весьма характерной благодарственной молитвой: «Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного и Иисуса Духа Божия. Аллах велик»... В подлиннике дословно сказано: «Бисмилля Рахман Рахим. Иса Рух Уалло. Аллах акбар. Аллах керим»*.

В средневековой Московии существовали одновременно несколько языков. Во-первых, общеславянский «койне» — язык княжеско-боярской знати и чиновников (дьяков). Во-вторых, староболгарский язык — язык христианских текстов. В-третьих, народные языки туземцев (финские). В-четвертых, тюркские языки — средство «межнационального общения» и язык исламского компонента религии. Вся эта смесь и послужила основой для нынешнего русского языка, совпадающего своей базовой лексикой** с другими славянскими языками не более чем на 30–35%. Напротив, базовая лексика славянских языков, в том числе беларуского и украинского, совпадает между собой на 70–80% .

Сегодня российские лингвисты в своем большинстве сводят истоки современного русского языка только к двум составляющим:

---

* Никитин совершил свое путешествие в 1466–1472 гг. В Твери тогда правил великий князь Михаил Борисович, в Москве — великий князь Иван III. В то время общей для Московии и Орды была религия, являвшаяся гибридом христианства и ислама (верующие равно почитали Иисуса и Магомета). Процесс их разделения начался с момента «стояния на Угре» (1480 г.) и завершился к 1589 г. (при царе Федоре I).

** Базовая лексика — около 5000 слов и лексических выражений. Попутно надо отметить, что беларуский язык испытал заметное влияние немецкого языка. В словарях народных говоров западной и центральной Беларуси XIX века слова немецкого происхождения составляют от четверти до трети лексики. Этот вопрос подробно рассмотрен в книге Валентины Выхоты «Нямецка-беларускія моўныя паралелі» (Мн., 1999). — *Прим. Ред.*

к народному языку России (как уже сказано, отнюдь не славянскому, а славяно-финскому койне, с большим тюркским влиянием) и древнему болгарскому (он же «церковно-славянский»).

В качестве третьего языка можно указать современный литературный русский язык, — искусственное кабинетное изобретение, своего рода «эсперанто» на основе двух указанных выше источников (на этом «эсперанто» написана данная статья, а вы ее читаете).

Почему нынешний русский язык больше похож на болгарский язык, чем на беларуский и украинский? (Хотя в одну языковую группу с русским относят почему-то именно их, а не болгарский и не сербский.) Это кажется странным, ведь Россия не граничит с Болгарией, но соседка с Беларусью и Украиной, в чьих исконных языках нет болгарского влияния, а если его иногда находят сегодня, то оно привнесено в более поздние времена русскими завоевателями.

В том-то и дело, что в Московии коренных славян никогда не было (кроме немногочисленных выходцев из Киевской земли в XII–XIV веках). Поэтому усвоение туземцами Московии славянского языка шло через религию, которая опиралась на болгарские тексты. Туземцы Владимира, Суздаля, Москвы, Костромы, Тулы, Рязани, Мурома, Вятки и прочих финских земель усваивали славянский язык через болгарский язык церковных книг. Именно потому небольшое славянское содержание «базы» русского языка (около 30–35% лексики) является общим болгарскому языку.

В Беларуси и Украине ситуация была иной: здесь местное население (балто-славянское в Беларуси, сармато-славянское в Украине) само выработало свои славянские говоры, которые не позволили внедряться болгарской лексике из православных книг.

Есть три факта, которые прячут все российские лингвисты, хотя шила в мешке все равно не утаить. Они таковы:

1) до начала XVIII века язык Московии никто в Европе не называл русским, а только московским, или московитским;

2) русским языком до той поры называли украинский язык;

3) московитский язык до XVIII века европейские лингвисты (в том числе из славянских стран) относили к финским говорам.

Конечно, сегодня все уже не так: власти Российской империи оказали огромное влияние на лингвистическую науку, поставив ей задачу придания московскому языку «славянского статуса». Реформа московского языка, осуществленная в XVIII веке Ф. Прокоповичем, М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым ставила целью именно усиление его слабых славянских черт. Однако даже через сто с лишним лет после Ломоносова, умершего в 1765 году, известный польский славист Ежи Лещинский заявлял:

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

родня, подавая в 1619 году челобитную Ксении Ивановне, матери царя Михаила Романова, платила толмачу за перевод с финского костромского наречия на «государев» язык (т.е. на славянский «койне» знати). Забавно, что сегодня мордовская Кострома считается в России как бы «эталоном русскости» (даже рок-группа есть, поющая старинные мордовские песни, переведенные на русский язык, с типично финским завыванием женщин, выдаваемым за «славянское»). Но всего два столетия назад никто в Костромском крае по-русски не говорил.

Тот факт, что Московская церковь вещала на староболгарском языке (а дьяки писали на нем грамоты и прочие документы), в этом плане ничего не значит, так как вся Европа тогда в соборах говорила на латыни и вела делопроизводство на латинском языке, хотя ни один народ на этом языке уже давно не говорил. Напомню заодно, что после Люблинской унии 1569 года, когда беларусы создали вместе с поляками конфедеративное государство — Республику (по-польски Речь Посполитую), ВКЛ сохранило своим государственным языком литвинский (то есть, беларуский), а Польша ввела в качестве государственного латинский язык. Но это вовсе не значит, что народный язык поляков — латынь. Точно так же русский язык не был народным в Московии вплоть до того сравнительно недавнего времени, когда российские деревни его наконец выучили.

Вот еще пример: по сей день во многих деревнях Смоленской, Курской и Брянской областей, входивших когда-то в состав ВКЛ, никто не «окает» на финский манер (как в Рязани или Костроме), а говорят на том же языке, на котором говорят селяне Витебщины и Минщины. Любой лингвист мог бы сделать вывод, что в этих областях живет беларуское население. Но, исполняя политический заказ, российские лингвисты относят их население к тем «окающим» восточным соседям, которые во времена Лудольфа знали всего лишь 41 славянское слово, да и то не во всех деревнях.

Улуханов пишет, что, говоря о существовании у московитов двух языков — славянского (церковного болгарского) и московитского, Лудольф сообщил в «Грамматике языка московитов» следующую подробность:

> «Чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи».

Что же это за «славянский язык», если людей смешит употребление славянских слов вместо финских и тюркских? Такого никогда не было в Литве (Беларуси). Наоборот, здесь никто не понял бы того,

кто строил фразы, используя вместо славянской лексики финскую или тюркскую.

Проблема такого «двуязычия» из-за отсутствия в России народной славянской основы всегда преследовала создателей литературного русского языка. Сначала он назывался московским, затем российским. Однако после захвата Россией в 1772—1795 годах ВКЛ и Западной Украины пришлось его менять на «великорусское наречие русского языка».

Именно так русский язык фигурировал в 1840-е годы в названии словаря Владимира Даля: «Толковый словарь великорусского наречия русского языка». Даль разделял русский язык на три наречия — беларуское, украинское и российское. Но позже российские лингвисты специально изменили это название на «Толковый словарь живого русского языка», хотя труд под таким названием Даль в типографию никогда не сдавал.

В 1778 году в Москве была напечатана брошюра писателя и лингвиста Федора Григорьевича Карина «Письмо о преобразителях российского языка». Он писал:

> «Ужасная разность между нашим языком /повсюду в своей работе он называет его «московским наречием» — *В.Д.*/ и славянским часто пресекает у нас способы изъясняться на нем с тою вольностию, которая одна оживляет красноречие и которая приобретается не иным чем, как ежедневным разговором...
>
> Как искусный садовник молодым прививком обновляет старое дерево, очищая засохлые на нем лозы и тернии, при корени его растущие, так великие писатели поступили в преображении нашего языка, который сам по себе был беден, а подделанный к славянскому сделался уже безобразен».

«Беден» и «безобразен» — это сильно расходится с будущей его оценкой как «великого и могучего». Оправданием может служить лишь тот факт, что Пушкин еще не родился и не приступил к совершенствованию молодого языка («эсперанто»), только что созданного экспериментами Прокоповича — Ломоносова — Сумарокова.

Опять-таки, подобной проблемы никогда не знали беларусы, украинцы, поляки, чехи, болгары, сербы и остальные славяне, у которых язык сельских жителей органично становился языком всего народа. Это чисто российская проблема: как сочетать финский язык селян со славянским языком государства.

В итоге российские лингвисты XVIII века разорвали «пуповину» многовековой связи языка Москвы с болгарским языком, который они дружно нашли «чуждым», «вычурным в условиях России», «тормозившим становление литературного российского языка». И, отвергнув болгарский язык, припали к народному языку («москов-

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Аниценко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

алфавит? Никакого. А ведь поляки — братья-славяне и соседи навсегда, тогда как с неславянской Грецией Беларусь не граничит и ничего общего с греками беларусы не имеют. Выбор между греческим и латинским алфавитами лишен политического подтекста.

Зато такой подтекст всегда присутствует в демагогических заявлениях российских идеологов и парламентариев, склонных ужасаться «отходу от России» по любому поводу, ибо в их представлениях Москва — «третий Рим», своего рода мистический центр, вокруг которого «обязано» группироваться все «прогрессивное человечество».

Когда большевики захватили власть в Российской империи, комиссары от просвещения осуществили реформу «великорусского» языка. Во-первых, его переименовали в просто «русский», дабы удалить имперское» «велико», а заодно превратили великороссов в русских. Между тем, нет в русском языке такого обычая, чтобы название национальности было прилагательным (хотя чего требовать от авторов новшества Троцкого и Свердлова, евреев, слабо разбиравшихся в тонкостях русского языка). Во-вторых, Троцкий и Свердлов утвердили «новый гражданский алфавит»: отменили букву «ять» и ряд других букв, одобрили изменение грамматических правил.

А в-третьих, мало кто помнит о том, что Лейба Бронштейн (он же Лев Троцкий) настаивал на переводе русского языка на латинский алфавит– «в целях мировой революции». Эту идею не приняли потому, что ни Сумароков, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Толстой на латинице не писали. Напротив, беларуские хронисты, поэты и писатели вплоть до начала XX века создавали свои произведения на беларуской латинице...

Кирилл и Мефодий умерли, соответственно, в 869 и 885 годах, задолго до принятия Киевом христианства (988 год), Москва в их времена еще не существовала в природе, Новгород только-только появился в виде маленькой крепости. Они создали в Моравии квазигреческий алфавит для чехов, а не для языческой Киевской Руси.

Кирилл потому и не поехал в земли нынешних Украины и России «обращать славян в православие», что никаких славян там еще не было. Некому было давать «славянский алфавит на основе греческого». Киев тогда не был славянским, он «дружил» с Хазарией, в нем жили сарматы (предки украинцев) и иудеи, поскольку сарматские князья Киева были тогда породнены с тюркскими князьями Хазарии, исповедавшими иудаизм. Они тоже исповедали иудаизм, так что Киев был тогда «городом синагог» и языческих капищ*. Чего же было Кириллу ехать в Киев к язычникам и иудеям?

---

* К сведению русских и украинских «ура-патриотов», возмущенных «очередной исторической выдумкой»: эта тема всесторонне исследована в израильском научно-популярном телесериале о Хазарии как «еще одной прародине израильтян». Имеются также солидные научные труды по данному вопросу. — *Прим. Ред.*

По моему мнению, российские историки и идеологи раздувают культ Кирилла и Мефодия для того, чтобы скрывать огромные противоречия в их представлениях о самих себе как о якобы «славянах» — и чтобы отвергать «нежелательные» факты, этому мифу противоречащие (то есть. всю историческую, этнографическую и лингвистическую фактуру).

Кстати, Кирилл и Мефодий вовсе не греки, и не родные братья. Оба они — богатые православные арабы из Дамаска (Сирия тогда была христианской), нанятые властями Византии для миссии в Моравии. Например, об этом пишет, цитируя документы, российский историк А.А. Бычков в книге «Киевская Русь: Страна, которой никогда не было?» Но самое забавное то, что чехи, ради создания алфавита которых приехал православный араб Кирилл, вообще о нем не помнят, зато его возвели в культ в России, где он никогда не был...

Итак, формирование русского и беларуского языков — автономные процессы, не связанные между собой. Беларуский язык вовсе не «отпочкование» от языка Московии, как это бездоказательно утверждают российские идеологи. Он сформировался задолго до появления Москвы, и никакого отношения к восточному соседу не имеет.

Исторически беларуский язык — это язык западных балтов (ятвягов, дайнова, лютвы, пруссов, мазуров). В Польше в период до союза с Мазовией (когда ляхи жили вокруг Кракова) язык был кристально чистым славянским. Союз с Мазовией создал новый этнос: ляхи смешались с мазурами, и появился польский народ с его пшекающим языком.

Точно так же в Литве был «дзэкающий», «гэкающий», «цэкающий», «акающий» западно-балтский язык ятвягов (позже литвинов), который сегодня некоторые историки именуют «древнебеларуским» (на нем написаны Статуты и Метрика ВКЛ), хотя он тогда именовался «литовским языком». Средневековые слависты Чехии, Польши и Германии относили литовский язык к семье славянских языков, а при издании Статута ВКЛ в переводе на польский язык в издательстве Мамоничев (1614, 1619, 1623 гг.) и королевским издателем П. Элертом (1648 год) указывалось, что это перевод с литовского языка, а не с языка «беларуского».

Великий польский поэт беларуского происхождения Адам Мицкевич два века назад сказал о беларуском языке:

> «На беларускай мове, якую называюць русінскай альбо літоўска-русінскай, таксама размаўляе каля дзесяці мільёнаў чалавек; гэта самая багатая і самая чыстая гаворка, яна ўзьнікла даўно і выдатна распрацавана. У перыяд незалежнасці Літвы вялікія князі карысталіся ёю для сваёй дыпламатычнай перапіскі.

няк» (мастер выделки кож), и что эта фамилия была в старину одной из распространенных среди славян.

Зато «исконно русским и славянским» стали считать в современной России финский «окающий» акцент: им наделяют в фильмах героев «Древней Руси», его эксплуатируют популярные комики — «русские бабки». Никого не смущает тот факт, что ближайшие родственники русских — финны Финляндии — точно так окают, когда говорят по-русски или по-немецки.

Такое же смешение понятий произошло в вопросе антропологической идентичности. Поскольку финны внешне похожи на индоевропейцев, нетрудно придти к выводу, что именно так должны выглядеть славяне. Вот характерный пример: в повести «Кто стреляет последним» (1976 г.) российский писатель Николай Наумов пишет, как некий гауптман Отто, рассматривая пленного снайпера, родом из Рязани (то есть, из этноса эрзя), констатирует: «типичный славянин — круглое лицо, короткий широкий нос». Но это описание финна, а не славянина. Среди беларусов и поляков таких лиц нет.

Российские археологи нашли массу вещественных доказательств того, что до IX века на территории современной России вообще не было славян. Важнейшую роль в этом открытии сыграли раскопки в Новгороде, которые ведутся уже нескольких десятилетий. Было установлено (специально подчеркиваю — достоверно установлено учеными), что славяне, древнерусский язык и Рюрик появились в Новгороде одновременно! Более того, сам Новгород основали в середине IX века именно эти славяне-колонисты из Полабской Руси (т.е., с территории нынешней Германии).

Никаких «исконных» славян до Рюрика не было. Этот факт вызвал шок, хотя подозрения на сей счет существовали и раньше. Так, Л.В. Алексеев в книге «Полоцкая земля» еще в 1966 году писал:

> «Современные данные археологии и топонимики показывают, что в эпоху раннего железа Восточную Европу населяло три крупных группы племен. Первая, ирано-язычная, занимала Крымский полуостров, Кубань, Нижний Дон, Нижний Днепр и доходила на севере до водораздела Сейма, Десны и Оки...
>
> Вторая, финно-язычная группа, охватывала все Верхнее Поволжье, бассейн Средней и Нижней Оки, на западе доходила до озера Эзель и оставила так называемую Дьяковскую культуру.
>
> Третья, балто-язычная, охватывала все Верхнее Поднепровье (включая Киев, правобережье Сейма, верхнюю Оку) и уходила на запад в Прибалтику».

Обратите внимание: иранцы, финны и балты. Никаких славян!

кто строил фразы, используя вместо славянской лексики финскую или тюркскую.

Проблема такого «двуязычия» из-за отсутствия в России народной славянской основы всегда преследовала создателей литературного русского языка. Сначала он назывался московским, затем российским. Однако после захвата Россией в 1772–1795 годах ВКЛ и Западной Украины пришлось его менять на «великорусское наречие русского языка».

Именно так русский язык фигурировал в 1840-е годы в названии словаря Владимира Даля: «Толковый словарь великорусского наречия русского языка». Даль разделял русский язык на три наречия — беларуское, украинское и российское. Но позже российские лингвисты специально изменили это название на «Толковый словарь живого русского языка», хотя труд под таким названием Даль в типографию никогда не сдавал.

В 1778 году в Москве была напечатана брошюра писателя и лингвиста Федора Григорьевича Карина «Письмо о преобразителях российского языка». Он писал:

> «Ужасная разность между нашим языком /повсюду в своей работе он называет его «московским наречием» — *В.Д.*/ и славянским часто пресекает у нас способы изъясняться на нем с тою вольностию, которая одна оживляет красноречие и которая приобретается не иным чем, как ежедневным разговором...
>
> Как искусный садовник молодым прививком обновляет старое дерево, очищая засохлые на нем лозы и тернии, при корени его растущие, так великие писатели поступили в преображении нашего языка, который сам по себе был беден, а подделанный к славянскому сделался уже безобразен».

«Беден» и «безобразен» — это сильно расходится с будущей его оценкой как «великого и могучего». Оправданием может служить лишь тот факт, что Пушкин еще не родился и не приступил к совершенствованию молодого языка («эсперанто»), только что созданного экспериментами Прокоповича — Ломоносова — Сумарокова.

Опять-таки, подобной проблемы никогда не знали беларусы, украинцы, поляки, чехи, болгары, сербы и остальные славяне, у которых язык сельских жителей органично становился языком всего народа. Это чисто российская проблема: как сочетать финский язык селян со славянским языком государства.

В итоге российские лингвисты XVIII века разорвали «пуповину» многовековой связи языка Москвы с болгарским языком, который они дружно нашли «чуждым», «вычурным в условиях России», «тормозившим становление литературного российского языка». И, отвергнув болгарский язык, припали к народному языку («москов-

> «Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

> «Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...
>
> Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910—20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

* «Наука и жизнь», 2006, № 3.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефолий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

•○•

Все сказанное чрезвычайно экзотично для беларуского этноса. Такой восточной экзотики в Литве (Беларуси) никогда не было, ибо она никогда не была частью Орды.

Мода женщин Московии красить лица, выбривать голову детям, оставляя «только с обеих сторон длинные свисающие локоны», мода девушек на непомерно высокие каблуки — все это взято из Казанского и Астраханского ханств Орды. Оттуда московиты переняли все это, как и прочее ордынское, в том числе кафтаны, непомерные рукава, диковинные головные уборы. Называть ордынское «русским» — язык не поворачивается, но именно так делают все российские историки и этнографы, именуя сию экзотику «русской».

Литвины не носили лаптей, национальной обуви финских крестьян, предков русских. В музее «Берестье» (Брест) представлено более ста образцов обуви древних беларусов X–XI веков — вся она кожаная, включая обувь для младенцев, нет ни одного лаптя. Загнутые носы на сапогах московитов — тоже «диковинка» для беларусов, ибо по восточному обычаю носы сапог загибали, боясь случайно задеть носом землю — чтобы не беспокоить прах усопших родственников.

Даже простое сравнение средневековых изображений литвинов и московитов показывает, что представители этих народов (крестьяне, горожане, дворяне) имели совершенно разную одежду, обувь, головные уборы, прически.

Между прочим, очень многие названия традиционной одежды русских являются чисто тюркскими. Для ученых это общеизвестный факт, хотя широкие массы читателей вряд ли что-то знают на сей счет. Чтобы не быть голословным, приведу несколько таких названий: азям, армяк, башлык, башмак, доха, епанча, зипун, кафтан, кокошник, колпак, кушак, охабень, сапог, сарафан, сорочка, сукман, тулуп, ферязь, халат, чекмень, шуба, юбка. Более того, как верно отмечает А.А. Бушков, во всех без исключения случаях «заимствовалось» не просто название, но и сам вид одежды!

Так что не случайно российские авторы, основываясь на старинных представлениях и обычаях своей нации, видят истинную Русь (Киевскую) чем-то безгранично далеким от Московии. Однако при этом именно себя они называют «русскими», свою страну — «Русью», а истинную Русь (Киевскую землю) — окраиной (Украиной) и жителей ее «окраинцами» (украинцами). Ну, еще бы! Ведь Москва, по их представлениям, с XV века является «Третьим Римом», то есть, главным центром цивилизованного человечества.

•○•

Итак, принципиальные различия в укладе жизни и традициях определяются разным этническим происхождением беларусов

кто строил фразы, используя вместо славянской лексики финскую или тюркскую.

Проблема такого «двуязычия» из-за отсутствия в России народной славянской основы всегда преследовала создателей литературного русского языка. Сначала он назывался московским, затем российским. Однако после захвата Россией в 1772–1795 годах ВКЛ и Западной Украины пришлось его менять на «великорусское наречие русского языка».

Именно так русский язык фигурировал в 1840-е годы в названии словаря Владимира Даля: «Толковый словарь великорусского наречия русского языка». Даль разделял русский язык на три наречия — беларуское, украинское и российское. Но позже российские лингвисты специально изменили это название на «Толковый словарь живого русского языка», хотя труд под таким названием Даль в типографию никогда не сдавал.

В 1778 году в Москве была напечатана брошюра писателя и лингвиста Федора Григорьевича Карина «Письмо о преобразителях российского языка». Он писал:

> «Ужасная разность между нашим языком /повсюду в своей работе он называет его «московским наречием» — *В.Д.*/ и славянским часто пресекает у нас способы изъясняться на нем с тою вольностию, которая одна оживляет красноречие и которая приобретается не иным чем, как ежедневным разговором...
>
> Как искусный садовник молодым прививком обновляет старое дерево, очищая засохлые на нем лозы и тернии, при корени его растущие, так великие писатели поступили в преображении нашего языка, который сам по себе был беден, а подделанный к славянскому сделался уже безобразен».

«Беден» и «безобразен» — это сильно расходится с будущей его оценкой как «великого и могучего». Оправданием может служить лишь тот факт, что Пушкин еще не родился и не приступил к совершенствованию молодого языка («эсперанто»), только что созданного экспериментами Прокоповича — Ломоносова — Сумарокова.

Опять-таки, подобной проблемы никогда не знали беларусы, украинцы, поляки, чехи, болгары, сербы и остальные славяне, у которых язык сельских жителей органично становился языком всего народа. Это чисто российская проблема: как сочетать финский язык селян со славянским языком государства.

В итоге российские лингвисты XVIII века разорвали «пуповину» многовековой связи языка Москвы с болгарским языком, который они дружно нашли «чуждым», «вычурным в условиях России», «тормозившим становление литературного российского языка». И, отвергнув болгарский язык, припали к народному языку («москов-

•○•

Все сказанное чрезвычайно экзотично для беларуского этноса. Такой восточной экзотики в Литве (Беларуси) никогда не было, ибо она никогда не была частью Орды.

Мода женщин Московии красить лица, выбривать голову детям, оставляя «только с обеих сторон длинные свисающие локоны», мода девушек на непомерно высокие каблуки — все это взято из Казанского и Астраханского ханств Орды. Оттуда московиты переняли все это, как и прочее ордынское, в том числе кафтаны, непомерные рукава, диковинные головные уборы. Называть ордынское «русским» — язык не поворачивается, но именно так делают все российские историки и этнографы, именуя сию экзотику «русской».

Литвины не носили лаптей, национальной обуви финских крестьян, предков русских. В музее «Берестье» (Брест) представлено более ста образцов обуви древних беларусов X–XI веков — вся она кожаная, включая обувь для младенцев, нет ни одного лаптя. Загнутые носы на сапогах московитов — тоже «диковинка» для беларусов, ибо по восточному обычаю носы сапог загибали, боясь случайно задеть носом землю — чтобы не беспокоить прах усопших родственников.

Даже простое сравнение средневековых изображений литвинов и московитов показывает, что представители этих народов (крестьяне, горожане, дворяне) имели совершенно разную одежду, обувь, головные уборы, прически.

Между прочим, очень многие названия традиционной одежды русских являются чисто тюркскими. Для ученых это общеизвестный факт, хотя широкие массы читателей вряд ли что-то знают на сей счет. Чтобы не быть голословным, приведу несколько таких названий: азям, армяк, башлык, башмак, доха, епанча, зипун, кафтан, кокошник, колпак, кушак, охабень, сапог, сарафан, сорочка, сукман, тулуп, ферязь, халат, чекмень, шуба, юбка. Более того, как верно отмечает А.А. Бушков, во всех без исключения случаях «заимствовалось» не просто название, но и сам вид одежды!

Так что не случайно российские авторы, основываясь на старинных представлениях и обычаях своей нации, видят истинную Русь (Киевскую) чем-то безгранично далеким от Московии. Однако при этом именно себя они называют «русскими», свою страну — «Русью», а истинную Русь (Киевскую землю) — окраиной (Украиной) и жителей ее «окраинцами» (украинцами). Ну, еще бы! Ведь Москва, по их представлениям, с XV века является «Третьим Римом», то есть, главным центром цивилизованного человечества.

•○•

Итак, принципиальные различия в укладе жизни и традициях определяются разным этническим происхождением беларусов

Называть «схожими до степени братства» абсолютно разные по содержанию МАШИНЫ воспроизводства генофонда просто нелепо. У беларусов — генофонд и антропология сплава западных балтов и славян, у русских — генофонд и антропология сплава финнов и тюрок.

Дополняют картину современные исследования беларуских ученых, изучавших антропологию и генетику беларусов. В 2005 году, одновременно с завершением работы российских ученых по изучению русского генофонда, в Беларуси были опубликованы результаты аналогичного исследования. Это книга А.И. Микулича «Беларусы в генетическом пространстве: Антропология этноса». Вот отрывки из рецензии Дмитрия Санько на нее (в переводе В. Деружинского):

«Монография подводит итоги более чем 30-летним экспедиционным исследованиям, проведенным известным антропогенетиком Алексеем Микуличем в Республике Беларусь и на смежных территориях стран-соседей — Российской Федерации, Республики Летува, Украины. Объектом их было, прежде всего, сельское население как носитель наиболее характерных генетических и конституционных особенностей популяций. Изучением было охвачено около 120 избранных групп. Они формировались из тех представителей, которые имеют предков местного происхождения до 4—5 колена.

Исследование генофонда коренных местных популяций показало целостность беларуского этноса, его гомеостаз /устойчивость — *В.Д.*/ во времени и пространстве, а также очевидность геногеографического компонента в этнической истории.

На карте генетической отдаленности от средних беларуских частот генов в населении Восточной Европы, созданной на основе значений ДНК-маркеров, ясно видна особенность генофонда беларусов, к которым примыкают коренные жители Псковщины, Новгородчины, Смоленщины, Брянщины, Виленского края и Украинского Полесья. Компактный ареал беларуского генофонда на этой карте в общих чертах соответствует сфере расселения беларусов в исторической ретроспективе...

Известно, что «европеизация» российского населения остановилась под татаро-монгольским нашествием. Изучение генофонда беларусов практически не показало присутствия в нем примет монгольской расы. Это подтверждает исторические свидетельства о том, что Беларусь не знала татаро-монгольского ига. Интересно также отметить, что общая тенденция изменчивости в границах беларуского ареала имеет меридиональное направление /Запад — Восток — *В.Д.*/, в то время как для российского ареала ее направление перпендикулярно — широтное /Север — Юг — *В.Д.*/.

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

«А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Ланe и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

«Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

алфавит? Никакого. А ведь поляки — братья-славяне и соседи навсегда, тогда как с неславянской Грецией Беларусь не граничит и ничего общего с греками беларусы не имеют. Выбор между греческим и латинским алфавитами лишен политического подтекста.

Зато такой подтекст всегда присутствует в демагогических заявлениях российских идеологов и парламентариев, склонных ужасаться «отходу от России» по любому поводу, ибо в их представлениях Москва — «третий Рим», своего рода мистический центр, вокруг которого «обязано» группироваться все «прогрессивное человечество».

Когда большевики захватили власть в Российской империи, комиссары от просвещения осуществили реформу «великорусского» языка. Во-первых, его переименовали в просто «русский», дабы удалить имперское» «велико», а заодно превратили великороссов в русских. Между тем, нет в русском языке такого обычая, чтобы название национальности было прилагательным (хотя чего требовать от авторов новшества Троцкого и Свердлова, евреев, слабо разбиравшихся в тонкостях русского языка). Во-вторых, Троцкий и Свердлов утвердили «новый гражданский алфавит»: отменили букву «ять» и ряд других букв, одобрили изменение грамматических правил.

А в-третьих, мало кто помнит о том, что Лейба Бронштейн (он же Лев Троцкий) настаивал на переводе русского языка на латинский алфавит— «в целях мировой революции». Эту идею не приняли потому, что ни Сумароков, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Толстой на латинице не писали. Напротив, беларуские хронисты, поэты и писатели вплоть до начала XX века создавали свои произведения на беларуской латинице...

Кирилл и Мефодий умерли, соответственно, в 869 и 885 годах, задолго до принятия Киевом христианства (988 год), Москва в их времена еще не существовала в природе, Новгород только-только появился в виде маленькой крепости. Они создали в Моравии квазигреческий алфавит для чехов, а не для языческой Киевской Руси.

Кирилл потому и не поехал в земли нынешних Украины и России «обращать славян в православие», что никаких славян там еще не было. Некому было давать «славянский алфавит на основе греческого». Киев тогда не был славянским, он «дружил» с Хазарией, в нем жили сарматы (предки украинцев) и иудеи, поскольку сарматские князья Киева были тогда породнены с тюркскими князьями Хазарии, исповедавшими иудаизм. Они тоже исповедали иудаизм, так что Киев был тогда «городом синагог» и языческих капищ*. Чего же было Кириллу ехать в Киев к язычникам и иудеям?

---

* К сведению русских и украинских «ура-патриотов», возмущенных «очередной исторической выдумкой»: эта тема всесторонне исследована в израильском научно-популярном телесериале о Хазарии как «еще одной прародине израильтян». Имеются также солидные научные труды по данному вопросу. — *Прим. Ред.*

священникам русов Полабья, так как их арианские общины держались обособленно от остальных христиан Европы.

Многое говорит о том, что древние жители беларуской земли исповедовали именно арианство. Так, рассказывая о Реформации на территории Беларуси, Ластовский отметил:

> «В это самое время мозырский земский судья Степан Лаван распространял вместе с Будным и Матавилой социанизм и арианизм... Каждая из этих новых религиозных сект — а их было несколько десятков — имела своих широких сторонников и верующих».

Почему же оно широко распространилось во время Реформации в Беларуси, в отличие от Польши и Чехии? Видимо потому, что народ воспринимал арианство как еще не совсем забытую древнюю веру. Однако надо согласиться с мнением Ластовского: древние истоки беларуского христианства остаются загадкой. Главная причина — уничтожение вандалом Иваном Грозным в 1563 году, во время оккупации московитами Полоцка, библиотеки при храме Святой Софии, где были собраны почти все древние беларуские летописи. В том числе сгорела «Летопись Кривичанско-Полоцкой земли».

Напомню читателям, что первоначально христианская церковь была единой. Но в 867 году, вследствие конфликта между константинопольским патриархом Фотием и римским папой Николаем I, между ними произошел разрыв. Позже (в X веке) удалось достичь формального единства, хотя в административном плане церковь уже фактически разделилась на две части.

Западная (Римская) повсеместно использовала латынь в качестве языка богослужения, священных книг и документации, а восточная (Византийская) — греческий язык. Кроме того, постепенно усиливались разногласия по вопросам догматики и культа. Однако обе они являются апостольскими, так как святой дух передается непосредственно от апостолов — прямых учеников и наследников Иисуса Христа.

Летом 1054 года случился новый разрыв, на этот раз между константинопольским патриархом Керуларием и легатом римской курии Гумбертом (в тот момент еще не был избран преемник умершего папы Льва IX). Чаще всего разделение церквей связывают именно с этой датой. Но окончательно раскол (по-гречески «схизма») произошел только в 1204 году, в связи с разграблением Константинополя участниками 4-го крестового похода, организованного римским папой Иннокентием III.

Постепенно за восточной церковью (Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский патриархаты,

алфавит? Никакого. А ведь поляки — братья-славяне и соседи навсегда, тогда как с неславянской Грецией Беларусь не граничит и ничего общего с греками беларусы не имеют. Выбор между греческим и латинским алфавитами лишен политического подтекста.

Зато такой подтекст всегда присутствует в демагогических заявлениях российских идеологов и парламентариев, склонных ужасаться «отходу от России» по любому поводу, ибо в их представлениях Москва — «третий Рим», своего рода мистический центр, вокруг которого «обязано» группироваться все «прогрессивное человечество».

Когда большевики захватили власть в Российской империи, комиссары от просвещения осуществили реформу «великорусского» языка. Во-первых, его переименовали в просто «русский», дабы удалить имперское» «велико», а заодно превратили великороссов в русских. Между тем, нет в русском языке такого обычая, чтобы название национальности было прилагательным (хотя чего требовать от авторов новшества Троцкого и Свердлова, евреев, слабо разбиравшихся в тонкостях русского языка). Во-вторых, Троцкий и Свердлов утвердили «новый гражданский алфавит»: отменили букву «ять» и ряд других букв, одобрили изменение грамматических правил.

А в-третьих, мало кто помнит о том, что Лейба Бронштейн (он же Лев Троцкий) настаивал на переводе русского языка на латинский алфавит– «в целях мировой революции». Эту идею не приняли потому, что ни Сумароков, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Толстой на латинице не писали. Напротив, беларуские хронисты, поэты и писатели вплоть до начала XX века создавали свои произведения на беларуской латинице...

Кирилл и Мефодий умерли, соответственно, в 869 и 885 годах, задолго до принятия Киевом христианства (988 год), Москва в их времена еще не существовала в природе, Новгород только-только появился в виде маленькой крепости. Они создали в Моравии квазигреческий алфавит для чехов, а не для языческой Киевской Руси.

Кирилл потому и не поехал в земли нынешних Украины и России «обращать славян в православие», что никаких славян там еще не было. Некому было давать «славянский алфавит на основе греческого». Киев тогда не был славянским, он «дружил» с Хазарией, в нем жили сарматы (предки украинцев) и иудеи, поскольку сарматские князья Киева были тогда породнены с тюркскими князьями Хазарии, исповедавшими иудаизм. Они тоже исповедали иудаизм, так что Киев был тогда «городом синагог» и языческих капищ*. Чего же было Кириллу ехать в Киев к язычникам и иудеям?

---

* К сведению русских и украинских «ура-патриотов», возмущенных «очередной исторической выдумкой»: эта тема всесторонне исследована в израильском научно-популярном телесериале о Хазарии как «еще одной прародине израильтян». Имеются также солидные научные труды по данному вопросу. — *Прим. Ред.*

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

церковь освободили от уплаты налогов, наделили привилегиями, ее владения объявили неприкосновенными.

Вот эту церковь татары и принесли с собой во Владимиро-Суздальские земли — «сердце» будущего Московского государства. Под влиянием захватчиков священники греко-болгарских церквей, монахи монастырей, существовавших здесь в то время, очень быстро превратились в несториан. Но при этом они продолжали именовать себя «православными», сохраняли связи с Киевской митрополией и с Константинопольским патриархатом!

На протяжении 240 лет (1238–1480) церковь Московского государства была единой с церковью Золотой Орды не только в идейном отношении, но и организационно. Так утверждает Мурад Аджи (Аджиев), известный исследователь ордынского периода истории Московии*. За всю историю Орды в ней никогда не было гражданских войн на почве религиозных конфликтов — только борьба за светскую власть. На это обстоятельство обращали внимание многие российские историки. Например, Лев Гумилев писал, что отсутствие таких конфликтов в Орде свидетельствует об унифицированном вероисповедании ее народов вплоть до начала XVI века.

В 1261 году в столице Орды — Сарае, была учреждена Сарайская митрополия, которой подчинились все православные епископии в захваченных татарами землях. Около 1322 гола митрополит Петр перенес ее в Москву.

Московиты переняли от ордынских несториан традицию считать своего правителя Богом на Земле. Великие ханы требовали изображать их на церковных фресках наравне с Христом, затем и московские правители, следуя этой моде, давали такие же указания. В храмах Московии появились изображения «живых богов»: Ивана III, Василия III, Ивана IV, Бориса Годунова, нарисованные рядом с Христом. При Романовых старые росписи в храмах сбили, главным образом из-за стремления убрать с них Годунова, но сохранилась суть идеи: правитель — БОГ для своих подданных.

Московские князья и цари потому и стремились непременно обратить покоренные народы в свою веру, что тем самым они делали их рабами не только административно, но и духовно. Вот главная причина, по которой Иван IV и Алексей Михайлович уничтожали «иноверцев», в том числе православных священников Киевской митрополии (например, в Новгороде и Пскове) и униатов. Только свою собственную церковь, ордынскую по духу, московиты считали «истинной», хотя всё исконно византийское (греческое) исчезло в ней еще в XIII веке.

---

* См. книгу Аджиева «Тюрки и мир: Сокровенная история» (2004 г.), и другие его работы.

священникам русов Полабья, так как их арианские общины держались обособленно от остальных христиан Европы.

Многое говорит о том, что древние жители беларуской земли исповедовали именно арианство. Так, рассказывая о Реформации на территории Беларуси, Ластовский отметил:

> «В это самое время мозырский земский судья Степан Лаван распространял вместе с Будным и Матавилой социанизм и арианизм... Каждая из этих новых религиозных сект — а их было несколько десятков — имела своих широких сторонников и верующих».

Почему же оно широко распространилось во время Реформации в Беларуси, в отличие от Польши и Чехии? Видимо потому, что народ воспринимал арианство как еще не совсем забытую древнюю веру. Однако надо согласиться с мнением Ластовского: древние истоки беларуского христианства остаются загадкой. Главная причина — уничтожение вандалом Иваном Грозным в 1563 году, во время оккупации московитами Полоцка, библиотеки при храме Святой Софии, где были собраны почти все древние беларуские летописи. В том числе сгорела «Летопись Кривичанско-Полоцкой земли».

Напомню читателям, что первоначально христианская церковь была единой. Но в 867 году, вследствие конфликта между константинопольским патриархом Фотием и римским папой Николаем I, между ними произошел разрыв. Позже (в X веке) удалось достичь формального единства, хотя в административном плане церковь уже фактически разделилась на две части.

Западная (Римская) повсеместно использовала латынь в качестве языка богослужения, священных книг и документации, а восточная (Византийская) — греческий язык. Кроме того, постепенно усиливались разногласия по вопросам догматики и культа. Однако обе они являются апостольскими, так как святой дух передается непосредственно от апостолов — прямых учеников и наследников Иисуса Христа.

Летом 1054 года случился новый разрыв, на этот раз между константинопольским патриархом Керуларием и легатом римской курии Гумбертом (в тот момент еще не был избран преемник умершего папы Льва IX). Чаще всего разделение церквей связывают именно с этой датой. Но окончательно раскол (по-гречески «схизма») произошел только в 1204 году, в связи с разграблением Константинополя участниками 4-го крестового похода, организованного римским папой Иннокентием III.

Постепенно за восточной церковью (Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский патриархаты,

«Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

«Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...

Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910—20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

---

* «Наука и жизнь», 2006, № 3.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

родня, подавая в 1619 году челобитную Ксении Ивановне, матери царя Михаила Романова, платила толмачу за перевод с финского костромского наречия на «государев» язык (т.е. на славянский «койне» знати). Забавно, что сегодня мордовская Кострома считается в России как бы «эталоном русскости» (даже рок-группа есть, поющая старинные мордовские песни, переведенные на русский язык, с типично финским завыванием женщин, выдаваемым за «славянское»). Но всего два столетия назад никто в Костромском крае по-русски не говорил.

Тот факт, что Московская церковь вещала на староболгарском языке (а дьяки писали на нем грамоты и прочие документы), в этом плане ничего не значит, так как вся Европа тогда в соборах говорила на латыни и вела делопроизводство на латинском языке, хотя ни один народ на этом языке уже давно не говорил. Напомню заодно, что после Люблинской унии 1569 года, когда беларусы создали вместе с поляками конфедеративное государство — Республику (по-польски Речь Посполитую), ВКЛ сохранило своим государственным языком литвинский (то есть, беларуский), а Польша ввела в качестве государственного латинский язык. Но это вовсе не значит, что народный язык поляков — латынь. Точно так же русский язык не был народным в Московии вплоть до того сравнительно недавнего времени, когда российские деревни его наконец выучили.

Вот еще пример: по сей день во многих деревнях Смоленской, Курской и Брянской областей, входивших когда-то в состав ВКЛ, никто не «окает» на финский манер (как в Рязани или Костроме), а говорят на том же языке, на котором говорят селяне Витебщины и Минщины. Любой лингвист мог бы сделать вывод, что в этих областях живет беларуское население. Но, исполняя политический заказ, российские лингвисты относят их население к тем «окающим» восточным соседям, которые во времена Лудольфа знали всего лишь 41 славянское слово, да и то не во всех деревнях.

Улуханов пишет, что, говоря о существовании у московитов двух языков — славянского (церковного болгарского) и московитского, Лудольф сообщил в «Грамматике языка московитов» следующую подробность:

> «Чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи».

Что же это за «славянский язык», если людей смешит употребление славянских слов вместо финских и тюркских? Такого никогда не было в Литве (Беларуси). Наоборот, здесь никто не понял бы того,

Святого Петра и подлинный наместник Иисуса Христа, глава всей Церкви, отец и наставник христиан и что Иисус Христос дал ему в лице Святого Петра полную власть пасти, учить и руководить Святой Церковью, как это установлено в актах Вселенских Соборов и в святых канонах».

Была установлена вполне определенная церковная иерархия: выше всех находится папа Римский, после него — патриарх Константинопольский, на третьем месте — патриарх Александрийский, на четвертом — Антиохийский, на пятом — Иерусалимский патриарх.

Поставил свою подпись под этим документом и московский митрополит Исидор, грек по происхождению. Однако после возвращения в Москву в 1441 году великий князь Василий II приказал заключить его в московский Чудов монастырь как «латинского злого прелестника».

Взамен Исидора, по прямому указанию Василия, собор епископов московской митрополии в 1448 году самостоятельно избрал Иону, епископа Рязанского и Муромского, митрополитом Московским и всея Руси (то есть, с претензией и на Киевскую митрополию). А через пять лет, когда Константинополь захватили турки-сельджуки, Москва официально объявила себя «Третьим Римом».

Принципиальной особенностью этого «Третьего Рима» являлось то, что его процветание зависело не от внутреннего экономического развития, а от непрерывной военной экспансии. Как известно, вся история Московии, затем Российской империи, является историей систематического захвата и ограбления все новых и новых территорий.

Итак, в 1589 году московская митрополия сама себя объявила патриархией, причем не только в пределах Московского государства, но и по отношению к православной церкви Киева. Рассматривая этот вопрос, беларуский историк, профессор Л.М. Лыч пишет:

«Нескрываемые претензии Московской патриархии на право распоряжаться Православной церковью Беларуси следует рассматривать в качестве одной из главных причин того, что многие ее высшие духовные иерархи закономерно увидели в унии надежное средство освобождения себя и своего народа от столь нежелательной зависимости».

Были и другие факторы, способствовавшие заключению унии, которые я не рассматриваю. Но этот — главный.

Православные беларуские священники хорошо помнили, что вовсе не поляки разрушили Святую Софию в Полоцке — их главный храм, а московиты. Они понимали, что самый страшный враг Киев-

к народному языку России (как уже сказано, отнюдь не славянскому, а славяно-финскому койне, с большим тюркским влиянием) и древнему болгарскому (он же «церковно-славянский»).

В качестве третьего языка можно указать современный литературный русский язык, — искусственное кабинетное изобретение, своего рода «эсперанто» на основе двух указанных выше источников (на этом «эсперанто» написана данная статья, а вы ее читаете).

Почему нынешний русский язык больше похож на болгарский язык, чем на беларуский и украинский? (Хотя в одну языковую группу с русским относят почему-то именно их, а не болгарский и не сербский.) Это кажется странным, ведь Россия не граничит с Болгарией, но соседка с Беларусью и Украиной, в чьих исконных языках нет болгарского влияния, а если его иногда находят сегодня, то оно привнесено в более поздние времена русскими завоевателями.

В том-то и дело, что в Московии коренных славян никогда не было (кроме немногочисленных выходцев из Киевской земли в XII–XIV веках). Поэтому усвоение туземцами Московии славянского языка шло через религию, которая опиралась на болгарские тексты. Туземцы Владимира, Суздаля, Москвы, Костромы, Тулы, Рязани, Мурома, Вятки и прочих финских земель усваивали славянский язык через болгарский язык церковных книг. Именно потому небольшое славянское содержание «базы» русского языка (около 30–35% лексики) является общим болгарскому языку.

В Беларуси и Украине ситуация была иной: здесь местное население (балто-славянское в Беларуси, сармато-славянское в Украине) само выработало свои славянские говоры, которые не позволили внедряться болгарской лексике из православных книг.

Есть три факта, которые прячут все российские лингвисты, хотя шила в мешке все равно не утаить. Они таковы:

1) до начала XVIII века язык Московии никто в Европе не называл русским, а только московским, или московитским;

2) русским языком до той поры называли украинский язык;

3) московитский язык до XVIII века европейские лингвисты (в том числе из славянских стран) относили к финским говорам.

Конечно, сегодня все уже не так: власти Российской империи оказали огромное влияние на лингвистическую науку, поставив ей задачу придания московскому языку «славянского статуса». Реформа московского языка, осуществленная в XVIII веке Ф. Прокоповичем, М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым ставила целью именно усиление его слабых славянских черт. Однако даже через сто с лишним лет после Ломоносова, умершего в 1765 году, известный польский славист Ежи Лещинский заявлял:

повская разъясняет, что не надо верить мифам. Следует вспомнить, что раньше эти территории действительно были исконно финскими:

«Термин «исконный» русский ареал мы всегда берем в кавычки, помня, что история дославянского населения на этой территории НА ПОРЯДОК дольше славянского. Генетическая память пронизывает все слои генофонда, все напластования, пришедшие от разных обитателей Восточной Европы. Поэтому, анализируя «исконный» ареал, мы никогда не говорим об «исконно» русском генофонде, об «исконно» русских генах. Авторы считают, что их просто нет.

Есть генофонд, раскинувшийся в этом ареале и вобравший в себя (как и все другие генофонды) гены многих популяций, оставивших в ходе многих тысячелетий свой генетический след. И любая привязка гена к народу неверна — это разные системы координат. Принадлежность к народу определяется самосознанием человека. Генофонд определяется концентрацией генов в исторически определенном ареале. Поэтому, говоря «русский генофонд», мы имеем в виду все гены, собранные ходом истории в «исконном» русском ареале и запечатленные в нем».

Итак, концепция о «едином происхождении восточных славян» (русских, украинцев, беларусов) — ныне уже разоблаченный миф. Никаких «восточных славян» нет. Генетически и антропологически русские — это финны (усвоившие язык славянского типа, принявшие православие). На картах, составленных генетиками, влияние русского генофонда еще ощутимо в Витебской и Могилевской областях, но далее в Центральной и Западной Беларуси (исторической Литве) его уже нет, генетически там ближайший сосед — польская Мазовия (Мазова).

Все это навсегда поставило точку в придуманной царизмом лжи о «едином происхождении беларусов и русских». Генетически и антропологически — это два разных этноса, более того — это разные этнические группы, ибо беларусы — индоевропейцы, а русские — нет*.

---

* Итак, точная наука генетика доказала, что русские, беларусы и украинцы вовсе не «родные братья-славяне». Они даже не двоюродные! Славянами являются только беларусы и украинцы. Кто действительно «прямая родня» русским, так это вепсы, коми-зыряне, марийцы, мордвины, тогда как современные финны и эстонцы им двоюродные братья.

Подобные заявления русскому человеку кажутся шокирующими, достаточно вспомнить популярные в России анекдоты о «горячих эстонских парнях». Поэтому выводы генетиков будут усваиваться очень медленно, ибо они опровергают ВСЕ традиционные представления на этот счет. Принципиально новую концепцию требуется не столько понять (с этим дело обстоит достаточно просто), сколько принять. Другими словами, к ней надо привыкнуть. — *Прим. Ред.*

данные генетики (которая, в отличие от истории — точная наука) утверждают: беларусы — это славянизированные западные балты, а русские — это славянизированные финны.

Руководитель исследования, доктор медицинских наук Е.В. Балановская отметила:

«Пришлось рассмотреть данные многих систем — антропологии (соматологии, дерматоглифики, одонтологии), классической генетики (группы крови, белки крови), тысяч фамилий, данные по разным системам ДНК маркеров (аутосомных, Y-хромосомы, митохондриальной ДНК).

...Мы собрали воедино два огромных массива информации о русском народе, накопленные за многие десятилетия антропологией и генетикой. Мы провели два новых исследования — ДНК и фамилий. И придумали способ, как сравнить эти четыре столь разных системы признаков — антропологии, классической генетики, молекулярной генетики, фамилий. Мы строили компьютерные геногеографические карты для каждого признака.

Например, для антропологии — карту роста бороды; для классической генетики — карты встречаемости генов групп крови; для молекулярной генетики — карту гена устойчивости к СПИДу; для фамилий — карту встречаемости Ивановых во всех частях русского ареала. Четыре столь разных системы, и в каждой — много признаков. Для каждого создана карта. А затем получили «обобщенные» карты для каждой системы признаков. И после этого впервые могли сравнить все данные о русском генофонде...

Наше «открытие» в том, что совершенно разные науки и признаки — антропология, генетика, фамилии — полностью согласны друг с другом и, дополняя друг друга, рисуют общий портрет русского генофонда. Причем русский генофонд здесь, к счастью, не одинок. Еще до изучения русского генофонда мы сделали аналогичный набросок портрета генофонда народов Восточной Европы, включая в него и народы «ближнего зарубежья» (от Черного моря до Балтики), и Кавказа, и Приуралья. И обнаружили вновь единогласие свидетелей! Хотя портрет генофонда народов Восточной Европы оказался совершенно иным — волны генофонда следовали в Восточной Европе не по оси «север — юг», как в русском генофонде, а по оси «запад — восток».

Поэтому и для русского генофонда — занимающего огромную часть Восточной Европы — мы ожидали увидеть все ту же восточноевропейскую закономерность. Но нет! Русский генофонд обнаружил свое собственное строение, связанное с его собственной историей. Однако все генофонды в равной степени важны и интересны».

Результаты указанного исследования шокировали в России очень многих. Чтобы успокоить возмущенных несогласных сограждан (главным образом публицистов и некоторых историков), Е.В. Бала-

повская разъясняет, что не надо верить мифам. Следует вспомнить, что раньше эти территории действительно были исконно финскими:

«Термин «исконный» русский ареал мы всегда берем в кавычки, помня, что история дославянского населения на этой территории НА ПОРЯДОК дольше славянского. Генетическая память пронизывает все слои генофонда, все напластования, пришедшие от разных обитателей Восточной Европы. Поэтому, анализируя «исконный» ареал, мы никогда не говорим об «исконно» русском генофонде, об «исконно» русских генах. Авторы считают, что их просто нет.

Есть генофонд, раскинувшийся в этом ареале и вобравший в себя (как и все другие генофонды) гены многих популяций, оставивших в ходе многих тысячелетий свой генетический след. И любая привязка гена к народу неверна — это разные системы координат. Принадлежность к народу определяется самосознанием человека. Генофонд определяется концентрацией генов в исторически определенном ареале. Поэтому, говоря «русский генофонд», мы имеем в виду все гены, собранные ходом истории в «исконном» русском ареале и запечатленные в нем».

Итак, концепция о «едином происхождении восточных славян» (русских, украинцев, беларусов) — ныне уже разоблаченный миф. Никаких «восточных славян» нет. Генетически и антропологически русские — это финны (усвоившие язык славянского типа, принявшие православие). На картах, составленных генетиками, влияние русского генофонда еще ощутимо в Витебской и Могилевской областях, но далее в Центральной и Западной Беларуси (исторической Литве) его уже нет, генетически там ближайший сосед — польская Мазовия (Мазова).

Все это навсегда поставило точку в придуманной царизмом лжи о «едином происхождении беларусов и русских». Генетически и антропологически — это два разных этноса, более того — это разные этнические группы, ибо беларусы — индоевропейцы, а русские — нет*.

---

* Итак, точная наука генетика доказала, что русские, беларусы и украинцы вовсе не «родные братья-славяне». Они даже не двоюродные! Славянами являются только беларусы и украинцы. Кто действительно «прямая родня» русским, так это вепсы, коми-зыряне, марийцы, мордвины, тогда как современные финны и эстонцы им двоюродные братья.

Подобные заявления русскому человеку кажутся шокирующими, достаточно вспомнить популярные в России анекдоты о «горячих эстонских парнях». Поэтому выводы генетиков будут усваиваться очень медленно, ибо они опровергают ВСЕ традиционные представления на этот счет. Принципиально новую концепцию требуется не столько понять (с этим дело обстоит достаточно просто), сколько принять. Другими словами, к ней надо привыкнуть. — *Прим. Ред.*

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

то воюя со шведами, то воюя с пруссаками, то вмешиваясь во внутренние дела Речи Посполитой.

Вот достоверный факт. В 1705 году, во время Северной войны, российская армия стояла лагерем под Полоцком. Однажды пьяный царь Петр вместе с князем А.Д. Меншиковым и членами свиты забрел от нечего делать в храм Святой Софии, национальную святыню, восстановленную беларусами после разрушения ее Иваном IV.

Там он затеял спор с униатскими священниками о православии. Царю не понравилось, что они назвали московскую церковь схизматической, ведь ее святейший синод возглавлял сам монарх. Петр стал избивать духовных лиц тростью, Меншиков — кулаками. Затем царь вытащил саблю и зарубил викария Константина Зайковского. Свита убила еще трех беззащитных священников. Обагрив храм кровью порубленных жертв, пьяная компания Петра не угомонилась. Эти варвары утащили в свой лагерь архимандрита Якуба Кизиковского и всю ночь пытали старика, требуя сказать, где хранятся соборные сокровища. Ничего не добившись, утром они повесили его.

Это я к тому, что у беларусов и русских якобы «одна вера».

Согласно подсчетам профессора Л.М. Лыча, униаты составляли к 1795 году около 60% жителей ВКЛ (в основном, крестьяне), католики — до 24%, православные — около 6% (почти все они жили в восточной части ВКЛ), верующие других конфессий (иудеи, протестанты, мусульмане) — до 10%*.

Характеризуя историю Беларуси после 1795 года, Ластовский пишет, что поскольку свыше 80% беларусов были униатами, католиками или протестантами, а приверженцы московской веры составляли весьма скромное меньшинство, российские власти поставили задачу: полностью уничтожить беларуское (и украинское) униатство.

Для начала (в 1800 г.) они подчинили униатскую церковь специальной Римско-католической коллегии в Петербурге (с 1828 года — особой Униатской коллегии). А в 30-е годы царизм приступил к ликвидации унии. В 1835 году был создан специальный секретный Комитет по униатским делам. В него вошли три представителя от РПЦ, пять высших правительственных чиновников и только два униатских епископа. Уже по составу комитета можно судить о том, сколь большое значение придавал император Николай I плану ликвидации униатства.

---

* По официальным данным, на 1 января 2004 года в Республике Беларусь имелись 2862 общины верующих, в том числе 1290 — православных, 556 — евангелистских, 432 — католических, 299 — баптистских, 63 — адвентистов, 43 — иудейских, 27 — мусульманских, 26 — иеговистов, 13 — униатских, и т.д. Поэтому заявления типа «Беларусь — страна православных», не соответствуют реальности. Православные составляют только 45% от общего числа церковных приходов. Верующие беларусы-христиане — это и протестанты, и католики, и униаты. — *Прим. Ред.*

родня, подавая в 1619 году челобитную Ксении Ивановне, матери царя Михаила Романова, платила толмачу за перевод с финского костромского наречия на «государев» язык (т.е. на славянский «койне» знати). Забавно, что сегодня мордовская Кострома считается в России как бы «эталоном русскости» (даже рок-группа есть, поющая старинные мордовские песни, переведенные на русский язык, с типично финским завыванием женщин, выдаваемым за «славянское»). Но всего два столетия назад никто в Костромском крае по-русски не говорил.

Тот факт, что Московская церковь вещала на староболгарском языке (а дьяки писали на нем грамоты и прочие документы), в этом плане ничего не значит, так как вся Европа тогда в соборах говорила на латыни и вела делопроизводство на латинском языке, хотя ни один народ на этом языке уже давно не говорил. Напомню заодно, что после Люблинской унии 1569 года, когда беларусы создали вместе с поляками конфедеративное государство — Республику (по-польски Речь Посполитую), ВКЛ сохранило своим государственным языком литвинский (то есть, беларуский), а Польша ввела в качестве государственного латинский язык. Но это вовсе не значит, что народный язык поляков — латынь. Точно так же русский язык не был народным в Московии вплоть до того сравнительно недавнего времени, когда российские деревни его наконец выучили.

Вот еще пример: по сей день во многих деревнях Смоленской, Курской и Брянской областей, входивших когда-то в состав ВКЛ, никто не «окает» на финский манер (как в Рязани или Костроме), а говорят на том же языке, на котором говорят селяне Витебщины и Минщины. Любой лингвист мог бы сделать вывод, что в этих областях живет беларуское население. Но, исполняя политический заказ, российские лингвисты относят их население к тем «окающим» восточным соседям, которые во времена Лудольфа знали всего лишь 41 славянское слово, да и то не во всех деревнях.

Улуханов пишет, что, говоря о существовании у московитов двух языков — славянского (церковного болгарского) и московитского, Лудольф сообщил в «Грамматике языка московитов» следующую подробность:

> «Чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи».

Что же это за «славянский язык», если людей смешит употребление славянских слов вместо финских и тюркских? Такого никогда не было в Литве (Беларуси). Наоборот, здесь никто не понял бы того,

священникам русов Полабья, так как их арианские общины держались обособленно от остальных христиан Европы.

Многое говорит о том, что древние жители беларуской земли исповедовали именно арианство. Так, рассказывая о Реформации на территории Беларуси, Ластовский отметил:

> «В это самое время мозырский земский судья Степан Лаван распространял вместе с Будным и Матвилой социанизм и арианизм... Каждая из этих новых религиозных сект — а их было несколько десятков — имела своих широких сторонников и верующих».

Почему же оно широко распространилось во время Реформации в Беларуси, в отличие от Польши и Чехии? Видимо потому, что народ воспринимал арианство как еще не совсем забытую древнюю веру. Однако надо согласиться с мнением Ластовского: древние истоки беларуского христианства остаются загадкой. Главная причина — уничтожение вандалом Иваном Грозным в 1563 году, во время оккупации московитами Полоцка, библиотеки при храме Святой Софии, где были собраны почти все древние беларуские летописи. В том числе сгорела «Летопись Кривичанско-Полоцкой земли».

Напомню читателям, что первоначально христианская церковь была единой. Но в 867 году, вследствие конфликта между константинопольским патриархом Фотием и римским папой Николаем I, между ними произошел разрыв. Позже (в X веке) удалось достичь формального единства, хотя в административном плане церковь уже фактически разделилась на две части.

Западная (Римская) повсеместно использовала латынь в качестве языка богослужения, священных книг и документации, а восточная (Византийская) — греческий язык. Кроме того, постепенно усиливались разногласия по вопросам догматики и культа. Однако обе они являются апостольскими, так как святой дух передается непосредственно от апостолов — прямых учеников и наследников Иисуса Христа.

Летом 1054 года случился новый разрыв, на этот раз между константинопольским патриархом Керуларием и легатом римской курии Гумбертом (в тот момент еще не был избран преемник умершего папы Льва IX). Чаще всего разделение церквей связывают именно с этой датой. Но окончательно раскол (по-гречески «схизма») произошел только в 1204 году, в связи с разграблением Константинополя участниками 4-го крестового похода, организованного римским папой Иннокентием III.

Постепенно за восточной церковью (Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский патриархаты,

родня, подавая в 1619 году челобитную Ксении Ивановне, матери царя Михаила Романова, платила толмачу за перевод с финского костромского наречия на «государев» язык (т.е. на славянский «койне» знати). Забавно, что сегодня мордовская Кострома считается в России как бы «эталоном русскости» (даже рок-группа есть, поющая старинные мордовские песни, переведенные на русский язык, с типично финским завыванием женщин, выдаваемым за «славянское»). Но всего два столетия назад никто в Костромском крае по-русски не говорил.

Тот факт, что Московская церковь вещала на староболгарском языке (а дьяки писали на нем грамоты и прочие документы), в этом плане ничего не значит, так как вся Европа тогда в соборах говорила на латыни и вела делопроизводство на латинском языке, хотя ни один народ на этом языке уже давно не говорил. Напомню заодно, что после Люблинской унии 1569 года, когда беларусы создали вместе с поляками конфедеративное государство — Республику (по-польски Речь Посполитую), ВКЛ сохранило своим государственным языком литвинский (то есть, беларуский), а Польша ввела в качестве государственного латинский язык. Но это вовсе не значит, что народный язык поляков — латынь. Точно так же русский язык не был народным в Московии вплоть до того сравнительно недавнего времени, когда российские деревни его наконец выучили.

Вот еще пример: по сей день во многих деревнях Смоленской, Курской и Брянской областей, входивших когда-то в состав ВКЛ, никто не «окает» на финский манер (как в Рязани или Костроме), а говорят на том же языке, на котором говорят селяне Витебщины и Минщины. Любой лингвист мог бы сделать вывод, что в этих областях живет беларуское население. Но, исполняя политический заказ, российские лингвисты относят их население к тем «окающим» восточным соседям, которые во времена Лудольфа знали всего лишь 41 славянское слово, да и то не во всех деревнях.

Улуханов пишет, что, говоря о существовании у московитов двух языков — славянского (церковного болгарского) и московитского, Лудольф сообщил в «Грамматике языка московитов» следующую подробность:

> «Чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи».

Что же это за «славянский язык», если людей смешит употребление славянских слов вместо финских и тюркских? Такого никогда не было в Литве (Беларуси). Наоборот, здесь никто не понял бы того,

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

алфавит? Никакого. А ведь поляки — братья-славяне и соседи навсегда, тогда как с неславянской Грецией Беларусь не граничит и ничего общего с греками беларусы не имеют. Выбор между греческим и латинским алфавитами лишен политического подтекста.

Зато такой подтекст всегда присутствует в демагогических заявлениях российских идеологов и парламентариев, склонных ужасаться «отходу от России» по любому поводу, ибо в их представлениях Москва — «третий Рим», своего рода мистический центр, вокруг которого «обязано» группироваться все «прогрессивное человечество».

Когда большевики захватили власть в Российской империи, комиссары от просвещения осуществили реформу «великорусского» языка. Во-первых, его переименовали в просто «русский», дабы удалить имперское» «велико», а заодно превратили великороссов в русских. Между тем, нет в русском языке такого обычая, чтобы название национальности было прилагательным (хотя чего требовать от авторов новшества Троцкого и Свердлова, евреев, слабо разбиравшихся в тонкостях русского языка). Во-вторых, Троцкий и Свердлов утвердили «новый гражданский алфавит»: отменили букву «ять» и ряд других букв, одобрили изменение грамматических правил.

А в-третьих, мало кто помнит о том, что Лейба Бронштейн (он же Лев Троцкий) настаивал на переводе русского языка на латинский алфавит— «в целях мировой революции». Эту идею не приняли потому, что ни Сумароков, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Толстой на латинице не писали. Напротив, беларуские хронисты, поэты и писатели вплоть до начала XX века создавали свои произведения на беларуской латинице...

Кирилл и Мефодий умерли, соответственно, в 869 и 885 годах, задолго до принятия Киевом христианства (988 год), Москва в их времена еще не существовала в природе, Новгород только-только появился в виде маленькой крепости. Они создали в Моравии квазигреческий алфавит для чехов, а не для языческой Киевской Руси.

Кирилл потому и не поехал в земли нынешних Украины и России «обращать славян в православие», что никаких славян там еще не было. Некому было давать «славянский алфавит на основе греческого». Киев тогда не был славянским, он «дружил» с Хазарией, в нем жили сарматы (предки украинцев) и иудеи, поскольку сарматские князья Киева были тогда породнены с тюркскими князьями Хазарии, исповедавшими иудаизм. Они тоже исповедали иудаизм, так что Киев был тогда «городом синагог» и языческих капищ*. Чего же было Кириллу ехать в Киев к язычникам и иудеям?

---

* К сведению русских и украинских «ура-патриотов», возмущенных «очередной исторической выдумкой»: эта тема всесторонне исследована в израильском научно-популярном телесериале о Хазарии как «еще одной прародине израильтян». Имеются также солидные научные труды по данному вопросу. — *Прим. Ред.*

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

«Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

«Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...

Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910—20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

* «Наука и жизнь», 2006, № 3.

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

русский пытался организовать такое государство в форме казачества... Еще до сего дня в темной душе русского сектанта не умерло представление о каком-то сказочном «Опоньском царстве», оно существует где-то «на краю земли», и в нем люди живут безмятежно, не зная «антихристовой суеты»...

В русском крестьянине как бы еще не изжит инстинкт кочевника, он смотрит на труд пахаря как на проклятие Божье и болеет «охотой к перемене мест». У него почти отсутствует — во всяком случае, очень слабо развито — боевое желание укрепиться на избранной точке и влиять на окружающую среду в своих интересах»...

«Я думаю, что русскому народу исключительно — так же исключительно, как англичанину чувство юмора — свойственно чувство особенной жестокости, хладнокровной и как бы испытывающей пределы человеческого терпения к боли, как бы изучающей цепкость, стойкость жизни. В русской жестокости чувствуется дьявольская изощренность, в ней есть нечто тонкое, изысканное.

Это свойство едва ли можно объяснить словами «психоз», «садизм», словами, которые, в сущности, и вообще ничего не объясняют. Наследие алкоголизма? Не думаю, чтоб русский народ был отравлен ядом алкоголя более других народов Европы, хотя допустимо, что при плохом питании русского крестьянства яд алкоголя действует на психику сильнее в России, чем в других странах, где питание народа обильнее и разнообразнее. Можно допустить, что на развитие затейливой жестокости влияло чтение житий святых великомучеников, — любимое чтение грамотеев в глухих деревнях.

Если б факты жестокости являлись выражением извращенной психологии единиц — о них можно было не говорить, в этом случае они материал психиатра, а не бытописателя. Но я имею в виду только коллективные забавы муками человека...

Думаю, что нигде не бьют женщин так безжалостно и страшно, как в русской деревне, и, вероятно, ни в одной стране нет таких вот пословиц-советов: «Бей жену обухом, припади да понюхай — дышит? — морочит, еще хочет». «Жена дважды мила бывает: когда в дом ведут, да когда в могилу несут». «На бабу да на скотину суда нет». «Чем больше бабу бьешь, тем щи вкуснее». Сотни таких афоризмов, — в них заключена веками нажитая мудрость народа, — обращаются в деревне, эти советы слышат, на них воспитываются дети.

Детей бьют тоже очень усердно. Желая ознакомиться с характером преступности населения губерний Московского округа, я просмотрел «Отчеты Московской судебной палаты» за десять лет (1900–1910 гг.) и был подавлен количеством истязаний детей, а также и других форм преступлений против малолетних.

Вообще в России очень любят бить, все равно — кого. «Народная мудрость» считает битого человека весьма ценным: «За битого двух небитых дают, да и то не берут». Есть даже поговорки, которые счи-

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

алфавит? Никакого. А ведь поляки — братья-славяне и соседи навсегда, тогда как с неславянской Грецией Беларусь не граничит и ничего общего с греками беларусы не имеют. Выбор между греческим и латинским алфавитами лишен политического подтекста.

Зато такой подтекст всегда присутствует в демагогических заявлениях российских идеологов и парламентариев, склонных ужасаться «отходу от России» по любому поводу, ибо в их представлениях Москва — «третий Рим», своего рода мистический центр, вокруг которого «обязано» группироваться все «прогрессивное человечество».

Когда большевики захватили власть в Российской империи, комиссары от просвещения осуществили реформу «великорусского» языка. Во-первых, его переименовали в просто «русский», дабы удалить имперское» «велико», а заодно превратили великороссов в русских. Между тем, нет в русском языке такого обычая, чтобы название национальности было прилагательным (хотя чего требовать от авторов новшества Троцкого и Свердлова, евреев, слабо разбиравшихся в тонкостях русского языка). Во-вторых, Троцкий и Свердлов утвердили «новый гражданский алфавит»: отменили букву «ять» и ряд других букв, одобрили изменение грамматических правил.

А в-третьих, мало кто помнит о том, что Лейба Бронштейн (он же Лев Троцкий) настаивал на переводе русского языка на латинский алфавит– «в целях мировой революции». Эту идею не приняли потому, что ни Сумароков, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Толстой на латинице не писали. Напротив, беларуские хронисты, поэты и писатели вплоть до начала XX века создавали свои произведения на беларуской латинице...

Кирилл и Мефодий умерли, соответственно, в 869 и 885 годах, задолго до принятия Киевом христианства (988 год), Москва в их времена еще не существовала в природе, Новгород только-только появился в виде маленькой крепости. Они создали в Моравии квазигреческий алфавит для чехов, а не для языческой Киевской Руси.

Кирилл потому и не поехал в земли нынешних Украины и России «обращать славян в православие», что никаких славян там еще не было. Некому было давать «славянский алфавит на основе греческого». Киев тогда не был славянским, он «дружил» с Хазарией, в нем жили сарматы (предки украинцев) и иудеи, поскольку сарматские князья Киева были тогда породнены с тюркскими князьями Хазарии, исповедавшими иудаизм. Они тоже исповедали иудаизм, так что Киев был тогда «городом синагог» и языческих капищ*. Чего же было Кириллу ехать в Киев к язычникам и иудеям?

---

* К сведению русских и украинских «ура-патриотов», возмущенных «очередной исторической выдумкой»: эта тема всесторонне исследована в израильском научно-популярном телесериале о Хазарии как «еще одной прародине израильтян». Имеются также солидные научные труды по данному вопросу. — *Прим. Ред.*

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

его — всеобщее рабство (крестьян по отношению к помещикам, дворян по отношению к царю и т.д.), всплесками несогласия с которыми и является эта «лихость». То есть, бунтарство.

Часто употребляются как синонимы термины «национальный характер» и «ментальность». Однако различие между ними все же существует. Оно заключается в том, что ментальность представляет собой способ мышления (мировоззрение) определенной этнической общности, а национальный характер проявляется в таких психологических феноменах, как темперамент, эмоции, чувства, способы деятельности и поведения.

Иначе говоря, ментальность охватывает преимущественно сферу рационального мышления, установок и взглядов человека, тогда как национальный характер — область преимущественно бессознательных эмоционально-чувственных реакций, влечений и потребностей. В структуре национального характера различают четыре группы составных элементов:

Беларусы — крестьянская нация

а) национальный темперамент («возбудимый» или «спокойный»; например, южане обычно более возбудимые, чем северяне);

б) национальные эмоции (типа «восторженности» или «скептицизма»);

в) национальные чувства (например, «гордость» или «скромность»);

г) национальные предрассудки (например, русским присуще ощущение превосходства над другими нациями в Российской империи и СССР — пресловутый «комплекс старшего брата»).

Так, специальные этнопсихологические исследования показали, что 75% населения США составляют экстраверты (люди, ориентированные на внешнее окружение); в Англии экстраверты и интраверты представлены в равной пропорции, в ряде стран преобладают интроверты (люди, для которых главное значение имеют личные проблемы и потребности).

В Беларуси подобные исследования не проводились, но ряд косвенных данных позволяет отнести большинство населения Белару-

родня, подавая в 1619 году челобитную Ксении Ивановне, матери царя Михаила Романова, платила толмачу за перевод с финского костромского наречия на «государев» язык (т.е. на славянский «койне» знати). Забавно, что сегодня мордовская Кострома считается в России как бы «эталоном русскости» (даже рок-группа есть, поющая старинные мордовские песни, переведенные на русский язык, с типично финским завыванием женщин, выдаваемым за «славянское»). Но всего два столетия назад никто в Костромском крае по-русски не говорил.

Тот факт, что Московская церковь вещала на староболгарском языке (а дьяки писали на нем грамоты и прочие документы), в этом плане ничего не значит, так как вся Европа тогда в соборах говорила на латыни и вела делопроизводство на латинском языке, хотя ни один народ на этом языке уже давно не говорил. Напомню заодно, что после Люблинской унии 1569 года, когда беларусы создали вместе с поляками конфедеративное государство — Республику (по-польски Речь Посполитую), ВКЛ сохранило своим государственным языком литвинский (то есть, беларуский), а Польша ввела в качестве государственного латинский язык. Но это вовсе не значит, что народный язык поляков — латынь. Точно так же русский язык не был народным в Московии вплоть до того сравнительно недавнего времени, когда российские деревни его наконец выучили.

Вот еще пример: по сей день во многих деревнях Смоленской, Курской и Брянской областей, входивших когда-то в состав ВКЛ, никто не «окает» на финский манер (как в Рязани или Костроме), а говорят на том же языке, на котором говорят селяне Витебщины и Минщины. Любой лингвист мог бы сделать вывод, что в этих областях живет беларуское население. Но, исполняя политический заказ, российские лингвисты относят их население к тем «окающим» восточным соседям, которые во времена Лудольфа знали всего лишь 41 славянское слово, да и то не во всех деревнях.

Улуханов пишет, что, говоря о существовании у московитов двух языков — славянского (церковного болгарского) и московитского, Лудольф сообщил в «Грамматике языка московитов» следующую подробность:

> «Чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи».

Что же это за «славянский язык», если людей смешит употребление славянских слов вместо финских и тюркских? Такого никогда не было в Литве (Беларуси). Наоборот, здесь никто не понял бы того,

риканцам /и русским — *В.Д.*/ более присуща ориентация на современность и будущее».

«Поскольку жизнь беларусов всегда сильно зависела от природных явлений, от времен года или природно-сезонных циклов, им был свойствен так называемый «календарный модус» мышления... Существовало детальное распределение дней на благоприятные и неблагоприятные, тяжелые для работы, на постные и скоромные, счастливые и несчастливые, женские и мужские, наконец, на будние и праздничные дни. Так, во многих местах Беларуси благоприятными днями традиционно считались вторник и четверг, а неблагоприятными — понедельник и пятница... Мужскими днями обычно считали понедельник, вторник и четверг, а женскими — среду, пятницу, субботу и воскресенье...

Религиозность беларусов никогда не достигала степени фанатизма, не носила характера слепой всепоглощающей веры в Божью справедливость и всемогущество».

«В прошлом у беларусов сформировался уникальный менталитет, который в некоторых чертах сохранялся почти неизменным весь период исторического развития беларуского народа. Лишь в последние два — три столетия ментальность беларусов подверглась некоторым заметным изменениям... В XVII—XIX веках она была в определенной степени деформирована под влиянием неуклонного усиления процесса ассимиляции, денационализации (сначала в виде полонизации, а затем русификации). Правда, в те времена фактически только привилегированные слои общества воспринимали польский или русский способ мышления. Самое многочисленное социальное сообщество — беларуское крестьянство — все же смогло тогда сохранить свою традиционную национальную ментальность».

В психологии существует такое понятие, как акцентуация характера, означающее доминирование в его структуре каких-то отдельных черт. Психологи выделяют не менее 12 типов акцентуаций. Вот что пишет в этой связи Э. Дубенецкий:

«У беларусов сложились преимущественно дистимный и конформный типы характера, которые определяются недостаточной инициативностью, пассивностью, склонностью к депрессии, консерватизмом, чрезмерной зависимостью от воли и мыслей «вышестоящих», официальных авторитетов, определенным «комплексом неполноценности...

Поскольку любой национальный характер представляет собой совокупность различных (нередко прямо противоположных) психологических качеств, то с некоторой долей условности можно все черты беларусов разделить на две основные группы — «положительные» и «отрицательные»...

К первой группе относятся их толерантность (терпимость), сговорчивость, добродушие, благожелательность, гостеприимство, вы-

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

«А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Ланe и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

«Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

рикацам /и русским — *В.Д.*/ более присуща ориентация на современность и будущее».

«Поскольку жизнь беларусов всегда сильно зависела от природных явлений, от времен года или природно-сезонных циклов, им был свойствен так называемый «календарный модус» мышления... Существовало детальное распределение дней на благоприятные и неблагоприятные, тяжелые для работы, на постные и скоромные, счастливые и несчастливые, женские и мужские, наконец, на будние и праздничные дни. Так, во многих местах Беларуси благоприятными днями традиционно считались вторник и четверг, а неблагоприятными — понедельник и пятница... Мужскими днями обычно считали понедельник, вторник и четверг, а женскими — среду, пятницу, субботу и воскресенье...

Религиозность беларусов никогда не достигала степени фанатизма, не носила характера слепой всепоглощающей веры в Божью справедливость и всемогущество».

«В прошлом у беларусов сформировался уникальный менталитет, который в некоторых чертах сохранялся почти неизменным весь период исторического развития беларуского народа. Лишь в последние два — три столетия ментальность беларусов подверглась некоторым заметным изменениям... В XVII—XIX веках она была в определенной степени деформирована под влиянием неуклонного усиления процесса ассимиляции, денационализации (сначала в виде полонизации, а затем русификации). Правда, в те времена фактически только привилегированные слои общества воспринимали польский или русский способ мышления. Самое многочисленное социальное сообщество — беларуское крестьянство — все же смогло тогда сохранить свою традиционную национальную ментальность».

В психологии существует такое понятие, как акцентуация характера, означающее доминирование в его структуре каких-то отдельных черт. Психологи выделяют не менее 12 типов акцентуаций. Вот что пишет в этой связи Э. Дубенецкий:

«У беларусов сложились преимущественно дистимный и конформный типы характера, которые определяются недостаточной инициативностью, пассивностью, склонностью к депрессии, консерватизмом, чрезмерной зависимостью от воли и мыслей «вышестоящих», официальных авторитетов, определенным «комплексом неполноценности...

Поскольку любой национальный характер представляет собой совокупность различных (нередко прямо противоположных) психологических качеств, то с некоторой долей условности можно все черты беларусов разделить на две основные группы — «положительные» и «отрицательные»...

К первой группе относятся их толерантность (терпимость), сговорчивость, добродушие, благожелательность, гостеприимство, вы-

ем, уважением прав представителей национальных и конфессиональных групп, национальных меньшинств.

Терпимость к иному образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, верованиям, идеям очень ярко проявилась в стереотипах поведения, фольклоре населения Беларуси. Эта черта формировалась на протяжении более чем тысячелетней истории Беларуси и уже в позднем средневековье — начале нового времени была довольно широко распространена в правящих слоях беларуского общества, что отражалось в политике, проводимой государственными органами Великого княжества Литовского.

Это государство, а еще ранее Полоцкая земля стали второй родиной для сотен тысяч евреев, изгонявшихся из стран Средиземноморья и Западной Европы в период средневековья. Здесь они смогли развивать свои национальные традиции, практически беспрепятственно занимались торгово-промышленной деятельностью и донесли свой национальный генофонд до XX столетия. В Беларуси родились первый президент Израиля Хаим Вейцман, премьер-министры этой страны Менахем Бегин и Шимон Перес.

...В Беларуси XV–XVI веков могли найти убежище, поддержку и даже меценатов представители гонимых в большинстве стран Европы и Азии радикальных течений. В середине XVI века на беларуской земле получили поддержку и развитие идеи испанского философа, идеолога наиболее радикального течения Реформации Мигеля Сервета, а также изгнанного из Русского государства представителя еретического направления Феодосия Косого. В Беларуси развертывали свою деятельность ариане с их социальным идеалом коммун.

Вплоть до XIX века в беларуской истории не встречаются случаи осуждения на смертную казнь за вольнодумство, атеизм и т.д., а также массовые проявления религиозного фанатизма. Напротив, здесь находили убежище и защиту диссиденты соседних стран, например русские старообрядцы, потомки которых сохранили веру предков по сей день. Ощущение реальности соблюдения прав человека, отсутствие гонений по социальным и политическим мотивам в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой привлекли внимание французских ученых-энциклопедистов. Государственное устройство Речи Посполитой они считали одним из высших достижений в Европе того времени, образцом для подражания. Жан-Жак Руссо даже планировал переезд в Беларусь, где известный меценат Антоний Тизенгауз обещал ему всемерное содействие, и только случай помешал реализации этого плана.

...В значительной степени планы, связанные с соблюдением и уважением прав человека, были представлены в программных документах представителей национально-освободительного движения. Активными участниками восстаний 1794 года и 1830–1831 годов были жители городов, рассчитывавшие на возвращение более широких прав городского самоуправления по магдебургскому образ-

цу, и прежде всего шляхта, которая выступала не только за восстановление Речи Посполитой, но и за возвращение былых вольностей, за реализацию популярного в то время лозунга «За нашу и вашу свободу».

Эпоха «беларусизации» 1920-х гг., когда советское и партийное руководство пыталось учесть этническое преобладание беларуского населения, также ярко характеризует традиции толерантности, стремление к соблюдению прав человека. Не было отмечено никаких существенных проявлений национализма, высокомерного отношения к другим языкам и культурам. Более того, создание условий, способствовавших расцвету беларуской культуры, привело к развитию культур этнических меньшинств. В 1920-е гг. в местах их компактного проживания создавались национальные административные единицы, где не только обучение в школах, но и делопроизводство велось на национальном языке. Четыре языка — польский, еврейский, беларуский и русский — были объявлены государственными.

...Все отмеченное выше позволяет утверждать, что соблюдение прав человека имеет в Беларуси глубокую историю и богатые традиции, заложенные в самой психологии, способе поведения, национальном характере беларусов».

Эти мысли созвучны тому, что сказано о движении беларуского национального возрождения в 8-м томе «Нового энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, хорошо известного в дореволюционной России:

«Проявления белорусского движения неизменно отличаются одной чертой: демократизмом. Демократизм является причиной того, что в главном течении движения совершенно отсутствуют элементы национального шовинизма, что ему чужда человеконенавистническая тенденция... Национальное пробуждение белорусов в целом характеризуется тем, что оно противодействует шовинистической работе, которую ведут в Белоруссии два враждебных лагеря: русские и польские националисты».

•○•

Юлия Чернявская в работе «Пять парадоксов национального самосознания беларусов» пишет:

«Беларуская национальная идея имела специфические отличительные /от русской национальной идеи/ качества. Она не основывалась, как это часто бывает, на агрессивности в отношениях к инородцам и иноверцам: сказалось многовековое бытие в «пестрых» по национальному составу государствах. Потому возникавшая в умах интеллигенции национальная идея беларусов строилась с учетом исторически и культурно заложенного полиэтнического «характера» беларусов.

Показательно изобилие этнических русских, поляков, евреев, украинцев, татар, ставших беларускими деятелями культуры в первые десятилетия советской власти (З. Азгур, З. Аксельрод, А. Александрович, А. Бембель, Зм. Бядуля, М. Блистинов, Я.Бронштейн, В. Головчин, И. Замотин, Г. Кобец, Я. Мавр (И. Федоров), Е. Мирович, Н. Никольский, А. Овечкин, В. Пичета и др.)...

Интересно в этом контексте и отсутствие антисемитизма во всех слоях беларуского социума. Начиная со времен Великого Княжества Литовского, когда беларусы и евреи впервые зажили бок о бок, обмениваясь не только товарами, но и гуманитарными достижениями (известно, что первый перевод нескольких религиозных текстов на старобелорусский язык принадлежит виленским евреям), напряженности между этими двумя народами практически не было, что доказала Вторая мировая война.

И по сей день израильское посольство в Минске ежегодно чествует вновь обнаруженных «нееврейских праведников», не предполагавших, что они праведники, — людей, прятавших по погребам и чердакам своих домов знакомых и незнакомых евреев. Разумеется, в советскую эпоху существовал государственный антисемитизм, и он накладывал отпечаток на повседневное, бытовое поведение, однако уже в первые годы перестройки антисемитизм как явление испарился практически без следа.

Характерно для беларусов и непредвзятое отношение к «лицам кавказской», «азиатской» и прочих несуществующих национальностей. Более того, само миролюбие и нежелание беларусов входить в конфликт, а также знаменитая беларуская толерантность по отношению к иным народам и конфессиям, понимаемые как экзистенциальные этнические ценности (так называемые «фокальные» или «доминантные»), привели к тому, что национальная идея беларусов имеет «посреднический» характер. Та роль, в которой, по мнению Вл. Соловьева, должно было реализоваться мессианское предназначение России — быть посредницей между народами — в силу политических и общих социокультурных событий была принята беларусами практически внерефлективно».

Интересно сравнить современные научные исследования национального характера русских и беларусов, которые независимо друг от друга проводились в России и Беларуси и освещались центральными изданиями.

«Российская газета» 29 ноября 2003 года в публикации Татьяны Смольяковой «Украинцы близки русским так же, как немцы» сообщила:

«Независимый исследовательский центр РОМИР по заказу Союза создателей социальной рекламы провел исследование «Национальное самосознание русского человека в современный период».

Были опрошены 1500 человек в разных точках страны. Кроме того, проведены дискуссии в различных возрастных группах, где люди могли не просто ответить на вопросы, но и объяснить свою позицию.

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, пьянство, лень, сострадание, самопожертвование — вот, судя по ответам, главные составляющие русского характера. Но не единственные. Многие респонденты сказали, что русским свойственны доброта, гостеприимство, оптимизм, простота (раскованность), приветливость, находчивость, живучесть, халявность, русский «авось», уживчивость, безответственность, смелость, щедрость, любовь к Родине.

В дискуссиях добавляли и такие характеристики: «Мы часто ругаемся, но и часто миримся»; «Русские всегда чего-то ждут, пока все само собой сделается»; «На сегодняшний день воровство — это национальная черта». Всё, как во времена Карамзина. Таков русский человек — един во многих лицах, прямая противоположность самому себе.

Причины, истоки русского менталитета, молодое поколение (до 34 лет) видит в том, что русские всегда имели сильного правителя, что Россия — фильтр между Европой и Азией, и что она изначально была несвободной страной. С другой стороны, на нашем характере сказались большие просторы и природные богатства. Старшие тоже согласны: «Огромная территория, избыток природных богатств привели к широте души». Но они видят и другие корни нашего менталитета: постоянная борьба, угнетение, климатические условия («на севере люди добрее, чем на юге»), смешение народов».

Через полгода газета «Беларусь сегодня» рассказала об аналогичном исследовании среди беларусов. 14 июля 2004 года Виолетта Дралюк в статье «Что беларусу хорошо, то и японцу неплохо» рассказала о том, что ученые из Гомельского государственного технического университета им. П.О.Сухого «вот уже несколько лет упорно исследуют загадку беларуского менталитета»:

«Особые природные условия, тесные взаимоотношения с соседями, мирное сосуществование разных христианских конфессий и религий, военные походы через беларускую землю, «прививки» восточных культур — вот что сформировало ментальные особенности беларуса, считают гомельские ученые. Например, под влиянием балтов появилась у нас сдержанность, выносливость, настороженность и скрытность. Зато нет у беларусов легкомысленности и бахвальства, присущего «шляхетным» полякам. Лишены беларусы и раскованности, открытой и порой грубой простоты, столь свойственной русским. Евреям беларусы уступают в находчивости, настойчивости, умении приспосабливаться к жизненным обстоятельствам.

няк» (мастер выделки кож), и что эта фамилия была в старину одной из распространенных среди славян.

Зато «исконно русским и славянским» стали считать в современной России финский «окающий» акцент: им наделяют в фильмах героев «Древней Руси», его эксплуатируют популярные комики — «русские бабки». Никого не смущает тот факт, что ближайшие родственники русских — финны Финляндии — точно так окают, когда говорят по-русски или по-немецки.

Такое же смешение понятий произошло в вопросе антропологической идентичности. Поскольку финны внешне похожи на индоевропейцев, нетрудно придти к выводу, что именно так должны выглядеть славяне. Вот характерный пример: в повести «Кто стреляет последним» (1976 г.) российский писатель Николай Наумов пишет, как некий гауптман Отто, рассматривая пленного снайпера, родом из Рязани (то есть, из этноса эрзя), констатирует: «типичный славянин — круглое лицо, короткий широкий нос». Но это описание финна, а не славянина. Среди беларусов и поляков таких лиц нет.

Российские археологи нашли массу вещественных доказательств того, что до IX века на территории современной России вообще не было славян. Важнейшую роль в этом открытии сыграли раскопки в Новгороде, которые ведутся уже нескольких десятилетий. Было установлено (специально подчеркиваю — достоверно установлено учеными), что славяне, древнерусский язык и Рюрик появились в Новгороде одновременно! Более того, сам Новгород основали в середине IX века именно эти славяне-колонисты из Полабской Руси (т.е., с территории нынешней Германии).

Никаких «исконных» славян до Рюрика не было. Этот факт вызвал шок, хотя подозрения на сей счет существовали и раньше. Так, Л.В. Алексеев в книге «Полоцкая земля» еще в 1966 году писал:

> «Современные данные археологии и топонимики показывают, что в эпоху раннего железа Восточную Европу населяло три крупных группы племен. Первая, ирано-язычная, занимала Крымский полуостров, Кубань, Нижний Дон, Нижний Днепр и доходила на севере до водораздела Сейма, Десны и Оки...
>
> Вторая, финно-язычная группа, охватывала все Верхнее Поволжье, бассейн Средней и Нижней Оки, на западе доходила до озера Эзель и оставила так называемую Дьяковскую культуру.
>
> Третья, балто-язычная, охватывала все Верхнее Поднепровье (включая Киев, правобережье Сейма, верхнюю Оку) и уходила на запад в Прибалтику».

Обратите внимание: иранцы, финны и балты. Никаких славян!

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

«Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

«Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...

Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910—20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

* «Наука и жизнь», 2006, № 3.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефолий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 голах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Россия. Вот русские и не могут проститься с социалистической отравой. КПРФ уверенно занимает вторые места на выборах всех уровней, от региональных до всероссийских. На выборах в Государственную Думу 2 декабря 2007 года она набрала 10% голосов. А в Беларуси о коммунистах давно забыли. Разве это не свидетельство разной ментальности?!

Беларуский пейзаж

Еще одним доказательством различий между беларусами и русскими является образ жизни обеих наций в постсоветский период. Несмотря на заявления об «исчезновении» беларусов, мы за 16 лет создали чистое, порядочное, культурное государство. Русские же погрязли в коррупции, пьянстве, наркомании, преступности.

Конечно, многое связано с особенностями власти. Весьма характерно то, что в высших эшелонах беларуской власти не нашлось негодяев, подобных пресловутому Е.Б.Н. вместе с его шайкой. Но власть такова, каков народ. Например, разве кто-то заставлял русских превращать пьянство из «национального вида спорта» в национальное безумие?! Выпады национал-патриотов, мол, это евреи споили русских — просто чушь. Уж в Беларуси евреи составляли гораздо больший процент населения, чем в России. Почему же они не споили беларусов? Почему не споили украинцев?

По всем важнейшим психологическим параметрам беларусы изначально отличались от русских — и поразительно другими выглядят сегодня. Беларусы, возродив свою древнюю государственность, ныне находятся в самом начале пути возрождения своей нации.

У нас — свой собственный путь в истории человечества, отличный от русского пути. Беларусы и русские — географические соседи, но вовсе не один народ. У нас разная судьба и предназначение.

ЧАСТЬ I. БЕЛАРУСЫ В ТЕНИ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

Глава 1. Краткий очерк политической и культурной жизни (1772—1916 гг.)

(**Захар Шибека**, доктор исторических наук)

Автор полагает, что все события, когда-либо происходившие на территории расселения беларуского этноса, принадлежат беларуской истории. Только такой подход позволяет нам чувствовать себя хозяевами нашей земли, воспринимать свое Отечество во всей совокупности того, что у него было в прошлом хорошего и плохого.

Историческое беспамятство и культурная неосведомленность — это результат утраты собственной исторической и культурной традиции. Советская Беларусь появилась в 1919 году, а всё, что происходило на беларуской земле до этой даты, долгое время считалось либо польским, либо русским. Позже поддержку государства получала только «пролетарская» культура, по своей сути — космополитичная, но с ярко выраженным «русским акцентом».

Именно по этой причине «багаж» исторических и культурных знаний большинства жителей современной Беларуси, включая ее политических лидеров, чрезвычайно скуден. Однако автор уверен, что такая ситуация неизбежно изменится после освоения и осмысления населением независимого суверенного государства Беларусь своего культурно-исторического наследия.

1. Период польского доминирования и литовско-беларуского регионализма (1795–1830)

В последней четверти XVIII века с политической карты Европы исчезло Великое княжество Литовское (ВКЛ) — государство, на территории которого жили предки двух со-

* Сокращенный вариант глав I–IV из книги З. Шибеки «Очерк истории Беларуси. 1795–2002». Сокращению подверглись, в основном, материалы социально-экономического характера.

Были опрошены 1500 человек в разных точках страны. Кроме того, проведены дискуссии в различных возрастных группах, где люди могли не просто ответить на вопросы, но и объяснить свою позицию.

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, пьянство, лень, сострадание, самопожертвование — вот, судя по ответам, главные составляющие русского характера. Но не единственные. Многие респонденты сказали, что русским свойственны доброта, гостеприимство, оптимизм, простота (раскованность), приветливость, находчивость, живучесть, халявность, русский «авось», уживчивость, безответственность, смелость, щедрость, любовь к Родине.

В дискуссиях добавляли и такие характеристики: «Мы часто ругаемся, но и часто миримся»; «Русские всегда чего-то ждут, пока все само собой сделается»; «На сегодняшний день воровство — это национальная черта». Всё, как во времена Карамзина. Таков русский человек — один во многих лицах, прямая противоположность самому себе.

Причины, истоки русского менталитета, молодое поколение (до 34 лет) видит в том, что русские всегда имели сильного правителя, что Россия — фильтр между Европой и Азией, и что она изначально была несвободной страной. С другой стороны, на нашем характере сказались большие просторы и природные богатства. Старшие тоже согласны: «Огромная территория, избыток природных богатств привели к широте души». Но они видят и другие корни нашего менталитета: постоянная борьба, угнетение, климатические условия («на севере люди добрее, чем на юге»), смешение народов».

Через полгода газета «Беларусь сегодня» рассказала об аналогичном исследовании среди беларусов. 14 июля 2004 года Виолетта Дралюк в статье «Что беларусу хорошо, то и японцу неплохо» рассказала о том, что ученые из Гомельского государственного технического университета им. П.О.Сухого «вот уже несколько лет упорно исследуют загадку беларуского менталитета»:

«Особые природные условия, тесные взаимоотношения с соседями, мирное сосуществование разных христианских конфессий и религий, военные походы через беларускую землю, «прививки» восточных культур — вот что сформировало ментальные особенности беларуса, считают гомельские ученые. Например, под влиянием балтов появилась у нас сдержанность, выносливость, настороженность и скрытность. Зато нет у беларусов легкомысленности и бахвальства, присущего «шляхетным» полякам. Лишены беларусы и раскованности, открытой и порой грубой простоты, столь свойственной русским. Евреям беларусы уступают в находчивости, настойчивости, умении приспосабливаться к жизненным обстоятельствам.

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

родня, подавая в 1619 году челобитную Ксении Ивановне, матери царя Михаила Романова, платила толмачу за перевод с финского костромского наречия на «государев» язык (т.е. на славянский «койне» знати). Забавно, что сегодня мордовская Кострома считается в России как бы «эталоном русскости» (даже рок-группа есть, поющая старинные мордовские песни, переведенные на русский язык, с типично финским завыванием женщин, выдаваемым за «славянское»). Но всего два столетия назад никто в Костромском крае по-русски не говорил.

Тот факт, что Московская церковь вещала на староболгарском языке (а дьяки писали на нем грамоты и прочие документы), в этом плане ничего не значит, так как вся Европа тогда в соборах говорила на латыни и вела делопроизводство на латинском языке, хотя ни один народ на этом языке уже давно не говорил. Напомню заодно, что после Люблинской унии 1569 года, когда беларусы создали вместе с поляками конфедеративное государство — Республику (по-польски Речь Посполитую), ВКЛ сохранило своим государственным языком литвинский (то есть, беларуский), а Польша ввела в качестве государственного латинский язык. Но это вовсе не значит, что народный язык поляков — латынь. Точно так же русский язык не был народным в Московии вплоть до того сравнительно недавнего времени, когда российские деревни его наконец выучили.

Вот еще пример: по сей день во многих деревнях Смоленской, Курской и Брянской областей, входивших когда-то в состав ВКЛ, никто не «окает» на финский манер (как в Рязани или Костроме), а говорят на том же языке, на котором говорят селяне Витебщины и Минщины. Любой лингвист мог бы сделать вывод, что в этих областях живет беларуское население. Но, исполняя политический заказ, российские лингвисты относят их население к тем «окающим» восточным соседям, которые во времена Лудольфа знали всего лишь 41 славянское слово, да и то не во всех деревнях.

Улуханов пишет, что, говоря о существовании у московитов двух языков — славянского (церковного болгарского) и московитского, Лудольф сообщил в «Грамматике языка московитов» следующую подробность:

> «Чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи».

Что же это за «славянский язык», если людей смешит употребление славянских слов вместо финских и тюркских? Такого никогда не было в Литве (Беларуси). Наоборот, здесь никто не понял бы того,

его — всеобщее рабство (крестьян по отношению к помещикам, дворян по отношению к царю и т.д.), всплесками несогласия с которыми и является эта «лихость». То есть, бунтарство.

Часто употребляются как синонимы термины «национальный характер» и «ментальность». Однако различие между ними все же существует. Оно заключается в том, что ментальность представляет собой способ мышления (мировоззрение) определенной этнической общности, а национальный характер проявляется в таких психологических феноменах, как темперамент, эмоции, чувства, способы деятельности и поведения.

Беларусы — крестьянская нация

Иначе говоря, ментальность охватывает преимущественно сферу рационального мышления, установок и взглядов человека, тогда как национальный характер — область преимущественно бессознательных эмоционально-чувственных реакций, влечений и потребностей. В структуре национального характера различают четыре группы составных элементов:

а) национальный темперамент («возбудимый» или «спокойный»; например, южане обычно более возбудимые, чем северяне);

б) национальные эмоции (типа «восторженности» или «скептицизма»);

в) национальные чувства (например, «гордость» или «скромность»);

г) национальные предрассудки (например, русским присуще ощущение превосходства над другими нациями в Российской империи и СССР — пресловутый «комплекс старшего брата»).

Так, специальные этнопсихологические исследования показали, что 75% населения США составляют экстраверты (люди, ориентированные на внешнее окружение); в Англии экстраверты и интраверты представлены в равной пропорции, в ряде стран преобладают интроверты (люди, для которых главное значение имеют личные проблемы и потребности).

В Беларуси подобные исследования не проводились, но ряд косвенных данных позволяет отнести большинство населения Белару-

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

> «А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Лане и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

> «Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

«А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Лане и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

«Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

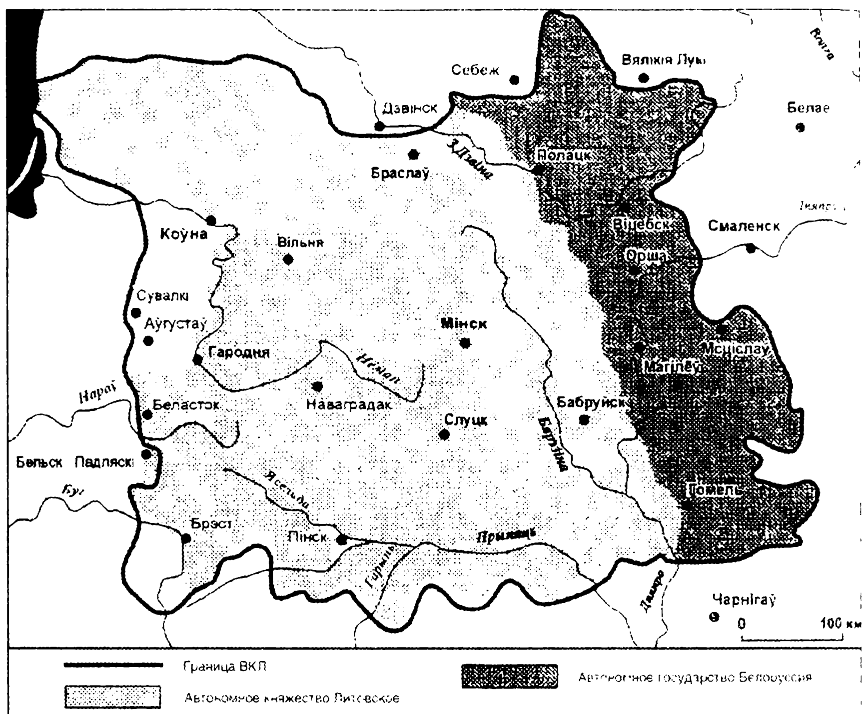
В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

Автономные государства — Великое княжество Литовское и Белоруссия — созданные Наполеоном

шей. Поэтому уже через месяц «независимого» существования в Литве возникло движение за учреждение конфедерации с Варшавским герцогством.

Изменение отношения к французам. Тем временем отношение большинства населения к французам постепенно менялось в худшую сторону, особенно в местечках и деревнях, где процветало мародёрство. Мародёров не останавливала даже угроза смертной казни. Особенно тяжелые испытания выпали жителям Витебской губернии. Там почти непрерывно шли военные действия между российским корпусом генерала П.Х. Витгенштейна, прикрывавшим путь на Петербург, и французскими войсками маршалов Удино и Сен-Сира. 12-тысячный французский гарнизон Витебска партизаны фактически держали в осаде. Свою злобу из-за непрерывных стычек и нехватки продовольствия французы срывали на местных жителях. Поэтому те все чаще принимали сторону русской армии. К тому же на Витебщине проживало много русских староверов.

Простой народ возмущался иностранцами, которые вместо ожидаемой свободы принесли бедствия и страдания. Шляхта тоже бы-

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

Были опрошены 1500 человек в разных точках страны. Кроме того, проведены дискуссии в различных возрастных группах, где люди могли не просто ответить на вопросы, но и объяснить свою позицию.

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, пьянство, лень, сострадание, самопожертвование — вот, судя по ответам, главные составляющие русского характера. Но не единственные. Многие респонденты сказали, что русским свойственны доброта, гостеприимство, оптимизм, простота (раскованность), приветливость, находчивость, живучесть, халявность, русский «авось», уживчивость, безответственность, смелость, щедрость, любовь к Родине.

В дискуссиях добавляли и такие характеристики: «Мы часто ругаемся, но и часто миримся»; «Русские всегда чего-то ждут, пока все само собой сделается»; «На сегодняшний день воровство — это национальная черта». Всё, как во времена Карамзина. Таков русский человек — един во многих лицах, прямая противоположность самому себе.

Причины, истоки русского менталитета, молодое поколение (до 34 лет) видит в том, что русские всегда имели сильного правителя, что Россия — фильтр между Европой и Азией, и что она изначально была несвободной страной. С другой стороны, на нашем характере сказались большие просторы и природные богатства. Старшие тоже согласны: «Огромная территория, избыток природных богатств привели к широте души». Но они видят и другие корни нашего менталитета: постоянная борьба, угнетение, климатические условия («на севере люди добрее, чем на юге»), смешение народов».

Через полгода газета «Беларусь сегодня» рассказала об аналогичном исследовании среди беларусов. 14 июля 2004 года Виолетта Дралюк в статье «Что беларусу хорошо, то и японцу неплохо» рассказала о том, что ученые из Гомельского государственного технического университета им. П.О.Сухого «вот уже несколько лет упорно исследуют загадку беларуского менталитета»:

«Особые природные условия, тесные взаимоотношения с соседями, мирное сосуществование разных христианских конфессий и религий, военные походы через беларускую землю, «прививки» восточных культур — вот что сформировало ментальные особенности беларуса, считают гомельские ученые. Например, под влиянием балтов появилась у нас сдержанность, выносливость, настороженность и скрытность. Зато нет у беларусов легкомысленности и бахвальства, присущего «шляхетным» полякам. Лишены беларусы и рискованности, открытой и порой грубой простоты, столь свойственной русским. Евреям беларусы уступают в находчивости, настойчивости, умении приспосабливаться к жизненным обстоятельствам.

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

> «Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

> «Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

> «Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

алфавит? Никакого. А ведь поляки — братья-славяне и соседи навсегда, тогда как с неславянской Грецией Беларусь не граничит и ничего общего с греками беларусы не имеют. Выбор между греческим и латинским алфавитами лишен политического подтекста.

Зато такой подтекст всегда присутствует в демагогических заявлениях российских идеологов и парламентариев, склонных ужасаться «отходу от России» по любому поводу, ибо в их представлениях Москва — «третий Рим», своего рода мистический центр, вокруг которого «обязано» группироваться все «прогрессивное человечество».

Когда большевики захватили власть в Российской империи, комиссары от просвещения осуществили реформу «великорусского» языка. Во-первых, его переименовали в просто «русский», дабы удалить имперское» «велико», а заодно превратили великороссов в русских. Между тем, нет в русском языке такого обычая, чтобы название национальности было прилагательным (хотя чего требовать от авторов новшества Троцкого и Свердлова, евреев, слабо разбиравшихся в тонкостях русского языка). Во-вторых, Троцкий и Свердлов утвердили «новый гражданский алфавит»: отменили букву «ять» и ряд других букв, одобрили изменение грамматических правил.

А в-третьих, мало кто помнит о том, что Лейба Бронштейн (он же Лев Троцкий) настаивал на переводе русского языка на латинский алфавит— «в целях мировой революции». Эту идею не приняли потому, что ни Сумароков, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Толстой на латинице не писали. Напротив, беларуские хронисты, поэты и писатели вплоть до начала XX века создавали свои произведения на беларуской латинице...

Кирилл и Мефодий умерли, соответственно, в 869 и 885 годах, задолго до принятия Киевом христианства (988 год), Москва в их времена еще не существовала в природе, Новгород только-только появился в виде маленькой крепости. Они создали в Моравии квазигреческий алфавит для чехов, а не для языческой Киевской Руси.

Кирилл потому и не поехал в земли нынешних Украины и России «обращать славян в православие», что никаких славян там еще не было. Некому было давать «славянский алфавит на основе греческого». Киев тогда не был славянским, он «дружил» с Хазарией, в нем жили сарматы (предки украинцев) и иудеи, поскольку сарматские князья Киева были тогда породнены с тюркскими князьями Хазарии, исповедавшими иудаизм. Они тоже исповедали иудаизм, так что Киев был тогда «городом синагог» и языческих капищ*. Чего же было Кириллу ехать в Киев к язычникам и иудеям?

---

* К сведению русских и украинских «ура-патриотов», возмущенных «очередной исторической выдумкой»: эта тема всесторонне исследована в израильском научно-популярном телесериале о Хазарии как «еще одной прародине израильтян». Имеются также солидные научные труды по данному вопросу. — *Прим. Ред.*

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

2. Период польско-русского противостояния и беларуского распутья (1831–1863)

Восстание 1831 года

1794, 1812, наконец, 1831 год... Уже в который раз польский народ поднимался на борьбу за свое национальное освобождение. А эта борьба становилась частью беларуской истории.

Царь Николай и Польша. Новый император Николай I (правил в 1825–1855 гг.) был воспитан в духе милитаризма, абсолютного самодержавия и великорусского шовинизма. Он, в отличие от своего брата Александра, не мог и не хотел быть лояльным по отношению к непокорным полякам. Королевство Польское (его конституцию, сейм и армию) в Петербурге терпели только потому, что того требовало Венское соглашение европейских монархов. Не помогало полякам и то, что наместником Польши был старший брат Николая, великий князь Константин (1779–1831).

Между тем, разгром декабристов не испугал радикально настроенных польских патриотов. Они продолжили подготовку к вооруженной борьбе за полную независимость от России, планируя провозгласить республику и отменить крепостное право. Однако их взгляды не разделяло большинство польских аристократов. Консерваторы отвергали любые социальные реформы и желали установления в Польше конституционной монархии.

Радикалов, объединившихся в «Патриотическом обществе», возглавил профессор истории Иоахим Лелевель, а лидером консервативной аристократии был давний друг царя Александра — князь Адам Чарторыйский. Несмотря на противоположность социальных программ, обе эти партии объединяло стремление возродить Речь Посполитую в границах 1772 года. Великое княжество Литовское они считали частью Польши, хотя на его территории жили не поляки, а предки современных беларусов и литовцев.

Спор за беларуские земли. Польское королевство в 1831 году восстало и вступило в войну против России. В польской армии было много беларусов, уроженцев Белостокского округа и Гродненской губернии. Были беларусы и в русской армии. Как и в 1812 году, они воевали друг против друга.

Значительную роль в восстании 1831 года играла борьба за беларуские земли. Так, восставшие варшавяне предъявили великому князю Константину два требования: во-первых, признать Польшу независимым суверенным государством; во-вторых, присоединить к ней все бывшие земли Речи Посполитой, в том числе беларуские и жемойтские. Царя Николая I польские посланники просили о том же, что и Константина. Когда русские в августе окружили Варшаву

данные генетики (которая, в отличие от истории — точная наука) утверждают: беларусы — это славянизированные западные балты, а русские — это славянизированные финны.

Руководитель исследования, доктор медицинских наук Е.В. Балановская отметила:

«Пришлось рассмотреть данные многих систем — антропологии (соматологии, дерматоглифики, одонтологии), классической генетики (группы крови, белки крови), тысяч фамилий, данные по разным системам ДНК маркеров (аутосомных, Y-хромосомы, митохондриальной ДНК).

...Мы собрали воедино два огромных массива информации о русском народе, накопленные за многие десятилетия антропологией и генетикой. Мы провели два новых исследования — ДНК и фамилий. И придумали способ, как сравнить эти четыре столь разных системы признаков — антропологии, классической генетики, молекулярной генетики, фамилий. Мы строили компьютерные геногеографические карты для каждого признака.

Например, для антропологии — карту роста бороды; для классической генетики — карты встречаемости генов групп крови; для молекулярной генетики — карту гена устойчивости к СПИДу; для фамилий — карту встречаемости Ивановых во всех частях русского ареала. Четыре столь разных системы, и в каждой — много признаков. Для каждого создана карта. А затем получили «обобщенные» карты для каждой системы признаков. И после этого впервые могли сравнить все данные о русском генофонде...

Наше «открытие» в том, что совершенно разные науки и признаки — антропология, генетика, фамилии — полностью согласны друг с другом и, дополняя друг друга, рисуют общий портрет русского генофонда. Причем русский генофонд здесь, к счастью, не одинок. Еще до изучения русского генофонда мы сделали аналогичный набросок портрета генофонда народов Восточной Европы, включая в него и народы «ближнего зарубежья» (от Черного моря до Балтики), и Кавказа, и Приуралья. И обнаружили вновь единогласие свидетелей! Хотя портрет генофонда народов Восточной Европы оказался совершенно иным — волны генофонда следовали в Восточной Европе не по оси «север — юг», как в русском генофонде, а по оси «запад — восток».

Поэтому и для русского генофонда — занимающего огромную часть Восточной Европы — мы ожидали увидеть все ту же восточноевропейскую закономерность. Но нет! Русский генофонд обнаружил свое собственное строение, связанное с его собственной историей. Однако все генофонды в равной степени важны и интересны».

Результаты указанного исследования шокировали в России очень многих. Чтобы успокоить возмущенных несогласных сограждан (главным образом публицистов и некоторых историков), Е.В. Бала-

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

алфавит? Никакого. А ведь поляки — братья-славяне и соседи навсегда, тогда как с неславянской Грецией Беларусь не граничит и ничего общего с греками беларусы не имеют. Выбор между греческим и латинским алфавитами лишен политического подтекста.

Зато такой подтекст всегда присутствует в демагогических заявлениях российских идеологов и парламентариев, склонных ужасаться «отходу от России» по любому поводу, ибо в их представлениях Москва — «третий Рим», своего рода мистический центр, вокруг которого «обязано» группироваться все «прогрессивное человечество».

Когда большевики захватили власть в Российской империи, комиссары от просвещения осуществили реформу «великорусского» языка. Во-первых, его переименовали в просто «русский», дабы удалить имперское» «велико», а заодно превратили великороссов в русских. Между тем, нет в русском языке такого обычая, чтобы название национальности было прилагательным (хотя чего требовать от авторов новшества Троцкого и Свердлова, евреев, слабо разбиравшихся в тонкостях русского языка). Во-вторых, Троцкий и Свердлов утвердили «новый гражданский алфавит»: отменили букву «ять» и ряд других букв, одобрили изменение грамматических правил.

А в-третьих, мало кто помнит о том, что Лейба Бронштейн (он же Лев Троцкий) настаивал на переводе русского языка на латинский алфавит— «в целях мировой революции». Эту идею не приняли потому, что ни Сумароков, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Толстой на латинице не писали. Напротив, беларуские хронисты, поэты и писатели вплоть до начала XX века создавали свои произведения на беларуской латинице...

Кирилл и Мефодий умерли, соответственно, в 869 и 885 годах, задолго до принятия Киевом христианства (988 год), Москва в их времена еще не существовала в природе, Новгород только-только появился в виде маленькой крепости. Они создали в Моравии квазигреческий алфавит для чехов, а не для языческой Киевской Руси.

Кирилл потому и не поехал в земли нынешних Украины и России «обращать славян в православие», что никаких славян там еще не было. Некому было давать «славянский алфавит на основе греческого». Киев тогда не был славянским, он «дружил» с Хазарией, в нем жили сарматы (предки украинцев) и иудеи, поскольку сарматские князья Киева были тогда породнены с тюркскими князьями Хазарии, исповедавшими иудаизм. Они тоже исповедали иудаизм, так что Киев был тогда «городом синагог» и языческих капищ*. Чего же было Кириллу ехать в Киев к язычникам и иудеям?

---

* К сведению русских и украинских «ура-патриотов», возмущенных «очередной исторической выдумкой»: эта тема всесторонне исследована в израильском научно-популярном телесериале о Хазарии как «еще одной прародине израильтян». Имеются также солидные научные труды по данному вопросу. — *Прим. Ред.*

По моему мнению, российские историки и идеологи раздувают культ Кирилла и Мефодия для того, чтобы скрывать огромные противоречия в их представлениях о самих себе как о якобы «славянах» — и чтобы отвергать «нежелательные» факты, этому мифу противоречащие (то есть. всю историческую, этнографическую и лингвистическую фактуру).

Кстати, Кирилл и Мефодий вовсе не греки, и не родные братья. Оба они — богатые православные арабы из Дамаска (Сирия тогда была христианской), нанятые властями Византии для миссии в Моравии. Например, об этом пишет, цитируя документы. российский историк А.А. Бычков в книге «Киевская Русь: Страна. которой никогда не было?» Но самое забавное то, что чехи, ради создания алфавита которых приехал православный араб Кирилл, вообще о нем не помнят, зато его возвели в культ в России, где он никогда не был...

Итак, формирование русского и беларуского языков — автономные процессы, не связанные между собой. Беларуский язык вовсе не «отпочкование» от языка Московии, как это бездоказательно утверждают российские идеологи. Он сформировался задолго до появления Москвы, и никакого отношения к восточному соседу не имеет.

Исторически беларуский язык — это язык западных балтов (ятвягов, дайнова, лютвы, пруссов, мазуров). В Польше в период до союза с Мазовией (когда ляхи жили вокруг Кракова) язык был кристально чистым славянским. Союз с Мазовией создал новый этнос: ляхи смешались с мазурами, и появился польский народ с его пшекающим языком.

Точно так же в Литве был «дзэкающий», «гэкающий», «цэкающий», «акающий» западно-балтский язык ятвягов (позже литвинов), который сегодня некоторые историки именуют «древнебеларуским» (на нем написаны Статуты и Метрика ВКЛ). хотя он тогда именовался «литовским языком». Средневековые слависты Чехии, Польши и Германии относили литовский язык к семье славянских языков, а при издании Статута ВКЛ в переводе на польский язык в издательстве Мамоничев (1614, 1619, 1623 гг.) и королевским издателем П. Элертом (1648 год) указывалось, что это перевод с литовского языка, а не с языка «беларуского».

Великий польский поэт беларуского происхождения Адам Мицкевич два века назад сказал о беларуском языке:

> «На беларускай мове. якую называюць русінскай альбо літоўска-русінскай, таксама размаўляе каля дзесяці мільёнаў чалавек; гэта самая багатая і самая чыстая гаворка, яна ўзьнікла даўно і выдатна распрацавана. У перыяд незалежнасці Літвы вялікія князі карысталіся ёю для сваёй дыпламатычнай перапіскі.

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Называть «схожими до степени братства» абсолютно разные по содержанию МАШИНЫ воспроизводства генофонда просто нелепо. У беларусов — генофонд и антропология сплава западных балтов и славян, у русских — генофонд и антропология сплава финнов и тюрок.

Дополняют картину современные исследования беларуских ученых, изучавших антропологию и генетику беларусов. В 2005 году, одновременно с завершением работы российских ученых по изучению русского генофонда, в Беларуси были опубликованы результаты аналогичного исследования. Это книга А.И. Микулича «Беларусы в генетическом пространстве: Антропология этноса». Вот отрывки из рецензии Дмитрия Санько на нее (в переводе В. Деружинского):

«Монография подводит итоги более чем 30-летним экспедиционным исследованиям, проведенным известным антропогенетиком Алексеем Микуличем в Республике Беларусь и на смежных территориях стран-соседей — Российской Федерации, Республики Летува, Украины. Объектом их было, прежде всего, сельское население как носитель наиболее характерных генетических и конституционных особенностей популяций. Изучением было охвачено около 120 избранных групп. Они формировались из тех представителей, которые имеют предков местного происхождения до 4—5 колена.

Исследование генофонда коренных местных популяций показало целостность беларуского этноса, его гомеостаз /устойчивость — *В.Д.*/ во времени и пространстве, а также очевидность геногеографического компонента в этнической истории.

На карте генетической отдаленности от средних беларуских частот генов в населении Восточной Европы, созданной на основе значений ДНК-маркеров, ясно видна особенность генофонда беларусов, к которым примыкают коренные жители Псковщины, Новгородчины, Смоленщины, Брянщины, Виленского края и Украинского Полесья. Компактный ареал беларуского генофонда на этой карте в общих чертах соответствует сфере расселения беларусов в исторической ретроспективе...

Известно, что «европеизация» российского населения остановилась под татаро-монгольским нашествием. Изучение генофонда беларусов практически не показало присутствия в нем примет монгольской расы. Это подтверждает исторические свидетельства о том, что Беларусь не знала татаро-монгольского ига. Интересно также отметить, что общая тенденция изменчивости в границах беларуского ареала имеет меридиональное направление /Запад — Восток — *В.Д.*/, в то время как для российского ареала ее направление перпендикулярно — широтное /Север — Юг — *В.Д.*/.

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Россия. Вот русские и не могут проститься с социалистической отравой. КПРФ уверенно занимает вторые места на выборах всех уровней, от региональных до всероссийских. На выборах в Государственную Думу 2 декабря 2007 года она набрала 10% голосов. А в Беларуси о коммунистах давно забыли. Разве это не свидетельство разной ментальности?!

Беларуский пейзаж

Еще одним доказательством различий между беларусами и русскими является образ жизни обеих наций в постсоветский период. Несмотря на заявления об «исчезновении» беларусов, мы за 16 лет создали чистое, порядочное, культурное государство. Русские же погрязли в коррупции, пьянстве, наркомании, преступности.

Конечно, многое связано с особенностями власти. Весьма характерно то, что в высших эшелонах беларуской власти не нашлось негодяев, подобных пресловутому Е.Б.Н. вместе с его шайкой. Но власть такова, каков народ. Например, разве кто-то заставлял русских превращать пьянство из «национального вида спорта» в национальное безумие?! Выпады национал-патриотов, мол, это евреи споили русских — просто чушь. Уж в Беларуси евреи составляли гораздо больший процент населения, чем в России. Почему же они не споили беларусов? Почему не споили украинцев?

По всем важнейшим психологическим параметрам беларусы изначально отличались от русских — и поразительно другими выглядят сегодня. Беларусы, возродив свою древнюю государственность, ныне находятся в самом начале пути возрождения своей нации.

У нас — свой собственный путь в истории человечества, отличный от русского пути. Беларусы и русские — географические соседи, но вовсе не один народ. У нас разная судьба и предназначение.

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы. свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

Россия. Вот русские и не могут проститься с социалистической отравой. КПРФ уверенно занимает вторые места на выборах всех уровней, от региональных до всероссийских. На выборах в Государственную Думу 2 декабря 2007 года она набрала 10% голосов. А в Беларуси о коммунистах давно забыли. Разве это не свидетельство разной ментальности?!

Беларуский пейзаж

Еще одним доказательством различий между беларусами и русскими является образ жизни обеих наций в постсоветский период. Несмотря на заявления об «исчезновении» беларусов, мы за 16 лет создали чистое, порядочное, культурное государство. Русские же погрязли в коррупции, пьянстве, наркомании, преступности.

Конечно, многое связано с особенностями власти. Весьма характерно то, что в высших эшелонах беларуской власти не нашлось негодяев, подобных пресловутому Е.Б.Н. вместе с его шайкой. Но власть такова, каков народ. Например, разве кто-то заставлял русских превращать пьянство из «национального вида спорта» в национальное безумие?! Выпады национал-патриотов, мол, это евреи споили русских — просто чушь. Уж в Беларуси евреи составляли гораздо больший процент населения, чем в России. Почему же они не споили беларусов? Почему не споили украинцев?

По всем важнейшим психологическим параметрам беларусы изначально отличались от русских — и поразительно другими выглядят сегодня. Беларусы, возродив свою древнюю государственность, ныне находятся в самом начале пути возрождения своей нации.

У нас — свой собственный путь в истории человечества, отличный от русского пути. Беларусы и русские — географические соседи, но вовсе не один народ. У нас разная судьба и предназначение.

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

«А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Ланс и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

«Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

По моему мнению, российские историки и идеологи раздувают культ Кирилла и Мефодия для того, чтобы скрывать огромные противоречия в их представлениях о самих себе как о якобы «славянах» — и чтобы отвергать «нежелательные» факты, этому мифу противоречащие (то есть. всю историческую, этнографическую и лингвистическую фактуру).

Кстати, Кирилл и Мефодий вовсе не греки, и не родные братья. Оба они — богатые православные арабы из Дамаска (Сирия тогда была христианской), нанятые властями Византии для миссии в Моравии. Например, об этом пишет, цитируя документы. российский историк А.А. Бычков в книге «Киевская Русь: Страна. которой никогда не было?» Но самое забавное то, что чехи, ради создания алфавита которых приехал православный араб Кирилл, вообще о нем не помнят, зато его возвели в культ в России, где он никогда не был...

Итак, формирование русского и беларуского языков — автономные процессы, не связанные между собой. Беларуский язык вовсе не «отпочкование» от языка Московии, как это бездоказательно утверждают российские идеологи. Он сформировался задолго до появления Москвы, и никакого отношения к восточному соседу не имеет.

Исторически беларуский язык — это язык западных балтов (ятвягов, дайнова, лютвы, пруссов, мазуров). В Польше в период до союза с Мазовией (когда ляхи жили вокруг Кракова) язык был кристально чистым славянским. Союз с Мазовией создал новый этнос: ляхи смешались с мазурами, и появился польский народ с его пшекающим языком.

Точно так же в Литве был «дзэкающий», «гэкающий», «цэкающий», «акающий» западно-балтский язык ятвягов (позже литвинов), который сегодня некоторые историки именуют «древнебеларуским» (на нем написаны Статуты и Метрика ВКЛ). хотя он тогда именовался «литовским языком». Средневековые слависты Чехии, Польши и Германии относили литовский язык к семье славянских языков, а при издании Статута ВКЛ в переводе на польский язык в издательстве Мамоничев (1614, 1619, 1623 гг.) и королевским издателем П. Элертом (1648 год) указывалось, что это перевод с литовского языка, а не с языка «беларуского».

Великий польский поэт беларуского происхождения Адам Мицкевич два века назад сказал о беларуском языке:

> «На беларускай мове. якую называюць русінскай альбо літоўска-русінскай, таксама размаўляе каля дзесяці мільёнаў чалавек; гэта самая багатая і самая чыстая гаворка, яна ўзьнікла даўно і выдатна распрацавана. У перыяд незалежнасці Літвы вялікія князі карысталіся ёю для сваёй дыпламатычнай перапіскі.

Ликвидация крепостного права. После смерти Николая I его сын Александр II (правил в 1855–1881 гг.) начал подготовку к упразднению крепостного права. Для первого опыта он выбрал беларуские губернии. Здешние помещики были более подготовлены к столь радикальным изменениям как экономически, так и морально. Пример Польши и Прусии, где крестьяне уже имели личную свободу, давал помещикам надежду на сносное будущее и без крепостничества.

Местные помещики соглашались на освобождение крестьян без земли, что превратило бы землю в товар, а бывших крепостных — большей частью в батраков, меньшей — в фермеров (если кто-то из них нашел бы средства выкупить землю). Для крестьян же это был наихудший вариант. Но царизм не пошел по такому пути, хотя вовсе не из сострадания крестьянству. Сыграл свою роль элементарный расчет. Из 23 миллионов «душ» крепостных в империи возникла бы мощная армия неимущих батраков, которая смела бы и дворянское землевладение, и правящую династию. Поэтому российских крепостных освобождали с землей в обязательном порядке. Землю, в свою очередь, требовалось обязательно выкупать.

Однако крепостная система довела крестьян до такого состояния (особенно в Беларуси), что без помощи государства (в виде займа) они не могли откупиться от помещиков. Кроме того, в России сохранялась сельская община (мир), основанная на круговой поруке. Из-за нее аграрная реформа проводилась очень медленно. В Беларуси же (за исключением Могилевской и части Витебской губернии) общину ликвидировали еще в XVI веке. Это обстоятельство тоже повлияло на решение начать отмену «крепости» с западных губерний.

Отмена крепостничества стала очень важным шагом русской деревни на пути к рыночным отношениям, но оказалась недостаточной для Беларуси. Более высокий уровень развития товарно-денежных отношений требовал здесь и более радикальных перемен. Традиционное подворное землепользование делало беларуских крестьян вполне самостоятельными хозяевами. Поэтому они считали крайней несправедливостью выкуп земли, которой неизменно пользовались на протяжении столетий. По реформе крестьяне получили недостаточные наделы, которыми к тому же нельзя было распоряжаться до уплаты выкупа. Это делало деревню экономически зависимой как от помещиков, так и от государства, кредитовавшего выкупные операции.

В поисках «настоящей воли». Ознакомление с условиями реформы вызвало глубокое разочарование крестьян. Среди них повсеместно распространился фантастический слух, будто бы царь издал указ о «настоящей воле», но «паны» прячут его. Весной 1861 года беларуские крестьяне повсеместно отказывались работать в имениях. Столь мощный протест наблюдался еще только в Литве и Поволжье, так

По моему мнению, российские историки и идеологи раздувают культ Кирилла и Мефодия для того, чтобы скрывать огромные противоречия в их представлениях о самих себе как о якобы «славянах» — и чтобы отвергать «нежелательные» факты, этому мифу противоречащие (то есть. всю историческую, этнографическую и лингвистическую фактуру).

Кстати, Кирилл и Мефодий вовсе не греки, и не родные братья. Оба они — богатые православные арабы из Дамаска (Сирия тогда была христианской), нанятые властями Византии для миссии в Моравии. Например, об этом пишет, цитируя документы. российский историк А.А. Бычков в книге «Киевская Русь: Страна. которой никогда не было?» Но самое забавное то, что чехи, ради создания алфавита которых приехал православный араб Кирилл, вообще о нем не помнят, зато его возвели в культ в России, где он никогда не был...

Итак, формирование русского и беларуского языков — автономные процессы, не связанные между собой. Беларуский язык вовсе не «отпочкование» от языка Московии, как это бездоказательно утверждают российские идеологи. Он сформировался задолго до появления Москвы, и никакого отношения к восточному соседу не имеет.

Исторически беларуский язык — это язык западных балтов (ятвягов, дайнова, лютвы, пруссов, мазуров). В Польше в период до союза с Мазовией (когда ляхи жили вокруг Кракова) язык был кристально чистым славянским. Союз с Мазовией создал новый этнос: ляхи смешались с мазурами, и появился польский народ с его пшекающим языком.

Точно так же в Литве был «дзэкающий», «гэкающий», «цэкающий», «акающий» западно-балтский язык ятвягов (позже литвинов), который сегодня некоторые историки именуют «древнебеларуским» (на нем написаны Статуты и Метрика ВКЛ). хотя он тогда именовался «литовским языком». Средневековые слависты Чехии, Польши и Германии относили литовский язык к семье славянских языков, а при издании Статута ВКЛ в переводе на польский язык в издательстве Мамоничев (1614, 1619, 1623 гг.) и королевским издателем П. Элертом (1648 год) указывалось, что это перевод с литовского языка, а не с языка «беларуского».

Великий польский поэт беларуского происхождения Адам Мицкевич два века назад сказал о беларуском языке:

«На беларускай мове. якую называюць русінскай альбо літоўска-русінскай, таксама размаўляе каля дзесяці мільёнаў чалавек; гэта самая багатая і самая чыстая гаворка, яна ўзнікла даўно і выдатна распрацавана. У перыяд незалежнасці Літвы вялікія князі карысталіся ёю для сваёй дыпламатычнай перапіскі.

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

2. Период польско-русского противостояния и беларуского распутья (1831–1863)

Восстание 1831 года

1794, 1812, наконец, 1831 год... Уже в который раз польский народ поднимался на борьбу за свое национальное освобождение. А эта борьба становилась частью беларуской истории.

Царь Николай и Польша. Новый император Николай I (правил в 1825–1855 гг.) был воспитан в духе милитаризма, абсолютного самодержавия и великорусского шовинизма. Он, в отличие от своего брата Александра, не мог и не хотел быть лояльным по отношению к непокорным полякам. Королевство Польское (его конституцию, сейм и армию) в Петербурге терпели только потому, что того требовало Венское соглашение европейских монархов. Не помогало полякам и то, что наместником Польши был старший брат Николая, великий князь Константин (1779–1831).

Между тем, разгром декабристов не испугал радикально настроенных польских патриотов. Они продолжили подготовку к вооруженной борьбе за полную независимость от России, планируя провозгласить республику и отменить крепостное право. Однако их взгляды не разделяло большинство польских аристократов. Консерваторы отвергали любые социальные реформы и желали установления в Польше конституционной монархии.

Радикалов, объединившихся в «Патриотическом обществе», возглавил профессор истории Иоахим Лелевель, а лидером консервативной аристократии был давний друг царя Александра — князь Адам Чарторыйский. Несмотря на противоположность социальных программ, обе эти партии объединяло стремление возродить Речь Посполитую в границах 1772 года. Великое княжество Литовское они считали частью Польши, хотя на его территории жили не поляки, а предки современных беларусов и литовцев.

Спор за беларуские земли. Польское королевство в 1831 году восстало и вступило в войну против России. В польской армии было много беларусов, уроженцев Белостокского округа и Гродненской губернии. Были беларусы и в русской армии. Как и в 1812 году, они воевали друг против друга.

Значительную роль в восстании 1831 года играла борьба за беларуские земли. Так, восставшие варшавяне предъявили великому князю Константину два требования: во-первых, признать Польшу независимым суверенным государством; во-вторых, присоединить к ней все бывшие земли Речи Посполитой, в том числе беларуские и жемойтские. Царя Николая I польские посланники просили о том же, что и Константина. Когда русские в августе окружили Варшаву

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефолий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

По мере нарастания освободительного движения развернулась борьба между либералами и радикалами за руководящую роль в нем. Сначала инициатива принадлежала радикальной молодежи во главе с Калиновским, чьим идеалом являлась крестьянская республика. Поэтому свои главные надежды они возлагали не на иностранную помощь, а на крестьянское восстание, которое готовили изо всех сил. Сторонники Калиновского верили, что крестьянское восстание в Беларуси послужит примером для русского крестьянства, оно тоже восстанет, и тогда царизму придет конец.

Либеральная польская и беларуская шляхта выступала против российского самодержавия, но не разделяла столь радикальных методов его свержения. Она достаточно обоснованно опасалась, что крестьянский бунт заодно с царизмом сметет и ее. Не нравился ей и беларуский сепаратизм, усилившийся параллельно с недовольством тем, как руководило восстанием Временное правительство. Варшавские либералы быстро договорились с виленскими либералами. Между тем, в конце февраля главные посты в Национальном комитете в Варшаве перешли к «белым». За спиной радикалов они создали новое правительство для Беларуси — Отдел временного правительства для руководства провинциями Литвы. Его возглавил Якуб Гейштор. Литовский провинциальный комитет был распущен, его постановления отменены.

Калиновский признал смену власти и принял от Гейштора должность комиссара Гродненской губернии. Он и его сторонники не

Нападение крестьян-косинёров на царскую пехоту

Бой повстанцев с царскими карателями

хотели вносить раскол в ряды повстанцев, да и не надеялись одержать верх над «белыми». Их надежды на мощный подъем крестьянского движения в Беларуси и Литве и на восстание в России не оправдались. Зато по примеру польских помещиков к восстанию начали присоединяться беларуские помещики. Им придали смелость слухи о скором вмешательстве Франции и Англии. Интеллигентов на руководящих постах начали заменять артистократы, возросли денежные пожертвования от них.

Царский указ от 31 марта о помиловании повстанцев при условии, что они сложат оружие до 1 мая, вначале игнорировался. Помещики были заинтересованы в подъеме восстания ради создания повода для интервенции — фактически единственной надежды либералов на успех в борьбе против царизма. Эта надежда была отнюдь не беспочвенной. Послы Англии, Франции и Австрии в России дважды вручали министру иностранных дел империи, князю А.М. Горчакову, ноты своих правительств — 5 апреля и в конце июня. Согласованные ноты содержали одно и то же требование: немедленно прекратить вооруженную борьбу с повстанцами и вступить в переговоры с Временным правительством об условиях предоставления Польше независимости или автономии.

Одновременно радикалы, вопреки либеральному руководству, делали все возможное, чтобы привлечь к восстанию крестьян. Под воздействием всех этих факторов в апреле-июне повстанческое движение находилось на подъеме, хотя и локализовалось в пределах Гродненской, Виленской и Минской губерний.

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

В конце мая повстанцам удалось собрать свои силы возле местечка Миловиды Слонимского повета и нанести карателям крупное поражение. Несмотря на этот успех, до лета почти все отряды, которые были созданы Литовским провинциальным комитетом и получили хорошую выучку, были разбиты. Поспешно создававшиеся новые отряды шли на верную смерть.

Неудачи умерили повстанческий пыл либералов. Стало очевидным и то, что иностранной военной помощи не будет. Помещики начали отходить от восстания. Кроме того, аресты руководителей восстания из числа «белых» парализовали деятельность Отдела руководства провинциями Литвы. В таких условиях местные радикалы снова взяли руководство восстанием в свои руки и назначили Калиновского диктатором Беларуси и Литвы (руководителем Беларуско-Литовского красного правительства). Это призошло в первых числах июля. Новые руководители уже не считались с варшавским правительством «белых», они надеялись только на свой народ. Именно в этом заключались корни оптимизма Калиновского и его ближайших помощников, таких как Владислав Малаховский и Титус Далевский

Ромуальд Траугут (1826–1864)

Калиновский издал специальное обращение к народу Беларуси и Литвы, в котором разъяснил, что повстанцы сражаются не за восстановление крепостного права, а за лучшую жизнь для крестьян. Но в борьбе за крестьянские массы повстанцы уступали царизму. К тому же им приходилось сражаться на два фронта: с аристократами-перебежчиками и с самодержавием.

Действия карателей. Для подавления восстания царь назначил известного русификатора Михаила Муравьева. Приехав в середине мая в Вильню, он начал с того, что приказал повесить двух ксендзов. Первой его жертвой стал ксёндз Станислав Ишора из Лидского повета. Через два дня та же судьба постигла ксендза Раймонда Земацкого. Скоро все тюрьмы до отказа наполнились заключенными. Чтобы запугать местных жителей, повстанцев вешали и расстреливали на торговой площади Вильни почти ежедневно.

Численность русских войск в Северо-Западном крае достигла 200 тысяч человек. Они находились в непрерывном движении. Повстанцев, схваченных с оружием в руках, расстреливали на месте

По мере нарастания освободительного движения развернулась борьба между либералами и радикалами за руководящую роль в нем. Сначала инициатива принадлежала радикальной молодежи во главе с Калиновским, чьим идеалом являлась крестьянская республика. Поэтому свои главные надежды они возлагали не на иностранную помощь, а на крестьянское восстание, которое готовили изо всех сил. Сторонники Калиновского верили, что крестьянское восстание в Беларуси послужит примером для русского крестьянства, оно тоже восстанет, и тогда царизму придет конец.

Либеральная польская и беларуская шляхта выступала против российского самодержавия, но не разделяла столь радикальных методов его свержения. Она достаточно обоснованно опасалась, что крестьянский бунт заодно с царизмом сметет и ее. Не нравился ей и беларуский сепаратизм, усилившийся параллельно с недовольством тем, как руководило восстанием Временное правительство. Варшавские либералы быстро договорились с виленскими либералами. Между тем, в конце февраля главные посты в Национальном комитете в Варшаве перешли к «белым». За спиной радикалов они создали новое правительство для Беларуси — Отдел временного правительства для руководства провинциями Литвы. Его возглавил Якуб Гейштор. Литовский провинциальный комитет был распущен, его постановления отменены.

Калиновский признал смену власти и принял от Гейштора должность комиссара Гродненской губернии. Он и его сторонники не

Нападение крестьян-косинёров на царскую пехоту

«кинжальщиков — для приведения в исполнение приговоров этого трибунала. Первым терактом стало неудачное покушение на виленского предводителя дворянства Домейко.

Отдельные повстанческие отряды действовали в Гродненской губернии до октября. Они отказались от пеших бойцов, разделились на конные группы по 10–12 человек и стали практически неуловимыми. Однако сопротивление карателям становилось все более бессмысленным. Повстанцы покидали леса. Одни скрывались за границами империи, другие маскировались под верных подданных государя-императора.

Тем не менее, призрак крестьянского восстания по-прежнему беспокоил Муравьева. Он узнал, что на весну 1864 года планируется новое восстание. Поэтому Муравьев создал специальную комиссию для рассмотрения уставных грамот, сделавшую немало земельных подачек крестьянам за счет помещиков. В ноябре Муравьев распространил действие царского указа от 1 марта (об отмене временных обязанностей крестьян и о сокращении на 20% выкупных платежей за землю) на территорию Витебской и Могилёвской губерний. Он также восстановил право крестьян пасти свою скотину в лесах и на убранных от урожая помещичьих полях.

Муравьев, как никто другой, способствовал распространению среди беларуского крестьянства веры в «доброго царя», а также разжиганию враждебности православной его части по отношению к католической шляхте. С того времени политика противопоставления православных крестьян национальной католической элите стала традиционной для российских властей в западных губерниях империи.

Результаты восстания. Царь, его правительство и русские шовинисты праздновали победу «над поляками». М.Н. Муравьева провозгласили русским национальным героем. Царь даровал ему титул графа. По его личным приказам были казнены 128 повстанцев (не считая расстрелянных на местах боев), около 12,5 тысяч человек сосланы, более чем на шесть тысяч человек наложены различные административные взыскания. Жестокость царского палача оправдывали все российские газеты, в том числе либеральные «Московские новости» М.Н. Каткова. Пели дифирамбы ему известные поэты П.А. Вяземский и Н.А. Некрасов. Только Александр Герцен в своем «Колоколе» постоянно называл Муравьева «вешателем» и «людоедом».

Михаил Муравьев (1796–1866)

Адам Пусловский (1842–1863), командир отряда повстанцев

Калиновский мог уехать за границу. Однако вместо этого он перешел на нелегальное положение и остался — готовить весеннее выступление. Его искали жандармы. Приходилось почти ежедневно менять имена, одежду, квартиры. В январе 1864 года его все же арестовали в Вильне. Суд приговорил вожля повстанцев к смертной казни. 10 марта его повесили на Лукишской площади. Он не дрогнул перед смертью, шел к виселице твердым шагом.

Беларуские историки считают Калиновского национальным героем. Шляхтич по происхождению, он связал свою судьбу с крестьянством, составлявшим подавляющее большинство народа, принял его язык, понял его коренные интересы и с оружием в руках боролся за «волю и землю». Наконец, он пожертвовал своему народу собственную жизнь.

Достижения или утраты? Беларуская интеллигенция шляхетского происхождения во главе с Калиновским, вопреки польскому национализму, вопреки пришлым русификаторам, отстаивала идею федеративного союза Беларуси с Польшей. Но эту идею беларуские крестьяне либо вообще не понимали, либо расценивали как союз с бывшими хозяевами, а потому отвергали. До 70% повстанцев составила шляхта. Крестьян было среди них в среднем 18%, только в Гродненской губернии — около 33%.

В результате разгрома повстанцев почти все интеллигенты, осознавшие свою связь с крестьянством и вступившие в борьбу за улучшение его положения, погибли, оказались в ссылке, эмигрировали. В то же время политика русификации принесла первые плоды. Почти все православные беларуские крестьяне проявили покорность царю. Пропасть между православной частью крестьянства и католическими помещиками еще больше углубилась.

Восстания 1831 и 1863 года окончательно изменили прежний культурный ландшафт беларуских земель. Полонизацию сменила волна русификации в виде обширного комплекса административных, идеологических и экономических мер. И всё же благодаря польско-русскому противостоянию понимание беларуской самобытности значительно возросло. Русские убедили беларусов в том,

Были опрошены 1500 человек в разных точках страны. Кроме того, проведены дискуссии в различных возрастных группах, где люди могли не просто ответить на вопросы, но и объяснить свою позицию.

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, пьянство, лень, сострадание, самопожертвование — вот, судя по ответам, главные составляющие русского характера. Но не единственные. Многие респонденты сказали, что русским свойственны доброта, гостеприимство, оптимизм, простота (раскованность), приветливость, находчивость, живучесть, халявность, русский «авось», уживчивость, безответственность, смелость, щедрость, любовь к Родине.

В дискуссиях добавляли и такие характеристики: «Мы часто ругаемся, но и часто миримся»; «Русские всегда чего-то ждут, пока все само собой сделается»; «На сегодняшний день воровство — это национальная черта». Всё, как во времена Карамзина. Таков русский человек — един во многих лицах, прямая противоположность самому себе.

Причины, истоки русского менталитета, молодое поколение (до 34 лет) видит в том, что русские всегда имели сильного правителя, что Россия — фильтр между Европой и Азией, и что она изначально была несвободной страной. С другой стороны, на нашем характере сказались большие просторы и природные богатства. Старшие тоже согласны: «Огромная территория, избыток природных богатств привели к широте души». Но они видят и другие корни нашего менталитета: постоянная борьба, угнетение, климатические условия («на севере люди добрее, чем на юге»), смешение народов».

Через полгода газета «Беларусь сегодня» рассказала об аналогичном исследовании среди беларусов. 14 июля 2004 года Виолетта Дралюк в статье «Что беларусу хорошо, то и японцу неплохо» рассказала о том, что ученые из Гомельского государственного технического университета им. П.О.Сухого «вот уже несколько лет упорно исследуют загадку беларуского менталитета»:

«Особые природные условия, тесные взаимоотношения с соседями, мирное сосуществование разных христианских конфессий и религий, военные походы через беларускую землю, «прививки» восточных культур — вот что сформировало ментальные особенности беларуса, считают гомельские ученые. Например, под влиянием балтов появилась у нас сдержанность, выносливость, настороженность и скрытность. Зато нет у беларусов легкомысленности и бахвальства, присущего «шляхетным» полякам. Лишены беларусы и раскованности, открытой и порой грубой простоты, столь свойственной русским. Евреям беларусы уступают в находчивости, настойчивости, умении приспосабливаться к жизненным обстоятельствам.

скому наречию»), на 65—70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

священникам русов Полабья, так как их арианские общины держались обособленно от остальных христиан Европы.

Многое говорит о том, что древние жители беларуской земли исповедовали именно арианство. Так, рассказывая о Реформации на территории Беларуси, Ластовский отметил:

> «В это самое время мозырский земский судья Степан Лаван распространял вместе с Будным и Матавилой социанизм и арианизм... Каждая из этих новых религиозных сект — а их было несколько десятков — имела своих широких сторонников и верующих».

Почему же оно широко распространилось во время Реформации в Беларуси, в отличие от Польши и Чехии? Видимо потому, что народ воспринимал арианство как еще не совсем забытую древнюю веру. Однако надо согласиться с мнением Ластовского: древние истоки беларуского христианства остаются загадкой. Главная причина — уничтожение вандалом Иваном Грозным в 1563 году, во время оккупации московитами Полоцка, библиотеки при храме Святой Софии, где были собраны почти все древние беларуские летописи. В том числе сгорела «Летопись Кривичанско-Полоцкой земли».

Напомню читателям, что первоначально христианская церковь была единой. Но в 867 году, вследствие конфликта между константинопольским патриархом Фотием и римским папой Николаем I, между ними произошел разрыв. Позже (в X веке) удалось достичь формального единства, хотя в административном плане церковь уже фактически разделилась на две части.

Западная (Римская) повсеместно использовала латынь в качестве языка богослужения, священных книг и документации, а восточная (Византийская) — греческий язык. Кроме того, постепенно усиливались разногласия по вопросам догматики и культа. Однако обе они являются апостольскими, так как святой дух передается непосредственно от апостолов — прямых учеников и наследников Иисуса Христа.

Летом 1054 года случился новый разрыв, на этот раз между константинопольским патриархом Керуларием и легатом римской курии Гумбертом (в тот момент еще не был избран преемник умершего папы Льва IX). Чаще всего разделение церквей связывают именно с этой датой. Но окончательно раскол (по-гречески «схизма») произошел только в 1204 году, в связи с разграблением Константинополя участниками 4-го крестового похода, организованного римским папой Иннокентием III.

Постепенно за восточной церковью (Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский патриархаты,

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

народы Полабской Руси и Поморья, спасаясь от немецкой экспансии, уходили все дальше и дальше на восток.

Летописи свидетельствуют, что «славянские элементы» появились на территории Литвы (будущей Беларуси) благодаря миграции славян из Полабской Руси и Поморья (ободритов, лютичей-лютвинов, русинов острова Русин /Рюген/ и Старгорода /Ольденбурга/, лужичан Лужицкой Сербии, поморских пруссов, а также мазуров). Тогдашние этносы Западной и Центральной Беларуси (ятвяги, лайнова, лютва) не только дали им всем место, но и смешались с ними. В результате этого смешения возникло Великое княжество Литовское.

Мигрировавшие народы Центральной Европы принесли сюда свои фамилии на «ич», отсутствующие в языках современных поляков, украинцев и русских. Отмечу попутно, что писатель Юрий Брезан, лужицкий серб, лауреат двух Государственных премий ГДР, в книге «Избранное» (Москва, 1987 г.) своих персонажей лужичан называет «беларускими» именами Якуб, Михась, Ян, Ганна и т.д. Но «беларуские» ли это имена и фамилии? Скорее, они «собственность» лужичан.

Молодые беларуские крестьянки

Более чем вероятно, что литвинский (беларуский) язык и этнос возникли в процессе взаимодействия языков и этносов полабско-поморских славян и балтов. Древние культурные истоки беларусов надо искать у лужицких сербов. Серьезных исследований в этом направлении не было, хотя именно тут очевидна полная идентичность и совпадение в деталях, а не просто нечто этнически «похожее».

Обращаю внимание читателей на указанную проблему по той причине, что в России существует принципиально иная, ничем не обоснованная версия этнокультурного происхождения беларусов: мол, беларусы — это восточные славяне, которые изначально проживали на территории Днепра (и оттуда же якобы «вышли» русские).

Именно такая концепция позволяла идеологам царизма изображать беларусов как «младший» и «изначально родственный» рус-

«кинжальщиков — для приведения в исполнение приговоров этого трибунала. Первым терактом стало неудачное покушение на виленского предводителя дворянства Домейко.

Отдельные повстанческие отряды действовали в Гродненской губернии до октября. Они отказались от пеших бойцов, разделились на конные группы по 10–12 человек и стали практически неуловимыми. Однако сопротивление карателям становилось все более бессмысленным. Повстанцы покидали леса. Одни скрывались за границами империи, другие маскировались под верных подданных государя-императора.

Тем не менее, призрак крестьянского восстания по-прежнему беспокоил Муравьева. Он узнал, что на весну 1864 года планируется новое восстание. Поэтому Муравьев создал специальную комиссию для рассмотрения уставных грамот, сделавшую немало земельных подачек крестьянам за счет помещиков. В ноябре Муравьев распространил действие царского указа от 1 марта (об отмене временных обязанностей крестьян и о сокращении на 20% выкупных платежей за землю) на территорию Витебской и Могилёвской губерний. Он также восстановил право крестьян пасти свою скотину в лесах и на убранных от урожая помещичьих полях.

Муравьев, как никто другой, способствовал распространению среди беларуского крестьянства веры в «доброго царя», а также разжиганию враждебности православной его части по отношению к католической шляхте. С того времени политика противопоставления православных крестьян национальной католической элите стала традиционной для российских властей в западных губерниях империи.

Результаты восстания. Царь, его правительство и русские шовинисты праздновали победу «над поляками». М.Н. Муравьева провозгласили русским национальным героем. Царь даровал ему титул графа. По его личным приказам были казнены 128 повстанцев (не считая расстрелянных на местах боев), около 12,5 тысяч человек сосланы, более чем на шесть тысяч человек наложены различные административные взыскания. Жестокость царского палача оправдывали все российские газеты, в том числе либеральные «Московские новости» М.Н. Каткова. Пели дифирамбы ему известные поэты П.А. Вяземский и Н.А. Некрасов. Только Александр Герцен в своем «Колоколе» постоянно называл Муравьева «вешателем» и «людоедом».

Михаил Муравьев (1796–1866)

Православные русификаторы начали объединяться в осо юзы — братства. Уже к концу 60-х годов их численность в ро-Западном крае и Украине достигла 200. Церковь чрезмерно тизировалась. И только царский указ 1890 года официально запретил ей заниматься деятельностью, направленной против других конфессий. Но упомянутый указ во многих случаях не исполнялся.

Вторая волна русификации имела для беларусов более серьезные результаты, чем первая. Хотя царизм острие своего удара направил против «полонизма», он выжил. Носителями польской культурной традиции являлись шляхтичи. Они сберегли ее, объединяясь в сельскохозяйственные и кредитные общества, группируясь на основе светских салонов и просветительских кружков. Например, в конце XIX века широкой известностью в Вильне пользовался кружок писательницы Элоизы Ожешко (1841–1910), уроженки Гродненской губернии. Зато почти полностью исчезло слабое беларуское начало, объявленное «польским».

Эстафета развития культуры из имений магнатов и шляхты перешла в города. Но беларуской культуре в этих городах, возводившихся руками беларусов, места не находилось. Там процветали иные культуры — польская, русская, еврейская. А приобщение беларуской массы к русской культуре, при отсутствии собственного государства и национальной религии, имело своим следствием русификацию. Если интеллектуалы могли критически перерабатывать достижения чуждой культуры в своих собственных интересах, то на «простых людей» она действовала подобно отраве — калечила этническое самосознание, формировала синдром неполноценности.

«Откат». В результате режима насилия и террора, которыми М.Н. Муравьев искоренял «польский дух» в Северо-Западном крае, в беларуских землях установилась доминирующее положение русского чиновничества и православной церкви, чьи основные усилия были направленные на тотальную русификацию.

И без того неблагоприятные для беларуской самоидентификации условия ухудшились многократно. В оккупированных российской бюрократией землях воцарилась такая атмосфера, что не только роста самосознания не могло быть, но и тем, кто успел осознать себя беларусами, лучше было скрыться за наименованием «русский» или хотя бы «здешний». Вот как характеризовала обстановку в Западном крае середины 60-х годов XIX века свидетельница тех событий Н.С. Ланская:

«Несколько лет назад Западный край был центром, куда стекалось великое множество людей великорусского происхождения преимущественно и православного вероисповедания обязательно. В то время край представлял собой арену, где, ничем не рискуя, можно было

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

Благодаря им, в России приобрела популярность концепция, согласно которой Беларусь — это Западная Русь, а беларусы — те же русские, но «испорченные» польским влиянием. Она получила название «западнорусизм».

Ее главным теоретиком был историк и этнограф Михаил Коялович (1828–1891), сын униатского священника из Гродненской губернии. В основе деятельности Кояловича лежала идея о превосходстве православия над всеми другими религиями. Скандальную известность получили его «Лекции по истории Западной России» (1864 г.) — откровенно антипольские и антисемитские как по своему духу, так и по подбору фактов. Социально-экономические проблемы для него не существовали. Все сложности исторического процесса он сводил к национально-религиозному вопросу, решаемому им с позиций православия, монархизма и великорусского шовинизма.

Став профессором истории Петербургской духовной академии, Коялович сосредоточился на борьбе с «польским влиянием». С этой целью он требовал даже ввести в государственных школах и учреждениях Северо-Западного края беларуский язык, а земли «польских помещиков» (в действительности, беларуских помещиков-католиков) раздать крестьянам. Однако Коялович отрицал самобытность не только беларусов и украинцев, но даже летувисов (жемойтов), и пропагандировал «слияние» их с «великорусской народностью».

Беларуский общественно-политический деятель 1910–20-х годов Александр Цвикевич считал, что «болезненное умиление к России» возникло у М.О. Кояловича потому, что он рассматривал последнюю как защитницу беларусов, украинцев и литовцев «от исторического польского притеснения». Цвикевич характеризовал «западнорусизм» как такое течение в общественной мысли, которое отрицало наличие беларуской национальной культуры. Поэтому идеологи «западнорусизма» не признавали прав ни Беларуси, ни Украины на самостоятельное культурное и политическое развитие, видели их будущее исключительно в составе России.

Сторонники концепции западнорусизма группировались вокруг журнала «Вестник Западной России», издававшегося в Вильне с 1864 по 1871 год. Его редактором был Ксенофонт Говорский (1811–1871), тоже сын униатского священника, но с Витебщины. Говорский, его сотрудники и авторы, публиковавшиеся в журнале, пропагандировали «исконное родство» беларусов и русских, призвали к полному слиянию их с великорусским народом.

Известный русский историк и этнограф А.Н. Пыпин (1833–1904) писал, что в Западно-Русском крае этот журнал «на деле стал одним из тех друзей /беларусов — *А.Т.*/, которые бывают хуже врагов». К числу псевдозаслуг Говорского относятся такие деяния, как разгром Виленского археологического музея, пропаганда плана массо-

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

«Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

«Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

ЧАСТЬ I.
БЕЛАРУСЫ В ТЕНИ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

Глава 1. Краткий очерк политической и культурной жизни (1772—1916 гг.)

(**Захар Шибека**, доктор исторических наук)

Автор полагает, что все события, когда-либо происходившие на территории расселения беларуского этноса, принадлежат беларуской истории. Только такой подход позволяет нам чувствовать себя хозяевами нашей земли, воспринимать свое Отечество во всей совокупности того, что у него было в прошлом хорошего и плохого.

Историческое беспамятство и культурная неосведомленность — это результат утраты собственной исторической и культурной традиции. Советская Беларусь появилась в 1919 году, а всё, что происходило на беларуской земле до этой даты, долгое время считалось либо польским, либо русским. Позже поддержку государства получала только «пролетарская» культура, по своей сути — космополитичная, но с ярко выраженным «русским акцентом».

Именно по этой причине «багаж» исторических и культурных знаний большинства жителей современной Беларуси, включая ее политических лидеров, чрезвычайно скуден. Однако автор уверен, что такая ситуация неизбежно изменится после освоения и осмысления населением независимого суверенного государства Беларусь своего культурно-исторического наследия.

1. Период польского доминирования и литовско-беларуского регионализма (1795–1830)

В последней четверти XVIII века с политической карты Европы исчезло Великое княжество Литовское (ВКЛ) — государство, на территории которого жили предки двух со-

* Сокращенный вариант глав I–IV из книги З. Шибеки «Очерк истории Беларуси. 1795–2002». Сокращению подверглись, в основном, материалы социально-экономического характера.

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

ге на беларуском языке свою повесть в стихах «Сынок», несколько поучений для народа («Слово о проклятой водке и о жизни и смерти пьяницы»), другие произведения.

Поэт Франтишек Богушевич (1840–1900)

Хранителями родного языка выступали кружки ученической и студенческой молодежи, которые под влиянием этнографических исследований интересовались вопросами народной культуры. Студенческие кружки уроженцев Беларуси возникли в конце XIX века в Варшаве, Кракове, Киеве, Одессе, Харькове, Москве и Петербурге. Среди московских студентов пользовался популярностью Антон Левицкий (1868–1922), будущий беларуский писатель, известный под псевдонимом Ядвигин Ш.

В Петербурге студент технологического института Вацлав Ивановский организовал в 1899 году студенческий кружок из земляков. В начале нового века члены кружка издали на гектографе литературные сборники «Колядная писанка» и «Великодная писанка», а также переиздали в 1903 году под видом болгарской книжку Янки Лучины «Вязанка».

Города как центры культуры. После реформы 1861 года в Беларуси ускорилось формирование профессиональной культуры — сферы деятельности творческой интеллигенции. Центром беларуской профессиональной культуры выступала Вильня. Но даже в 1897 году беларусы составляли лишь 17% горожан Северо-Западного края и были слабо представлены среди состоятельной их части.

Традиционная (народная) культура безбрежным морем окружала города, своеобразные «острова» профессионального творчества. Беларуская деревня привлекала городских интеллигентов своими деревянными скульптурами и церквями, народной праздничной одеждой, изделиями ткачества и гончарного промысла, богатейшим фольклором, музыкальными мелодиями, традиционными обрядами и праздниками.

У беларусов уже давно не было своего государства, но сохранился родной язык, была родная земля. Язык и земля позволяли им мечтать о национальном самоопределении.

Наиболее значимыми проводниками русского культурного влияния являлись губернские города. Русская либеральная интеллигенция группировалась вокруг редакций периодических изданий,

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

священникам русов Полабья, так как их арианские общины держались обособленно от остальных христиан Европы.

Многое говорит о том, что древние жители беларуской земли исповедовали именно арианство. Так, рассказывая о Реформации на территории Беларуси, Ластовский отметил:

> «В это самое время мозырский земский судья Степан Лаван распространял вместе с Будным и Матавилой социанизм и арианизм... Каждая из этих новых религиозных сект — а их было несколько десятков — имела своих широких сторонников и верующих».

Почему же оно широко распространилось во время Реформации в Беларуси, в отличие от Польши и Чехии? Видимо потому, что народ воспринимал арианство как еще не совсем забытую древнюю веру. Однако надо согласиться с мнением Ластовского: древние истоки беларуского христианства остаются загадкой. Главная причина — уничтожение вандалом Иваном Грозным в 1563 году, во время оккупации московитами Полоцка, библиотеки при храме Святой Софии, где были собраны почти все древние беларуские летописи. В том числе сгорела «Летопись Кривичанско-Полоцкой земли».

Напомню читателям, что первоначально христианская церковь была единой. Но в 867 году, вследствие конфликта между константинопольским патриархом Фотием и римским папой Николаем I, между ними произошел разрыв. Позже (в X веке) удалось достичь формального единства, хотя в административном плане церковь уже фактически разделилась на две части.

Западная (Римская) повсеместно использовала латынь в качестве языка богослужения, священных книг и документации, а восточная (Византийская) — греческий язык. Кроме того, постепенно усиливались разногласия по вопросам догматики и культа. Однако обе они являются апостольскими, так как святой дух передается непосредственно от апостолов — прямых учеников и наследников Иисуса Христа.

Летом 1054 года случился новый разрыв, на этот раз между константинопольским патриархом Керуларием и легатом римской курии Гумбертом (в тот момент еще не был избран преемник умершего папы Льва IX). Чаще всего разделение церквей связывают именно с этой датой. Но окончательно раскол (по-гречески «схизма») произошел только в 1204 году, в связи с разграблением Константинополя участниками 4-го крестового похода, организованного римским папой Иннокентием III.

Постепенно за восточной церковью (Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский патриархаты,

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

По моему мнению, российские историки и идеологи раздувают культ Кирилла и Мефодия для того, чтобы скрывать огромные противоречия в их представлениях о самих себе как о якобы «славянах» — и чтобы отвергать «нежелательные» факты, этому мифу противоречащие (то есть. всю историческую, этнографическую и лингвистическую фактуру).

Кстати, Кирилл и Мефодий вовсе не греки, и не родные братья. Оба они — богатые православные арабы из Дамаска (Сирия тогда была христианской), нанятые властями Византии для миссии в Моравии. Например, об этом пишет, цитируя документы. российский историк А.А. Бычков в книге «Киевская Русь: Страна. которой никогда не было?» Но самое забавное то, что чехи, ради создания алфавита которых приехал православный араб Кирилл, вообще о нем не помнят, зато его возвели в культ в России, где он никогда не был...

Итак, формирование русского и беларуского языков — автономные процессы, не связанные между собой. Беларуский язык вовсе не «отпочкование» от языка Московии, как это бездоказательно утверждают российские идеологи. Он сформировался задолго до появления Москвы, и никакого отношения к восточному соседу не имеет.

Исторически беларуский язык — это язык западных балтов (ятвягов, дайнова, лютвы, пруссов, мазуров). В Польше в период до союза с Мазовией (когда ляхи жили вокруг Кракова) язык был кристально чистым славянским. Союз с Мазовией создал новый этнос: ляхи смешались с мазурами, и появился польский народ с его пшекающим языком.

Точно так же в Литве был «дзэкающий», «гэкающий», «цэкающий», «акающий» западно-балтский язык ятвягов (позже литвинов), который сегодня некоторые историки именуют «древнебеларуским» (на нем написаны Статуты и Метрика ВКЛ). хотя он тогда именовался «литовским языком». Средневековые слависты Чехии, Польши и Германии относили литовский язык к семье славянских языков, а при издании Статута ВКЛ в переводе на польский язык в издательстве Мамоничев (1614, 1619, 1623 гг.) и королевским издателем П. Элертом (1648 год) указывалось, что это перевод с литовского языка, а не с языка «беларуского».

Великий польский поэт беларуского происхождения Адам Мицкевич два века назад сказал о беларуском языке:

> «На беларускай мове. якую называюць русінскай альбо літоўска-русінскай, таксама размаўляе каля дзесяці мільёнаў чалавек; гэта самая багатая і самая чыстая гаворка, яна ўзьнікла даўно і выдатна распрацавана. У перыяд незалежнасці Літвы вялікія князі карысталіся ёю для сваёй дыпламатычнай перапіскі.

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

По моему мнению, российские историки и идеологи раздувают культ Кирилла и Мефодия для того, чтобы скрывать огромные противоречия в их представлениях о самих себе как о якобы «славянах» — и чтобы отвергать «нежелательные» факты, этому мифу противоречащие (то есть. всю историческую, этнографическую и лингвистическую фактуру).

Кстати, Кирилл и Мефодий вовсе не греки, и не родные братья. Оба они — богатые православные арабы из Дамаска (Сирия тогда была христианской), нанятые властями Византии для миссии в Моравии. Например, об этом пишет, цитируя документы. российский историк А.А. Бычков в книге «Киевская Русь: Страна. которой никогда не было?» Но самое забавное то, что чехи, ради создания алфавита которых приехал православный араб Кирилл, вообще о нем не помнят, зато его возвели в культ в России, где он никогда не был...

Итак, формирование русского и беларуского языков — автономные процессы, не связанные между собой. Беларуский язык вовсе не «отпочкование» от языка Московии, как это бездоказательно утверждают российские идеологи. Он сформировался задолго до появления Москвы, и никакого отношения к восточному соседу не имеет.

Исторически беларуский язык — это язык западных балтов (ятвягов, дайнова, лютвы, пруссов, мазуров). В Польше в период до союза с Мазовией (когда ляхи жили вокруг Кракова) язык был кристально чистым славянским. Союз с Мазовией создал новый этнос: ляхи смешались с мазурами, и появился польский народ с его пшекающим языком.

Точно так же в Литве был «дзэкающий», «гэкающий», «цэкающий», «акающий» западно-балтский язык ятвягов (позже литвинов), который сегодня некоторые историки именуют «древнебеларуским» (на нем написаны Статуты и Метрика ВКЛ). хотя он тогда именовался «литовским языком». Средневековые слависты Чехии, Польши и Германии относили литовский язык к семье славянских языков, а при издании Статута ВКЛ в переводе на польский язык в издательстве Мамоничев (1614, 1619, 1623 гг.) и королевским издателем П. Элертом (1648 год) указывалось, что это перевод с литовского языка, а не с языка «беларуского».

Великий польский поэт беларуского происхождения Адам Мицкевич два века назад сказал о беларуском языке:

> «На беларускай мове. якую называюць русінскай альбо літоўска-русінскай, таксама размаўляе каля дзесяці мільёнаў чалавек; гэта самая багатая і самая чыстая гаворка, яна ўзьнікла даўно і выдатна распрацавана. У перыяд незалежнасці Літвы вялікія князі карысталіся ёю для сваёй дыпламатычнай перапіскі.

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

священникам русов Полабья, так как их арианские общины держались обособленно от остальных христиан Европы.

Многое говорит о том, что древние жители беларуской земли исповедовали именно арианство. Так, рассказывая о Реформации на территории Беларуси, Ластовский отметил:

> «В это самое время мозырский земский судья Степан Лаван распространял вместе с Будным и Матавилой социанизм и арианизм... Каждая из этих новых религиозных сект — а их было несколько десятков — имела своих широких сторонников и верующих».

Почему же оно широко распространилось во время Реформации в Беларуси, в отличие от Польши и Чехии? Видимо потому, что народ воспринимал арианство как еще не совсем забытую древнюю веру. Однако надо согласиться с мнением Ластовского: древние истоки беларуского христианства остаются загадкой. Главная причина — уничтожение вандалом Иваном Грозным в 1563 году, во время оккупации московитами Полоцка, библиотеки при храме Святой Софии, где были собраны почти все древние беларуские летописи. В том числе сгорела «Летопись Кривичанско-Полоцкой земли».

Напомню читателям, что первоначально христианская церковь была единой. Но в 867 году, вследствие конфликта между константинопольским патриархом Фотием и римским папой Николаем I, между ними произошел разрыв. Позже (в X веке) удалось достичь формального единства, хотя в административном плане церковь уже фактически разделилась на две части.

Западная (Римская) повсеместно использовала латынь в качестве языка богослужения, священных книг и документации, а восточная (Византийская) — греческий язык. Кроме того, постепенно усиливались разногласия по вопросам догматики и культа. Однако обе они являются апостольскими, так как святой дух передается непосредственно от апостолов — прямых учеников и наследников Иисуса Христа.

Летом 1054 года случился новый разрыв, на этот раз между константинопольским патриархом Керуларием и легатом римской курии Гумбертом (в тот момент еще не был избран преемник умершего папы Льва IX). Чаще всего разделение церквей связывают именно с этой датой. Но окончательно раскол (по-гречески «схизма») произошел только в 1204 году, в связи с разграблением Константинополя участниками 4-го крестового похода, организованного римским папой Иннокентием III.

Постепенно за восточной церковью (Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский патриархаты,

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Называть «схожими до степени братства» абсолютно разные по содержанию МАШИНЫ воспроизводства генофонда просто нелепо. У беларусов — генофонд и антропология сплава западных балтов и славян, у русских — генофонд и антропология сплава финнов и тюрок.

Дополняют картину современные исследования беларуских ученых, изучавших антропологию и генетику беларусов. В 2005 году, одновременно с завершением работы российских ученых по изучению русского генофонда, в Беларуси были опубликованы результаты аналогичного исследования. Это книга А.И. Микулича «Беларусы в генетическом пространстве: Антропология этноса». Вот отрывки из рецензии Дмитрия Санько на нее (в переводе В. Деружинского):

«Монография подводит итоги более чем 30-летним экспедиционным исследованиям, проведенным известным антропогенетиком Алексеем Микуличем в Республике Беларусь и на смежных территориях стран-соседей — Российской Федерации, Республики Летува, Украины. Объектом их было, прежде всего, сельское население как носитель наиболее характерных генетических и конституционных особенностей популяций. Изучением было охвачено около 120 избранных групп. Они формировались из тех представителей, которые имеют предков местного происхождения до 4—5 колена.

Исследование генофонда коренных местных популяций показало целостность беларуского этноса, его гомеостаз /устойчивость — *В.Д.*/ во времени и пространстве, а также очевидность геногеографического компонента в этнической истории.

На карте генетической отдаленности от средних беларуских частот генов в населении Восточной Европы, созданной на основе значений ДНК-маркеров, ясно видна особенность генофонда беларусов, к которым примыкают коренные жители Псковщины, Новгородчины, Смоленщины, Брянщины, Виленского края и Украинского Полесья. Компактный ареал беларуского генофонда на этой карте в общих чертах соответствует сфере расселения беларусов в исторической ретроспективе...

Известно, что «европеизация» российского населения остановилась под татаро-монгольским нашествием. Изучение генофонда беларусов практически не показало присутствия в нем примет монгольской расы. Это подтверждает исторические свидетельства о том, что Беларусь не знала татаро-монгольского ига. Интересно также отметить, что общая тенденция изменчивости в границах беларуского ареала имеет меридиональное направление /Запад — Восток — *В.Д.*/, в то время как для российского ареала ее направление перпендикулярно — широтное /Север — Юг — *В.Д.*/.

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

к российским порядкам — только бы выжить. В определенном смысле беларусы стали нацией приспособленцев, чем и спасались. Так, православные предприниматели (фермеры, торговцы, отдельные фабриканты) в конкурентной борьбе с помещиками польской культуры и евреями искали заступничества у российских властей. Карьерные интересы беларуской интеллигенции требовали и от нее лояльности царскому режиму. Православные беларусы стали носителями русско-беларуского (имперского) варианта самосознания: они признавали своим отечеством Россию, поддерживали царя, слушались священников и все же отличали себя от русских.

Показательны в этом смысле взгляды Луки Солоневича, в прошлом сельского учителя, волостного писаря, чиновника канцелярии гродненского губернатора. В 1908 году он организовал в Вильне «Белорусское общество», а в 1909 году издавал на русском языке газету «Белорусская жизнь». Солоневич и его сторонники признавали беларусов самостоятельным народом, но «культурным» языком для него считали русский. Газета критиковала правительство за то, что оно не принимало действенных мер для ограничения господства крупных «польских» помещиков (в действительности беларуских, но католической веры и польской культуры). Кроме того, они обвиняли власти в игнорировании жизненно важных интересов беларуского «народа», под которыми понимали потребность крестьянства в значительном расширении земельных участков. Солоневич и ему подобные пытались сочетать российский провинциализм с элементами регионального сепаратизма, постепенно приближаясь к идеологии беларуских националистов.

Польско-беларуский вариант самосознания. Завоеванные революцией гражданские свободы содействовали новому подъему в Беларуси польской культуры, усилению влияния католического костёла. Например, с 1906 по 1914 год число польских газет и журналов, издававшихся в Вильне, увеличилось с 11 до 28. До 1908 года в Вильне работало популярное культурно-просветительное товарищество «Освята» («Просвещение»), имевшее отделения в Минске, Несвиже, Гродно и других городах. Воинствующие клерикалы не признавали самобытности беларусов и стремились к полной полонизации беларусов. А с другой стороны, слабость беларуского движения не способствовала участию в нем беларусов-католиков.

В это же время на сцене появился польско-беларуский (краевой) вариант самосознания. «Краёвцы» представляли католическую интеллигенцию и землевладельцев (Роман Скирмунт, Александр Ледницкий, Михаил Ромер и другие). Это движение заявило о себе в феврале 1906 года программной статьей в «Виленской газете». Как правило, местные патриоты отличали себя от поляков, почему и назывались «краёвцами», или «литвинами». Под термином «край» они

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

к российским порядкам — только бы выжить. В определенном смысле беларусы стали нацией приспособленцев, чем и спасались. Так, православные предприниматели (фермеры, торговцы, отдельные фабриканты) в конкурентной борьбе с помещиками польской культуры и евреями искали заступничества у российских властей. Карьерные интересы беларуской интеллигенции требовали и от нее лояльности царскому режиму. Православные беларусы стали носителями русско-беларуского (имперского) варианта самосознания: они признавали своим отечеством Россию, поддерживали царя, слушались священников и все же отличали себя от русских.

Показательны в этом смысле взгляды Луки Солоневича, в прошлом сельского учителя, волостного писаря, чиновника канцелярии гродненского губернатора. В 1908 году он организовал в Вильне «Белорусское общество», а в 1909 году издавал на русском языке газету «Белорусская жизнь». Солоневич и его сторонники признавали беларусов самостоятельным народом, но «культурным» языком для него считали русский. Газета критиковала правительство за то, что оно не принимало действенных мер для ограничения господства крупных «польских» помещиков (в действительности беларуских, но католической веры и польской культуры). Кроме того, они обвиняли власти в игнорировании жизненно важных интересов беларуского «народа», под которыми понимали потребность крестьянства в значительном расширении земельных участков. Солоневич и ему подобные пытались сочетать российский провинциализм с элементами регионального сепаратизма, постепенно приближаясь к идеологии беларуских националистов.

Польско-беларуский вариант самосознания. Завоеванные революцией гражданские свободы содействовали новому подъему в Беларуси польской культуры, усилению влияния католического костёла. Например, с 1906 по 1914 год число польских газет и журналов, издававшихся в Вильне, увеличилось с 11 до 28. До 1908 года в Вильне работало популярное культурно-просветительное товарищество «Освята» («Просвещение»), имевшее отделения в Минске, Несвиже, Гродно и других городах. Воинствующие клерикалы не признавали самобытности беларусов и стремились к полной полонизации беларусов. А с другой стороны, слабость беларуского движения не способствовала участию в нем беларусов-католиков.

В это же время на сцене появился польско-беларуский (краевой) вариант самосознания. «Краёвцы» представляли католическую интеллигенцию и землевладельцев (Роман Скирмунт, Александр Ледницкий, Михаил Ромер и другие). Это движение заявило о себе в феврале 1906 года программной статьей в «Виленской газете». Как правило, местные патриоты отличали себя от поляков, почему и назывались «краёвцами», или «литвинами». Под термином «край» они

«кинжальщиков — для приведения в исполнение приговоров этого трибунала. Первым терактом стало неудачное покушение на виленского предводителя дворянства Домейко.

Отдельные повстанческие отряды действовали в Гродненской губернии до октября. Они отказались от пеших бойцов, разделились на конные группы по 10–12 человек и стали практически неуловимыми. Однако сопротивление карателям становилось все более бессмысленным. Повстанцы покидали леса. Одни скрывались за границами империи, другие маскировались под верных подданных государя-императора.

Тем не менее, призрак крестьянского восстания по-прежнему беспокоил Муравьева. Он узнал, что на весну 1864 года планируется новое восстание. Поэтому Муравьев создал специальную комиссию для рассмотрения уставных грамот, сделавшую немало земельных подачек крестьянам за счет помещиков. В ноябре Муравьев распространил действие царского указа от 1 марта (об отмене временных обязанностей крестьян и о сокращении на 20% выкупных платежей за землю) на территорию Витебской и Могилёвской губерний. Он также восстановил право крестьян пасти свою скотину в лесах и на убранных от урожая помещичьих полях.

Муравьев, как никто другой, способствовал распространению среди беларуского крестьянства веры в «доброго царя», а также разжиганию враждебности православной его части по отношению к католической шляхте. С того времени политика противопоставления православных крестьян национальной католической элите стала традиционной для российских властей в западных губерниях империи.

Результаты восстания. Царь, его правительство и русские шовинисты праздновали победу «над поляками». М.Н. Муравьева провозгласили русским национальным героем. Царь даровал ему титул графа. По его личным приказам были казнены 128 повстанцев (не считая расстрелянных на местах боев), около 12,5 тысяч человек сосланы, более чем на шесть тысяч человек наложены различные административные взыскания. Жестокость царского палача оправдывали все российские газеты, в том числе либеральные «Московские новости» М.Н. Каткова. Пели дифирамбы ему известные поэты П.А. Вяземский и Н.А. Некрасов. Только Александр Герцен в своем «Колоколе» постоянно называл Муравьева «вешателем» и «людоедом».

Михаил Муравьев (1796–1866)

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

ге на беларуском языке свою повесть в стихах «Сынок», несколько поучений для народа («Слово о проклятой водке и о жизни и смерти пьяницы»), другие произведения.

Поэт Франтишек Богушевич (1840–1900)

Хранителями родного языка выступали кружки ученической и студенческой молодежи, которые под влиянием этнографических исследований интересовались вопросами народной культуры. Студенческие кружки уроженцев Беларуси возникли в конце XIX века в Варшаве, Кракове, Киеве, Одессе, Харькове, Москве и Петербурге. Среди московских студентов пользовался популярностью Антон Левицкий (1868–1922), будущий беларуский писатель, известный под псевдонимом Ядвигин Ш.

В Петербурге студент технологического института Вацлав Ивановский организовал в 1899 году студенческий кружок из земляков. В начале нового века члены кружка издали на гектографе литературные сборники «Колядная писанка» и «Великодная писанка», а также переиздали в 1903 году под видом болгарской книжку Янки Лучины «Вязанка».

Города как центры культуры. После реформы 1861 года в Беларуси ускорилось формирование профессиональной культуры — сферы деятельности творческой интеллигенции. Центром беларуской профессиональной культуры выступала Вильня. Но даже в 1897 году беларусы составляли лишь 17% горожан Северо-Западного края и были слабо представлены среди состоятельной их части.

Традиционная (народная) культура безбрежным морем окружала города, своеобразные «острова» профессионального творчества. Беларуская деревня привлекала городских интеллигентов своими деревянными скульптурами и церквями, народной праздничной одеждой, изделиями ткачества и гончарного промысла, богатейшим фольклором, музыкальными мелодиями, традиционными обрядами и праздниками.

У беларусов уже давно не было своего государства, но сохранился родной язык, была родная земля. Язык и земля позволяли им мечтать о национальном самоопределении.

Наиболее значимыми проводниками русского культурного влияния являлись губернские города. Русская либеральная интеллигенция группировалась вокруг редакций периодических изданий,

Называть «схожими до степени братства» абсолютно разные по содержанию МАШИНЫ воспроизводства генофонда просто нелепо. У беларусов — генофонд и антропология сплава западных балтов и славян, у русских — генофонд и антропология сплава финнов и тюрок.

Дополняют картину современные исследования беларуских ученых, изучавших антропологию и генетику беларусов. В 2005 году, одновременно с завершением работы российских ученых по изучению русского генофонда, в Беларуси были опубликованы результаты аналогичного исследования. Это книга А.И. Микулича «Беларусы в генетическом пространстве: Антропология этноса». Вот отрывки из рецензии Дмитрия Санько на нее (в переводе В. Деружинского):

«Монография подводит итоги более чем 30-летним экспедиционным исследованиям, проведенным известным антропогенетиком Алексеем Микуличем в Республике Беларусь и на смежных территориях стран-соседей — Российской Федерации, Республики Летува, Украины. Объектом их было, прежде всего, сельское население как носитель наиболее характерных генетических и конституционных особенностей популяций. Изучением было охвачено около 120 избранных групп. Они формировались из тех представителей, которые имеют предков местного происхождения до 4—5 колена.

Исследование генофонда коренных местных популяций показало целостность беларуского этноса, его гомеостаз /устойчивость — *В.Д.*/ во времени и пространстве, а также очевидность геногеографического компонента в этнической истории.

На карте генетической отдаленности от средних беларуских частот генов в населении Восточной Европы, созданной на основе значений ДНК-маркеров, ясно видна особенность генофонда беларусов, к которым примыкают коренные жители Псковщины, Новгородчины, Смоленщины, Брянщины, Виленского края и Украинского Полесья. Компактный ареал беларуского генофонда на этой карте в общих чертах соответствует сфере расселения беларусов в исторической ретроспективе...

Известно, что «европеизация» российского населения остановилась под татаро-монгольским нашествием. Изучение генофонда беларусов практически не показало присутствия в нем примет монгольской расы. Это подтверждает исторические свидетельства о том, что Беларусь не знала татаро-монгольского ига. Интересно также отметить, что общая тенденция изменчивости в границах беларуского ареала имеет меридиональное направление /Запад — Восток — *В.Д.*/, в то время как для российского ареала ее направление перпендикулярно — широтное /Север — Юг — *В.Д.*/.

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

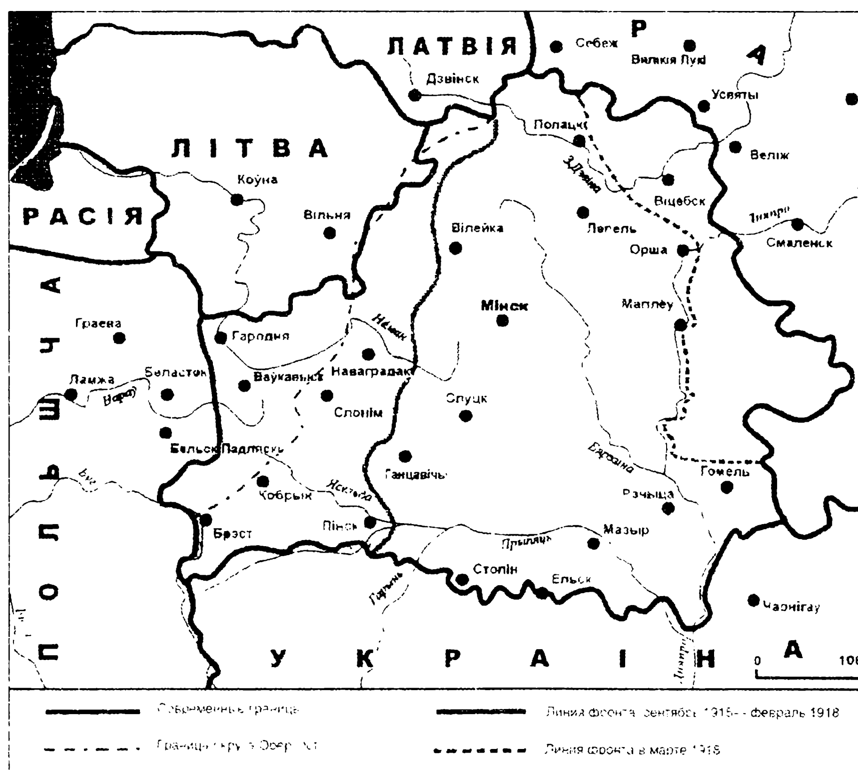
---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

ным властям просьбы и предложения от национальных групп по вопросам культуры, образования, социальной полики.

Действия оккупантов. Власти германской империи не собирались разрушать Российскую империю. Она нужна была им как неисчерпаемый источник сырья для промышленности и гигантский рынок для сбыта промышленных изделий. Задача состояла в том, чтобы экономически более тесно привязать Россию к Германии. Поэтому территориальные претензии немцев были достаточно умеренными. Они хотели отдвинуть русских от своих восточных границ, а для этого планировали создать буферное польское государство, аннексировать Литву и Курляндию.

Беларусь они считали частью России, отсталой в экономическом и культурном плане, но со своей этнической спецификой. Занятые немцами беларуские земли вошли в военно-административный округ Обер Ост, созданный осенью 1915 года, и в военно-оперативную полосу. В Обер Ост входили Курляндия, Литва и часть Беларуси, приблизительно по линии Браслав — Лида — Зельва — Брест. Всю

Территория Беларуси во время Первой мировой войны

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

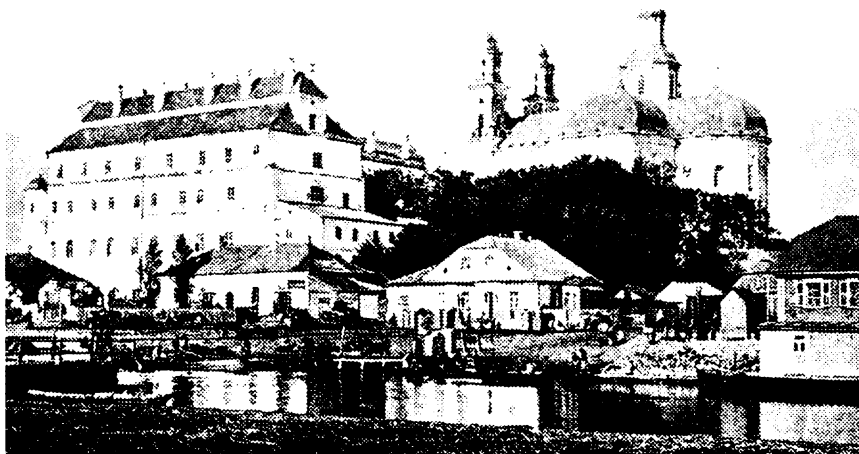
Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

свещения, уже в 1915 году в Вильне возник конспиративный общенациональный орган — Беларуский Народный Комитет, который занимался не только культурными вопросами. Его членами стали братья Луцкевичы, братья Станкевичи, поэтесса Констанция Буйло, писатель Максим Горецкий.

Существовали несколько проектов обретения беларуской государственности.

Пинск.
Католический собор (построен в 1631—1635 гг.)

Наиболее реальным в условиях оккупации считался проект возрождения Великого княжества Литовского, в котором беларуские и литовские земли соединились бы по принципу автономии, с сеймом в Вильне. Идею воссоздания ВКЛ выдвинула группа социал-демократической ориентации, во главе с братьями Луцкевичами. Эта инициатива нашла поддержку. Для осуществления поставленной цели в декабре 1915 года была создана Конфедерация Великого княжества Литовского из представителей организаций беларусов, литовцев, поляков и евреев. Тогда же Конфедерация издала на четырех языках Универсал, в котором призвала все организации присоединиться к ней. Этот документ свидетельствовал, что взгляды деятелей беларуского движения существенно изменились по сравнению с 1905 годом. Тогда члены БСГ еще не представляли себе Беларусь вне федеративной России.

Однако реализации идеи возрождения ВКЛ препятствовали планы поляков и литовцев. Первые по-прежнему вели речь о воссоздании Речи Посполитой, с включением в нее Беларуси и Литвы. Вто-

родня, подавая в 1619 году челобитную Ксении Ивановне, матери царя Михаила Романова, платила толмачу за перевод с финского костромского наречия на «государев» язык (т.е. на славянский «койне» знати). Забавно, что сегодня мордовская Кострома считается в России как бы «эталоном русскости» (даже рок-группа есть, поющая старинные мордовские песни, переведенные на русский язык, с типично финским завыванием женщин, выдаваемым за «славянское»). Но всего два столетия назад никто в Костромском крае по-русски не говорил.

Тот факт, что Московская церковь вещала на староболгарском языке (а дьяки писали на нем грамоты и прочие документы), в этом плане ничего не значит, так как вся Европа тогда в соборах говорила на латыни и вела делопроизводство на латинском языке, хотя ни один народ на этом языке уже давно не говорил. Напомню заодно, что после Люблинской унии 1569 года, когда беларусы создали вместе с поляками конфедеративное государство — Республику (по-польски Речь Посполитую), ВКЛ сохранило своим государственным языком литвинский (то есть, беларуский), а Польша ввела в качестве государственного латинский язык. Но это вовсе не значит, что народный язык поляков — латынь. Точно так же русский язык не был народным в Московии вплоть до того сравнительно недавнего времени, когда российские деревни его наконец выучили.

Вот еще пример: по сей день во многих деревнях Смоленской, Курской и Брянской областей, входивших когда-то в состав ВКЛ, никто не «окает» на финский манер (как в Рязани или Костроме), а говорят на том же языке, на котором говорят селяне Витебщины и Минщины. Любой лингвист мог бы сделать вывод, что в этих областях живет беларуское население. Но, исполняя политический заказ, российские лингвисты относят их население к тем «окающим» восточным соседям, которые во времена Лудольфа знали всего лишь 41 славянское слово, да и то не во всех деревнях.

Улуханов пишет, что, говоря о существовании у московитов двух языков — славянского (церковного болгарского) и московитского, Лудольф сообщил в «Грамматике языка московитов» следующую подробность:

> «Чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи».

Что же это за «славянский язык», если людей смешит употребление славянских слов вместо финских и тюркских? Такого никогда не было в Литве (Беларуси). Наоборот, здесь никто не понял бы того,

священникам русов Полабья, так как их арианские общины держались обособленно от остальных христиан Европы.

Многое говорит о том, что древние жители беларуской земли исповедовали именно арианство. Так, рассказывая о Реформации на территории Беларуси, Ластовский отметил:

> «В это самое время мозырский земский судья Степан Лаван распространял вместе с Будным и Матвиилой социанизм и арианизм... Каждая из этих новых религиозных сект — а их было несколько десятков — имела своих широких сторонников и верующих».

Почему же оно широко распространилось во время Реформации в Беларуси, в отличие от Польши и Чехии? Видимо потому, что народ воспринимал арианство как еще не совсем забытую древнюю веру. Однако надо согласиться с мнением Ластовского: древние истоки беларуского христианства остаются загадкой. Главная причина — уничтожение вандалом Иваном Грозным в 1563 году, во время оккупации московитами Полоцка, библиотеки при храме Святой Софии, где были собраны почти все древние беларуские летописи. В том числе сгорела «Летопись Кривичанско-Полоцкой земли».

Напомню читателям, что первоначально христианская церковь была единой. Но в 867 году, вследствие конфликта между константинопольским патриархом Фотием и римским папой Николаем I, между ними произошел разрыв. Позже (в X веке) удалось достичь формального единства, хотя в административном плане церковь уже фактически разделилась на две части.

Западная (Римская) повсеместно использовала латынь в качестве языка богослужения, священных книг и документации, а восточная (Византийская) — греческий язык. Кроме того, постепенно усиливались разногласия по вопросам догматики и культа. Однако обе они являются апостольскими, так как святой дух передается непосредственно от апостолов — прямых учеников и наследников Иисуса Христа.

Летом 1054 года случился новый разрыв, на этот раз между константинопольским патриархом Керуларием и легатом римской курии Гумбертом (в тот момент еще не был избран преемник умершего папы Льва IX). Чаще всего разделение церквей связывают именно с этой датой. Но окончательно раскол (по-гречески «схизма») произошел только в 1204 году, в связи с разграблением Константинополя участниками 4-го крестового похода, организованного римским папой Иннокентием III.

Постепенно за восточной церковью (Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский патриархаты,

Поэт Максим Богданович (1891–1917)

российского уровня почти в два раза. Местных жителей ежедневно хоронили десятками.

Что касается беларуского национального движения, то оно в восточной части имело две особенности.

Во-первых, деятельность беларуских патриотов протекала в намного худших условиях, чем под немецкой оккупацией. Царское правительство разрешило беларуским комитетам помощи беженцам только гуманитарную деятельность.

Культурная запрещалась, так как царские власти «в упор» не видели, чем жители беларуских губерний отличаются от жителей Тулы или Пензы. Вплоть до 1917 года на территории Беларуси, свободной от немцев, не выходила ни одна беларуская газета.

Во-вторых, и эта гуманитарная деятельность более или менее развернулась только в Минске, который стал вслед за Вильней вторым центром беларуского движения. Беженцы значительно увеличили удельный вес беларусов среди минчан.

Летом 1915 года в Минске открылась Беларуское общество по оказанию помощи пострадавшим от войны, в которое вошли 50 человек. Его возглавлял адвокат В. Чаусов. Все сотрудники общества питались в платной столовой, находившейся возле Красного костела (костел Св. Симона и Св. Елены) и получила название «Беларуская хатка».

Фактически, она стала клубом творческой беларуской интеллигенции, которая устраивала вечеринки для беженцев, не спрашивая разрешения городских чиновников. С лекциями, докладами, чтением своих произведений там выступали беларуские писатели и поэты — Змитрок Бядуля, Ядвигин Ш., Альберт Павлович, Язеп Фарботка, Фабиан Шантырь, Зоська Верас (Людвика Сивицкая), театральные деятели Владислав Голубок и Всеволод Фальский, архитектор Леон Дубейковский и другие. Именно в «Хатке» читал свои стихи Максим Богданович, в том числе знаменитую «Погоню».

Свержение царизма

Революционные перемены. Великая европейская война доказала полное банкротство и нежизнеспособность российской империи. Она не смогла обеспечить ни экономической, ни военной, ни поли-

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефолий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 голах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

«Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

«Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...

Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910—20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

---

* «Наука и жизнь», 2006, № 3.

священникам русов Полабья, так как их арианские общины держались обособленно от остальных христиан Европы.

Многое говорит о том, что древние жители беларуской земли исповедовали именно арианство. Так, рассказывая о Реформации на территории Беларуси, Ластовский отметил:

> «В это самое время мозырский земский судья Степан Лаван распространял вместе с Будным и Матавилой социанизм и арианизм... Каждая из этих новых религиозных сект — а их было несколько десятков — имела своих широких сторонников и верующих».

Почему же оно широко распространилось во время Реформации в Беларуси, в отличие от Польши и Чехии? Видимо потому, что народ воспринимал арианство как еще не совсем забытую древнюю веру. Однако надо согласиться с мнением Ластовского: древние истоки беларуского христианства остаются загадкой. Главная причина — уничтожение вандалом Иваном Грозным в 1563 году, во время оккупации московитами Полоцка, библиотеки при храме Святой Софии, где были собраны почти все древние беларуские летописи. В том числе сгорела «Летопись Кривичанско-Полоцкой земли».

Напомню читателям, что первоначально христианская церковь была единой. Но в 867 году, вследствие конфликта между константинопольским патриархом Фотием и римским папой Николаем I, между ними произошел разрыв. Позже (в X веке) удалось достичь формального единства, хотя в административном плане церковь уже фактически разделилась на две части.

Западная (Римская) повсеместно использовала латынь в качестве языка богослужения, священных книг и документации, а восточная (Византийская) — греческий язык. Кроме того, постепенно усиливались разногласия по вопросам догматики и культа. Однако обе они являются апостольскими, так как святой дух передается непосредственно от апостолов — прямых учеников и наследников Иисуса Христа.

Летом 1054 года случился новый разрыв, на этот раз между константинопольским патриархом Керуларием и легатом римской курии Гумбертом (в тот момент еще не был избран преемник умершего папы Льва IX). Чаще всего разделение церквей связывают именно с этой датой. Но окончательно раскол (по-гречески «схизма») произошел только в 1204 году, в связи с разграблением Константинополя участниками 4-го крестового похода, организованного римским папой Иннокентием III.

Постепенно за восточной церковью (Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский патриархаты,

алфавит? Никакого. А ведь поляки — братья-славяне и соседи навсегда, тогда как с неславянской Грецией Беларусь не граничит и ничего общего с греками беларусы не имеют. Выбор между греческим и латинским алфавитами лишен политического подтекста.

Зато такой подтекст всегда присутствует в демагогических заявлениях российских идеологов и парламентариев, склонных ужасаться «отходу от России» по любому поводу, ибо в их представлениях Москва — «третий Рим», своего рода мистический центр, вокруг которого «обязано» группироваться все «прогрессивное человечество».

Когда большевики захватили власть в Российской империи, комиссары от просвещения осуществили реформу «великорусского» языка. Во-первых, его переименовали в просто «русский», дабы удалить имперское» «велико», а заодно превратили великороссов в русских. Между тем, нет в русском языке такого обычая, чтобы название национальности было прилагательным (хотя чего требовать от авторов новшества Троцкого и Свердлова, евреев, слабо разбиравшихся в тонкостях русского языка). Во-вторых, Троцкий и Свердлов утвердили «новый гражданский алфавит»: отменили букву «ять» и ряд других букв, одобрили изменение грамматических правил.

А в-третьих, мало кто помнит о том, что Лейба Бронштейн (он же Лев Троцкий) настаивал на переводе русского языка на латинский алфавит– «в целях мировой революции». Эту идею не приняли потому, что ни Сумароков, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Толстой на латинице не писали. Напротив, беларуские хронисты, поэты и писатели вплоть до начала XX века создавали свои произведения на беларуской латинице...

Кирилл и Мефодий умерли, соответственно, в 869 и 885 годах, задолго до принятия Киевом христианства (988 год), Москва в их времена еще не существовала в природе, Новгород только-только появился в виде маленькой крепости. Они создали в Моравии квазигреческий алфавит для чехов, а не для языческой Киевской Руси.

Кирилл потому и не поехал в земли нынешних Украины и России «обращать славян в православие», что никаких славян там еще не было. Некому было давать «славянский алфавит на основе греческого». Киев тогда не был славянским, он «дружил» с Хазарией, в нем жили сарматы (предки украинцев) и иудеи, поскольку сарматские князья Киева были тогда породнены с тюркскими князьями Хазарии, исповедавшими иудаизм. Они тоже исповедали иудаизм, так что Киев был тогда «городом синагог» и языческих капищ*. Чего же было Кириллу ехать в Киев к язычникам и иудеям?

---

* К сведению русских и украинских «ура-патриотов», возмущенных «очередной исторической выдумкой»: эта тема всесторонне исследована в израильском научно-популярном телесериале о Хазарии как «еще одной прародине израильтян». Имеются также солидные научные труды по данному вопросу. — *Прим. Ред.*

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

к народному языку России (как уже сказано, отнюдь не славянскому, а славяно-финскому койне, с большим тюркским влиянием) и древнему болгарскому (он же «церковно-славянский»).

В качестве третьего языка можно указать современный литературный русский язык, — искусственное кабинетное изобретение, своего рода «эсперанто» на основе двух указанных выше источников (на этом «эсперанто» написана данная статья, а вы ее читаете).

Почему нынешний русский язык больше похож на болгарский язык, чем на беларуский и украинский? (Хотя в одну языковую группу с русским относят почему-то именно их, а не болгарский и не сербский.) Это кажется странным, ведь Россия не граничит с Болгарией, но соседка с Беларусью и Украиной, в чьих исконных языках нет болгарского влияния, а если его иногда находят сегодня, то оно привнесено в более поздние времена русскими завоевателями.

В том-то и дело, что в Московии коренных славян никогда не было (кроме немногочисленных выходцев из Киевской земли в XII–XIV веках). Поэтому усвоение туземцами Московии славянского языка шло через религию, которая опиралась на болгарские тексты. Туземцы Владимира, Суздаля, Москвы, Костромы, Тулы, Рязани, Мурома, Вятки и прочих финских земель усваивали славянский язык через болгарский язык церковных книг. Именно потому небольшое славянское содержание «базы» русского языка (около 30–35% лексики) является общим болгарскому языку.

В Беларуси и Украине ситуация была иной: здесь местное население (балто-славянское в Беларуси, сармато-славянское в Украине) само выработало свои славянские говоры, которые не позволили внедряться болгарской лексике из православных книг.

Есть три факта, которые прячут все российские лингвисты, хотя шила в мешке все равно не утаить. Они таковы:

1) до начала XVIII века язык Московии никто в Европе не называл русским, а только московским, или московитским;

2) русским языком до той поры называли украинский язык;

3) московитский язык до XVIII века европейские лингвисты (в том числе из славянских стран) относили к финским говорам.

Конечно, сегодня все уже не так: власти Российской империи оказали огромное влияние на лингвистическую науку, поставив ей задачу придания московскому языку «славянского статуса». Реформа московского языка, осуществленная в XVIII веке Ф. Прокоповичем, М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым ставила целью именно усиление его слабых славянских черт. Однако даже через сто с лишним лет после Ломоносова, умершего в 1765 году, известный польский славист Ежи Лещинский заявлял:

Благодаря им, в России приобрела популярность концепция, согласно которой Беларусь — это Западная Русь, а беларусы — те же русские, но «испорченные» польским влиянием. Она получила название «западнорусизм».

Ее главным теоретиком был историк и этнограф Михаил Коялович (1828–1891), сын униатского священника из Гродненской губернии. В основе деятельности Кояловича лежала идея о превосходстве православия над всеми другими религиями. Скандальную известность получили его «Лекции по истории Западной России» (1864 г.) — откровенно антипольские и антисемитские как по своему духу, так и по подбору фактов. Социально-экономические проблемы для него не существовали. Все сложности исторического процесса он сводил к национально-религиозному вопросу, решаемому им с позиций православия, монархизма и великорусского шовинизма.

Став профессором истории Петербургской духовной академии, Коялович сосредоточился на борьбе с «польским влиянием». С этой целью он требовал даже ввести в государственных школах и учреждениях Северо-Западного края беларуский язык, а земли «польских помещиков» (в действительности, беларуских помещиков-католиков) раздать крестьянам. Однако Коялович отрицал самобытность не только беларусов и украинцев, но даже летувисов (жемойтов), и пропагандировал «слияние» их с «великорусской народностью».

Беларуский общественно-политический деятель 1910–20-х годов Александр Цвикевич считал, что «болезненное умиление к России» возникло у М.О. Кояловича потому, что он рассматривал последнюю как защитницу беларусов, украинцев и литовцев «от исторического польского притеснения». Цвикевич характеризовал «западнорусизм» как такое течение в общественной мысли, которое отрицало наличие беларуской национальной культуры. Поэтому идеологи «западнорусизма» не признавали прав ни Беларуси, ни Украины на самостоятельное культурное и политическое развитие, видели их будущее исключительно в составе России.

Сторонники концепции западнорусизма группировались вокруг журнала «Вестник Западной России», издававшегося в Вильне с 1864 по 1871 год. Его редактором был Ксенофонт Говорский (1811–1871), тоже сын униатского священника, но с Витебщины. Говорский, его сотрудники и авторы, публиковавшиеся в журнале, пропагандировали «исконное родство» беларусов и русских, призвали к полному слиянию их с великорусским народом.

Известный русский историк и этнограф А.Н. Пыпин (1833–1904) писал, что в Западно-Русском крае этот журнал «на деле стал одним из тех друзей /беларусов — *А.Т.*/, которые бывают хуже врагов». К числу псевдозаслуг Говорского относятся такие деяния, как разгром Виленского археологического музея, пропаганда плана массо-

к народному языку России (как уже сказано, отнюдь не славянскому, а славяно-финскому койне, с большим тюркским влиянием) и древнему болгарскому (он же «церковно-славянский»).

В качестве третьего языка можно указать современный литературный русский язык, — искусственное кабинетное изобретение, своего рода «эсперанто» на основе двух указанных выше источников (на этом «эсперанто» написана данная статья, а вы ее читаете).

Почему нынешний русский язык больше похож на болгарский язык, чем на беларуский и украинский? (Хотя в одну языковую группу с русским относят почему-то именно их, а не болгарский и не сербский.) Это кажется странным, ведь Россия не граничит с Болгарией, но соседка с Беларусью и Украиной, в чьих исконных языках нет болгарского влияния, а если его иногда находят сегодня, то оно привнесено в более поздние времена русскими завоевателями.

В том-то и дело, что в Московии коренных славян никогда не было (кроме немногочисленных выходцев из Киевской земли в XII–XIV веках). Поэтому усвоение туземцами Московии славянского языка шло через религию, которая опиралась на болгарские тексты. Туземцы Владимира, Суздаля, Москвы, Костромы, Тулы, Рязани, Мурома, Вятки и прочих финских земель усваивали славянский язык через болгарский язык церковных книг. Именно потому небольшое славянское содержание «базы» русского языка (около 30–35% лексики) является общим болгарскому языку.

В Беларуси и Украине ситуация была иной: здесь местное население (балто-славянское в Беларуси, сармато-славянское в Украине) само выработало свои славянские говоры, которые не позволили внедряться болгарской лексике из православных книг.

Есть три факта, которые прячут все российские лингвисты, хотя шила в мешке все равно не утаить. Они таковы:

1) до начала XVIII века язык Московии никто в Европе не называл русским, а только московским, или московитским;

2) русским языком до той поры называли украинский язык:

3) московитский язык до XVIII века европейские лингвисты (в том числе из славянских стран) относили к финским говорам.

Конечно, сегодня все уже не так: власти Российской империи оказали огромное влияние на лингвистическую науку, поставив ей задачу придания московскому языку «славянского статуса». Реформа московского языка, осуществленная в XVIII веке Ф. Прокоповичем, М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым ставила целью именно усиление его слабых славянских черт. Однако даже через сто с лишним лет после Ломоносова, умершего в 1765 году, известный польский славист Ежи Лещинский заявлял:

По мере нарастания освободительного движения развернулась борьба между либералами и радикалами за руководящую роль в нем. Сначала инициатива принадлежала радикальной молодежи во главе с Калиновским, чьим идеалом являлась крестьянская республика. Поэтому свои главные надежды они возлагали не на иностранную помощь, а на крестьянское восстание, которое готовили изо всех сил. Сторонники Калиновского верили, что крестьянское восстание в Беларуси послужит примером для русского крестьянства, оно тоже восстанет, и тогда царизму придет конец.

Либеральная польская и беларуская шляхта выступала против российского самодержавия, но не разделяла столь радикальных методов его свержения. Она достаточно обоснованно опасалась, что крестьянский бунт заодно с царизмом сметет и ее. Не нравился ей и беларуский сепаратизм, усилившийся параллельно с недовольством тем, как руководило восстанием Временное правительство. Варшавские либералы быстро договорились с виленскими либералами. Между тем, в конце февраля главные посты в Национальном комитете в Варшаве перешли к «белым». За спиной радикалов они создали новое правительство для Беларуси — Отдел временного правительства для руководства провинциями Литвы. Его возглавил Якуб Гейштор. Литовский провинциальный комитет был распущен, его постановления отменены.

Калиновский признал смену власти и принял от Гейштора должность комиссара Гродненской губернии. Он и его сторонники не

Нападение крестьян-косинёров на царскую пехоту

«кинжальщиков — для приведения в исполнение приговоров этого трибунала. Первым терактом стало неудачное покушение на виленского предводителя дворянства Домейко.

Отдельные повстанческие отряды действовали в Гродненской губернии до октября. Они отказались от пеших бойцов, разделились на конные группы по 10–12 человек и стали практически неуловимыми. Однако сопротивление карателям становилось все более бессмысленным. Повстанцы покидали леса. Одни скрывались за границами империи, другие маскировались под верных подданных государя-императора.

Тем не менее, призрак крестьянского восстания по-прежнему беспокоил Муравьева. Он узнал, что на весну 1864 года планируется новое восстание. Поэтому Муравьев создал специальную комиссию для рассмотрения уставных грамот, сделавшую немало земельных подачек крестьянам за счет помещиков. В ноябре Муравьев распространил действие царского указа от 1 марта (об отмене временных обязанностей крестьян и о сокращении на 20% выкупных платежей за землю) на территорию Витебской и Могилёвской губерний. Он также восстановил право крестьян пасти свою скотину в лесах и на убранных от урожая помещичьих полях.

Муравьев, как никто другой, способствовал распространению среди беларуского крестьянства веры в «доброго царя», а также разжиганию враждебности православной его части по отношению к католической шляхте. С того времени политика противопоставления православных крестьян национальной католической элите стала традиционной для российских властей в западных губерниях империи.

Результаты восстания. Царь, его правительство и русские шовинисты праздновали победу «над поляками». М.Н. Муравьева провозгласили русским национальным героем. Царь даровал ему титул графа. По его личным приказам были казнены 128 повстанцев (не считая расстрелянных на местах боев), около 12,5 тысяч человек сосланы, более чем на шесть тысяч человек наложены различные административные взыскания. Жестокость царского палача оправдывали все российские газеты, в том числе либеральные «Московские новости» М.Н. Каткова. Пели дифирамбы ему известные поэты П.А. Вяземский и Н.А. Некрасов. Только Александр Герцен в своем «Колоколе» постоянно называл Муравьева «вешателем» и «людоедом».

Михаил Муравьев (1796–1866)

к российским порядкам — только бы выжить. В определенном смысле беларусы стали нацией приспособленцев, чем и спасались. Так, православные предприниматели (фермеры, торговцы, отдельные фабриканты) в конкурентной борьбе с помещиками польской культуры и евреями искали заступничества у российских властей. Карьерные интересы беларуской интеллигенции требовали и от нее лояльности царскому режиму. Православные беларусы стали носителями русско-беларуского (имперского) варианта самосознания: они признавали своим отечеством Россию, поддерживали царя, слушались священников и все же отличали себя от русских.

Показательны в этом смысле взгляды Луки Солоневича, в прошлом сельского учителя, волостного писаря, чиновника канцелярии гродненского губернатора. В 1908 году он организовал в Вильне «Белорусское общество», а в 1909 году издавал на русском языке газету «Белорусская жизнь». Солоневич и его сторонники признавали беларусов самостоятельным народом, но «культурным» языком для него считали русский. Газета критиковала правительство за то, что оно не принимало действенных мер для ограничения господства крупных «польских» помещиков (в действительности беларуских, но католической веры и польской культуры). Кроме того, они обвиняли власти в игнорировании жизненно важных интересов беларуского «народа», под которыми понимали потребность крестьянства в значительном расширении земельных участков. Солоневич и ему подобные пытались сочетать российский провинциализм с элементами регионального сепаратизма, постепенно приближаясь к идеологии беларуских националистов.

Польско-беларуский вариант самосознания. Завоеванные революцией гражданские свободы содействовали новому подъему в Беларуси польской культуры, усилению влияния католического костёла. Например, с 1906 по 1914 год число польских газет и журналов, издававшихся в Вильне, увеличилось с 11 до 28. До 1908 года в Вильне работало популярное культурно-просветительное товарищество «Освята» («Просвещение»), имевшее отделения в Минске, Несвиже, Гродно и других городах. Воинствующие клерикалы не признавали самобытности беларусов и стремились к полной полонизации беларусов. А с другой стороны, слабость беларуского движения не способствовала участию в нем беларусов-католиков.

В это же время на сцене появился польско-беларуский (краевой) вариант самосознания. «Краёвцы» представляли католическую интеллигенцию и землевладельцев (Роман Скирмунт, Александр Ледницкий, Михаил Ромер и другие). Это движение заявило о себе в феврале 1906 года программной статьей в «Виленской газете». Как правило, местные патриоты отличали себя от поляков, почему и назывались «краёвцами», или «литвинами». Под термином «край» они

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

Были опрошены 1500 человек в разных точках страны. Кроме того, проведены дискуссии в различных возрастных группах, где люди могли не просто ответить на вопросы, но и объяснить свою позицию.

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, пьянство, лень, сострадание, самопожертвование — вот, судя по ответам, главные составляющие русского характера. Но не единственные. Многие респонденты сказали, что русским свойственны доброта, гостеприимство, оптимизм, простота (раскованность), приветливость, находчивость, живучесть, халявность, русский «авось», уживчивость, безответственность, смелость, щедрость, любовь к Родине.

В дискуссиях добавляли и такие характеристики: «Мы часто ругаемся, но и часто миримся»; «Русские всегда чего-то ждут, пока все само собой сделается»: «На сегодняшний день воровство — это национальная черта». Всё, как во времена Карамзина. Таков русский человек — един во многих лицах, прямая противоположность самому себе.

Причины, истоки русского менталитета, молодое поколение (до 34 лет) видит в том, что русские всегда имели сильного правителя, что Россия — фильтр между Европой и Азией, и что она изначально была несвободной страной. С другой стороны, на нашем характере сказались большие просторы и природные богатства. Старшие тоже согласны: «Огромная территория, избыток природных богатств привели к широте души». Но они видят и другие корни нашего менталитета: постоянная борьба, угнетение, климатические условия («на севере люди добрее, чем на юге»), смешение народов».

Через полгода газета «Беларусь сегодня» рассказала об аналогичном исследовании среди беларусов. 14 июля 2004 года Виолетта Дралюк в статье «Что беларусу хорошо, то и японцу неплохо» рассказала о том, что ученые из Гомельского государственного технического университета им. П.О.Сухого «вот уже несколько лет упорно исследуют загадку беларуского менталитета»:

«Особые природные условия, тесные взаимоотношения с соседями, мирное сосуществование разных христианских конфессий и религий, военные походы через беларускую землю, «прививки» восточных культур — вот что сформировало ментальные особенности беларуса, считают гомельские ученые. Например, под влиянием балтов появилась у нас сдержанность, выносливость, настороженность и скрытность. Зато нет у беларусов легкомысленности и бахвальства, присущего «шляхетным» полякам. Лишены беларусы и раскованности, открытой и порой грубой простоты, столь свойственной русским. Евреям беларусы уступают в находчивости, настойчивости, умении приспосабливаться к жизненным обстоятельствам.

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

Бой повстанцев с царскими карателями

хотели вносить раскол в ряды повстанцев, да и не надеялись одержать верх над «белыми». Их надежды на мощный подъем крестьянского движения в Беларуси и Литве и на восстание в России не оправдались. Зато по примеру польских помещиков к восстанию начали присоединяться беларуские помещики. Им придали смелость слухи о скором вмешательстве Франции и Англии. Интеллигентов на руководящих постах начали заменять артистократы, возросли денежные пожертвования от них.

Царский указ от 31 марта о помиловании повстанцев при условии, что они сложат оружие до 1 мая, вначале игнорировался. Помещики были заинтересованы в подъеме восстания ради создания повода для интервенции — фактически единственной надежды либералов на успех в борьбе против царизма. Эта надежда была отнюдь не беспочвенной. Послы Англии, Франции и Австрии в России дважды вручали министру иностранных дел империи, князю А.М. Горчакову, ноты своих правительств — 5 апреля и в конце июня. Согласованные ноты содержали одно и то же требование: немедленно прекратить вооруженную борьбу с повстанцами и вступить в переговоры с Временным правительством об условиях предоставления Польше независимости или автономии.

Одновременно радикалы, вопреки либеральному руководству, делали все возможное, чтобы привлечь к восстанию крестьян. Под воздействием всех этих факторов в апреле-июне повстанческое движение находилось на подъеме, хотя и локализовалось в пределах Гродненской, Виленской и Минской губерний.

церковь освободили от уплаты налогов, наделили привилегиями, ее владения объявили неприкосновенными.

Вот эту церковь татары и принесли с собой во Владимиро-Суздальские земли — «сердце» будущего Московского государства. Под влиянием захватчиков священники греко-болгарских церквей, монахи монастырей, существовавших здесь в то время, очень быстро превратились в несториан. Но при этом они продолжали именовать себя «православными», сохраняли связи с Киевской митрополией и с Константинопольским патриархатом!

На протяжении 240 лет (1238–1480) церковь Московского государства была единой с церковью Золотой Орды не только в идейном отношении, но и организационно. Так утверждает Мурад Аджи (Аджиев), известный исследователь ордынского периода истории Московии*. За всю историю Орды в ней никогда не было гражданских войн на почве религиозных конфликтов — только борьба за светскую власть. На это обстоятельство обращали внимание многие российские историки. Например, Лев Гумилев писал, что отсутствие таких конфликтов в Орде свидетельствует об унифицированном вероисповедании ее народов вплоть до начала XVI века.

В 1261 году в столице Орды — Сарае, была учреждена Сарайская митрополия, которой подчинились все православные епископии в захваченных татарами землях. Около 1322 гола митрополит Петр перенес ее в Москву.

Московиты переняли от ордынских несториан традицию считать своего правителя Богом на Земле. Великие ханы требовали изображать их на церковных фресках наравне с Христом, затем и московские правители, следуя этой моде, давали такие же указания. В храмах Московии появились изображения «живых богов»: Ивана III, Василия III, Ивана IV, Бориса Годунова, нарисованные рядом с Христом. При Романовых старые росписи в храмах сбили, главным образом из-за стремления убрать с них Годунова, но сохранилась суть идеи: правитель — БОГ для своих подданных.

Московские князья и цари потому и стремились непременно обратить покоренные народы в свою веру, что тем самым они делали их рабами не только административно, но и духовно. Вот главная причина, по которой Иван IV и Алексей Михайлович уничтожали «иноверцев», в том числе православных священников Киевской митрополии (например, в Новгороде и Пскове) и униатов. Только свою собственную церковь, ордынскую по духу, московиты считали «истинной», хотя всё исконно византийское (греческое) исчезло в ней еще в XIII веке.

---

* См. книгу Аджиева «Тюрки и мир: Сокровенная история» (2004 г.), и другие его работы.

Были опрошены 1500 человек в разных точках страны. Кроме того, проведены дискуссии в различных возрастных группах, где люди могли не просто ответить на вопросы, но и объяснить свою позицию.

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, пьянство, лень, сострадание, самопожертвование — вот, судя по ответам, главные составляющие русского характера. Но не единственные. Многие респонденты сказали, что русским свойственны доброта, гостеприимство, оптимизм, простота (раскованность), приветливость, находчивость, живучесть, халявность, русский «авось», уживчивость, безответственность, смелость, щедрость, любовь к Родине.

В дискуссиях добавляли и такие характеристики: «Мы часто ругаемся, но и часто миримся»; «Русские всегда чего-то ждут, пока все само собой сделается»; «На сегодняшний день воровство — это национальная черта». Всё, как во времена Карамзина. Таков русский человек — один во многих лицах, прямая противоположность самому себе.

Причины, истоки русского менталитета, молодое поколение (до 34 лет) видит в том, что русские всегда имели сильного правителя, что Россия — фильтр между Европой и Азией, и что она изначально была несвободной страной. С другой стороны, на нашем характере сказались большие просторы и природные богатства. Старшие тоже согласны: «Огромная территория, избыток природных богатств привели к широте души». Но они видят и другие корни нашего менталитета: постоянная борьба, угнетение, климатические условия («на севере люди добрее, чем на юге»), смешение народов».

Через полгода газета «Беларусь сегодня» рассказала об аналогичном исследовании среди беларусов. 14 июля 2004 года Виолетта Дралюк в статье «Что беларусу хорошо, то и японцу неплохо» рассказала о том, что ученые из Гомельского государственного технического университета им. П.О.Сухого «вот уже несколько лет упорно исследуют загадку беларуского менталитета»:

«Особые природные условия, тесные взаимоотношения с соседями, мирное сосуществование разных христианских конфессий и религий, военные походы через беларускую землю, «прививки» восточных культур — вот что сформировало ментальные особенности беларуса, считают гомельские ученые. Например, под влиянием балтов появилась у нас сдержанность, выносливость, настороженность и скрытность. Зато нет у беларусов легкомысленности и бахвальства, присущего «шляхетным» полякам. Лишены беларусы и раскованности, открытой и порой грубой простоты, столь свойственной русским. Евреям беларусы уступают в находчивости, настойчивости, умении приспосабливаться к жизненным обстоятельствам.

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

риканцам /и русским — *В.Д.*/ более присуща ориентация на современность и будущее».

«Поскольку жизнь беларусов всегда сильно зависела от природных явлений, от времен года или природно-сезонных циклов, им был свойствен так называемый «календарный модус» мышления... Существовало детальное распределение дней на благоприятные и неблагоприятные, тяжелые для работы, на постные и скоромные, счастливые и несчастливые, женские и мужские, наконец, на будние и праздничные дни. Так, во многих местах Беларуси благоприятными днями традиционно считались вторник и четверг, а неблагоприятными — понедельник и пятница... Мужскими днями обычно считали понедельник, вторник и четверг, а женскими — среду, пятницу, субботу и воскресенье...

Религиозность беларусов никогда не достигала степени фанатизма, не носила характера слепой всепоглощающей веры в Божью справедливость и всемогущество».

«В прошлом у беларусов сформировался уникальный менталитет, который в некоторых чертах сохранялся почти неизменным весь период исторического развития беларуского народа. Лишь в последние два — три столетия ментальность беларусов подверглась некоторым заметным изменениям... В XVII—XIX веках она была в определенной степени деформирована под влиянием неуклонного усиления процесса ассимиляции, денационализации (сначала в виде полонизации, а затем русификации). Правда, в те времена фактически только привилегированные слои общества воспринимали польский или русский способ мышления. Самое многочисленное социальное сообщество — беларуское крестьянство — все же смогло тогда сохранить свою традиционную национальную ментальность».

В психологии существует такое понятие, как акцентуация характера, означающее доминирование в его структуре каких-то отдельных черт. Психологи выделяют не менее 12 типов акцентуаций. Вот что пишет в этой связи Э. Дубенецкий:

«У беларусов сложились преимущественно дистимный и конформный типы характера, которые определяются недостаточной инициативностью, пассивностью, склонностью к депрессии, консерватизмом, чрезмерной зависимостью от воли и мыслей «вышестоящих», официальных авторитетов, определенным «комплексом неполноценности...

Поскольку любой национальный характер представляет собой совокупность различных (нередко прямо противоположных) психологических качеств, то с некоторой долей условности можно все черты беларусов разделить на две основные группы — «положительные» и «отрицательные»...

К первой группе относятся их толерантность (терпимость), сговорчивость, добродушие, благожелательность, гостеприимство, вы-

В 1837 году царь Николай I своим указом подчинил Греко-униатскую коллегию департаменту иностранных вероисповеданий Святейшего Синода.

В 1831–37 гг. один за другим умерли пять униатских епископов (А. Головня, И. Жарский, И. Матусевич, К. Сератинский, Л. Яворовский) — противники слияния с РПЦ. А в начале февраля 1838 года умер глава униатов, митрополит Иосафат Булгак, более всех других сопротивлявшийся «воссоединению» (ходили упорные слухи о том, что его отравили).

После этого у Семашко освободились руки. Он потребовал от всех священников дать подписку о согласии на объединение с РПЦ. Правда, такую подписку дали только 186 человек. Большинство воздержалось, а самые смелые пытались бороться. Но отдельные протесты ничего не могли изменить. Секретный комитет по униатским делам, созданный в Петербурге в 1835 году, уже готовил полное уничтожение униатской церкви.

В него вошли 10 человек: от РПЦ — митрополит Московский Филарет, митрополит Новгородский Серафим, архиепископ Тверской Григорий; от правительства — министр внутренних дел Блудов, обер-прокурор синода Нечаев, статс-секретарь Танеев, действительный тайный советник Голицын, генерал граф Толстой; от униатской церкви — епископ Иосиф Семашко и митрополит Иосафат Булгак. Уже по составу комитета можно судить о том, сколь большое значение придавали власти проблеме ликвидации униатства. Из всех его членов только И. Булгак являлся противником этого плана, но после его смерти, наступившей 25 февраля 1838 года, исчезло и это последнее препятствие.

Из секретного письма министра внутренних дел Блудова от 29 мая 1835 года, направленного Семашко, ясно следует, что главной функцией данного комитета являлась вовсе не «защита» униатов от польско-римского влияния, а полная интеграция их в православие.

Разумеется, польское католическое духовенство, помещики и чиновники католического вероисповедания в Беларуси и Украине видели, к чему ведут дело правительство и Синод. Опасаясь полной утраты своего влияния на несколько миллионов беларусов и украинцев, они стали открыто высказывать недовольство политикой Петербурга в отношении униатской церкви. Более половины помещиков-католиков находилось в оппозиции к официальному курсу по этому вопросу. После 1832 года значительное распространение получили действия ксендзов и помещиков, направленные на то, чтобы удержать униатов в их вере, а тех, кто уже перешел в православие, обратить в католичество.

Ликвидация крепостного права. После смерти Николая I его сын Александр II (правил в 1855–1881 гг.) начал подготовку к упразднению крепостного права. Для первого опыта он выбрал беларуские губернии. Здешние помещики были более подготовлены к столь радикальным изменениям как экономически, так и морально. Пример Польши и Прусии, где крестьяне уже имели личную свободу, давал помещикам надежду на сносное будущее и без крепостничества.

Местные помещики соглашались на освобождение крестьян без земли, что превратило бы землю в товар, а бывших крепостных — большей частью в батраков, меньшей — в фермеров (если кто-то из них нашел бы средства выкупить землю). Для крестьян же это был наихудший вариант. Но царизм не пошел по такому пути, хотя вовсе не из сострадания крестьянству. Сыграл свою роль элементарный расчет. Из 23 миллионов «душ» крепостных в империи возникла бы мощная армия неимущих батраков, которая смела бы и дворянское землевладение, и правящую династию. Поэтому российских крепостных освобождали с землей в обязательном порядке. Землю, в свою очередь, требовалось обязательно выкупать.

Однако крепостная система довела крестьян до такого состояния (особенно в Беларуси), что без помощи государства (в виде займа) они не могли откупиться от помещиков. Кроме того, в России сохранялась сельская община (мир), основанная на круговой поруке. Из-за нее аграрная реформа проводилась очень медленно. В Беларуси же (за исключением Могилевской и части Витебской губернии) общину ликвидировали еще в XVI веке. Это обстоятельство тоже повлияло на решение начать отмену «крепости» с западных губерний.

Отмена крепостничества стала очень важным шагом русской деревни на пути к рыночным отношениям, но оказалась недостаточной для Беларуси. Более высокий уровень развития товарно-денежных отношений требовал здесь и более радикальных перемен. Традиционное подворное землепользование делало беларуских крестьян вполне самостоятельными хозяевами. Поэтому они считали крайней несправедливостью выкуп земли, которой неизменно пользовались на протяжении столетий. По реформе крестьяне получили недостаточные наделы, которыми к тому же нельзя было распоряжаться до уплаты выкупа. Это делало деревню экономически зависимой как от помещиков, так и от государства, кредитовавшего выкупные операции.

В поисках «настоящей воли». Ознакомление с условиями реформы вызвало глубокое разочарование крестьян. Среди них повсеместно распространился фантастический слух, будто бы царь издал указ о «настоящей воле», но «паны» прячут его. Весной 1861 года беларуские крестьяне повсеместно отказывались работать в имениях. Столь мощный протест наблюдался еще только в Литве и Поволжье, так

«Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

«Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...

Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910–20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

---

* «Наука и жизнь», 2006, № 3.

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

церковь освободили от уплаты налогов, наделили привилегиями, ее владения объявили неприкосновенными.

Вот эту церковь татары и принесли с собой во Владимиро-Суздальские земли — «сердце» будущего Московского государства. Под влиянием захватчиков священники греко-болгарских церквей, монахи монастырей, существовавших здесь в то время, очень быстро превратились в несториан. Но при этом они продолжали именовать себя «православными», сохраняли связи с Киевской митрополией и с Константинопольским патриархатом!

На протяжении 240 лет (1238–1480) церковь Московского государства была единой с церковью Золотой Орды не только в идейном отношении, но и организационно. Так утверждает Мурад Аджи (Аджиев), известный исследователь ордынского периода истории Московии*. За всю историю Орды в ней никогда не было гражданских войн на почве религиозных конфликтов — только борьба за светскую власть. На это обстоятельство обращали внимание многие российские историки. Например, Лев Гумилев писал, что отсутствие таких конфликтов в Орде свидетельствует об унифицированном вероисповедании ее народов вплоть до начала XVI века.

В 1261 году в столице Орды — Сарае, была учреждена Сарайская митрополия, которой подчинились все православные епископии в захваченных татарами землях. Около 1322 года митрополит Петр перенес ее в Москву.

Московиты переняли от ордынских несториан традицию считать своего правителя Богом на Земле. Великие ханы требовали изображать их на церковных фресках наравне с Христом, затем и московские правители, следуя этой моде, давали такие же указания. В храмах Московии появились изображения «живых богов»: Ивана III, Василия III, Ивана IV, Бориса Годунова, нарисованные рядом с Христом. При Романовых старые росписи в храмах сбили, главным образом из-за стремления убрать с них Годунова, но сохранилась суть идеи: правитель — БОГ для своих подданных.

Московские князья и цари потому и стремились непременно обратить покоренные народы в свою веру, что тем самым они делали их рабами не только административно, но и духовно. Вот главная причина, по которой Иван IV и Алексей Михайлович уничтожали «иноверцев», в том числе православных священников Киевской митрополии (например, в Новгороде и Пскове) и униатов. Только свою собственную церковь, ордынскую по духу, московиты считали «истинной», хотя всё исконно византийское (греческое) исчезло в ней еще в XIII веке.

---

* См. книгу Аджиева «Тюрки и мир: Сокровенная история» (2004 г.), и другие его работы.

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

народы Полабской Руси и Поморья, спасаясь от немецкой экспансии, уходили все дальше и дальше на восток.

Летописи свидетельствуют, что «славянские элементы» появились на территории Литвы (будущей Беларуси) благодаря миграции славян из Полабской Руси и Поморья (ободритов, лютичей-лютвинов, русинов острова Русин /Рюген/ и Старгорода /Ольденбурга/, лужичан Лужицкой Сербии, поморских пруссов, а также мазуров). Тогдашние этносы Западной и Центральной Беларуси (ятвяги, лайнова, лютва) не только дали им всем место, но и смешались с ними. В результате этого смешения возникло Великое княжество Литовское.

Мигрировавшие народы Центральной Европы принесли сюда свои фамилии на «ич», отсутствующие в языках современных поляков, украинцев и русских. Отмечу попутно, что писатель Юрий Брезан, лужицкий серб, лауреат двух Государственных премий ГДР, в книге «Избранное» (Москва, 1987 г.) своих персонажей лужичан называет «беларускими» именами Якуб, Михась, Ян, Ганна и т.д. Но «беларуские» ли это имена и фамилии? Скорее, они «собственность» лужичан.

Молодые беларуские крестьянки

Более чем вероятно, что литвинский (беларуский) язык и этнос возникли в процессе взаимодействия языков и этносов полабско-поморских славян и балтов. Древние культурные истоки беларусов надо искать у лужицких сербов. Серьезных исследований в этом направлении не было, хотя именно тут очевидна полная идентичность и совпадение в деталях, а не просто нечто этнически «похожее».

Обращаю внимание читателей на указанную проблему по той причине, что в России существует принципиально иная, ничем не обоснованная версия этнокультурного происхождения беларусов: мол, беларусы — это восточные славяне, которые изначально проживали на территории Днепра (и оттуда же якобы «вышли» русские).

Именно такая концепция позволяла идеологам царизма изображать беларусов как «младший» и «изначально родственный» рус-

По моему мнению, российские историки и идеологи раздувают культ Кирилла и Мефодия для того, чтобы скрывать огромные противоречия в их представлениях о самих себе как о якобы «славянах» — и чтобы отвергать «нежелательные» факты, этому мифу противоречащие (то есть. всю историческую, этнографическую и лингвистическую фактуру).

Кстати, Кирилл и Мефодий вовсе не греки, и не родные братья. Оба они — богатые православные арабы из Дамаска (Сирия тогда была христианской), нанятые властями Византии для миссии в Моравии. Например, об этом пишет, цитируя документы. российский историк А.А. Бычков в книге «Киевская Русь: Страна. которой никогда не было?» Но самое забавное то, что чехи, ради создания алфавита которых приехал православный араб Кирилл, вообще о нем не помнят, зато его возвели в культ в России, где он никогда не был...

Итак, формирование русского и беларуского языков — автономные процессы, не связанные между собой. Беларуский язык вовсе не «отпочкование» от языка Московии, как это бездоказательно утверждают российские идеологи. Он сформировался задолго до появления Москвы, и никакого отношения к восточному соседу не имеет.

Исторически беларуский язык — это язык западных балтов (ятвягов, дайнова, лютвы, пруссов, мазуров). В Польше в период до союза с Мазовией (когда ляхи жили вокруг Кракова) язык был кристально чистым славянским. Союз с Мазовией создал новый этнос: ляхи смешались с мазурами, и появился польский народ с его пшекающим языком.

Точно так же в Литве был «дзэкающий», «гэкающий», «цэкающий», «акающий» западно-балтский язык ятвягов (позже литвинов), который сегодня некоторые историки именуют «древнебеларуским» (на нем написаны Статуты и Метрика ВКЛ). хотя он тогда именовался «литовским языком». Средневековые слависты Чехии, Польши и Германии относили литовский язык к семье славянских языков, а при издании Статута ВКЛ в переводе на польский язык в издательстве Мамоничев (1614, 1619, 1623 гг.) и королевским издателем П. Элертом (1648 год) указывалось, что это перевод с литовского языка, а не с языка «беларуского».

Великий польский поэт беларуского происхождения Адам Мицкевич два века назад сказал о беларуском языке:

> «На беларускай мове. якую называюць русінскай альбо літоўска-русінскай, таксама размаўляе каля дзесяці мільёнаў чалавек; гэта самая багатая і самая чыстая гаворка, яна ўзнікла даўно і выдатна распрацавана. У перыяд незалежнасці Літвы вялікія князі карысталіся ёю для сваёй дыпламатычнай перапіскі.

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

«Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

«Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...

Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910—20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

* «Наука и жизнь», 2006, № 3.

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

После ликвидации униатства в Беларуси русская православная церковь с утроенной энергией взялась за русификацию местного населения, в первую очередь крестьянства и мещанства. Главную ставку иерархи РПЦ делали при этом на пропаганду московского варианта православия в сфере народного просвещения. Профессор П.И. Ковалевский, один из видных дореволюционных идеологов русских националистов, писал в данной связи:

> «Русская власть пошла по дороге обрусения путем введения русского языка и русской школы. Бесспорно, это два важных и могучих средства. Но еще более сильным средством является вера. Православие должно иметь все преимущества господствующей религии не потому только, что оно есть религия государственной русской нации, а потому, что православие есть религия национальная, это религия русской нации»*.

Проводя в жизнь политику русификации всех народов Российской империи, в том числе и беларуского, РПЦ действовала в самом тесном контакте с органами народного образования. Часто было невозможно провести четкую границу между деятельностью первой и последних.

Например, после подавления восстания 1863 года, когда царизм стремился вырвать молодые поколения беларусов из-под польско-католического влияния, попечитель Виленского учебного округа князь А.П. Ширинский-Шихматов (занимал этот пост в 1861–64 гг.) следующим образом сформулировал политику государства и православной церкви в области народного образования:

> «В Белоруссии должна быть поддержана система правительственных училищ, свобода же обществ и частных лиц должно быть ограничена; она должно быть дана только обществам и лицам православного вероисповедания...
>
> Действовать иначе, означало бы дать вражеской партии, которая имеет больше материальных и духовных средств, то оружие, которого она так давно и с такой настойчивостью домогается: любая школа, открытая для белорусов обществом или /частным/ лицом римско-католического вероисповедания, будет не проводником истинного образования в духа христианства и государственно-русским, а могучим оружием католическо-польской пропаганды. На этом основании решительно надо отстранить католиков от участия в деле образования белорусов. Дело образования белорусов, полагая по осуществленному опыту, может идти в этом крае наиболее успешно

* Ковалевский П.И. Национализм и национальное воспитание в России. СПб, 1912, с. 310.

данные генетики (которая, в отличие от истории — точная наука) утверждают: беларусы — это славянизированные западные балты, а русские — это славянизированные финны.

Руководитель исследования, доктор медицинских наук Е.В. Балановская отметила:

«Пришлось рассмотреть данные многих систем — антропологии (соматологии, дерматоглифики, одонтологии), классической генетики (группы крови, белки крови), тысяч фамилий, данные по разным системам ДНК маркеров (аутосомных, Y-хромосомы, митохондриальной ДНК).

...Мы собрали воедино два огромных массива информации о русском народе, накопленные за многие десятилетия антропологией и генетикой. Мы провели два новых исследования — ДНК и фамилий. И придумали способ, как сравнить эти четыре столь разных системы признаков — антропологии, классической генетики, молекулярной генетики, фамилий. Мы строили компьютерные геногеографические карты для каждого признака.

Например, для антропологии — карту роста бороды; для классической генетики — карты встречаемости генов групп крови; для молекулярной генетики — карту гена устойчивости к СПИДу; для фамилий — карту встречаемости Ивановых во всех частях русского ареала. Четыре столь разных системы, и в каждой — много признаков. Для каждого создана карта. А затем получили «обобщенные» карты для каждой системы признаков. И после этого впервые могли сравнить все данные о русском генофонде...

Наше «открытие» в том, что совершенно разные науки и признаки — антропология, генетика, фамилии — полностью согласны друг с другом и, дополняя друг друга, рисуют общий портрет русского генофонда. Причем русский генофонд здесь, к счастью, не одинок. Еще до изучения русского генофонда мы сделали аналогичный набросок портрета генофонда народов Восточной Европы, включая в него и народы «ближнего зарубежья» (от Черного моря до Балтики), и Кавказа, и Приуралья. И обнаружили вновь единогласие свидетелей! Хотя портрет генофонда народов Восточной Европы оказался совершенно иным — волны генофонда следовали в Восточной Европе не по оси «север — юг», как в русском генофонде, а по оси «запад — восток».

Поэтому и для русского генофонда — занимающего огромную часть Восточной Европы — мы ожидали увидеть все ту же восточноевропейскую закономерность. Но нет! Русский генофонд обнаружил свое собственное строение, связанное с его собственной историей. Однако все генофонды в равной степени важны и интересны».

Результаты указанного исследования шокировали в России очень многих. Чтобы успокоить возмущенных несогласных сограждан (главным образом публицистов и некоторых историков), Е.В. Бала-

«Церковные школы служат важнейшим средством для утверждения православия и русской народности в Западном крае. Вместе с Церковью они образовывают религиозно детей и действуют на родителей их. Эти рассадники религиозно-духовного просвещения прививают начала православно-русской жизни даже многим иноверным детям и незаметно вводят молодое поколение, неславянское и раскольническое, в строй православно-русской жизни»*.

Вдохновляясь подобными соображениями, Синод расширял сеть церковно-приходских школ (ЦПШ) в Беларуси с небывалым рвением. Так, в церковно-приходских школах Витебской губернии численность учеников выросла с 12,2 тысяч в 1895 году до 20,4 тысяч в 1899; в Минской — с 26,5 тысяч до 42,1 тысяч; в Могилевской — с 38,1 тысяч до 48,1 (а всего с 76,8 до 110,6 тысяч). В этих губерниях в 1899 году число учащихся ЦПШ почти в два раза превышало число учеников в народных школах Министерства просвещения.

Униатская Троицкая церковь (1768 г.) Деревня Вольно (Барановичский район)

Еще более интенсивно росла численность церковноприходских школ в Виленской и Гродненской губерниях, где были очень сильны позиции католицизма. В первой из этих губерний число таких школ увеличилось с 4 в 1884 году до 352 в 1888 году, во второй — с 534 в 1891 году до 1295 в 1901 году. Характерно, что за тот же период в Гродненской губернии число народных школ увеличилось с 299 до 326**. И хотя последние тоже не имели ничего общего с национальной беларуской идеей, приоритеты видны совершенно ясно.

Характерной особенностью деятельности РПЦ в Северо-Западном крае было то, что она делала ставку преимущественно на приезжих священнослужителей. Некий Б. Соловьев, еще один идеолог русских националистов, писал в 1887 году на страницах популярно-

---

* Журнал «Народное образование». Октябрь 1910. с. 385.

** См. журнал «Полымя». 1929, № 5. с. 119.

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

Весьма показательны в этом плане записки тверского купца Афанасия Никитина (конец XV века) о «хождении за три моря». В них автор запросто переходит со славяно-финского койне Московии на тюркский язык, не видя особой разницы между ними. В своем «хождении», буквально на каждой странице, Никитин то разражается длинной тирадой на тюркском, то непринужденно вплетает короткие тюркские фразы между русских. Вот типичный пример:

> «В Индейской земле купцы останавливаются на подворьях, еду для них варят хозяйки. Они и постель гостям стелют, и спят с ними. сикиш илересен ду шитель бересин, сикиш илимесь ёкъжитель берсен достур аврат чек гур, а сикиш муфут».

В этом фрагменте Никитин привел на тюркском языке некоторые деликатные подробности: «хочешь с хозяйкой иметь близкую связь — даешь два шителя, не хочешь — даешь один шитель».

Свои записки он закончил весьма характерной благодарственной молитвой: «Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного и Иисуса Духа Божия. Аллах велик»... В подлиннике дословно сказано: «Бисмилля Рахман Рахим. Иса Рух Уалло. Аллах акбар. Аллах керим»*.

В средневековой Московии существовали одновременно несколько языков. Во-первых, общеславянский «койне» — язык княжеско-боярской знати и чиновников (дьяков). Во-вторых, староболгарский язык — язык христианских текстов. В-третьих, народные языки туземцев (финские). В-четвертых, тюркские языки — средство «межнационального общения» и язык исламского компонента религии. Вся эта смесь и послужила основой для нынешнего русского языка, совпадающего своей базовой лексикой** с другими славянскими языками не более чем на 30–35%. Напротив, базовая лексика славянских языков, в том числе беларуского и украинского, совпадает между собой на 70–80% .

Сегодня российские лингвисты в своем большинстве сводят истоки современного русского языка только к двум составляющим:

---

* Никитин совершил свое путешествие в 1466–1472 гг. В Твери тогда правил великий князь Михаил Борисович, в Москве — великий князь Иван III. В то время общей для Московии и Орды была религия, являвшаяся гибридом христианства и ислама (верующие равно почитали Иисуса и Магомета). Процесс их разделения начался с момента «стояния на Угре» (1480 г.) и завершился к 1589 г. (при царе Федоре I).

** Базовая лексика — около 5000 слов и лексических выражений. Попутно надо отметить, что беларуский язык испытал заметное влияние немецкого языка. В словарях народных говоров западной и центральной Беларуси XIX века слова немецкого происхождения составляют от четверти до трети лексики. Этот вопрос подробно рассмотрен в книге Валентины Выхоты «Нямецка-беларускія моўныя паралелі» (Мн., 1999). — *Прим. Ред.*

От редактора: Кстати говоря, обвинения в адрес католической и униатской церквей, выдвигаемые «задним числом» современными приверженцами РПЦ, сводятся к трем главным пунктам: а) ужасно, что вместо православия беларусы исповедали униатство либо католицизм; б) ужасно, что происходило «ополячивание» беларуского населения; в) ужасно, что «католические паны» (магнаты и шляхта) угнетали простой православный народ (крестьянство).

Однако эти обвинения по своей сути — чистая демагогия.

Во-первых, и католицизм, и православие, и униатство — христианские церкви. Они равны перед Богом. Почему это московское православие «лучше»?

Во-вторых, непонятно, чем «ополячивание» хуже «орусачивания». Поляки — славяне, генетически тождественные беларусам, тогда как русские — славянизированная смесь финнов с тюрками. Да если бы и не финны, и не тюрки, неужто русская культура XVIII–XIX веков хоть в чем-то превосходила польскую? По-моему, дело обстояло точно наоборот.

В-третьих, русские православные помещики угнетали свое крестьянство еще сильнее «панов». Во всяком случае, в Речи Посполитой никогда не было крестьянских войн, подобных восстанию Емельяна Пугачева. И Салтычихи там тоже не водились.

Так почему мы должны верить измышлениям российских «национал-патриотов»? А потому, искренне убеждены последние, что «русские — не такие как все», их соседи просто обязаны (уж не Богом ли?) подчиняться и верить только им. Казалось бы, просто бред. Но именно такого рода тезисы лежат в основе теорий московских идеологов с начала XVI века, когда монах Филофей выдвинул свой знаменитый лозунг «Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать». С той далекой поры вариации на тему «кругом нас враги» и «весь мир идет не в ногу» служат идеологическим обоснованием безудержной экспансии Московии, затем России, экспансии и территориальной, и политической, и духовной.

Нам, беларусам, не нужна ни русификация, ни полонизация. Мы должны быть самими собой!

2. Период польско-русского противостояния и беларуского распутья (1831–1863)

Восстание 1831 года

1794, 1812, наконец, 1831 год... Уже в который раз польский народ поднимался на борьбу за свое национальное освобождение. А эта борьба становилась частью беларуской истории.

Царь Николай и Польша. Новый император Николай I (правил в 1825–1855 гг.) был воспитан в духе милитаризма, абсолютного самодержавия и великорусского шовинизма. Он, в отличие от своего брата Александра, не мог и не хотел быть лояльным по отношению к непокорным полякам. Королевство Польское (его конституцию, сейм и армию) в Петербурге терпели только потому, что того требовало Венское соглашение европейских монархов. Не помогало полякам и то, что наместником Польши был старший брат Николая, великий князь Константин (1779–1831).

Между тем, разгром декабристов не испугал радикально настроенных польских патриотов. Они продолжили подготовку к вооруженной борьбе за полную независимость от России, планируя провозгласить республику и отменить крепостное право. Однако их взгляды не разделяло большинство польских аристократов. Консерваторы отвергали любые социальные реформы и желали установления в Польше конституционной монархии.

Радикалов, объединившихся в «Патриотическом обществе», возглавил профессор истории Иоахим Лелевель, а лидером консервативной аристократии был давний друг царя Александра — князь Адам Чарторыйский. Несмотря на противоположность социальных программ, обе эти партии объединяло стремление возродить Речь Посполитую в границах 1772 года. Великое княжество Литовское они считали частью Польши, хотя на его территории жили не поляки, а предки современных беларусов и литовцев.

Спор за беларуские земли. Польское королевство в 1831 году восстало и вступило в войну против России. В польской армии было много беларусов, уроженцев Белостокского округа и Гродненской губернии. Были беларусы и в русской армии. Как и в 1812 году, они воевали друг против друга.

Значительную роль в восстании 1831 года играла борьба за беларуские земли. Так, восставшие варшавяне предъявили великому князю Константину два требования: во-первых, признать Польшу независимым суверенным государством; во-вторых, присоединить к ней все бывшие земли Речи Посполитой, в том числе беларуские и жемойтские. Царя Николая I польские посланники просили о том же, что и Константина. Когда русские в августе окружили Варшаву

алфавит? Никакого. А ведь поляки — братья-славяне и соседи навсегда, тогда как с неславянской Грецией Беларусь не граничит и ничего общего с греками беларусы не имеют. Выбор между греческим и латинским алфавитами лишен политического подтекста.

Зато такой подтекст всегда присутствует в демагогических заявлениях российских идеологов и парламентариев, склонных ужасаться «отходу от России» по любому поводу, ибо в их представлениях Москва — «третий Рим», своего рода мистический центр, вокруг которого «обязано» группироваться все «прогрессивное человечество».

Когда большевики захватили власть в Российской империи, комиссары от просвещения осуществили реформу «великорусского» языка. Во-первых, его переименовали в просто «русский», дабы удалить имперское» «велико», а заодно превратили великороссов в русских. Между тем, нет в русском языке такого обычая, чтобы название национальности было прилагательным (хотя чего требовать от авторов новшества Троцкого и Свердлова, евреев, слабо разбиравшихся в тонкостях русского языка). Во-вторых, Троцкий и Свердлов утвердили «новый гражданский алфавит»: отменили букву «ять» и ряд других букв, одобрили изменение грамматических правил.

А в-третьих, мало кто помнит о том, что Лейба Бронштейн (он же Лев Троцкий) настаивал на переводе русского языка на латинский алфавит— «в целях мировой революции». Эту идею не приняли потому, что ни Сумароков, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Толстой на латинице не писали. Напротив, беларуские хронисты, поэты и писатели вплоть до начала XX века создавали свои произведения на беларуской латинице...

Кирилл и Мефодий умерли, соответственно, в 869 и 885 годах, задолго до принятия Киевом христианства (988 год), Москва в их времена еще не существовала в природе, Новгород только-только появился в виде маленькой крепости. Они создали в Моравии квазигреческий алфавит для чехов, а не для языческой Киевской Руси.

Кирилл потому и не поехал в земли нынешних Украины и России «обращать славян в православие», что никаких славян там еще не было. Некому было давать «славянский алфавит на основе греческого». Киев тогда не был славянским, он «дружил» с Хазарией, в нем жили сарматы (предки украинцев) и иудеи, поскольку сарматские князья Киева были тогда породнены с тюркскими князьями Хазарии, исповедавшими иудаизм. Они тоже исповедали иудаизм, так что Киев был тогда «городом синагог» и языческих капищ*. Чего же было Кириллу ехать в Киев к язычникам и иудеям?

---

* К сведению русских и украинских «ура-патриотов», возмущенных «очередной исторической выдумкой»: эта тема всесторонне исследована в израильском научно-популярном телесериале о Хазарии как «еще одной прародине израильтян». Имеются также солидные научные труды по данному вопросу. — *Прим. Ред.*

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

После ликвидации униатства в Беларуси русская православная церковь с утроенной энергией взялась за русификацию местного населения, в первую очередь крестьянства и мещанства. Главную ставку иерархи РПЦ делали при этом на пропаганду московского варианта православия в сфере народного просвещения. Профессор П.И. Ковалевский, один из видных дореволюционных идеологов русских националистов, писал в данной связи:

«Русская власть пошла по дороге обрусения путем введения русского языка и русской школы. Бесспорно, это два важных и могучих средства. Но еще более сильным средством является вера. Православие должно иметь все преимущества господствующей религии не потому только, что оно есть религия государственной русской нации, а потому, что православие есть религия национальная, это религия русской нации»*.

Проводя в жизнь политику русификации всех народов Российской империи, в том числе и беларуского, РПЦ действовала в самом тесном контакте с органами народного образования. Часто было невозможно провести четкую границу между деятельностью первой и последних.

Например, после подавления восстания 1863 года, когда царизм стремился вырвать молодые поколения беларусов из-под польско-католического влияния, попечитель Виленского учебного округа князь А.П. Ширинский-Шихматов (занимал этот пост в 1861–64 гг.) следующим образом сформулировал политику государства и православной церкви в области народного образования:

«В Белоруссии должна быть поддержана система правительственных училищ, свобода же обществ и частных лиц должно быть ограничена; она должно быть дана только обществам и лицам православного вероисповедания...

Действовать иначе, означало бы дать вражеской партии, которая имеет больше материальных и духовных средств, то оружие, которого она так давно и с такой настойчивостью домогается: любая школа, открытая для белорусов обществом или /частным/ лицом римско-католического вероисповедания, будет не проводником истинного образования в духа христианства и государственно-русским, а могучим оружием католическо-польской пропаганды. На этом основании решительно надо отстранить католиков от участия в деле образования белорусов. Дело образования белорусов, полагая по осуществленному опыту, может идти в этом крае наиболее успешно

---

* Ковалевский П.И. Национализм и национальное воспитание в России. СПб, 1912, с. 310.

«кинжальщиков — для приведения в исполнение приговоров этого трибунала. Первым терактом стало неудачное покушение на виленского предводителя дворянства Домейко.

Отдельные повстанческие отряды действовали в Гродненской губернии до октября. Они отказались от пеших бойцов, разделились на конные группы по 10–12 человек и стали практически неуловимыми. Однако сопротивление карателям становилось все более бессмысленным. Повстанцы покидали леса. Одни скрывались за границами империи, другие маскировались под верных подданных государя-императора.

Тем не менее, призрак крестьянского восстания по-прежнему беспокоил Муравьева. Он узнал, что на весну 1864 года планируется новое восстание. Поэтому Муравьев создал специальную комиссию для рассмотрения уставных грамот, сделавшую немало земельных подачек крестьянам за счет помещиков. В ноябре Муравьев распространил действие царского указа от 1 марта (об отмене временных обязанностей крестьян и о сокращении на 20% выкупных платежей за землю) на территорию Витебской и Могилёвской губерний. Он также восстановил право крестьян пасти свою скотину в лесах и на убранных от урожая помещичьих полях.

Муравьев, как никто другой, способствовал распространению среди беларуского крестьянства веры в «доброго царя», а также разжиганию враждебности православной его части по отношению к католической шляхте. С того времени политика противопоставления православных крестьян национальной католической элите стала традиционной для российских властей в западных губерниях империи.

Результаты восстания. Царь, его правительство и русские шовинисты праздновали победу «над поляками». М.Н. Муравьева провозгласили русским национальным героем. Царь даровал ему титул графа. По его личным приказам были казнены 128 повстанцев (не считая расстрелянных на местах боев), около 12,5 тысяч человек сосланы, более чем на шесть тысяч человек наложены различные административные взыскания. Жестокость царского палача оправдывали все российские газеты, в том числе либеральные «Московские новости» М.Н. Каткова. Пели дифирамбы ему известные поэты П.А. Вяземский и Н.А. Некрасов. Только Александр Герцен в своем «Колоколе» постоянно называл Муравьева «вешателем» и «людоедом».

Михаил Муравьев (1796–1866)

его — всеобщее рабство (крестьян по отношению к помещикам, дворян по отношению к царю и т.д.), всплесками несогласия с которыми и является эта «лихость». То есть, бунтарство.

Часто употребляются как синонимы термины «национальный характер» и «ментальность». Однако различие между ними все же существует. Оно заключается в том, что ментальность представляет собой способ мышления (мировоззрение) определенной этнической общности, а национальный характер проявляется в таких психологических феноменах, как темперамент, эмоции, чувства, способы деятельности и поведения.

Беларусы — крестьянская нация

Иначе говоря, ментальность охватывает преимущественно сферу рационального мышления, установок и взглядов человека, тогда как национальный характер — область преимущественно бессознательных эмоционально-чувственных реакций, влечений и потребностей. В структуре национального характера различают четыре группы составных элементов:

а) национальный темперамент («возбудимый» или «спокойный»; например, южане обычно более возбудимые, чем северяне);

б) национальные эмоции (типа «восторженности» или «скептицизма»);

в) национальные чувства (например, «гордость» или «скромность»);

г) национальные предрассудки (например, русским присуще ощущение превосходства над другими нациями в Российской империи и СССР — пресловутый «комплекс старшего брата»).

Так, специальные этнопсихологические исследования показали, что 75% населения США составляют экстраверты (люди, ориентированные на внешнее окружение); в Англии экстраверты и интраверты представлены в равной пропорции, в ряде стран преобладают интроверты (люди, для которых главное значение имеют личные проблемы и потребности).

В Беларуси подобные исследования не проводились, но ряд косвенных данных позволяет отнести большинство населения Белару-

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобивость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

Благодаря им, в России приобрела популярность концепция, согласно которой Беларусь — это Западная Русь, а беларусы — те же русские, но «испорченные» польским влиянием. Она получила название «западнорусизм».

Ее главным теоретиком был историк и этнограф Михаил Коялович (1828–1891), сын униатского священника из Гродненской губернии. В основе деятельности Кояловича лежала идея о превосходстве православия над всеми другими религиями. Скандальную известность получили его «Лекции по истории Западной России» (1864 г.) — откровенно антипольские и антисемитские как по своему духу, так и по подбору фактов. Социально-экономические проблемы для него не существовали. Все сложности исторического процесса он сводил к национально-религиозному вопросу, решаемому им с позиций православия, монархизма и великорусского шовинизма.

Став профессором истории Петербургской духовной академии, Коялович сосредоточился на борьбе с «польским влиянием». С этой целью он требовал даже ввести в государственных школах и учреждениях Северо-Западного края беларуский язык, а земли «польских помещиков» (в действительности, беларуских помещиков-католиков) раздать крестьянам. Однако Коялович отрицал самобытность не только беларусов и украинцев, но даже летувисов (жемойтов), и пропагандировал «слияние» их с «великорусской народностью».

Беларуский общественно-политический деятель 1910–20-х годов Александр Цвикевич считал, что «болезненное умиление к России» возникло у М.О. Кояловича потому, что он рассматривал последнюю как защитницу беларусов, украинцев и литовцев «от исторического польского притеснения». Цвикевич характеризовал «западнорусизм» как такое течение в общественной мысли, которое отрицало наличие беларуской национальной культуры. Поэтому идеологи «западнорусизма» не признавали прав ни Беларуси, ни Украины на самостоятельное культурное и политическое развитие, видели их будущее исключительно в составе России.

Сторонники концепции западнорусизма группировались вокруг журнала «Вестник Западной России», издававшегося в Вильне с 1864 по 1871 год. Его редактором был Ксенофонт Говорский (1811–1871), тоже сын униатского священника, но с Витебщины. Говорский, его сотрудники и авторы, публиковавшиеся в журнале, пропагандировали «исконное родство» беларусов и русских, призвали к полному слиянию их с великорусским народом.

Известный русский историк и этнограф А.Н. Пыпин (1833–1904) писал, что в Западно-Русском крае этот журнал «на деле стал одним из тех друзей /беларусов — *А.Т.*/, которые бывают хуже врагов». К числу псевдозаслуг Говорского относятся такие деяния, как разгром Виленского археологического музея, пропаганда плана массо-

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

священникам русов Полабья, так как их арианские общины держались обособленно от остальных христиан Европы.

Многое говорит о том, что древние жители беларуской земли исповедовали именно арианство. Так, рассказывая о Реформации на территории Беларуси, Ластовский отметил:

> «В это самое время мозырский земский судья Степан Лаван распространял вместе с Будным и Матвилой социанизм и арианизм... Каждая из этих новых религиозных сект — а их было несколько десятков — имела своих широких сторонников и верующих».

Почему же оно широко распространилось во время Реформации в Беларуси, в отличие от Польши и Чехии? Видимо потому, что народ воспринимал арианство как еще не совсем забытую древнюю веру. Однако надо согласиться с мнением Ластовского: древние истоки беларуского христианства остаются загадкой. Главная причина — уничтожение вандалом Иваном Грозным в 1563 году, во время оккупации московитами Полоцка, библиотеки при храме Святой Софии, где были собраны почти все древние беларуские летописи. В том числе сгорела «Летопись Кривичанско-Полоцкой земли».

Напомню читателям, что первоначально христианская церковь была единой. Но в 867 году, вследствие конфликта между константинопольским патриархом Фотием и римским папой Николаем I, между ними произошел разрыв. Позже (в X веке) удалось достичь формального единства, хотя в административном плане церковь уже фактически разделилась на две части.

Западная (Римская) повсеместно использовала латынь в качестве языка богослужения, священных книг и документации, а восточная (Византийская) — греческий язык. Кроме того, постепенно усиливались разногласия по вопросам догматики и культа. Однако обе они являются апостольскими, так как святой дух передается непосредственно от апостолов — прямых учеников и наследников Иисуса Христа.

Летом 1054 года случился новый разрыв, на этот раз между константинопольским патриархом Керуларием и легатом римской курии Гумбертом (в тот момент еще не был избран преемник умершего папы Льва IX). Чаще всего разделение церквей связывают именно с этой датой. Но окончательно раскол (по-гречески «схизма») произошел только в 1204 году, в связи с разграблением Константинополя участниками 4-го крестового похода, организованного римским папой Иннокентием III.

Постепенно за восточной церковью (Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский патриархаты,

ленская губерния, восточная часть Могилевской и Витебской губерний (шесть уездов полностью, девять — частично).

Брестский мир и его последствия для Беларуси. 3-го марта 1918 года в Бресте делегации РСФСР — с одной стороны, Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии — с другой, подписали трактат о мире. Беларусь в нем не упоминалась, мнение ее жителей никого не интересовало.

Несмотря на развал армии, Россия войну немцам, австрийцам и туркам не проиграла. Однако условия Брестского договора фактически означали ее капитуляцию.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефолий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 голах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

В 1837 году царь Николай I своим указом подчинил Греко-униатскую коллегию департаменту иностранных вероисповеданий Святейшего Синода.

В 1831–37 гг. один за другим умерли пять униатских епископов (А. Головня, И. Жарский, И. Матусевич, К. Сератинский, Л. Яворовский) — противники слияния с РПЦ. А в начале февраля 1838 года умер глава униатов, митрополит Иосафат Булгак, более всех других сопротивлявшийся «воссоединению» (ходили упорные слухи о том, что его отравили).

После этого у Семашко освободились руки. Он потребовал от всех священников дать подписку о согласии на объединение с РПЦ. Правда, такую подписку дали только 186 человек. Большинство воздержалось, а самые смелые пытались бороться. Но отдельные протесты ничего не могли изменить. Секретный комитет по униатским делам, созданный в Петербурге в 1835 году, уже готовил полное уничтожение униатской церкви.

В него вошли 10 человек: от РПЦ — митрополит Московский Филарет, митрополит Новгородский Серафим, архиепископ Тверской Григорий; от правительства — министр внутренних дел Блудов, обер-прокурор синода Нечаев, статс-секретарь Танеев, действительный тайный советник Голицын, генерал граф Толстой; от униатской церкви — епископ Иосиф Семашко и митрополит Иосафат Булгак. Уже по составу комитета можно судить о том, сколь большое значение придавали власти проблеме ликвидации униатства. Из всех его членов только И. Булгак являлся противником этого плана, но после его смерти, наступившей 25 февраля 1838 года, исчезло и это последнее препятствие.

Из секретного письма министра внутренних дел Блудова от 29 мая 1835 года, направленного Семашко, ясно следует, что главной функцией данного комитета являлась вовсе не «защита» униатов от польско-римского влияния, а полная интеграция их в православие.

Разумеется, польское католическое духовенство, помещики и чиновники католического вероисповедания в Беларуси и Украине видели, к чему ведут дело правительство и Синод. Опасаясь полной утраты своего влияния на несколько миллионов беларусов и украинцев, они стали открыто высказывать недовольство политикой Петербурга в отношении униатской церкви. Более половины помещиков-католиков находилось в оппозиции к официальному курсу по этому вопросу. После 1832 года значительное распространение получили действия ксендзов и помещиков, направленные на то, чтобы удержать униатов в их вере, а тех, кто уже перешел в православие, обратить в католичество.

ской социалистической партии и эсеры от голосования воздержались. Но даже вместе с оппозицией они составили менее половины членов Рады. В тот же день, 25 марта (после перерыва с 7 до 12 часов) началось постатейное обсуждение Третьей Уставной грамоты. Около трех часов дня она была утверждена.

Первое правительство БНР.
Сидят (слева направо): Александр Бурбис, Иван Середа, Язеп Воронко, Василий Захарко. Стоят: Аркадий Смолич, Петр Крачевский, Константин Езовитов, Антон Овсяник, Леонард Заяц

Итак, с 25 марта 1918 года Беларуская Народная Республика была провозглашена независимым государством, а разделение страны, предусмотренное Брестским договором, — отвергнуто*. Согласно Третьей Уставной грамоте Рады БНР, в нее вошли Минская, Виленская, Витебская, Смоленская, Могилевская, Черниговская, Гродненская (с Белостоком) губернии, а также пограничные уезды ряда соседних губерний, где преобладало беларуское население.

---

* 25 марта 2008 года многие беларусы отмечали 90-летие Беларуской Народной Республики.

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

ской социалистической партии и эсеры от голосования воздержались. Но даже вместе с оппозицией они составили менее половины членов Рады. В тот же день, 25 марта (после перерыва с 7 до 12 часов) началось постатейное обсуждение Третьей Уставной грамоты. Около трех часов дня она была утверждена.

Первое правительство БНР.
Сидят (слева направо): Александр Бурбис, Иван Середа, Язеп Воронко, Василий Захарко. Стоят: Аркадий Смолич, Петр Крачевский, Константин Езовитов, Антон Овсяник, Леонард Заяц

Итак, с 25 марта 1918 года Беларуская Народная Республика была провозглашена независимым государством, а разделение страны, предусмотренное Брестским договором, — отвергнуто*. Согласно Третьей Уставной грамоте Рады БНР, в нее вошли Минская, Виленская, Витебская, Смоленская, Могилевская, Черниговская, Гродненская (с Белостоком) губернии, а также пограничные уезды ряда соседних губерний, где преобладало беларуское население.

---

* 25 марта 2008 года многие беларусы отмечали 90-летие Беларуской Народной Республики.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

Весьма показательны в этом плане записки тверского купца Афанасия Никитина (конец XV века) о «хождении за три моря». В них автор запросто переходит со славяно-финского койне Московии на тюркский язык, не видя особой разницы между ними. В своем «хождении», буквально на каждой странице, Никитин то разражается длинной тирадой на тюркском, то непринужденно вплетает короткие тюркские фразы между русских. Вот типичный пример:

«В Индейской земле купцы останавливаются на подворьях, еду для них варят хозяйки. Они и постель гостям стелют, и спят с ними, сикиш илересен ду шитель бересин, сикиш илимесь ёкъжитель берсен достур аврат чектур, а сикиш муфут».

В этом фрагменте Никитин привел на тюркском языке некоторые деликатные подробности: «хочешь с хозяйкой иметь близкую связь — даешь два шителя, не хочешь — даешь один шитель».

Свои записки он закончил весьма характерной благодарственной молитвой: «Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного и Иисуса Духа Божия. Аллах велик»... В подлиннике дословно сказано: «Бисмилля Рахман Рахим. Иса Рух Уалло. Аллах акбар. Аллах керим»*.

В средневековой Московии существовали одновременно несколько языков. Во-первых, общеславянский «койне» — язык княжеско-боярской знати и чиновников (дьяков). Во-вторых, старроболгарский язык — язык христианских текстов. В-третьих, народные языки туземцев (финские). В-четвертых, тюркские языки — средство «межнационального общения» и язык исламского компонента религии. Вся эта смесь и послужила основой для нынешнего русского языка, совпадающего своей базовой лексикой** с другими славянскими языками не более чем на 30–35%. Напротив, базовая лексика славянских языков, в том числе беларуского и украинского, совпадает между собой на 70–80% .

Сегодня российские лингвисты в своем большинстве сводят истоки современного русского языка только к двум составляющим:

---

* Никитин совершил свое путешествие в 1466–1472 гг. В Твери тогда правил великий князь Михаил Борисович, в Москве — великий князь Иван III. В то время общей для Московии и Орды была религия, являвшаяся гибридом христианства и ислама (верующие равно почитали Иисуса и Магомета). Процесс их разделения начался с момента «стояния на Угре» (1480 г.) и завершился к 1589 г. (при царе Федоре I).

** Базовая лексика — около 5000 слов и лексических выражений. Попутно надо отметить, что беларуский язык испытал заметное влияние немецкого языка. В словарях народных говоров западной и центральной Беларуси XIX века слова немецкого происхождения составляют от четверти до трети лексики. Этот вопрос подробно рассмотрен в книге Валентины Выхоты «Нямецка-беларускія моўныя паралелі» (Мн., 1999). — *Прим. Ред.*

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы. свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

Показательно изобилие этнических русских, поляков, евреев, украинцев, татар, ставших беларускими деятелями культуры в первые десятилетия советской власти (З. Азгур, З. Аксельрод, А. Александрович, А. Бембель, Зм. Бядуля, М. Блистинов, Я.Бронштейн, В. Головчин, И. Замотин, Г. Кобец, Я. Мавр (И. Федоров), Е. Мирович, Н. Никольский, А. Овечкин, В. Пичета и др.)...

Интересно в этом контексте и отсутствие антисемитизма во всех слоях беларуского социума. Начиная со времен Великого Княжества Литовского, когда беларусы и евреи впервые зажили бок о бок, обмениваясь не только товарами, но и гуманитарными достижениями (известно, что первый перевод нескольких религиозных текстов на старобелорусский язык принадлежит виленским евреям), напряженности между этими двумя народами практически не было, что доказала Вторая мировая война.

И по сей день израильское посольство в Минске ежегодно чествует вновь обнаруженных «нееврейских праведников», не предполагавших, что они праведники, — людей, прятавших по погребам и чердакам своих домов знакомых и незнакомых евреев. Разумеется, в советскую эпоху существовал государственный антисемитизм, и он накладывал отпечаток на повседневное, бытовое поведение, однако уже в первые годы перестройки антисемитизм как явление испарился практически без следа.

Характерно для беларусов и непредвзятое отношение к «лицам кавказской», «азиатской» и прочих несуществующих национальностей. Более того, само миролюбие и нежелание беларусов входить в конфликт, а также знаменитая беларуская толерантность по отношению к иным народам и конфессиям, понимаемые как экзистенциальные этнические ценности (так называемые «фокальные» или «доминантные»), привели к тому, что национальная идея беларусов имеет «посреднический» характер. Та роль, в которой, по мнению Вл. Соловьева, должно было реализоваться мессианское предназначение России — быть посредницей между народами — в силу политических и общих социокультурных событий была принята беларусами практически внерефлективно».

Интересно сравнить современные научные исследования национального характера русских и беларусов, которые независимо друг от друга проводились в России и Беларуси и освещались центральными изданиями.

«Российская газета» 29 ноября 2003 года в публикации Татьяны Смольяковой «Украинцы близки русским так же, как немцы» сообщила:

«Независимый исследовательский центр РОМИР по заказу Союза создателей социальной рекламы провел исследование «Национальное самосознание русского человека в современный период».

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

приветствие Пилсудскому. Это обеспокоило поляков. 20 ноября Пилсудский вызвал к себе Луцкевича и предложил изменить статус Рады БНР с «государственной» на «национальную». Луцкевич дипломатично согласился, после чего получил разрешение созвать 12 декабря ее сессию.

Среди радовцев образовались две группировки. Большинство (эсеры и социалисты-федералисты) считали, что сотрудничать с оккупантами нет никакого смысла. Они уже вели партизанскую борьбу против поляков. На ноябрьской (1919 г.) конференции партии эсеров было решено бороться на два фронта: против польских властей и против сторонников деникинской «неделимой России». С российскими большевиками эсеровские лидеры надеялись договориться о создании независимой Беларуской социалистической республики.

Меньшинство (правоцентристы, часть социал-демократов) утверждало, что есть надежда увидеть поворот польской политики по отношению к беларусам в лучшую сторону. Они рассчитывали с помощью Польши поднять культурный уровень и национальное самосознание народа, чтобы таким образом обеспечить условия для подлинной независимости Беларуси.

На такой почве уже 13 декабря Рада раскололась. Антипольская фракция (50 человек) образовала Народную Раду БНР (во главе с федералистом Петром Крачевским) и свой кабинет министров во главе с эсером Вацлавом Ластовским. А те, кто надеялись на поддержку поляков (37 человек), создали Наивысшую Раду БНР (во главе с Иваном Середой) и свое правительство во главе с социал-демократом А. Луцкевичем. Правда, Луцкевич находился в это время в Варшаве. Раскол Рады БНР сильно ослабил беларуское национальное движение.

Оккупационный режим. Власть на оккупированных беларуских территориях осуществлял Генеральный комиссариат восточных земель, созданный поляками при штабе Литовско-Беларуского фронта. Его возглавлял Ежи Осмоловский, бывший офицер корпуса генерала Довбур-Мусницкого. Новые хозяева прежде всего разогнали крестьянские советы (местные органы самоуправления), возникшие в конце 1918 года под немецкой оккупацией и защищавшие беларуские деревни от грабежа со стороны польских армейских подразделений.

Восточнее Белостока поляки учредили четыре округа — Виленский, Брестский, Волынский и Минский, а их, в свою очередь, разделили на уезды во главе со старостами. Гражданская оккупационная администрация полностью подчинялась военному командованию и самостоятельного значения практически не имела. Польские солдаты отбирали у крестьян то, что не успели отобрать предыдущие

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII—XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

к российским порядкам — только бы выжить. В определенном смысле беларусы стали нацией приспособленцев, чем и спасались. Так, православные предприниматели (фермеры, торговцы, отдельные фабриканты) в конкурентной борьбе с помещиками польской культуры и евреями искали заступничества у российских властей. Карьерные интересы беларуской интеллигенции требовали и от нее лояльности царскому режиму. Православные беларусы стали носителями русско-беларуского (имперского) варианта самосознания: они признавали своим отечеством Россию, поддерживали царя, слушались священников и все же отличали себя от русских.

Показательны в этом смысле взгляды Луки Солоневича, в прошлом сельского учителя, волостного писаря, чиновника канцелярии гродненского губернатора. В 1908 году он организовал в Вильне «Белорусское общество», а в 1909 году издавал на русском языке газету «Белорусская жизнь». Солоневич и его сторонники признавали беларусов самостоятельным народом, но «культурным» языком для него считали русский. Газета критиковала правительство за то, что оно не принимало действенных мер для ограничения господства крупных «польских» помещиков (в действительности беларуских, но католической веры и польской культуры). Кроме того, они обвиняли власти в игнорировании жизненно важных интересов беларуского «народа», под которыми понимали потребность крестьянства в значительном расширении земельных участков. Солоневич и ему подобные пытались сочетать российский провинциализм с элементами регионального сепаратизма, постепенно приближаясь к идеологии беларуских националистов.

Польско-беларуский вариант самосознания. Завоеванные революцией гражданские свободы содействовали новому подъему в Беларуси польской культуры, усилению влияния католического костёла. Например, с 1906 по 1914 год число польских газет и журналов, издававшихся в Вильне, увеличилось с 11 до 28. До 1908 года в Вильне работало популярное культурно-просветительное товарищество «Освята» («Просвещение»), имевшее отделения в Минске, Несвиже, Гродно и других городах. Воинствующие клерикалы не признавали самобытности беларусов и стремились к полной полонизации беларусов. А с другой стороны, слабость беларуского движения не способствовала участию в нем беларусов-католиков.

В это же время на сцене появился польско-беларуский (краевой) вариант самосознания. «Краёвцы» представляли католическую интеллигенцию и землевладельцев (Роман Скирмунт, Александр Ледницкий, Михаил Ромер и другие). Это движение заявило о себе в феврале 1906 года программной статьей в «Виленской газете». Как правило, местные патриоты отличали себя от поляков, почему и назывались «краёвцами», или «литвинами». Под термином «край» они

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

Были опрошены 1500 человек в разных точках страны. Кроме того, проведены дискуссии в различных возрастных группах, где люди могли не просто ответить на вопросы, но и объяснить свою позицию.

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, пьянство, лень, сострадание, самопожертвование — вот, судя по ответам, главные составляющие русского характера. Но не единственные. Многие респонденты сказали, что русским свойственны доброта, гостеприимство, оптимизм, простота (раскованность), приветливость, находчивость, живучесть, халявность, русский «авось», уживчивость, безответственность, смелость, щедрость, любовь к Родине.

В дискуссиях добавляли и такие характеристики: «Мы часто ругаемся, но и часто миримся»; «Русские всегда чего-то ждут, пока все само собой сделается»; «На сегодняшний день воровство — это национальная черта». Всё, как во времена Карамзина. Таков русский человек — един во многих лицах, прямая противоположность самому себе.

Причины, истоки русского менталитета, молодое поколение (до 34 лет) видит в том, что русские всегда имели сильного правителя, что Россия — фильтр между Европой и Азией, и что она изначально была несвободной страной. С другой стороны, на нашем характере сказались большие просторы и природные богатства. Старшие тоже согласны: «Огромная территория, избыток природных богатств привели к широте души». Но они видят и другие корни нашего менталитета: постоянная борьба, угнетение, климатические условия («на севере люди добрее, чем на юге»), смешение народов».

Через полгода газета «Беларусь сегодня» рассказала об аналогичном исследовании среди беларусов. 14 июля 2004 года Виолетта Дралюк в статье «Что беларусу хорошо, то и японцу неплохо» рассказала о том, что ученые из Гомельского государственного технического университета им. П.О.Сухого «вот уже несколько лет упорно исследуют загадку беларуского менталитета»:

«Особые природные условия, тесные взаимоотношения с соседями, мирное сосуществование разных христианских конфессий и религий, военные походы через беларускую землю, «прививки» восточных культур — вот что сформировало ментальные особенности беларуса, считают гомельские ученые. Например, под влиянием балтов появилась у нас сдержанность, выносливость, настороженность и скрытность. Зато нет у беларусов легкомысленности и бахвальства, присущего «шляхетным» полякам. Лишены беларусы и раскованности, открытой и порой грубой простоты, столь свойственной русским. Евреям беларусы уступают в находчивости, настойчивости, умении приспосабливаться к жизненным обстоятельствам.

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

бождения беларуских земель от большевизма временно объединила беларусов, поляков и русских, хотя свои действия во время похода они координировали плохо. Тем не менее, 6 ноября Булак-Балахович освободил Туров, 8 ноября — Петриков, 10 ноября — Мозырь. Повсеместное недовольство крестьян большевистской продразвёрсткой способствовало быстрому увеличению численности армии (с 5,5 тысяч человек в октябре до 11 тысяч в ноябре).

В Мозыре Булак-Балахович провозгласил независимость Беларуси, объявил о формировании Беларуской армии и назначил сам себя ее главнокомандующим. Командование русскими воинскими подразделениями (савинковцами) он поручил своему брату — полковнику Язепу Булак-Балаховичу. Правительства Народной Рады (во главе с Ластовским) и Наивысшей Рады (во главе со Смоличем), а также большевистский ВРК (во главе с Червяковым), были объявлены незаконными.

Беларуский политический комитет преобразовал себя в правительство Беларуской Народной Республики. Это было первое беларуское правительство, обладавшее реальной властью на определенной части беларуской территории. Премьер-министром стал Вячеслав Адамович (старший), Павел Алексюк — его заместителем и министром иностранных дел, Юрий Синкевич — министром экономики, Радослав Островский — министром просвещения, полковник Беляев — военным министром.

Правительство Адамовича издало манифест к беларуского народу, в котором изложило свою программу: борьба за независимость Беларуси, выработка конституции, конфискация крупных помещичьих владений, союз с Польшей, опора на страны Антанты. Оно присвоило С. Булак-Балаховичу титул «начальника» беларуского государства — в подражание Пилсудскому. За одну неделю удалось сформировать крестьянский партизанский отряд и армейский полк.

Поражение Булак-Балахавича. После Мозыря, видимо под влиянием русских офицеров и Б. Савинкова, армия Булак-Балаховича, вместо наступлення в направлении Бобруйск — Минск, двинулась в сторону Речицы — Гомеля, в надежде соединиться с армией Врангеля. Но вскоре пришли сведения, что 14 ноября войска Врангеля разбиты Красной армией. Эта новость резко отрицательно повлияла на боевой дух балаховцев. Взять Речицу не удалось.

Большевики срочно направили в Полесье значительные военные силы (16-ю армию под командованием Н.В. Соллогуба), которые окружили войска Булак-Балаховича. Им пришлось отступать. В конце ноября — начале декабря 1920 года они пробились через заслоны красных на территорию Западной Беларуси, где и были интернированы. Лишь некоторые беларуские отряды остались на вос-

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефолий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 голах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

алфавит? Никакого. А ведь поляки — братья-славяне и соседи навсегда, тогда как с неславянской Грецией Беларусь не граничит и ничего общего с греками беларусы не имеют. Выбор между греческим и латинским алфавитами лишен политического подтекста.

Зато такой подтекст всегда присутствует в демагогических заявлениях российских идеологов и парламентариев, склонных ужасаться «отходу от России» по любому поводу, ибо в их представлениях Москва — «третий Рим», своего рода мистический центр, вокруг которого «обязано» группироваться все «прогрессивное человечество».

Когда большевики захватили власть в Российской империи, комиссары от просвещения осуществили реформу «великорусского» языка. Во-первых, его переименовали в просто «русский», дабы удалить имперское» «велико», а заодно превратили великороссов в русских. Между тем, нет в русском языке такого обычая, чтобы название национальности было прилагательным (хотя чего требовать от авторов новшества Троцкого и Свердлова, евреев, слабо разбиравшихся в тонкостях русского языка). Во-вторых, Троцкий и Свердлов утвердили «новый гражданский алфавит»: отменили букву «ять» и ряд других букв, одобрили изменение грамматических правил.

А в-третьих, мало кто помнит о том, что Лейба Бронштейн (он же Лев Троцкий) настаивал на переводе русского языка на латинский алфавит— «в целях мировой революции». Эту идею не приняли потому, что ни Сумароков, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Толстой на латинице не писали. Напротив, беларуские хронисты, поэты и писатели вплоть до начала XX века создавали свои произведения на беларуской латинице...

Кирилл и Мефодий умерли, соответственно, в 869 и 885 годах, задолго до принятия Киевом христианства (988 год), Москва в их времена еще не существовала в природе, Новгород только-только появился в виде маленькой крепости. Они создали в Моравии квазигреческий алфавит для чехов, а не для языческой Киевской Руси.

Кирилл потому и не поехал в земли нынешних Украины и России «обращать славян в православие», что никаких славян там еще не было. Некому было давать «славянский алфавит на основе греческого». Киев тогда не был славянским, он «дружил» с Хазарией, в нем жили сарматы (предки украинцев) и иудеи, поскольку сарматские князья Киева были тогда породнены с тюркскими князьями Хазарии, исповедавшими иудаизм. Они тоже исповедали иудаизм, так что Киев был тогда «городом синагог» и языческих капищ*. Чего же было Кириллу ехать в Киев к язычникам и иудеям?

---

* К сведению русских и украинских «ура-патриотов», возмущенных «очередной исторической выдумкой»: эта тема всесторонне исследована в израильском научно-популярном телесериале о Хазарии как «еще одной прародине израильтян». Имеются также солидные научные труды по данному вопросу. — *Прим. Ред.*

священникам русов Полабья, так как их арианские общины держались обособленно от остальных христиан Европы.

Многое говорит о том, что древние жители беларуской земли исповедовали именно арианство. Так, рассказывая о Реформации на территории Беларуси, Ластовский отметил:

> «В это самое время мозырский земский судья Степан Лаван распространял вместе с Будным и Матавилой социанизм и арианизм... Каждая из этих новых религиозных сект — а их было несколько десятков — имела своих широких сторонников и верующих».

Почему же оно широко распространилось во время Реформации в Беларуси, в отличие от Польши и Чехии? Видимо потому, что народ воспринимал арианство как еще не совсем забытую древнюю веру. Однако надо согласиться с мнением Ластовского: древние истоки беларуского христианства остаются загадкой. Главная причина — уничтожение вандалом Иваном Грозным в 1563 году, во время оккупации московитами Полоцка, библиотеки при храме Святой Софии, где были собраны почти все древние беларуские летописи. В том числе сгорела «Летопись Кривичанско-Полоцкой земли».

Напомню читателям, что первоначально христианская церковь была единой. Но в 867 году, вследствие конфликта между константинопольским патриархом Фотием и римским папой Николаем I, между ними произошел разрыв. Позже (в X веке) удалось достичь формального единства, хотя в административном плане церковь уже фактически разделилась на две части.

Западная (Римская) повсеместно использовала латынь в качестве языка богослужения, священных книг и документации, а восточная (Византийская) — греческий язык. Кроме того, постепенно усиливались разногласия по вопросам догматики и культа. Однако обе они являются апостольскими, так как святой дух передается непосредственно от апостолов — прямых учеников и наследников Иисуса Христа.

Летом 1054 года случился новый разрыв, на этот раз между константинопольским патриархом Керуларием и легатом римской курии Гумбертом (в тот момент еще не был избран преемник умершего папы Льва IX). Чаще всего разделение церквей связывают именно с этой датой. Но окончательно раскол (по-гречески «схизма») произошел только в 1204 году, в связи с разграблением Константинополя участниками 4-го крестового похода, организованного римским папой Иннокентием III.

Постепенно за восточной церковью (Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский патриархаты,

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

«А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Лане и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

«Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

---

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

Интриги вокруг «укрупнения». Псковский губком партии не возражал против возврата Велижского уезда, однако кремлевское руководство этого как бы «не заметило». Вопрос о возвращении обсуждался на всенародных собраниях в каждой волости. Правда, голос народа имел совещательный характер. Последнее слово оставалось за Москвой. Она так и не вернула в полном объеме то, что присвоила в 1919 году.

На Могилевщине и Смоленщине было много случаев, когда участники волостных собраний требовали присоединения к советской Беларуси, но их воля игнорировалась. Небольшие города Злынка, Клинцы. Новозыбков, Стародуб, находившиеся в 20—30 км от Гомеля. не вернули БССР только потому, что там имелись спичечные фабрики и ряд других промышленных предприятий. В то же время вместе с возвращенными беларускими землями прибавилось много русифицированных партийно-советских бюрократов и учителей. Они усилили позиции противников беларуской национальной идеи.

Конституция и административный раздел. В 1927 году была принята Конституция БССР — на три года позже союзной конституции. Дело в том, что беларуские коммунисты ждали новых «укрупнений», и надеялись избежать упоминаний о диктатуре пролетариата в республике, где 80% населения составляли крестьяне. Но Москва не допустила такой «вольности». Беларуская конституция практически ничем не отличалась от союзной. Согласно ей, избирательного права лишились все нетрудовые группы населения (духовенство, торговцы, лица, использовавшие наемную рабочую силу), бывшие чиновники и полицейские и все те, кто в 1917—21 гг. боролся против советской власти.

С 1929 года БССР делилась на 10 округов (Бобруйский, Витебский, Гомельский, Калининский с центром в Климовичах, Минский, Могилевский, Мозырский, Оршанский, Полоцкий, Слуцкий), 100 районов и 1446 сельсоветов. В 1930 году округа преобразовали в области. В 1938 году их было пять (Витебская, Минская, Могилевская, Гомельская и Полесская с центром в Мозыре).

В 20-е годы в местах компактного проживания этнических меньшинств были созданы национальные сельсоветы. В 1928 году их насчитывалось 67: 23 еврейских. 19 польских. 16 русских, 5 латышских, 2 украинских, 2 немецких.

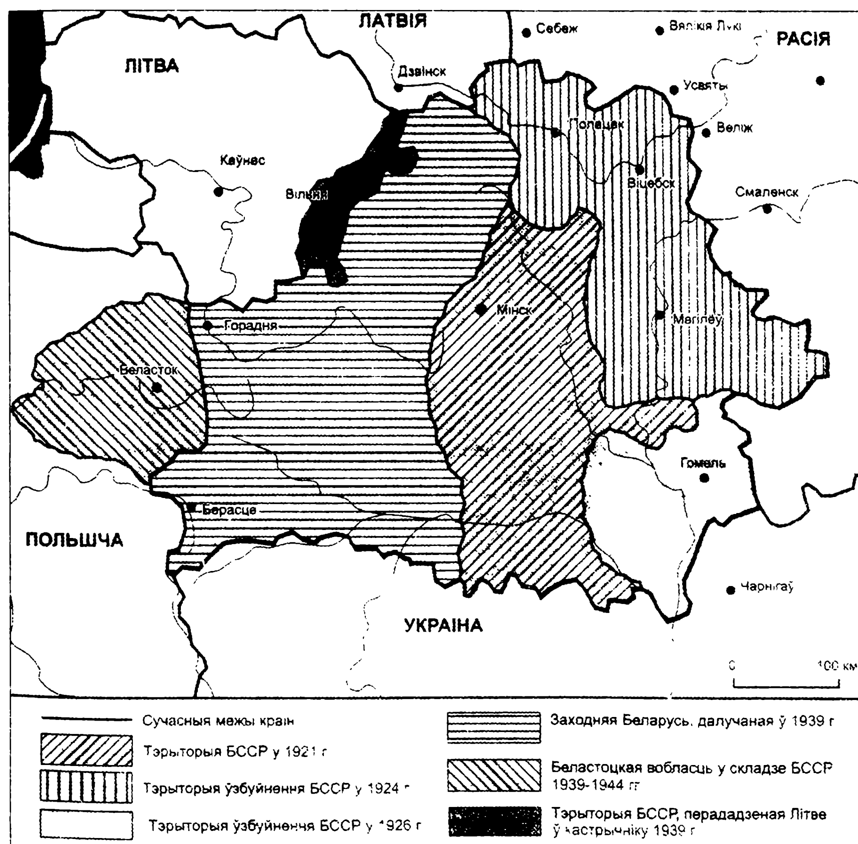
Экономический либерализм

НЭП. Шесть лет войны разрушили экономику. За это время беларуские земли (в современных границах) потеряли 1,4 млн. человек, в том числе 107 тысяч эмигрантов и 246 тысяч беженцев, так и не

вернувшихся домой. Наиболее сильно пострадала Гродненщина, население ее юго-западной части сократилось на 60%.

Впрочем, в крайне тяжелом положении пребывал весь СССР. В марте 1921 года X съезд РКП(б) вынужден был принять так называемую «новую экономическую политику» (НЭП). Впрочем, новой она была только для большевиков, которым пришлось на время отказаться от административно-командных методов управления экономикой.

Крестьян освободили от продразвёрстки, при которой отбирали почти все продукты, и заменили ее продналогом, когда забирали лишь определенную часть, оставляя кое-что не только для нужд семьи, но и на продажу. Земельный кодекс 1923 года закрепил право крестьян пользоваться землей по наследству и выбирать форму хозяйствования. Ремесленники, уплатив налог, могли открывать ма-

«Укрупнение» БССР в 1924—1939 гг.

•○•

Все сказанное чрезвычайно экзотично для беларуского этноса. Такой восточной экзотики в Литве (Беларуси) никогда не было, ибо она никогда не была частью Орды.

Мода женщин Московии красить лица, выбривать голову детям, оставляя «только с обеих сторон длинные свисающие локоны», мода девушек на непомерно высокие каблуки — все это взято из Казанского и Астраханского ханств Орды. Оттуда московиты переняли все это, как и прочее ордынское, в том числе кафтаны, непомерные рукава, диковинные головные уборы. Называть ордынское «русским» — язык не поворачивается, но именно так делают все российские историки и этнографы, именуя сию экзотику «русской».

Литвины не носили лаптей, национальной обуви финских крестьян, предков русских. В музее «Берестье» (Брест) представлено более ста образцов обуви древних беларусов X–XI веков — вся она кожаная, включая обувь для младенцев, нет ни одного лаптя. Загнутые носы на сапогах московитов — тоже «диковинка» для беларусов, ибо по восточному обычаю носы сапог загибали, боясь случайно задеть носом землю — чтобы не беспокоить прах усопших родственников.

Даже простое сравнение средневековых изображений литвинов и московитов показывает, что представители этих народов (крестьяне, горожане, дворяне) имели совершенно разную одежду, обувь, головные уборы, прически.

Между прочим, очень многие названия традиционной одежды русских являются чисто тюркскими. Для ученых это общеизвестный факт, хотя широкие массы читателей вряд ли что-то знают на сей счет. Чтобы не быть голословным, приведу несколько таких названий: азям, армяк, башлык, башмак, доха, епанча, зипун, кафтан, кокошник, колпак, кушак, охабень, сапог, сарафан, сорочка, сукман, тулуп, ферязь, халат, чекмень. шуба, юбка. Более того, как верно отмечает А.А. Бушков, во всех без исключения случаях «заимствовалось» не просто название, но и сам вид одежды!

Так что не случайно российские авторы, основываясь на старинных представлениях и обычаях своей нации, видят истинную Русь (Киевскую) чем-то безгранично далеким от Московии. Однако при этом именно себя они называют «русскими», свою страну — «Русью», а истинную Русь (Киевскую землю) — окраиной (Украиной) и жителей ее «окраинцами» (украинцами). Ну, еще бы! Ведь Москва, по их представлениям, с XV века является «Третьим Римом», то есть, главным центром цивилизованного человечества.

•○•

Итак, принципиальные различия в укладе жизни и традициях определяются разным этническим происхождением беларусов

Интриги вокруг «укрупнения». Псковский губком партии не возражал против возврата Велижского уезда, однако кремлевское руководство этого как бы «не заметило». Вопрос о возвращении обсуждался на всенародных собраниях в каждой волости. Правда, голос народа имел совещательный характер. Последнее слово оставалось за Москвой. Она так и не вернула в полном объеме то, что присвоила в 1919 году.

На Могилевщине и Смоленщине было много случаев, когда участники волостных собраний требовали присоединения к советской Беларуси, но их воля игнорировалась. Небольшие города Злынка, Клинцы, Новозыбков, Стародуб, находившиеся в 20—30 км от Гомеля, не вернули БССР только потому, что там имелись спичечные фабрики и ряд других промышленных предприятий. В то же время вместе с возвращенными беларускими землями прибавилось много русифицированных партийно-советских бюрократов и учителей. Они усилили позиции противников беларуской национальной идеи.

Конституция и административный раздел. В 1927 году была принята Конституция БССР — на три года позже союзной конституции. Дело в том, что беларуские коммунисты ждали новых «укрупнений», и надеялись избежать упоминаний о диктатуре пролетариата в республике, где 80% населения составляли крестьяне. Но Москва не допустила такой «вольности». Беларуская конституция практически ничем не отличалась от союзной. Согласно ей, избирательного права лишились все нетрудовые группы населения (духовенство, торговцы, лица, использовавшие наемную рабочую силу), бывшие чиновники и полицейские и все те, кто в 1917—21 гг. боролся против советской власти.

С 1929 года БССР делилась на 10 округов (Бобруйский, Витебский, Гомельский, Калининский с центром в Климовичах, Минский, Могилевский, Мозырский, Оршанский, Полоцкий, Слуцкий), 100 районов и 1446 сельсоветов. В 1930 году округа преобразовали в области. В 1938 году их было пять (Витебская, Минская, Могилевская, Гомельская и Полесская с центром в Мозыре).

В 20-е годы в местах компактного проживания этнических меньшинств были созданы национальные сельсоветы. В 1928 году их насчитывалось 67: 23 еврейских, 19 польских, 16 русских, 5 латышских, 2 украинских, 2 немецких.

Экономический либерализм

НЭП. Шесть лет войны разрушили экономику. За это время беларуские земли (в современных границах) потеряли 1,4 млн. человек, в том числе 107 тысяч эмигрантов и 246 тысяч беженцев, так и не

няк» (мастер выделки кож), и что эта фамилия была в старину одной из распространенных среди славян.

Зато «исконно русским и славянским» стали считать в современной России финский «окающий» акцент: им наделяют в фильмах героев «Древней Руси», его эксплуатируют популярные комики — «русские бабки». Никого не смущает тот факт, что ближайшие родственники русских — финны Финляндии — точно так окают, когда говорят по-русски или по-немецки.

Такое же смешение понятий произошло в вопросе антропологической идентичности. Поскольку финны внешне похожи на индоевропейцев, нетрудно придти к выводу, что именно так должны выглядеть славяне. Вот характерный пример: в повести «Кто стреляет последним» (1976 г.) российский писатель Николай Наумов пишет, как некий гауптман Отто, рассматривая пленного снайпера, родом из Рязани (то есть, из этноса эрзя), констатирует: «типичный славянин — круглое лицо, короткий широкий нос». Но это описание финна, а не славянина. Среди беларусов и поляков таких лиц нет.

Российские археологи нашли массу вещественных доказательств того, что до IX века на территории современной России вообще не было славян. Важнейшую роль в этом открытии сыграли раскопки в Новгороде, которые ведутся уже нескольких десятилетий. Было установлено (специально подчеркиваю — достоверно установлено учеными), что славяне, древнерусский язык и Рюрик появились в Новгороде одновременно! Более того, сам Новгород основали в середине IX века именно эти славяне-колонисты из Полабской Руси (т.е., с территории нынешней Германии).

Никаких «исконных» славян до Рюрика не было. Этот факт вызвал шок, хотя подозрения на сей счет существовали и раньше. Так, Л.В. Алексеев в книге «Полоцкая земля» еще в 1966 году писал:

> «Современные данные археологии и топонимики показывают, что в эпоху раннего железа Восточную Европу населяло три крупных группы племен. Первая, ирано-язычная, занимала Крымский полуостров, Кубань, Нижний Дон, Нижний Днепр и доходила на севере до водораздела Сейма, Десны и Оки...
>
> Вторая, финно-язычная группа, охватывала все Верхнее Поволжье, бассейн Средней и Нижней Оки, на западе доходила до озера Эзель и оставила так называемую Дьяковскую культуру.
>
> Третья, балто-язычная, охватывала все Верхнее Поднепровье (включая Киев, правобережье Сейма, верхнюю Оку) и уходила на запад в Прибалтику».

Обратите внимание: иранцы, финны и балты. Никаких славян!

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

«Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

«Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...

Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910—20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

---

* «Наука и жизнь», 2006, № 3.

ре оба издательства власти объединили в Беларуское государственное издательство (БелГИЗ) во главе с Д. Жилуновичем.

После этого издательская деятельность в БССР полностью оказалась под контролем партийных органов. Они следили за тем, чтобы кроме беларуских изданий выходила литература на языках всех наций, живших в Беларуси. В 1927 году из 11 республиканских газет 4 выходили на русском языке, 3 — на беларуском, по 2 на еврейском и польском. Все окружные газеты были русскоязычные. Из 11 журналов 4 выходили на беларуском языке, 3 на русском, 2 на русском и беларуском, 2 на идиш. Эти цифры свидетельствуют, что беларуская пресса находилась в ущемленном положении.

Образование. Больших успехов удалось достичь в беларусизации школы, несмотря на то, что русифицированная часть учительства относилась к переводу обучения на беларуский язык без малейшего энтузиазма. В 1922 году беларускоязычными были только около четверти школ, зато в 1928 году — до 80%. Вместе с тем открывались русские, еврейские, польские, украинские и литовские школы. Развернулось массовое движение за ликвидацию неграмотности.

В 1921 году в Минске открылся Беларуский государственный университет (БГУ), а через год — институт сельского и лесного хозяйства. В 1925 году его присоединили к Горецкому сельхозинституту, создав Академию сельского хозяйства. Годом раньше начал работать Витебский ветеринарный институт. Но беларуский язык был слабо представлен в ВУЗах. По-беларуски преподавали только отдельные предметы. Большевистское руководство заставляло студентов (как и военнослужащих, как чиновников) изучать беларуский язык, но не требовало пользоваться им. Кафедры беларусоведения при ВУЗах так и не создали. В 1924 году большевики произвели «чистку» студентов и преподавателей от «классово чуждых элементов».

Инбелкульт. Наркомат просвещения во главе с Игнатовским многое сделал для развертывания беларуской научно-просветительской деятельности, которая часто выходила за рамки официальной политики беларусизации. В 1921 году по его инициативе были созданы Государственная и Университетская библиотеки, Государственный музей, Центральный архив. А в 1922 году Наркомат просвещения выделил из своего состава Институт беларуской культуры (Инбелкульт) — первое официальное учреждение беларуской науки.

Для реорганизации Инбелкульта в Академию Наук большевикам потребовались 6 лет (1922–28). Такое учреждение, как Инбелкульт, не существовало более нигде. Оно возникло по инициативе беларуской интеллигенции, уставшей ждать разрешения Москвы на создание своей Академии. Положение о статусе Инбелкульта было утверждено лишь 25 июля 1924 года, после того как руководство республики взяло курс на беларусизацию и началось «укрупнение»

скому наречию»), на 65—70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

«А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Лане и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

«Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

---

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

пертуара БДТ-1 исключили пьесу «Здешние» («Тутэйшыя») Янки Купалы. В 1927 году та же судьба постигла пьесу «Преисподняя» Андрея Мрия, в сказочной форме показывавшую борьбу беларусов за свой родной язык.

В 1920 году режиссер Юрий Тарич снял первый беларуский фильм «Лесная быль» о борьбе партизан с польскими захватчиками. Киностудия «Советская Беларусь» из-за отсутствия собственной материальной базы была создана в 1928 году в Ленинграде. В 1930 году беларуский кинематограф стал звуковым. Однако Москва приказала, чтобы кинофильмы снимали только на русском языке.

Белорусизация и самоутверждение нации. Главным идейным стержнем беларусизации являлась советизация. Она совпала по времени с формированием современной беларуской нации, существенно деформировав естественное течение этого процесса. Беларусизация городов заложила основы советской беларуской культуры, имевшей пролетарский (а не крестьянский) характер и противопоставленной культурной традиции «Нашей Нивы», развивавшейся в Западной Беларуси и в эмиграции. Все это существенно снижало ее привлекательность и обедняло национальное содержание.

Но в 20-е годы советизация в «национальной упаковке» еще не стала разрушительной для беларуского общества, так как сохранялось традиционное крестьянское хозяйство и существовала традиционная крестьянская культура. Советскому руководству еще не удалось навязать крестьянам идеалы большевизма. Беларусы добились признания своей самобытности, в чем царский режим им отказывал. Простые люди начали даже обращаться друг к другу с традиционными словами «дзядзька» («дядя») и «цётка» («тётя») вместо «товарищ».

БССР в нашей истории. Политика НЭПа и беларусизации укрепила советскую власть в Беларуси. Но политические мотивы создания большевиками БССР тогда мало кто понимал. Между тем, они всего-навсего разыграли беларускую карту против Польши — в противовес доставшимся ей западным беларуским землям.

Создание национально-культурной автономии БССР в 20-е годы тоже стало вынужденным шагом большевистского руководства. Ограниченное самоуправление ввели в БССР с единственной целью — не допустить реализации идеи национальной независимости беларуского народа. И все же под опекой советской России национальные идеалы беларусов частично осуществились. Уже сам факт существования БССР способствовал росту национального самосознания беларусов и международному признанию идеи беларуской государственности.

---

* Перевод со стр. 21: «Сябар» — друг. Текст рекламы гласит «Ценность дружбы — держаться вместе».

его — всеобщее рабство (крестьян по отношению к помещикам, дворян по отношению к царю и т.д.), всплесками несогласия с которыми и является эта «лихость». То есть, бунтарство.

Часто употребляются как синонимы термины «национальный характер» и «ментальность». Однако различие между ними все же существует. Оно заключается в том, что ментальность представляет собой способ мышления (мировоззрение) определенной этнической общности, а национальный характер проявляется в таких психологических феноменах, как темперамент, эмоции, чувства, способы деятельности и поведения.

Беларусы — крестьянская нация

Иначе говоря, ментальность охватывает преимущественно сферу рационального мышления, установок и взглядов человека, тогда как национальный характер — область преимущественно бессознательных эмоционально-чувственных реакций, влечений и потребностей. В структуре национального характера различают четыре группы составных элементов:

а) национальный темперамент («возбудимый» или «спокойный»; например, южане обычно более возбудимые, чем северяне);

б) национальные эмоции (типа «восторженности» или «скептицизма»);

в) национальные чувства (например, «гордость» или «скромность»);

г) национальные предрассудки (например, русским присуще ощущение превосходства над другими нациями в Российской империи и СССР — пресловутый «комплекс старшего брата»).

Так, специальные этнопсихологические исследования показали, что 75% населения США составляют экстраверты (люди, ориентированные на внешнее окружение); в Англии экстраверты и интраверты представлены в равной пропорции, в ряде стран преобладают интроверты (люди, для которых главное значение имеют личные проблемы и потребности).

В Беларуси подобные исследования не проводились, но ряд косвенных данных позволяет отнести большинство населения Белару-

к народному языку России (как уже сказано, отнюдь не славянскому, а славяно-финскому койне, с большим тюркским влиянием) и древнему болгарскому (он же «церковно-славянский»).

В качестве третьего языка можно указать современный литературный русский язык, — искусственное кабинетное изобретение, своего рода «эсперанто» на основе двух указанных выше источников (на этом «эсперанто» написана данная статья, а вы ее читаете).

Почему нынешний русский язык больше похож на болгарский язык, чем на беларуский и украинский? (Хотя в одну языковую группу с русским относят почему-то именно их, а не болгарский и не сербский.) Это кажется странным, ведь Россия не граничит с Болгарией, но соседка с Беларусью и Украиной, в чьих исконных языках нет болгарского влияния, а если его иногда находят сегодня, то оно привнесено в более поздние времена русскими завоевателями.

В том-то и дело, что в Московии коренных славян никогда не было (кроме немногочисленных выходцев из Киевской земли в XII–XIV веках). Поэтому усвоение туземцами Московии славянского языка шло через религию, которая опиралась на болгарские тексты. Туземцы Владимира, Суздаля, Москвы, Костромы, Тулы, Рязани, Мурома, Вятки и прочих финских земель усваивали славянский язык через болгарский язык церковных книг. Именно потому небольшое славянское содержание «базы» русского языка (около 30–35% лексики) является общим болгарскому языку.

В Беларуси и Украине ситуация была иной: здесь местное население (балто-славянское в Беларуси, сармато-славянское в Украине) само выработало свои славянские говоры, которые не позволили внедряться болгарской лексике из православных книг.

Есть три факта, которые прячут все российские лингвисты, хотя шила в мешке все равно не утаить. Они таковы:

1) до начала XVIII века язык Московии никто в Европе не называл русским, а только московским, или московитским;

2) русским языком до той поры называли украинский язык;

3) московитский язык до XVIII века европейские лингвисты (в том числе из славянских стран) относили к финским говорам.

Конечно, сегодня все уже не так: власти Российской империи оказали огромное влияние на лингвистическую науку, поставив ей задачу придания московскому языку «славянского статуса». Реформа московского языка, осуществленная в XVIII веке Ф. Прокоповичем, М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым ставила целью именно усиление его слабых славянских черт. Однако даже через сто с лишним лет после Ломоносова, умершего в 1765 году, известный польский славист Ежи Лещинский заявлял:

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

к народному языку России (как уже сказано, отнюдь не славянскому, а славяно-финскому койне, с большим тюркским влиянием) и древнему болгарскому (он же «церковно-славянский»).

В качестве третьего языка можно указать современный литературный русский язык, — искусственное кабинетное изобретение, своего рода «эсперанто» на основе двух указанных выше источников (на этом «эсперанто» написана данная статья, а вы ее читаете).

Почему нынешний русский язык больше похож на болгарский язык, чем на беларуский и украинский? (Хотя в одну языковую группу с русским относят почему-то именно их, а не болгарский и не сербский.) Это кажется странным, ведь Россия не граничит с Болгарией, но соседка с Беларусью и Украиной, в чьих исконных языках нет болгарского влияния, а если его иногда находят сегодня, то оно привнесено в более поздние времена русскими завоевателями.

В том-то и дело, что в Московии коренных славян никогда не было (кроме немногочисленных выходцев из Киевской земли в XII–XIV веках). Поэтому усвоение туземцами Московии славянского языка шло через религию, которая опиралась на болгарские тексты. Туземцы Владимира, Суздаля, Москвы, Костромы, Тулы, Рязани, Мурома, Вятки и прочих финских земель усваивали славянский язык через болгарский язык церковных книг. Именно потому небольшое славянское содержание «базы» русского языка (около 30–35% лексики) является общим болгарскому языку.

В Беларуси и Украине ситуация была иной: здесь местное население (балто-славянское в Беларуси, сармато-славянское в Украине) само выработало свои славянские говоры, которые не позволили внедряться болгарской лексике из православных книг.

Есть три факта, которые прячут все российские лингвисты, хотя шила в мешке все равно не утаить. Они таковы:

1) до начала XVIII века язык Московии никто в Европе не называл русским, а только московским, или московитским;

2) русским языком до той поры называли украинский язык;

3) московитский язык до XVIII века европейские лингвисты (в том числе из славянских стран) относили к финским говорам.

Конечно, сегодня все уже не так: власти Российской империи оказали огромное влияние на лингвистическую науку, поставив ей задачу придания московскому языку «славянского статуса». Реформа московского языка, осуществленная в XVIII веке Ф. Прокоповичем, М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым ставила целью именно усиление его слабых славянских черт. Однако даже через сто с лишним лет после Ломоносова, умершего в 1765 году, известный польский славист Ежи Лещинский заявлял:

пертуара БДТ-1 исключили пьесу «Здешние» («Тутэйшыя») Янки Купалы. В 1927 году та же судьба постигла пьесу «Преисподняя» Андрея Мрия, в сказочной форме показывавшую борьбу беларусов за свой родной язык.

В 1920 году режиссер Юрий Тарич снял первый беларуский фильм «Лесная быль» о борьбе партизан с польскими захватчиками. Киностудия «Советская Беларусь» из-за отсутствия собственной материальной базы была создана в 1928 году в Ленинграде. В 1930 году беларуский кинематограф стал звуковым. Однако Москва приказала, чтобы кинофильмы снимали только на русском языке.

Белорусизация и самоутверждение нации. Главным идейным стержнем беларусизации являлась советизация. Она совпала по времени с формированием современной беларуской нации, существенно деформировав естественное течение этого процесса. Беларусизация городов заложила основы советской беларуской культуры, имевшей пролетарский (а не крестьянский) характер и противопоставленной культурной традиции «Нашей Нивы», развивавшейся в Западной Беларуси и в эмиграции. Все это существенно снижало ее привлекательность и обедняло национальное содержание.

Но в 20-е годы советизация в «национальной упаковке» еще не стала разрушительной для беларуского общества, так как сохранялось традиционное крестьянское хозяйство и существовала традиционная крестьянская культура. Советскому руководству еще не удалось навязать крестьянам идеалы большевизма. Беларусы добились признания своей самобытности, в чем царский режим им отказывал. Простые люди начали даже обращаться друг к другу с традиционными словами «дзядзька» («дядя») и «цётка» («тётя») вместо «товарищ».

БССР в нашей истории. Политика НЭПа и беларусизации укрепила советскую власть в Беларуси. Но политические мотивы создания большевиками БССР тогда мало кто понимал. Между тем, они всего-навсего разыграли беларускую карту против Польши — в противовес доставшимся ей западным беларуским землям.

Создание национально-культурной автономии БССР в 20-е годы тоже стало вынужденным шагом большевистского руководства. Ограниченное самоуправление ввели в БССР с единственной целью — не допустить реализации идеи национальной независимости беларуского народа. И все же под опекой советской России национальные идеалы беларусов частично осуществились. Уже сам факт существования БССР способствовал росту национального самосознания беларусов и международному признанию идеи беларуской государственности.

---

* Перевод со стр. 21: «Сябар» — друг. Текст рекламы гласит «Ценность дружбы — держаться вместе».

Благодаря им, в России приобрела популярность концепция, согласно которой Беларусь — это Западная Русь, а беларусы — те же русские, но «испорченные» польским влиянием. Она получила название «западнорусизм».

Ее главным теоретиком был историк и этнограф Михаил Коялович (1828–1891), сын униатского священника из Гродненской губернии. В основе деятельности Кояловича лежала идея о превосходстве православия над всеми другими религиями. Скандальную известность получили его «Лекции по истории Западной России» (1864 г.) — откровенно антипольские и антисемитские как по своему духу, так и по подбору фактов. Социально-экономические проблемы для него не существовали. Все сложности исторического процесса он сводил к национально-религиозному вопросу, решаемому им с позиций православия, монархизма и великорусского шовинизма.

Став профессором истории Петербургской духовной академии, Коялович сосредоточился на борьбе с «польским влиянием». С этой целью он требовал даже ввести в государственных школах и учреждениях Северо-Западного края беларуский язык, а земли «польских помещиков» (в действительности, беларуских помещиков-католиков) раздать крестьянам. Однако Коялович отрицал самобытность не только беларусов и украинцев, но даже летувисов (жемойтов), и пропагандировал «слияние» их с «великорусской народностью».

Беларуский общественно-политический деятель 1910–20-х годов Александр Цвикевич считал, что «болезненное умиление к России» возникло у М.О. Кояловича потому, что он рассматривал последнюю как защитницу беларусов, украинцев и литовцев «от исторического польского притеснения». Цвикевич характеризовал «западнорусизм» как такое течение в общественной мысли, которое отрицало наличие беларуской национальной культуры. Поэтому идеологи «западнорусизма» не признавали прав ни Беларуси, ни Украины на самостоятельное культурное и политическое развитие, видели их будущее исключительно в составе России.

Сторонники концепции западнорусизма группировались вокруг журнала «Вестник Западной России», издававшегося в Вильне с 1864 по 1871 год. Его редактором был Ксенофонт Говорский (1811–1871), тоже сын униатского священника, но с Витебщины. Говорский, его сотрудники и авторы, публиковавшиеся в журнале, пропагандировали «исконное родство» беларусов и русских, призвали к полному слиянию их с великорусским народом.

Известный русский историк и этнограф А.Н. Пыпин (1833–1904) писал, что в Западно-Русском крае этот журнал «на деле стал одним из тех друзей /беларусов — *А.Т.*/, которые бывают хуже врагов». К числу псевдозаслуг Говорского относятся такие деяния, как разгром Виленского археологического музея, пропаганда плана массо-

«кинжальщиков — для приведения в исполнение приговоров этого трибунала. Первым терактом стало неудачное покушение на виленского предводителя дворянства Домейко.

Отдельные повстанческие отряды действовали в Гродненской губернии до октября. Они отказались от пеших бойцов, разделились на конные группы по 10–12 человек и стали практически неуловимыми. Однако сопротивление карателям становилось все более бессмысленным. Повстанцы покидали леса. Одни скрывались за границами империи, другие маскировались под верных подданных государя-императора.

Тем не менее, призрак крестьянского восстания по-прежнему беспокоил Муравьева. Он узнал, что на весну 1864 года планируется новое восстание. Поэтому Муравьев создал специальную комиссию для рассмотрения уставных грамот, сделавшую немало земельных подачек крестьянам за счет помещиков. В ноябре Муравьев распространил действие царского указа от 1 марта (об отмене временных обязанностей крестьян и о сокращении на 20% выкупных платежей за землю) на территорию Витебской и Могилёвской губерний. Он также восстановил право крестьян пасти свою скотину в лесах и на убранных от урожая помещичьих полях.

Муравьев, как никто другой, способствовал распространению среди беларуского крестьянства веры в «доброго царя», а также разжиганию враждебности православной его части по отношению к католической шляхте. С того времени политика противопоставления православных крестьян национальной католической элите стала традиционной для российских властей в западных губерниях империи.

Результаты восстания. Царь, его правительство и русские шовинисты праздновали победу «над поляками». М.Н. Муравьева провозгласили русским национальным героем. Царь даровал ему титул графа. По его личным приказам были казнены 128 повстанцев (не считая расстрелянных на местах боев), около 12,5 тысяч человек сосланы, более чем на шесть тысяч человек наложены различные административные взыскания. Жестокость царского палача оправдывали все российские газеты, в том числе либеральные «Московские новости» М.Н. Каткова. Пели дифирамбы ему известные поэты П.А. Вяземский и Н.А. Некрасов. Только Александр Герцен в своем «Колоколе» постоянно называл Муравьева «вешателем» и «людоедом».

Михаил Муравьев (1796–1866)

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

к народному языку России (как уже сказано, отнюдь не славянскому, а славяно-финскому койне, с большим тюркским влиянием) и древнему болгарскому (он же «церковно-славянский»).

В качестве третьего языка можно указать современный литературный русский язык, — искусственное кабинетное изобретение, своего рода «эсперанто» на основе двух указанных выше источников (на этом «эсперанто» написана данная статья, а вы ее читаете).

Почему нынешний русский язык больше похож на болгарский язык, чем на беларуский и украинский? (Хотя в одну языковую группу с русским относят почему-то именно их, а не болгарский и не сербский.) Это кажется странным, ведь Россия не граничит с Болгарией, но соседка с Беларусью и Украиной, в чьих исконных языках нет болгарского влияния, а если его иногда находят сегодня, то оно привнесено в более поздние времена русскими завоевателями.

В том-то и дело, что в Московии коренных славян никогда не было (кроме немногочисленных выходцев из Киевской земли в XII–XIV веках). Поэтому усвоение туземцами Московии славянского языка шло через религию, которая опиралась на болгарские тексты. Туземцы Владимира, Суздаля, Москвы, Костромы, Тулы, Рязани, Мурома, Вятки и прочих финских земель усваивали славянский язык через болгарский язык церковных книг. Именно потому небольшое славянское содержание «базы» русского языка (около 30–35% лексики) является общим болгарскому языку.

В Беларуси и Украине ситуация была иной: здесь местное население (балто-славянское в Беларуси, сармато-славянское в Украине) само выработало свои славянские говоры, которые не позволили внедряться болгарской лексике из православных книг.

Есть три факта, которые прячут все российские лингвисты, хотя шила в мешке все равно не утаить. Они таковы:

1) до начала XVIII века язык Московии никто в Европе не называл русским, а только московским, или московитским;

2) русским языком до той поры называли украинский язык;

3) московитский язык до XVIII века европейские лингвисты (в том числе из славянских стран) относили к финским говорам.

Конечно, сегодня все уже не так: власти Российской империи оказали огромное влияние на лингвистическую науку, поставив ей задачу придания московскому языку «славянского статуса». Реформа московского языка, осуществленная в XVIII веке Ф. Прокоповичем, М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым ставила целью именно усиление его слабых славянских черт. Однако даже через сто с лишним лет после Ломоносова, умершего в 1765 году, известный польский славист Ежи Лещинский заявлял:

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Поэт Максим Богданович (1891–1917)

российского уровня почти в два раза. Местных жителей ежедневно хоронили десятками.

Что касается беларуского национального движения, то оно в восточной части имело две особенности.

Во-первых, деятельность беларуских патриотов протекала в намного худших условиях, чем под немецкой оккупацией. Царское правительство разрешило беларуским комитетам помощи беженцам только гуманитарную деятельность.

Культурная запрещалась, так как царские власти «в упор» не видели, чем жители беларуских губерний отличаются от жителей Тулы или Пензы. Вплоть до 1917 года на территории Беларуси, свободной от немцев, не выходила ни одна беларуская газета.

Во-вторых, и эта гуманитарная деятельность более или менее развернулась только в Минске, который стал вслед за Вильней вторым центром беларуского движения. Беженцы значительно увеличили удельный вес беларусов среди минчан.

Летом 1915 года в Минске открылась Беларуское общество по оказанию помощи пострадавшим от войны, в которое вошли 50 человек. Его возглавлял адвокат В. Чаусов. Все сотрудники общества питались в платной столовой, находившейся возле Красного костела (костел Св. Симона и Св. Елены) и получила название «Беларуская хатка».

Фактически, она стала клубом творческой беларуской интеллигенции, которая устраивала вечеринки для беженцев, не спрашивая разрешения городских чиновников. С лекциями, докладами, чтением своих произведений там выступали беларуские писатели и поэты — Змитрок Бядуля, Ядвигин Ш., Альберт Павлович, Язеп Фарботка, Фабиан Шантырь, Зоська Верас (Людвика Сивицкая), театральные деятели Владислав Голубок и Всеволод Фальский, архитектор Леон Дубейковский и другие. Именно в «Хатке» читал свои стихи Максим Богданович, в том числе знаменитую «Погоню».

Свержение царизма

Революционные перемены. Великая европейская война доказала полное банкротство и нежизнеспособность российской империи. Она не смогла обеспечить ни экономической, ни военной, ни поли-

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

данные генетики (которая, в отличие от истории — точная наука) утверждают: беларусы — это славянизированные западные балты, а русские — это славянизированные финны.

Руководитель исследования, доктор медицинских наук Е.В. Балановская отметила:

«Пришлось рассмотреть данные многих систем — антропологии (соматологии, дерматоглифики, одонтологии), классической генетики (группы крови, белки крови), тысяч фамилий, данные по разным системам ДНК маркеров (аутосомных, Y-хромосомы, митохондриальной ДНК).

...Мы собрали воедино два огромных массива информации о русском народе, накопленные за многие десятилетия антропологией и генетикой. Мы провели два новых исследования — ДНК и фамилий. И придумали способ, как сравнить эти четыре столь разных системы признаков — антропологии, классической генетики, молекулярной генетики, фамилий. Мы строили компьютерные геногеографические карты для каждого признака.

Например, для антропологии — карту роста бороды; для классической генетики — карты встречаемости генов групп крови; для молекулярной генетики — карту гена устойчивости к СПИДу; для фамилий — карту встречаемости Ивановых во всех частях русского ареала. Четыре столь разных системы, и в каждой — много признаков. Для каждого создана карта. А затем получили «обобщенные» карты для каждой системы признаков. И после этого впервые могли сравнить все данные о русском генофонде...

Наше «открытие» в том, что совершенно разные науки и признаки — антропология, генетика, фамилии — полностью согласны друг с другом и, дополняя друг друга, рисуют общий портрет русского генофонда. Причем русский генофонд здесь, к счастью, не одинок. Еще до изучения русского генофонда мы сделали аналогичный набросок портрета генофонда народов Восточной Европы, включая в него и народы «ближнего зарубежья» (от Черного моря до Балтики), и Кавказа, и Приуралья. И обнаружили вновь единогласие свидетелей! Хотя портрет генофонда народов Восточной Европы оказался совершенно иным — волны генофонда следовали в Восточной Европе не по оси «север — юг», как в русском генофонде, а по оси «запад — восток».

Поэтому и для русского генофонда — занимающего огромную часть Восточной Европы — мы ожидали увидеть все ту же восточноевропейскую закономерность. Но нет! Русский генофонд обнаружил свое собственное строение, связанное с его собственной историей. Однако все генофонды в равной степени важны и интересны».

Результаты указанного исследования шокировали в России очень многих. Чтобы успокоить возмущенных несогласных сограждан (главным образом публицистов и некоторых историков), Е.В. Бала-

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

к народному языку России (как уже сказано, отнюдь не славянскому, а славяно-финскому койне, с большим тюркским влиянием) и древнему болгарскому (он же «церковно-славянский»).

В качестве третьего языка можно указать современный литературный русский язык, — искусственное кабинетное изобретение, своего рода «эсперанто» на основе двух указанных выше источников (на этом «эсперанто» написана данная статья, а вы ее читаете).

Почему нынешний русский язык больше похож на болгарский язык, чем на беларуский и украинский? (Хотя в одну языковую группу с русским относят почему-то именно их, а не болгарский и не сербский.) Это кажется странным, ведь Россия не граничит с Болгарией, но соседка с Беларусью и Украиной, в чьих исконных языках нет болгарского влияния, а если его иногда находят сегодня, то оно привнесено в более поздние времена русскими завоевателями.

В том-то и дело, что в Московии коренных славян никогда не было (кроме немногочисленных выходцев из Киевской земли в XII–XIV веках). Поэтому усвоение туземцами Московии славянского языка шло через религию, которая опиралась на болгарские тексты. Туземцы Владимира, Суздаля, Москвы, Костромы, Тулы, Рязани, Мурома, Вятки и прочих финских земель усваивали славянский язык через болгарский язык церковных книг. Именно потому небольшое славянское содержание «базы» русского языка (около 30–35% лексики) является общим болгарскому языку.

В Беларуси и Украине ситуация была иной: здесь местное население (балто-славянское в Беларуси, сармато-славянское в Украине) само выработало свои славянские говоры, которые не позволили внедряться болгарской лексике из православных книг.

Есть три факта, которые прячут все российские лингвисты, хотя шила в мешке все равно не утаить. Они таковы:

1) до начала XVIII века язык Московии никто в Европе не называл русским, а только московским, или московитским;

2) русским языком до той поры называли украинский язык;

3) московитский язык до XVIII века европейские лингвисты (в том числе из славянских стран) относили к финским говорам.

Конечно, сегодня все уже не так: власти Российской империи оказали огромное влияние на лингвистическую науку, поставив ей задачу придания московскому языку «славянского статуса». Реформа московского языка, осуществленная в XVIII веке Ф. Прокоповичем, М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым ставила целью именно усиление его слабых славянских черт. Однако даже через сто с лишним лет после Ломоносова, умершего в 1765 году, известный польский славист Ежи Лещинский заявлял:

Ликвидация крепостного права. После смерти Николая I его сын Александр II (правил в 1855–1881 гг.) начал подготовку к упразднению крепостного права. Для первого опыта он выбрал беларуские губернии. Здешние помещики были более подготовлены к столь радикальным изменениям как экономически, так и морально. Пример Польши и Прусии, где крестьяне уже имели личную свободу, давал помещикам надежду на сносное будущее и без крепостничества.

Местные помещики соглашались на освобождение крестьян без земли, что превратило бы землю в товар, а бывших крепостных — большей частью в батраков, меньшей — в фермеров (если кто-то из них нашел бы средства выкупить землю). Для крестьян же это был наихудший вариант. Но царизм не пошел по такому пути, хотя вовсе не из сострадания крестьянству. Сыграл свою роль элементарный расчет. Из 23 миллионов «душ» крепостных в империи возникла бы мощная армия неимущих батраков, которая смела бы и дворянское землевладение, и правящую династию. Поэтому российских крепостных освобождали с землей в обязательном порядке. Землю, в свою очередь, требовалось обязательно выкупать.

Однако крепостная система довела крестьян до такого состояния (особенно в Беларуси), что без помощи государства (в виде займа) они не могли откупиться от помещиков. Кроме того, в России сохранялась сельская община (мир), основанная на круговой поруке. Из-за нее аграрная реформа проводилась очень медленно. В Беларуси же (за исключением Могилевской и части Витебской губернии) общину ликвидировали еще в XVI веке. Это обстоятельство тоже повлияло на решение начать отмену «крепости» с западных губерний.

Отмена крепостничества стала очень важным шагом русской деревни на пути к рыночным отношениям, но оказалась недостаточной для Беларуси. Более высокий уровень развития товарно-денежных отношений требовал здесь и более радикальных перемен. Традиционное подворное землепользование делало беларуских крестьян вполне самостоятельными хозяевами. Поэтому они считали крайней несправедливостью выкуп земли, которой неизменно пользовались на протяжении столетий. По реформе крестьяне получили недостаточные наделы, которыми к тому же нельзя было распоряжаться до уплаты выкупа. Это делало деревню экономически зависимой как от помещиков, так и от государства, кредитовавшего выкупные операции.

В поисках «настоящей воли». Ознакомление с условиями реформы вызвало глубокое разочарование крестьян. Среди них повсеместно распространился фантастический слух, будто бы царь издал указ о «настоящей воле», но «паны» прячут его. Весной 1861 года беларуские крестьяне повсеместно отказывались работать в имениях. Столь мощный протест наблюдался еще только в Литве и Поволжье, так

кевич. В состав комитета вошли почти все известные беларуские политические деятели Западной Беларуси.

БЦИК избрал тактику единого блока беларусов с евреями, украинцами и немцами. Он требовал автономии края с центром в Вильне, а также защиты культурных и социальных прав беларусов и других меньшинств. Программа получила поддержку населения и обеспечила успех на выборах. Послами (депутатами) сейма от БЦИК стали 11 человек, в том числе Павел Волошин, Петр Метла, Антон Неканда-Трепко, Радослав Островский, Симон Рак-Михайловский, Адам Станкевич, Бронислав Тарашкевич, Фабиан Яремич.

Сенаторами были избраны Александр Власов, преподаватель православной духовной семинарии в Вильне Вячеслав Богданович и кооператор Александр Назаревский. Антон Луцкевич свою кандидатуру не выставил.

Депутаты обеих палат основали парламентскую фракцию (беларуский посольский клуб) во главе с Тарашкевичем. В январе 1923 года она внесла в парламент проект закона о культурной автономии для беларусов. Однако за целый год работы беларуским депутатам и сенаторам не удалося добиться от польского правительства ни одной уступки.

Национальное угнетение. Конституция 1921 года лишь формально гарантировала права национальных меньшинств. Польские власти, как и русский царизм, относили всех католиков к числу поляков.

В 1921 году православные епископы Юрий Ярославский и Дионисий Веледынский получили от московского патриарха Тихона согласие на автокефалию православной церкви в Польше. Польское же правительство дало согласие на это спустя четыре года — 17 сентября 1925 года. Богослужение в церквях поначалу велось только на русском языке, но в 30-е годы в ряде случаев уже на польском. С 1921 до 1924 года число православных церквей в Западной Беларуси сократилось с 500 до 195, беларуских школ — с 400 до 20, беларуских кооперативов — с 40 до двух.

Бронислав Тарашкевич (1892–1938), языковед, видный деятель национального движения в Западной Беларуси

Беларуская молодежь практически не имела доступа в высшие учебные учреждения. Это вынуждало ее ехать на учебу в Чехию или даже в советскую Беларусь, которые давали стипендии.

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

Весной — летом 1924 года эти отряды перешли границу и развернули активные действия в Западной Беларуси. Они нападали ночью на дома помещиков, осадников, полицейских, чиновников, убивали сотни людей. К советским «партизанам» присоединялись и некоторые местные беларусы. Для борьбы с партизанами при польском Генеральном штабе срочно был создан специальный отдел. Получив чрезвычайные полномочия, генералы Эдвард Рыдз-Смиглы и Люциан Желиговский нанесли коммунистическим партизанам серьезное поражение. Но окончательно край успокоился только в 1925 году. В апреле этого года в одном только Новогрудском воеводстве полиция арестовала около 1400 человек. Партизанские отряды ушли на территорию БССР.

Поражению движения в немалой мере способствовали сами коммунисты, заменившие национально-освободительные и экономические лозунги непонятными для сельчан призывами к борьбе за диктатуру пролетариата и мировую революцию. Расчеты Москвы на то, что западнобеларуское крестьянство поднимется на массовое восстание, не сбылись.

Борьба за воссоединение с советской Беларусью

Политика временных уступок. Польские власти основной удар направляли против политических движений левой ориентации и стремились не провоцировать крестьянство на дальнейшие выступления. Реформы 1924–25 гг. предусматривали упорядочивание экономических отношений в аграрном секторе. Кроме того, они позволили создавать школы с параллельным обучением на польском и беларуском языках. Но создание беларуских школ полностью зависело от доброй воли местной администрации. В 1925 году, через год после принятия закона о языках, беларусы имели всего-навсего 3 школы с преподаванием на родном языке и 19 двуязычных школ.

Большевизация беларуских лидеров. Тем временем в советской части Беларуси происходили события, казавшиеся привлекательными западным беларусам. Москва вернула ряд захваченных территорий, позволила проводить беларусизацию, крестьяне получали землю для создания хуторов. Создавалось иллюзорное впечатление, будто бы там реализуется идея беларуской государственности. В этой связи среди деятелей Западной Беларуси возобладало благожелательное отношение к БССР.

Симпатии к большевистской Беларуси распространились и среди значительной части беларуской эмиграции в Литве, Латвии, Чехословакии, Германии. 12–16 октября 1925 года в Берлине состялась Вторая всебеларуская конференция. На ней присутствовал представитель БССР Дмитрий Жилунович, получивший специальное за-

Ликвидация крепостного права. После смерти Николая I его сын Александр II (правил в 1855–1881 гг.) начал подготовку к упразднению крепостного права. Для первого опыта он выбрал беларуские губернии. Здешние помещики были более подготовлены к столь радикальным изменениям как экономически, так и морально. Пример Польши и Прусии, где крестьяне уже имели личную свободу, давал помещикам надежду на сносное будущее и без крепостничества.

Местные помещики соглашались на освобождение крестьян без земли, что превратило бы землю в товар, а бывших крепостных — большей частью в батраков, меньшей — в фермеров (если кто-то из них нашел бы средства выкупить землю). Для крестьян же это был наихудший вариант. Но царизм не пошел по такому пути, хотя вовсе не из сострадания крестьянству. Сыграл свою роль элементарный расчет. Из 23 миллионов «душ» крепостных в империи возникла бы мощная армия неимущих батраков, которая смела бы и дворянское землевладение, и правящую династию. Поэтому российских крепостных освобождали с землей в обязательном порядке. Землю, в свою очередь, требовалось обязательно выкупать.

Однако крепостная система довела крестьян до такого состояния (особенно в Беларуси), что без помощи государства (в виде займа) они не могли откупиться от помещиков. Кроме того, в России сохранялась сельская община (мир), основанная на круговой поруке. Из-за нее аграрная реформа проводилась очень медленно. В Беларуси же (за исключением Могилевской и части Витебской губернии) общину ликвидировали еще в XVI веке. Это обстоятельство тоже повлияло на решение начать отмену «крепости» с западных губерний.

Отмена крепостничества стала очень важным шагом русской деревни на пути к рыночным отношениям, но оказалась недостаточной для Беларуси. Более высокий уровень развития товарно-денежных отношений требовал здесь и более радикальных перемен. Традиционное подворное землепользование делало беларуских крестьян вполне самостоятельными хозяевами. Поэтому они считали крайней несправедливостью выкуп земли, которой неизменно пользовались на протяжении столетий. По реформе крестьяне получили недостаточные наделы, которыми к тому же нельзя было распоряжаться до уплаты выкупа. Это делало деревню экономически зависимой как от помещиков, так и от государства, кредитовавшего выкупные операции.

В поисках «настоящей воли». Ознакомление с условиями реформы вызвало глубокое разочарование крестьян. Среди них повсеместно распространился фантастический слух, будто бы царь издал указ о «настоящей воле», но «паны» прячут его. Весной 1861 года беларуские крестьяне повсеместно отказывались работать в имениях. Столь мощный протест наблюдался еще только в Литве и Поволжье, так

священникам русов Полабья, так как их арианские общины держались обособленно от остальных христиан Европы.

Многое говорит о том, что древние жители беларуской земли исповедовали именно арианство. Так, рассказывая о Реформации на территории Беларуси, Ластовский отметил:

> «В это самое время мозырский земский судья Степан Лаван распространял вместе с Будным и Матвилой социанизм и арианизм... Каждая из этих новых религиозных сект — а их было несколько десятков — имела своих широких сторонников и верующих».

Почему же оно широко распространилось во время Реформации в Беларуси, в отличие от Польши и Чехии? Видимо потому, что народ воспринимал арианство как еще не совсем забытую древнюю веру. Однако надо согласиться с мнением Ластовского: древние истоки беларуского христианства остаются загадкой. Главная причина — уничтожение вандалом Иваном Грозным в 1563 году, во время оккупации московитами Полоцка, библиотеки при храме Святой Софии, где были собраны почти все древние беларуские летописи. В том числе сгорела «Летопись Кривичанско-Полоцкой земли».

Напомню читателям, что первоначально христианская церковь была единой. Но в 867 году, вследствие конфликта между константинопольским патриархом Фотием и римским папой Николаем I, между ними произошел разрыв. Позже (в X веке) удалось достичь формального единства, хотя в административном плане церковь уже фактически разделилась на две части.

Западная (Римская) повсеместно использовала латынь в качестве языка богослужения, священных книг и документации, а восточная (Византийская) — греческий язык. Кроме того, постепенно усиливались разногласия по вопросам догматики и культа. Однако обе они являются апостольскими, так как святой дух передается непосредственно от апостолов — прямых учеников и наследников Иисуса Христа.

Летом 1054 года случился новый разрыв, на этот раз между константинопольским патриархом Керуларием и легатом римской курии Гумбертом (в тот момент еще не был избран преемник умершего папы Льва IX). Чаще всего разделение церквей связывают именно с этой датой. Но окончательно раскол (по-гречески «схизма») произошел только в 1204 году, в связи с разграблением Константинополя участниками 4-го крестового похода, организованного римским папой Иннокентием III.

Постепенно за восточной церковью (Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский патриархаты,

алфавит? Никакого. А ведь поляки — братья-славяне и соседи навсегда, тогда как с неславянской Грецией Беларусь не граничит и ничего общего с греками беларусы не имеют. Выбор между греческим и латинским алфавитами лишен политического подтекста.

Зато такой подтекст всегда присутствует в демагогических заявлениях российских идеологов и парламентариев, склонных ужасаться «отходу от России» по любому поводу, ибо в их представлениях Москва — «третий Рим», своего рода мистический центр, вокруг которого «обязано» группироваться все «прогрессивное человечество».

Когда большевики захватили власть в Российской империи, комиссары от просвещения осуществили реформу «великорусского» языка. Во-первых, его переименовали в просто «русский», дабы удалить имперское» «велико», а заодно превратили великороссов в русских. Между тем, нет в русском языке такого обычая, чтобы название национальности было прилагательным (хотя чего требовать от авторов новшества Троцкого и Свердлова, евреев, слабо разбиравшихся в тонкостях русского языка). Во-вторых, Троцкий и Свердлов утвердили «новый гражданский алфавит»: отменили букву «ять» и ряд других букв, одобрили изменение грамматических правил.

А в-третьих, мало кто помнит о том, что Лейба Бронштейн (он же Лев Троцкий) настаивал на переводе русского языка на латинский алфавит— «в целях мировой революции». Эту идею не приняли потому, что ни Сумароков, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Толстой на латинице не писали. Напротив, беларуские хронисты, поэты и писатели вплоть до начала XX века создавали свои произведения на беларуской латинице...

Кирилл и Мефодий умерли, соответственно, в 869 и 885 годах, задолго до принятия Киевом христианства (988 год), Москва в их времена еще не существовала в природе, Новгород только-только появился в виде маленькой крепости. Они создали в Моравии квазигреческий алфавит для чехов, а не для языческой Киевской Руси.

Кирилл потому и не поехал в земли нынешних Украины и России «обращать славян в православие», что никаких славян там еще не было. Некому было давать «славянский алфавит на основе греческого». Киев тогда не был славянским, он «дружил» с Хазарией, в нем жили сарматы (предки украинцев) и иудеи, поскольку сарматские князья Киева были тогда породнены с тюркскими князьями Хазарии, исповедавшими иудаизм. Они тоже исповедали иудаизм, так что Киев был тогда «городом синагог» и языческих капищ*. Чего же было Кириллу ехать в Киев к язычникам и иудеям?

---

* К сведению русских и украинских «ура-патриотов», возмущенных «очередной исторической выдумкой»: эта тема всесторонне исследована в израильском научно-популярном телесериале о Хазарии как «еще одной прародине израильтян». Имеются также солидные научные труды по данному вопросу. — *Прим. Ред.*

данные генетики (которая, в отличие от истории — точная наука) утверждают: беларусы — это славянизированные западные балты, а русские — это славянизированные финны.

Руководитель исследования, доктор медицинских наук Е.В. Балановская отметила:

«Пришлось рассмотреть данные многих систем — антропологии (соматологии, дерматоглифики, одонтологии), классической генетики (группы крови, белки крови), тысяч фамилий, данные по разным системам ДНК маркеров (аутосомных, Y-хромосомы, митохондриальной ДНК).

...Мы собрали воедино два огромных массива информации о русском народе, накопленные за многие десятилетия антропологией и генетикой. Мы провели два новых исследования — ДНК и фамилий. И придумали способ, как сравнить эти четыре столь разных системы признаков — антропологии, классической генетики, молекулярной генетики, фамилий. Мы строили компьютерные геногеографические карты для каждого признака.

Например, для антропологии — карту роста бороды; для классической генетики — карты встречаемости генов групп крови; для молекулярной генетики — карту гена устойчивости к СПИДу; для фамилий — карту встречаемости Ивановых во всех частях русского ареала. Четыре столь разных системы, и в каждой — много признаков. Для каждого создана карта. А затем получили «обобщенные» карты для каждой системы признаков. И после этого впервые могли сравнить все данные о русском генофонде...

Наше «открытие» в том, что совершенно разные науки и признаки — антропология, генетика, фамилии — полностью согласны друг с другом и, дополняя друг друга, рисуют общий портрет русского генофонда. Причем русский генофонд здесь, к счастью, не одинок. Еще до изучения русского генофонда мы сделали аналогичный набросок портрета генофонда народов Восточной Европы, включая в него и народы «ближнего зарубежья» (от Черного моря до Балтики), и Кавказа, и Приуралья. И обнаружили вновь единогласие свидетелей! Хотя портрет генофонда народов Восточной Европы оказался совершенно иным — волны генофонда следовали в Восточной Европе не по оси «север — юг», как в русском генофонде, а по оси «запад — восток».

Поэтому и для русского генофонда — занимающего огромную часть Восточной Европы — мы ожидали увидеть все ту же восточноевропейскую закономерность. Но нет! Русский генофонд обнаружил свое собственное строение, связанное с его собственной историей. Однако все генофонды в равной степени важны и интересны».

Результаты указанного исследования шокировали в России очень многих. Чтобы успокоить возмущенных несогласных сограждан (главным образом публицистов и некоторых историков), Е.В. Бала-

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобивость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

народы Полабской Руси и Поморья, спасаясь от немецкой экспансии, уходили все дальше и дальше на восток.

Летописи свидетельствуют, что «славянские элементы» появились на территории Литвы (будущей Беларуси) благодаря миграции славян из Полабской Руси и Поморья (ободритов, лютичей-лютвинов, русинов острова Русин /Рюген/ и Старгорода /Ольденбурга/, лужичан Лужицкой Сербии, поморских пруссов, а также мазуров). Тогдашние этносы Западной и Центральной Беларуси (ятвяги, лайнова, лютва) не только дали им всем место, но и смешались с ними. В результате этого смешения возникло Великое княжество Литовское.

Мигрировавшие народы Центральной Европы принесли сюда свои фамилии на «ич», отсутствующие в языках современных поляков, украинцев и русских. Отмечу попутно, что писатель Юрий Брезан, лужицкий серб, лауреат двух Государственных премий ГДР, в книге «Избранное» (Москва, 1987 г.) своих персонажей лужичан называет «беларускими» именами Якуб, Михась, Ян, Ганна и т.д. Но «беларуские» ли это имена и фамилии? Скорее, они «собственность» лужичан.

Молодые беларуские крестьянки

Более чем вероятно, что литвинский (беларуский) язык и этнос возникли в процессе взаимодействия языков и этносов полабско-поморских славян и балтов. Древние культурные истоки беларусов надо искать у лужицких сербов. Серьезных исследований в этом направлении не было, хотя именно тут очевидна полная идентичность и совпадение в деталях, а не просто нечто этнически «похожее».

Обращаю внимание читателей на указанную проблему по той причине, что в России существует принципиально иная, ничем не обоснованная версия этнокультурного происхождения беларусов: мол, беларусы — это восточные славяне, которые изначально проживали на территории Днепра (и оттуда же якобы «вышли» русские).

Именно такая концепция позволяла идеологам царизма изображать беларусов как «младший» и «изначально родственный» рус-

ство не доверяло местному населению — даже после его «чистки». До 1941 года в КП(б)Б смогли вступить только 46 бывших членов западнобеларуской, польской и западноукраинской компартий! Обычно их подозревали в сотрудничестве с польской контрразведкой и принимали в беларускую компартию только тогда, когда им удавалось получить рекомендации от пяти большевиков с «незапятнанным прошлым».

Новые граждане БССР попали в разряд людей второго сорта. Их способности и таланты остались невостребованными большевистскими властями. На руководящие должности назначали работников из восточных областей республики. В январе 1940 года вышел приказ об отправке туда более 17 тысяч аппаратчиков. До конца года цифра мобилизованных достигла 31 тысячи человек. Понятно, что в своем большинстве это были не лучшие кадры, а те, от кого хотели избавиться на прежних местах работы. Однако присланных все равно не хватало, только тогда у некоторых жителей Западной Беларуси впервые появилась возможность принять участие в управлении своим краем. Правда, в состав советской администрации вошли преимущественно не беларусы, а более образованные поляки и евреи.

Советизация экономической жизни. С октября 1939 года большевистское руководство начало вводить в западных землях советские порядки. Польские деньги отменили практически без замены их на советские, все денежные вклады в сберегательных кассах и банках, в том числе трудовые вклады, конфисковали. Была объявлена государственная монополия на торговлю — и магазины мгновенно опустели. Национализировалась промышленность. Создавались ремесленные кооперативы, которые разрушали мелкое производство в местечках. Безработных ремесленников приглашали на государственные предприятия, которые реконструировались и работали в три смены, либо на предприятия восточной Беларуси. Крестьян периодически привлекали на строительство военных объектов. Безработица исчезла. Люди могли заработать деньги, только вот далеко не всегда на них можно было купить нужные товары. Изумленные крестьяне и горожане впервые узнали о таких понятиях, как «дефицит» и «очереди».

Делались настойчивые попытки организации совхозов и колхозов. Но желающих нашлось мало. Дислоцирование в западных областях БССР большой массы войск создало повышенный спрос на продукты питания и открыло крестьянам широкие возможности заработка. До советско-германской войны удалось коллективизировать всего 2% крестьянских хозяйств, да и то путем принуждения.

Крестьянам запретили нанимать сезонных рабочих, сдавать землю в аренду. С 1941 года у единоличников начали обрезать землю, оставляя им не более 10–15 гектаров (таких хозяйств оказалось бо-

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

ство не доверяло местному населению — даже после его «чистки». До 1941 года в КП(б)Б смогли вступить только 46 бывших членов западнобеларуской, польской и западноукраинской компартий! Обычно их подозревали в сотрудничестве с польской контрразведкой и принимали в беларускую компартию только тогда, когда им удавалось получить рекомендации от пяти большевиков с «незапятнанным прошлым».

Новые граждане БССР попали в разряд людей второго сорта. Их способности и таланты остались невостребованными большевистскими властями. На руководящие должности назначали работников из восточных областей республики. В январе 1940 года вышел приказ об отправке туда более 17 тысяч аппаратчиков. До конца года цифра мобилизованных достигла 31 тысячи человек. Понятно, что в своем большинстве это были не лучшие кадры, а те, от кого хотели избавиться на прежних местах работы. Однако присланных все равно не хватало, только тогда у некоторых жителей Западной Беларуси впервые появилась возможность принять участие в управлении своим краем. Правда, в состав советской администрации вошли преимущественно не беларусы, а более образованные поляки и евреи.

Советизация экономической жизни. С октября 1939 года большевистское руководство начало вводить в западных землях советские порядки. Польские деньги отменили практически без замены их на советские, все денежные вклады в сберегательных кассах и банках, в том числе трудовые вклады, конфисковали. Была объявлена государственная монополия на торговлю — и магазины мгновенно опустели. Национализировалась промышленность. Создавались ремесленные кооперативы, которые разрушали мелкое производство в местечках. Безработных ремесленников приглашали на государственные предприятия, которые реконструировались и работали в три смены, либо на предприятия восточной Беларуси. Крестьян периодически привлекали на строительство военных объектов. Безработица исчезла. Люди могли заработать деньги, только вот далеко не всегда на них можно было купить нужные товары. Изумленные крестьяне и горожане впервые узнали о таких понятиях, как «дефицит» и «очереди».

Делались настойчивые попытки организации совхозов и колхозов. Но желающих нашлось мало. Дислоцирование в западных областях БССР большой массы войск создало повышенный спрос на продукты питания и открыло крестьянам широкие возможности заработка. До советско-германской войны удалось коллективизировать всего 2% крестьянских хозяйств, да и то путем принуждения.

Крестьянам запретили нанимать сезонных рабочих, сдавать землю в аренду. С 1941 года у единоличников начали обрезать землю, оставляя им не более 10–15 гектаров (таких хозяйств оказалось бо-

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

члены компартии и комсомола, и те сотрудники советских органов, которые не смогли эвакуироваться. Все остальные либо открыто выступали против советской власти, либо застыли в ожидании.

В то время народ еще не понимал опасность нацизма. Ведь с августа 1939 года коммунисты стали союзниками нацистов и полностью прекратили антифашистскую пропаганду. Да и во время Первой мировой войны немцы вели себя в Беларуси вполне нормально. Поэтому сначала гражданское население надеялось приспособиться к новым хозяевам.

Истоки сотрудничества с немцами. Под немецкой оккупацией беларусы утратили даже ту марионеточную государственность (БССР), которую имели при сталинском режиме. Но и теперь нашлись патриоты (преимущественно из числа эмигрантов), которые не забыли о БНР и не отказались от мысли воссоздать ее. Война Германии с СССР, как им казалось, дала шанс разрушить большевистскую империю руками нацистов. Эмигранты, находившиеся в Берлине, учредили Беларуский национальный центр (в июне 1941 г.) во главе с врачом Николаем Шорсом и ксендзом Винцентом Годлевским. Но надежда на то, что этот Центр будет преобразован в беларуское правительство, не сбылась. Гитлер не сомневался в скорой победе Третьего рейха, а потому не видел нужды в национальных автономиях.

Лидеры христианских демократов (В. Ивановский, Я. Станкевич) и Станислав Гринкевич из Беларуского национального объединения понимали, что Германия не подарит беларусам независимость. Их расчет был иной. Они верили, что США вместе с Англией в конце концов победят как нацистов, так и большевиков. Немецкую же оккупацию эти патриоты хотели использовать для внедрения беларусов в местную администрацию, для развития их национального самосознания и для создания собственных вооруженных сил.

Еще осенью 1940 года Янка Станкевич организовал в подполье Партию беларуских националистов (ПБН), чтобы от ее имени наладить контакты с польским сопротивлением и западными союзниками. Свой вклад в обоснование необходимости сотрудничества с немцами внесли также В. Годлевский и редактор «Минской газеты» А. Сенькевич.

Правда, многие беларусы пошли на службу к немцам по материальным соображениям, в первую очередь — люди, обиженные советской властью, которых было очень много.

Политика гауляйтера Кубе. Генеральный комиссар (гауляйтер) Беларуси Вильгельм Кубе был своеобразным человеком. Его суждения и планы во многом существенно отличались от официального курса руководства нацистской Германии. Так, он был убежден, что ради

ской социалистической партии и эсеры от голосования воздержались. Но даже вместе с оппозицией они составили менее половины членов Рады. В тот же день, 25 марта (после перерыва с 7 до 12 часов) началось постатейное обсуждение Третьей Уставной грамоты. Около трех часов дня она была утверждена.

Первое правительство БНР.
Сидят (слева направо): Александр Бурбис, Иван Середа, Язеп Воронко, Василий Захарко. Стоят: Аркадий Смолич, Петр Крачевский, Константин Езовитов, Антон Овсяник, Леонард Заяц

Итак, с 25 марта 1918 года Беларуская Народная Республика была провозглашена независимым государством, а разделение страны, предусмотренное Брестским договором, — отвергнуто*. Согласно Третьей Уставной грамоте Рады БНР, в нее вошли Минская, Виленская, Витебская, Смоленская, Могилевская, Черниговская, Гродненская (с Белостоком) губернии, а также пограничные уезды ряда соседних губерний, где преобладало беларуское население.

* 25 марта 2008 года многие беларусы отмечали 90-летие Беларуской Народной Республики.

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

Ликвидация крепостного права. После смерти Николая I его сын Александр II (правил в 1855–1881 гг.) начал подготовку к упразднению крепостного права. Для первого опыта он выбрал беларуские губернии. Здешние помещики были более подготовлены к столь радикальным изменениям как экономически, так и морально. Пример Польши и Прусии, где крестьяне уже имели личную свободу, давал помещикам надежду на сносное будущее и без крепостничества.

Местные помещики соглашались на освобождение крестьян без земли, что превратило бы землю в товар, а бывших крепостных — большей частью в батраков, меньшей — в фермеров (если кто-то из них нашел бы средства выкупить землю). Для крестьян же это был наихудший вариант. Но царизм не пошел по такому пути, хотя вовсе не из сострадания крестьянству. Сыграл свою роль элементарный расчет. Из 23 миллионов «душ» крепостных в империи возникла бы мощная армия неимущих батраков, которая смела бы и дворянское землевладение, и правящую династию. Поэтому российских крепостных освобождали с землей в обязательном порядке. Землю, в свою очередь, требовалось обязательно выкупать.

Однако крепостная система довела крестьян до такого состояния (особенно в Беларуси), что без помощи государства (в виде займа) они не могли откупиться от помещиков. Кроме того, в России сохранялась сельская община (мир), основанная на круговой поруке. Из-за нее аграрная реформа проводилась очень медленно. В Беларуси же (за исключением Могилевской и части Витебской губернии) общину ликвидировали еще в XVI веке. Это обстоятельство тоже повлияло на решение начать отмену «крепости» с западных губерний.

Отмена крепостничества стала очень важным шагом русской деревни на пути к рыночным отношениям, но оказалась недостаточной для Беларуси. Более высокий уровень развития товарно-денежных отношений требовал здесь и более радикальных перемен. Традиционное подворное землепользование делало беларуских крестьян вполне самостоятельными хозяевами. Поэтому они считали крайней несправедливостью выкуп земли, которой неизменно пользовались на протяжении столетий. По реформе крестьяне получили недостаточные наделы, которыми к тому же нельзя было распоряжаться до уплаты выкупа. Это делало деревню экономически зависимой как от помещиков, так и от государства, кредитовавшего выкупные операции.

В поисках «настоящей воли». Ознакомление с условиями реформы вызвало глубокое разочарование крестьян. Среди них повсеместно распространился фантастический слух, будто бы царь издал указ о «настоящей воле», но «паны» прячут его. Весной 1861 года беларуские крестьяне повсеместно отказывались работать в имениях. Столь мощный протест наблюдался еще только в Литве и Поволжье, так

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

ге на беларуском языке свою повесть в стихах «Сынок», несколько поучений для народа («Слово о проклятой водке и о жизни и смерти пьяницы»), другие произведения.

Поэт Франтишек Богушевич (1840–1900)

Хранителями родного языка выступали кружки ученической и студенческой молодежи, которые под влиянием этнографических исследований интересовались вопросами народной культуры. Студенческие кружки уроженцев Беларуси возникли в конце XIX века в Варшаве, Кракове, Киеве, Одессе, Харькове, Москве и Петербурге. Среди московских студентов пользовался популярностью Антон Левицкий (1868–1922), будущий беларуский писатель, известный под псевдонимом Ядвигин Ш.

В Петербурге студент технологического института Вацлав Ивановский организовал в 1899 году студенческий кружок из земляков. В начале нового века члены кружка издали на гектографе литературные сборники «Колядная писанка» и «Великодная писанка», а также переиздали в 1903 году под видом болгарской книжку Янки Лучины «Вязанка».

Города как центры культуры. После реформы 1861 года в Беларуси ускорилось формирование профессиональной культуры — сферы деятельности творческой интеллигенции. Центром беларуской профессиональной культуры выступала Вильня. Но даже в 1897 году беларусы составляли лишь 17% горожан Северо-Западного края и были слабо представлены среди состоятельной их части.

Традиционная (народная) культура безбрежным морем окружала города, своеобразные «острова» профессионального творчества. Беларуская деревня привлекала городских интеллигентов своими деревянными скульптурами и церквями, народной праздничной одеждой, изделиями ткачества и гончарного промысла, богатейшим фольклором, музыкальными мелодиями, традиционными обрядами и праздниками.

У беларусов уже давно не было своего государства, но сохранился родной язык, была родная земля. Язык и земля позволяли им мечтать о национальном самоопределении.

Наиболее значимыми проводниками русского культурного влияния являлись губернские города. Русская либеральная интеллигенция группировалась вокруг редакций периодических изданий,

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

нуждались, но даже детскую одежду. часы, женские украшания, а потом пропивали награбленное. Было много случаев избиения и убийства крестьян. Партизан стали называть бандитами даже те, кто ждал прихода Красной Армии.

В 1942 году партизанское движение концентрировалось в Восточной Беларуси. К концу года советские партизаны, по официальным советским данным, действовали на 30% территории Беларуси, в их рядах якобы насчитывалось 50 тысяч человек (фактически — не более 12 тысяч). До лета 1943 года массового партизанского движения не было. Пресловутые «партизанские» и «освобожденные» зоны представляли собой глухие лесные и заболоченные территории, где отсутствовали не только немецкие гарнизоны, но даже блок-посты на проселочных дорогах.

Советские партизаны в 1943 г. Только с весны 1943 года партизанское движение начало приобретать действительно массовый характер. Партизанские отряды объединялись в бригады, имевшие штабы и комиссаров. Обычно комиссар одновременно являлся секретарем подпольного райкома партии. В отряды назначались политруки. Компартия взяла партизанское движение под жесткий контроль. Усилилась дисциплина. Мародёров стали наказывать. Партизанским командирам запретили расстреливать подчиненных без следствия и суда.

В конце февраля 1943 года правительство БССР в эвакуации (оно находилось в московской гостинице «Якорь») издало воззвание к полицейским об амнистии при условии перехода на сторону партизан. Это увеличило число перебежчиков.

Победа Красной Армии под Сталинградом сделала перспективу возвращения советской власти более реальной. А жители Восточной Беларуси хорошо знали, что это такое. Среди них ходили слухи о том, что всех, кто не помогал партизанам, большевики сурово накажут. Люди стали уходить к партизанам, думая о своем будущем. Многие брались за оружие, чтобы отомстить за издевательства карателей над их родственниками. Представители беларуской советской интеллигенции в своем большинстве сознательно боролись на стороне советской власти, которая дала им образование и соответствующее идейное воспитание. Чем больше местных жителей уходило в леса, тем шире помогали партизанам крестьяне.

В западных же областях параллельно росту численности партизан увеличивалось и количество полицейских. Среди западных беларусов, успевших познакомиться с практикой большевизма за полтора предвоенных года, преобладали антисоветские настроения. Кроме того люди видели, что там, где нет партизан, нет и карательных акций против гражданского населения.

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» -- жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

В 1837 году царь Николай I своим указом подчинил Греко-униатскую коллегию департаменту иностранных вероисповеданий Святейшего Синода.

В 1831—37 гг. один за другим умерли пять униатских епископов (А. Головня, И. Жарский, И. Матусевич, К. Сератинский, Л. Яворовский) — противники слияния с РПЦ. А в начале февраля 1838 года умер глава униатов, митрополит Иосафат Булгак, более всех других сопротивлявшийся «воссоединению» (ходили упорные слухи о том, что его отравили).

После этого у Семашко освободились руки. Он потребовал от всех священников дать подписку о согласии на объединение с РПЦ. Правда, такую подписку дали только 186 человек. Большинство воздержалось, а самые смелые пытались бороться. Но отдельные протесты ничего не могли изменить. Секретный комитет по униатским делам, созданный в Петербурге в 1835 году, уже готовил полное уничтожение униатской церкви.

В него вошли 10 человек: от РПЦ — митрополит Московский Филарет, митрополит Новгородский Серафим, архиепископ Тверской Григорий; от правительства — министр внутренних дел Блудов, обер-прокурор синода Нечаев, статс-секретарь Танеев, действительный тайный советник Голицын, генерал граф Толстой; от униатской церкви — епископ Иосиф Семашко и митрополит Иосафат Булгак. Уже по составу комитета можно судить о том, сколь большое значение придавали власти проблеме ликвидации униатства. Из всех его членов только И. Булгак являлся противником этого плана, но после его смерти, наступившей 25 февраля 1838 года, исчезло и это последнее препятствие.

Из секретного письма министра внутренних дел Блудова от 29 мая 1835 года, направленного Семашко, ясно следует, что главной функцией данного комитета являлась вовсе не «защита» униатов от польско-римского влияния, а полная интеграция их в православие.

Разумеется, польское католическое духовенство, помещики и чиновники католического вероисповедания в Беларуси и Украине видели, к чему ведут дело правительство и Синод. Опасаясь полной утраты своего влияния на несколько миллионов беларусов и украинцев, они стали открыто высказывать недовольство политикой Петербурга в отношении униатской церкви. Более половины помещиков-католиков находилось в оппозиции к официальному курсу по этому вопросу. После 1832 года значительное распространение получили действия ксендзов и помещиков, направленные на то, чтобы удержать униатов в их вере, а тех, кто уже перешел в православие, обратить в католичество.

священникам русов Полабья, так как их арианские общины держались обособленно от остальных христиан Европы.

Многое говорит о том, что древние жители беларуской земли исповедовали именно арианство. Так, рассказывая о Реформации на территории Беларуси, Ластовский отметил:

> «В это самое время мозырский земский судья Степан Лаван распространял вместе с Будным и Матвилой социанизм и арианизм... Каждая из этих новых религиозных сект — а их было несколько десятков — имела своих широких сторонников и верующих».

Почему же оно широко распространилось во время Реформации в Беларуси, в отличие от Польши и Чехии? Видимо потому, что народ воспринимал арианство как еще не совсем забытую древнюю веру. Однако надо согласиться с мнением Ластовского: древние истоки беларуского христианства остаются загадкой. Главная причина — уничтожение вандалом Иваном Грозным в 1563 году, во время оккупации московитами Полоцка, библиотеки при храме Святой Софии, где были собраны почти все древние беларуские летописи. В том числе сгорела «Летопись Кривичанско-Полоцкой земли».

Напомню читателям, что первоначально христианская церковь была единой. Но в 867 году, вследствие конфликта между константинопольским патриархом Фотием и римским папой Николаем I, между ними произошел разрыв. Позже (в X веке) удалось достичь формального единства, хотя в административном плане церковь уже фактически разделилась на две части.

Западная (Римская) повсеместно использовала латынь в качестве языка богослужения, священных книг и документации, а восточная (Византийская) — греческий язык. Кроме того, постепенно усиливались разногласия по вопросам догматики и культа. Однако обе они являются апостольскими, так как святой дух передается непосредственно от апостолов — прямых учеников и наследников Иисуса Христа.

Летом 1054 года случился новый разрыв, на этот раз между константинопольским патриархом Керуларием и легатом римской курии Гумбертом (в тот момент еще не был избран преемник умершего папы Льва IX). Чаще всего разделение церквей связывают именно с этой датой. Но окончательно раскол (по-гречески «схизма») произошел только в 1204 году, в связи с разграблением Константинополя участниками 4-го крестового похода, организованного римским папой Иннокентием III.

Постепенно за восточной церковью (Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский патриархаты,

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

ге на беларуском языке свою повесть в стихах «Сынок», несколько поучений для народа («Слово о проклятой водке и о жизни и смерти пьяницы»), другие произведения.

Поэт Франтишек Богушевич (1840–1900)

Хранителями родного языка выступали кружки ученической и студенческой молодежи, которые под влиянием этнографических исследований интересовались вопросами народной культуры. Студенческие кружки уроженцев Беларуси возникли в конце XIX века в Варшаве, Кракове, Киеве, Одессе, Харькове, Москве и Петербурге. Среди московских студентов пользовался популярностью Антон Левицкий (1868–1922), будущий беларуский писатель, известный под псевдонимом Ядвигин Ш.

В Петербурге студент технологического института Вацлав Ивановский организовал в 1899 году студенческий кружок из земляков. В начале нового века члены кружка издали на гектографе литературные сборники «Колядная писанка» и «Великодная писанка», а также переиздали в 1903 году под видом болгарской книжку Янки Лучины «Вязанка».

Города как центры культуры. После реформы 1861 года в Беларуси ускорилось формирование профессиональной культуры — сферы деятельности творческой интеллигенции. Центром беларуской профессиональной культуры выступала Вильня. Но даже в 1897 году беларусы составляли лишь 17% горожан Северо-Западного края и были слабо представлены среди состоятельной их части.

Традиционная (народная) культура безбрежным морем окружала города, своеобразные «острова» профессионального творчества. Беларуская деревня привлекала городских интеллигентов своими деревянными скульптурами и церквями, народной праздничной одеждой, изделиями ткачества и гончарного промысла, богатейшим фольклором, музыкальными мелодиями, традиционными обрядами и праздниками.

У беларусов уже давно не было своего государства, но сохранился родной язык, была родная земля. Язык и земля позволяли им мечтать о национальном самоопределении.

Наиболее значимыми проводниками русского культурного влияния являлись губернские города. Русская либеральная интеллигенция группировалась вокруг редакций периодических изданий,

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

В 1837 году царь Николай I своим указом подчинил Греко-униатскую коллегию департаменту иностранных вероисповеданий Святейшего Синода.

В 1831–37 гг. один за другим умерли пять униатских епископов (А. Головня, И. Жарский, И. Матусевич, К. Сератинский, Л. Яворовский) — противники слияния с РПЦ. А в начале февраля 1838 года умер глава униатов, митрополит Иосафат Булгак, более всех других сопротивлявшийся «воссоединению» (ходили упорные слухи о том, что его отравили).

После этого у Семашко освободились руки. Он потребовал от всех священников дать подписку о согласии на объединение с РПЦ. Правда, такую подписку дали только 186 человек. Большинство воздержалось, а самые смелые пытались бороться. Но отдельные протесты ничего не могли изменить. Секретный комитет по униатским делам, созданный в Петербурге в 1835 году, уже готовил полное уничтожение униатской церкви.

В него вошли 10 человек: от РПЦ — митрополит Московский Филарет, митрополит Новгородский Серафим, архиепископ Тверской Григорий; от правительства — министр внутренних дел Блудов, обер-прокурор синода Нечаев, статс-секретарь Танеев, действительный тайный советник Голицын, генерал граф Толстой; от униатской церкви — епископ Иосиф Семашко и митрополит Иосафат Булгак. Уже по составу комитета можно судить о том, сколь большое значение придавали власти проблеме ликвидации униатства. Из всех его членов только И. Булгак являлся противником этого плана, но после его смерти, наступившей 25 февраля 1838 года, исчезло и это последнее препятствие.

Из секретного письма министра внутренних дел Блудова от 29 мая 1835 года, направленного Семашко, ясно следует, что главной функцией данного комитета являлась вовсе не «защита» униатов от польско-римского влияния, а полная интеграция их в православие.

Разумеется, польское католическое духовенство, помещики и чиновники католического вероисповедания в Беларуси и Украине видели, к чему ведут дело правительство и Синод. Опасаясь полной утраты своего влияния на несколько миллионов беларусов и украинцев, они стали открыто высказывать недовольство политикой Петербурга в отношении униатской церкви. Более половины помещиков-католиков находилось в оппозиции к официальному курсу по этому вопросу. После 1832 года значительное распространение получили действия ксендзов и помещиков, направленные на то, чтобы удержать униатов в их вере, а тех, кто уже перешел в православие, обратить в католичество.

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

скому наречию»), на 65—70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Аниценко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

его — всеобщее рабство (крестьян по отношению к помещикам, дворян по отношению к царю и т.д.), всплесками несогласия с которыми и является эта «лихость». То есть, бунтарство.

Часто употребляются как синонимы термины «национальный характер» и «ментальность». Однако различие между ними все же существует. Оно заключается в том, что ментальность представляет собой способ мышления (мировоззрение) определенной этнической общности, а национальный характер проявляется в таких психологических феноменах, как темперамент, эмоции, чувства, способы деятельности и поведения.

Беларусы — крестьянская нация

Иначе говоря, ментальность охватывает преимущественно сферу рационального мышления, установок и взглядов человека, тогда как национальный характер — область преимущественно бессознательных эмоционально-чувственных реакций, влечений и потребностей. В структуре национального характера различают четыре группы составных элементов:

а) национальный темперамент («возбудимый» или «спокойный»; например, южане обычно более возбудимые, чем северяне);

б) национальные эмоции (типа «восторженности» или «скептицизма»);

в) национальные чувства (например, «гордость» или «скромность»);

г) национальные предрассудки (например, русским присуще ощущение превосходства над другими нациями в Российской империи и СССР — пресловутый «комплекс старшего брата»).

Так, специальные этнопсихологические исследования показали, что 75% населения США составляют экстраверты (люди, ориентированные на внешнее окружение); в Англии экстраверты и интраверты представлены в равной пропорции, в ряде стран преобладают интроверты (люди, для которых главное значение имеют личные проблемы и потребности).

В Беларуси подобные исследования не проводились, но ряд косвенных данных позволяет отнести большинство населения Белару-

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Аниценко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

народы Полабской Руси и Поморья, спасаясь от немецкой экспансии, уходили все дальше и дальше на восток.

Летописи свидетельствуют, что «славянские элементы» появились на территории Литвы (будущей Беларуси) благодаря миграции славян из Полабской Руси и Поморья (ободритов, лютичей-лютвинов, русинов острова Русин /Рюген/ и Старгорода /Ольденбурга/, лужичан Лужицкой Сербии, поморских пруссов, а также мазуров). Тогдашние этносы Западной и Центральной Беларуси (ятвяги, лайнова, лютва) не только дали им всем место, но и смешались с ними. В результате этого смешения возникло Великое княжество Литовское.

Мигрировавшие народы Центральной Европы принесли сюда свои фамилии на «ич», отсутствующие в языках современных поляков, украинцев и русских. Отмечу попутно, что писатель Юрий Брезан, лужицкий серб, лауреат двух Государственных премий ГДР, в книге «Избранное» (Москва, 1987 г.) своих персонажей лужичан называет «беларускими» именами Якуб, Михась, Ян, Ганна и т.д. Но «беларуские» ли это имена и фамилии? Скорее, они «собственность» лужичан.

Молодые беларуские крестьянки

Более чем вероятно, что литвинский (беларуский) язык и этнос возникли в процессе взаимодействия языков и этносов полабско-поморских славян и балтов. Древние культурные истоки беларусов надо искать у лужицких сербов. Серьезных исследований в этом направлении не было, хотя именно тут очевидна полная идентичность и совпадение в деталях, а не просто нечто этнически «похожее».

Обращаю внимание читателей на указанную проблему по той причине, что в России существует принципиально иная, ничем не обоснованная версия этнокультурного происхождения беларусов: мол, беларусы — это восточные славяне, которые изначально проживали на территории Днепра (и оттуда же якобы «вышли» русские).

Именно такая концепция позволяла идеологам царизма изображать беларусов как «младший» и «изначально родственный» рус-

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

Вот что пишет российский историк В.И. Пятницкий по поводу того, кто являлся идеологом и организатором геноцида в СССР:

«Сталинская инквизиция зарождалась постепенно, со второй половины 1920-х годов. Великим инквизитором Страны Советов стал... руководитель правящей партии большевиков — ВКП(б) Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили)...

К своей цели он шел постепенно, маленькими шажками. Но цель, к которой он стремился, всегда была одной и той же — полная власть над громадной страной и всемирным коммунистическим движением. Он постепенно собрал вокруг себя единомышленников, готовых на все ради власти и связанных с ней привилегий...

Сталин объявил дьяволом Троцкого, а всех его фактических или потенциальных сторонников — его служителями. Постепенно всех, кто был хоть в чем-то не согласен с генеральным секретарем /партии/, объявили его противниками, то есть троцкистами, служителями дьявола. В конце концов даже сам большевизм, как движение, его взрастившее и поднявшее на высоту первого лидера, Сталин негласно счел дьявольским порождением и сверг. В названии руководимой им партии слово «большевистская» было упразднено.

...Вокруг Великого советского инквизитора собралась группа лично подобранных им соратников по искоренению инакомыслия в советском обществе. Только... инакомыслие стало именоваться иначе. Обвиняемых в этом преступлении теперь именовали «врагами народа» и «троцкистами».

...Для борьбы с «врагами народа» в 1935 году была создана особая Комиссия по безопасности при высшем партийном органе — Политбюро ЦК. В нее вошли самые верные опричники генсека: Молотов, Каганович, Жданов, Ворошилов, а также Ежов, Маленков и Шкирятов, не являвшиеся тогда даже кандидатами в члены Политбюро. Руководителем этой комиссии Сталин назначил самого себя.

Позже, в начале 1937 года, когда Сталин уже добился всей полноты власти в партии и стране, он переименовал эту комиссию в Малое Политбюро...

Остальные члены Политбюро ЦК и члены самого ЦК превратились в простых статистов, беспрекословно одобрявших все решения Малого Политбюро»*.

Все заявления о «произволе» карательных органов, якобы вышедших в 30–40-е годы из-под контроля партии, являются ложью. Вплоть до самого конца существования Советского Союза, в котором ВКП(б) — КПСС была не только правящей, но и единственной

* Пятницкий В.И. «Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории». Минск, 2004, с. 614–615.

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

В 1837 году царь Николай I своим указом подчинил Греко-униатскую коллегию департаменту иностранных вероисповеданий Святейшего Синода.

В 1831–37 гг. один за другим умерли пять униатских епископов (А. Головня, И. Жарский, И. Матусевич, К. Сератинский, Л. Яворовский) — противники слияния с РПЦ. А в начале февраля 1838 года умер глава униатов, митрополит Иосафат Булгак, более всех других сопротивлявшийся «воссоединению» (ходили упорные слухи о том, что его отравили).

После этого у Семашко освободились руки. Он потребовал от всех священников дать подписку о согласии на объединение с РПЦ. Правда, такую подписку дали только 186 человек. Большинство воздержалось, а самые смелые пытались бороться. Но отдельные протесты ничего не могли изменить. Секретный комитет по униатским делам, созданный в Петербурге в 1835 году, уже готовил полное уничтожение униатской церкви.

В него вошли 10 человек: от РПЦ — митрополит Московский Филарет, митрополит Новгородский Серафим, архиепископ Тверской Григорий; от правительства — министр внутренних дел Блудов, обер-прокурор синода Нечаев, статс-секретарь Танеев, действительный тайный советник Голицын, генерал граф Толстой; от униатской церкви — епископ Иосиф Семашко и митрополит Иосафат Булгак. Уже по составу комитета можно судить о том, сколь большое значение придавали власти проблеме ликвидации униатства. Из всех его членов только И. Булгак являлся противником этого плана, но после его смерти, наступившей 25 февраля 1838 года, исчезло и это последнее препятствие.

Из секретного письма министра внутренних дел Блудова от 29 мая 1835 года, направленного Семашко, ясно следует, что главной функцией данного комитета являлась вовсе не «защита» униатов от польско-римского влияния, а полная интеграция их в православие.

Разумеется, польское католическое духовенство, помещики и чиновники католического вероисповедания в Беларуси и Украине видели, к чему ведут дело правительство и Синод. Опасаясь полной утраты своего влияния на несколько миллионов беларусов и украинцев, они стали открыто высказывать недовольство политикой Петербурга в отношении униатской церкви. Более половины помещиков-католиков находилось в оппозиции к официальному курсу по этому вопросу. После 1832 года значительное распространение получили действия ксендзов и помещиков, направленные на то, чтобы удержать униатов в их вере, а тех, кто уже перешел в православие, обратить в католичество.

Ликвидация крепостного права. После смерти Николая I его сын Александр II (правил в 1855–1881 гг.) начал подготовку к упразднению крепостного права. Для первого опыта он выбрал беларуские губернии. Здешние помещики были более подготовлены к столь радикальным изменениям как экономически, так и морально. Пример Польши и Прусии, где крестьяне уже имели личную свободу, давал помещикам надежду на сносное будущее и без крепостничества.

Местные помещики соглашались на освобождение крестьян без земли, что превратило бы землю в товар, а бывших крепостных — большей частью в батраков, меньшей — в фермеров (если кто-то из них нашел бы средства выкупить землю). Для крестьян же это был наихудший вариант. Но царизм не пошел по такому пути, хотя вовсе не из сострадания крестьянству. Сыграл свою роль элементарный расчет. Из 23 миллионов «душ» крепостных в империи возникла бы мощная армия неимущих батраков, которая смела бы и дворянское землевладение, и правящую династию. Поэтому российских крепостных освобождали с землей в обязательном порядке. Землю, в свою очередь, требовалось обязательно выкупать.

Однако крепостная система довела крестьян до такого состояния (особенно в Беларуси), что без помощи государства (в виде займа) они не могли откупиться от помещиков. Кроме того, в России сохранялась сельская община (мир), основанная на круговой поруке. Из-за нее аграрная реформа проводилась очень медленно. В Беларуси же (за исключением Могилевской и части Витебской губернии) общину ликвидировали еще в XVI веке. Это обстоятельство тоже повлияло на решение начать отмену «крепости» с западных губерний.

Отмена крепостничества стала очень важным шагом русской деревни на пути к рыночным отношениям, но оказалась недостаточной для Беларуси. Более высокий уровень развития товарно-денежных отношений требовал здесь и более радикальных перемен. Традиционное подворное землепользование делало беларуских крестьян вполне самостоятельными хозяевами. Поэтому они считали крайней несправедливостью выкуп земли, которой неизменно пользовались на протяжении столетий. По реформе крестьяне получили недостаточные наделы, которыми к тому же нельзя было распоряжаться до уплаты выкупа. Это делало деревню экономически зависимой как от помещиков, так и от государства, кредитовавшего выкупные операции.

В поисках «настоящей воли». Ознакомление с условиями реформы вызвало глубокое разочарование крестьян. Среди них повсеместно распространился фантастический слух, будто бы царь издал указ о «настоящей воле», но «паны» прячут его. Весной 1861 года беларуские крестьяне повсеместно отказывались работать в имениях. Столь мощный протест наблюдался еще только в Литве и Поволжье, так

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

ге на беларуском языке свою повесть в стихах «Сынок», несколько поучений для народа («Слово о проклятой водке и о жизни и смерти пьяницы»), другие произведения.

Поэт Франтишек Богушевич (1840–1900)

Хранителями родного языка выступали кружки ученической и студенческой молодежи, которые под влиянием этнографических исследований интересовались вопросами народной культуры. Студенческие кружки уроженцев Беларуси возникли в конце XIX века в Варшаве, Кракове, Киеве, Одессе, Харькове, Москве и Петербурге. Среди московских студентов пользовался популярностью Антон Левицкий (1868–1922), будущий беларуский писатель, известный под псевдонимом Ядвигин Ш.

В Петербурге студент технологического института Вацлав Ивановский организовал в 1899 году студенческий кружок из земляков. В начале нового века члены кружка издали на гектографе литературные сборники «Колядная писанка» и «Великодная писанка», а также переиздали в 1903 году под видом болгарской книжку Янки Лучины «Вязанка».

Города как центры культуры. После реформы 1861 года в Беларуси ускорилось формирование профессиональной культуры — сферы деятельности творческой интеллигенции. Центром беларуской профессиональной культуры выступала Вильня. Но даже в 1897 году беларусы составляли лишь 17% горожан Северо-Западного края и были слабо представлены среди состоятельной их части.

Традиционная (народная) культура безбрежным морем окружала города, своеобразные «острова» профессионального творчества. Беларуская деревня привлекала городских интеллигентов своими деревянными скульптурами и церквями, народной праздничной одеждой, изделиями ткачества и гончарного промысла, богатейшим фольклором, музыкальными мелодиями, традиционными обрядами и праздниками.

У беларусов уже давно не было своего государства, но сохранился родной язык, была родная земля. Язык и земля позволяли им мечтать о национальном самоопределении.

Наиболее значимыми проводниками русского культурного влияния являлись губернские города. Русская либеральная интеллигенция группировалась вокруг редакций периодических изданий,

скому наречию»), на 65—70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Аниценко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

2. Период польско-русского противостояния и беларуского распутья (1831–1863)

Восстание 1831 года

1794, 1812, наконец, 1831 год... Уже в который раз польский народ поднимался на борьбу за свое национальное освобождение. А эта борьба становилась частью беларуской истории.

Царь Николай и Польша. Новый император Николай I (правил в 1825–1855 гг.) был воспитан в духе милитаризма, абсолютного самодержавия и великорусского шовинизма. Он, в отличие от своего брата Александра, не мог и не хотел быть лояльным по отношению к непокорным полякам. Королевство Польское (его конституцию, сейм и армию) в Петербурге терпели только потому, что того требовало Венское соглашение европейских монархов. Не помогало полякам и то, что наместником Польши был старший брат Николая, великий князь Константин (1779–1831).

Между тем, разгром декабристов не испугал радикально настроенных польских патриотов. Они продолжили подготовку к вооруженной борьбе за полную независимость от России, планируя провозгласить республику и отменить крепостное право. Однако их взгляды не разделяло большинство польских аристократов. Консерваторы отвергали любые социальные реформы и желали установления в Польше конституционной монархии.

Радикалов, объединившихся в «Патриотическом обществе», возглавил профессор истории Иоахим Лелевель, а лидером консервативной аристократии был давний друг царя Александра — князь Адам Чарторыйский. Несмотря на противоположность социальных программ, обе эти партии объединяло стремление возродить Речь Посполитую в границах 1772 года. Великое княжество Литовское они считали частью Польши, хотя на его территории жили не поляки, а предки современных беларусов и литовцев.

Спор за беларуские земли. Польское королевство в 1831 году восстало и вступило в войну против России. В польской армии было много беларусов, уроженцев Белостокского округа и Гродненской губернии. Были беларусы и в русской армии. Как и в 1812 году, они воевали друг против друга.

Значительную роль в восстании 1831 года играла борьба за беларуские земли. Так, восставшие варшавяне предъявили великому князю Константину два требования: во-первых, признать Польшу независимым суверенным государством; во-вторых, присоединить к ней все бывшие земли Речи Посполитой, в том числе беларуские и жемойтские. Царя Николая I польские посланники просили о том же, что и Константина. Когда русские в августе окружили Варшаву

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

> «А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Ланe и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

> «Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

---

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

Ликвидация крепостного права. После смерти Николая I его сын Александр II (правил в 1855–1881 гг.) начал подготовку к упразднению крепостного права. Для первого опыта он выбрал беларуские губернии. Здешние помещики были более подготовлены к столь радикальным изменениям как экономически, так и морально. Пример Польши и Прусии, где крестьяне уже имели личную свободу, давал помещикам надежду на сносное будущее и без крепостничества.

Местные помещики соглашались на освобождение крестьян без земли, что превратило бы землю в товар, а бывших крепостных — большей частью в батраков, меньшей — в фермеров (если кто-то из них нашел бы средства выкупить землю). Для крестьян же это был наихудший вариант. Но царизм не пошел по такому пути, хотя вовсе не из сострадания крестьянству. Сыграл свою роль элементарный расчет. Из 23 миллионов «душ» крепостных в империи возникла бы мощная армия неимущих батраков, которая смела бы и дворянское землевладение, и правящую династию. Поэтому российских крепостных освобождали с землей в обязательном порядке. Землю, в свою очередь, требовалось обязательно выкупать.

Однако крепостная система довела крестьян до такого состояния (особенно в Беларуси), что без помощи государства (в виде займа) они не могли откупиться от помещиков. Кроме того, в России сохранялась сельская община (мир), основанная на круговой поруке. Из-за нее аграрная реформа проводилась очень медленно. В Беларуси же (за исключением Могилевской и части Витебской губернии) общину ликвидировали еще в XVI веке. Это обстоятельство тоже повлияло на решение начать отмену «крепости» с западных губерний.

Отмена крепостничества стала очень важным шагом русской деревни на пути к рыночным отношениям, но оказалась недостаточной для Беларуси. Более высокий уровень развития товарно-денежных отношений требовал здесь и более радикальных перемен. Традиционное подворное землепользование делало беларуских крестьян вполне самостоятельными хозяевами. Поэтому они считали крайней несправедливостью выкуп земли, которой неизменно пользовались на протяжении столетий. По реформе крестьяне получили недостаточные наделы, которыми к тому же нельзя было распоряжаться до уплаты выкупа. Это делало деревню экономически зависимой как от помещиков, так и от государства, кредитовавшего выкупные операции.

В поисках «настоящей воли». Ознакомление с условиями реформы вызвало глубокое разочарование крестьян. Среди них повсеместно распространился фантастический слух, будто бы царь издал указ о «настоящей воле», но «паны» прячут его. Весной 1861 года беларуские крестьяне повсеместно отказывались работать в имениях. Столь мощный протест наблюдался еще только в Литве и Поволжье, так

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

дения политического процесса над интеллигентами, имевшими отношение к вопросам экономического развития БССР.

Создание БФМ следователи отнесли к 1928–30 гг. В число его организаторов и руководителей они записали А. Шейнина (члена президиума Госплана БССР, доцента БГУ), И. Герцика (доцента БГУ), И. Рубенчика (врача), В. Бермана (консультанта Белкоопсоюза), И. Гармизу (заведующего планово-экономическим сектором Белкоопсюза).

Ячейки БФМ были «выявлены» в Госплане, Наркомате снабжения, в финансовых органах и в системе потребительской кооперации. Их членам вменялось вредительство, антисоветская пропаганда, распространение контрреволюционной литературы.

К ответственности привлекли 30 человек, 11 из которых проходили также по делу «Белорусского филиала Трудовой крестьянской партии». К арестованным применялись незаконные методы воздействия, тем не менее, дали признательные показания только 12 человек. Обвинение строилось исключительно на этих показаниях, в т.ч. используемых как «свидетельства» вины тех 18 человек, которые отвергли предъявленные обвинения.

Решением коллегии ГПУ БССР от 23 июля 1931 года 6 человек (в т.ч. все 5 «руководителей») получили по 10 лет ИТЛ, 9 человек — по 5 лет, 7 человек — по 3 года, остальных 8 сослали в отдаленные районы СССР на срок от 3 до 10 лет.

Постановлением Судебной коллегии Верховного суда БССР от 11 октября 1957 года все члены БФМ реабилитированы за недоказанностью предъявленного им обвинения.

Дело «Белорусского филиала Промпартии» (1931 г.)

Еще одна «контрреволюционная вредительская диверсионно-шпионская организация», придуманная сотрудниками ГПУ БССР летом 1931 года для возбуждения дела и проведения политического процесса над интеллигентами, имевшими отношение к руководству промышленностью БССР.

Создание БФП следователи отнесли к 1926 году. Ее ячейки «действовали» в Госплане, ВСНХ, Белстройобъединении, Белметаллобъединении, Белкожобъединении.

Согласно обвинительному заключению, «фактическим главой организации» был заведующий промышленной секцией Госплана БССР А. Каплан. Ее составу чекисты придали «еврейский уклон»: они объявили «шпионами-диверсантами» консультанта промышленной секции Госплана М. Мостикова, заместителя председателя комитета по химизации народного хозяйства при Совнаркоме В. Натансона, заведующего плановым отделом треста «Белторф»

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

2. Период польско-русского противостояния и беларуского распутья (1831–1863)

Восстание 1831 года

1794, 1812, наконец, 1831 год... Уже в который раз польский народ поднимался на борьбу за свое национальное освобождение. А эта борьба становилась частью беларуской истории.

Царь Николай и Польша. Новый император Николай I (правил в 1825–1855 гг.) был воспитан в духе милитаризма, абсолютного самодержавия и великорусского шовинизма. Он, в отличие от своего брата Александра, не мог и не хотел быть лояльным по отношению к непокорным полякам. Королевство Польское (его конституцию, сейм и армию) в Петербурге терпели только потому, что того требовало Венское соглашение европейских монархов. Не помогало полякам и то, что наместником Польши был старший брат Николая, великий князь Константин (1779–1831).

Между тем, разгром декабристов не испугал радикально настроенных польских патриотов. Они продолжили подготовку к вооруженной борьбе за полную независимость от России, планируя провозгласить республику и отменить крепостное право. Однако их взгляды не разделяло большинство польских аристократов. Консерваторы отвергали любые социальные реформы и желали установления в Польше конституционной монархии.

Радикалов, объединившихся в «Патриотическом обществе», возглавил профессор истории Иоахим Лелевель, а лидером консервативной аристократии был давний друг царя Александра — князь Адам Чарторыйский. Несмотря на противоположность социальных программ, обе эти партии объединяло стремление возродить Речь Посполитую в границах 1772 года. Великое княжество Литовское они считали частью Польши, хотя на его территории жили не поляки, а предки современных беларусов и литовцев.

Спор за беларуские земли. Польское королевство в 1831 году восстало и вступило в войну против России. В польской армии было много беларусов, уроженцев Белостокского округа и Гродненской губернии. Были беларусы и в русской армии. Как и в 1812 году, они воевали друг против друга.

Значительную роль в восстании 1831 года играла борьба за беларуские земли. Так, восставшие варшавяне предъявили великому князю Константину два требования: во-первых, признать Польшу независимым суверенным государством; во-вторых, присоединить к ней все бывшие земли Речи Посполитой, в том числе беларуские и жемойтские. Царя Николая I польские посланники просили о том же, что и Константина. Когда русские в августе окружили Варшаву

народы Полабской Руси и Поморья, спасаясь от немецкой экспансии, уходили все дальше и дальше на восток.

Летописи свидетельствуют, что «славянские элементы» появились на территории Литвы (будущей Беларуси) благодаря миграции славян из Полабской Руси и Поморья (ободритов, лютичей-лютвинов, русинов острова Русин /Рюген/ и Старгорода /Ольденбурга/, лужичан Лужицкой Сербии, поморских пруссов, а также мазуров). Тогдашние этносы Западной и Центральной Беларуси (ятвяги, лайнова, лютва) не только дали им всем место, но и смешались с ними. В результате этого смешения возникло Великое княжество Литовское.

Мигрировавшие народы Центральной Европы принесли сюда свои фамилии на «ич», отсутствующие в языках современных поляков, украинцев и русских. Отмечу попутно, что писатель Юрий Брезан, лужицкий серб, лауреат двух Государственных премий ГДР, в книге «Избранное» (Москва, 1987 г.) своих персонажей лужичан называет «беларускими» именами Якуб, Михась, Ян, Ганна и т.д. Но «беларуские» ли это имена и фамилии? Скорее, они «собственность» лужичан.

Молодые беларуские крестьянки

Более чем вероятно, что литвинский (беларуский) язык и этнос возникли в процессе взаимодействия языков и этносов полабско-поморских славян и балтов. Древние культурные истоки беларусов надо искать у лужицких сербов. Серьезных исследований в этом направлении не было, хотя именно тут очевидна полная идентичность и совпадение в деталях, а не просто нечто этнически «похожее».

Обращаю внимание читателей на указанную проблему по той причине, что в России существует принципиально иная, ничем не обоснованная версия этнокультурного происхождения беларусов: мол, беларусы — это восточные славяне, которые изначально проживали на территории Днепра (и оттуда же якобы «вышли» русские).

Именно такая концепция позволяла идеологам царизма изображать беларусов как «младший» и «изначально родственный» рус-

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

няк» (мастер выделки кож), и что эта фамилия была в старину одной из распространенных среди славян.

Зато «исконно русским и славянским» стали считать в современной России финский «окающий» акцент: им наделяют в фильмах героев «Древней Руси», его эксплуатируют популярные комики — «русские бабки». Никого не смущает тот факт, что ближайшие родственники русских — финны Финляндии — точно так окают, когда говорят по-русски или по-немецки.

Такое же смешение понятий произошло в вопросе антропологической идентичности. Поскольку финны внешне похожи на индоевропейцев, нетрудно придти к выводу, что именно так должны выглядеть славяне. Вот характерный пример: в повести «Кто стреляет последним» (1976 г.) российский писатель Николай Наумов пишет, как некий гауптман Отто, рассматривая пленного снайпера, родом из Рязани (то есть, из этноса эрзя), констатирует: «типичный славянин — круглое лицо, короткий широкий нос». Но это описание финна, а не славянина. Среди беларусов и поляков таких лиц нет.

Российские археологи нашли массу вещественных доказательств того, что до IX века на территории современной России вообще не было славян. Важнейшую роль в этом открытии сыграли раскопки в Новгороде, которые ведутся уже нескольких десятилетий. Было установлено (специально подчеркиваю — достоверно установлено учеными), что славяне, древнерусский язык и Рюрик появились в Новгороде одновременно! Более того, сам Новгород основали в середине IX века именно эти славяне-колонисты из Полабской Руси (т.е., с территории нынешней Германии).

Никаких «исконных» славян до Рюрика не было. Этот факт вызвал шок, хотя подозрения на сей счет существовали и раньше. Так, Л.В. Алексеев в книге «Полоцкая земля» еще в 1966 году писал:

> «Современные данные археологии и топонимики показывают, что в эпоху раннего железа Восточную Европу населяло три крупных группы племен. Первая, ирано-язычная, занимала Крымский полуостров, Кубань, Нижний Дон, Нижний Днепр и доходила на севере до водораздела Сейма, Десны и Оки...
>
> Вторая, финно-язычная группа, охватывала все Верхнее Поволжье, бассейн Средней и Нижней Оки, на западе доходила до озера Эзель и оставила так называемую Дьяковскую культуру.
>
> Третья, балто-язычная, охватывала все Верхнее Поднепровье (включая Киев, правобережье Сейма, верхнюю Оку) и уходила на запад в Прибалтику».

Обратите внимание: иранцы, финны и балты. Никаких славян!

алфавит? Никакого. А ведь поляки — братья-славяне и соседи навсегда, тогда как с неславянской Грецией Беларусь не граничит и ничего общего с греками беларусы не имеют. Выбор между греческим и латинским алфавитами лишен политического подтекста.

Зато такой подтекст всегда присутствует в демагогических заявлениях российских идеологов и парламентариев, склонных ужасаться «отходу от России» по любому поводу, ибо в их представлениях Москва — «третий Рим», своего рода мистический центр, вокруг которого «обязано» группироваться все «прогрессивное человечество».

Когда большевики захватили власть в Российской империи, комиссары от просвещения осуществили реформу «великорусского» языка. Во-первых, его переименовали в просто «русский», дабы удалить имперское» «велико», а заодно превратили великороссов в русских. Между тем, нет в русском языке такого обычая, чтобы название национальности было прилагательным (хотя чего требовать от авторов новшества Троцкого и Свердлова, евреев, слабо разбиравшихся в тонкостях русского языка). Во-вторых, Троцкий и Свердлов утвердили «новый гражданский алфавит»: отменили букву «ять» и ряд других букв, одобрили изменение грамматических правил.

А в-третьих, мало кто помнит о том, что Лейба Бронштейн (он же Лев Троцкий) настаивал на переводе русского языка на латинский алфавит— «в целях мировой революции». Эту идею не приняли потому, что ни Сумароков, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Толстой на латинице не писали. Напротив, беларуские хронисты, поэты и писатели вплоть до начала XX века создавали свои произведения на беларуской латинице...

Кирилл и Мефодий умерли, соответственно, в 869 и 885 годах, задолго до принятия Киевом христианства (988 год), Москва в их времена еще не существовала в природе, Новгород только-только появился в виде маленькой крепости. Они создали в Моравии квазигреческий алфавит для чехов, а не для языческой Киевской Руси.

Кирилл потому и не поехал в земли нынешних Украины и России «обращать славян в православие», что никаких славян там еще не было. Некому было давать «славянский алфавит на основе греческого». Киев тогда не был славянским, он «дружил» с Хазарией, в нем жили сарматы (предки украинцев) и иудеи, поскольку сарматские князья Киева были тогда породнены с тюркскими князьями Хазарии, исповедавшими иудаизм. Они тоже исповедали иудаизм, так что Киев был тогда «городом синагог» и языческих капищ*. Чего же было Кириллу ехать в Киев к язычникам и иудеям?

---

* К сведению русских и украинских «ура-патриотов», возмущенных «очередной исторической выдумкой»: эта тема всесторонне исследована в израильском научно-популярном телесериале о Хазарии как «еще одной прародине израильтян». Имеются также солидные научные труды по данному вопросу. — *Прим. Ред.*

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

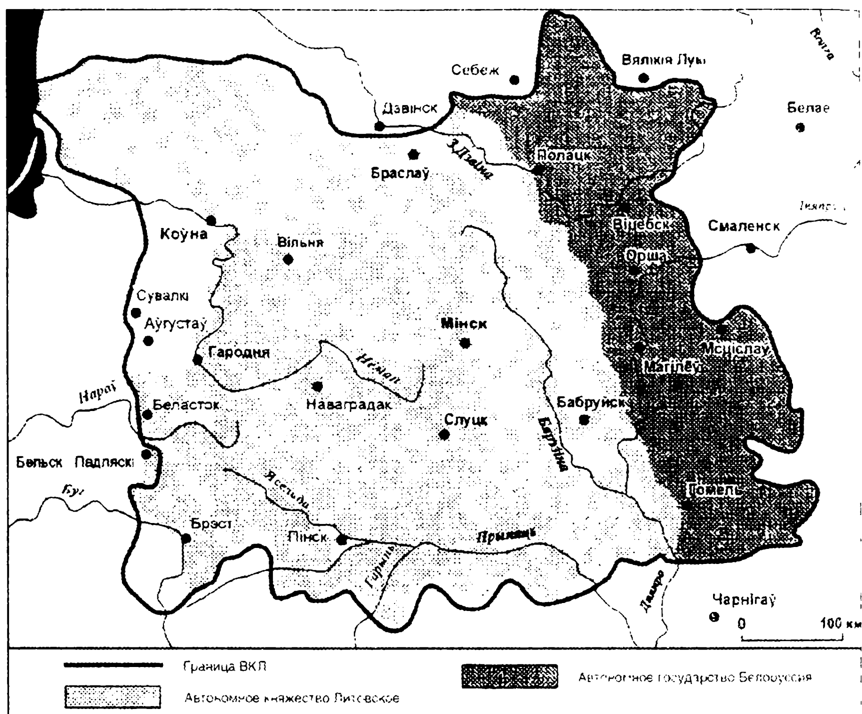
От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Автономные государства — Великое княжество Литовское и Белоруссия — созданные Наполеоном

шей. Поэтому уже через месяц «независимого» существования в Литве возникло движение за учреждение конфедерации с Варшавским герцогством.

Изменение отношения к французам. Тем временем отношение большинства населения к французам постепенно менялось в худшую сторону, особенно в местечках и деревнях, где процветало мародёрство. Мародёров не останавливала даже угроза смертной казни. Особенно тяжелые испытания выпали жителям Витебской губернии. Там почти непрерывно шли военные действия между российским корпусом генерала П.Х. Витгенштейна, прикрывавшим путь на Петербург, и французскими войсками маршалов Удино и Сен-Сира. 12-тысячный французский гарнизон Витебска партизаны фактически держали в осаде. Свою злобу из-за непрерывных стычек и нехватки продовольствия французы срывали на местных жителях. Поэтому те все чаще принимали сторону русской армии. К тому же на Витебщине проживало много русских староверов.

Простой народ возмущался иностранцами, которые вместо ожидаемой свободы принесли бедствия и страдания. Шляхта тоже бы-

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

«Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

«Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...

Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910—20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

---

* «Наука и жизнь», 2006, № 3.

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

бождения беларуских земель от большевизма временно объединила беларусов, поляков и русских, хотя свои действия во время похода они координировали плохо. Тем не менее, 6 ноября Булак-Балахович освободил Туров, 8 ноября — Петриков, 10 ноября — Мозырь. Повсеместное недовольство крестьян большевистской продразвёрсткой способствовало быстрому увеличению численности армии (с 5,5 тысяч человек в октябре до 11 тысяч в ноябре).

В Мозыре Булак-Балахович провозгласил независимость Беларуси, объявил о формировании Беларуской армии и назначил сам себя ее главнокомандующим. Командование русскими воинскими подразделениями (савинковцами) он поручил своему брату — полковнику Язепу Булак-Балаховичу. Правительства Народной Рады (во главе с Ластовским) и Наивысшей Рады (во главе со Смоличем), а также большевистский ВРК (во главе с Червяковым), были объявлены незаконными.

Беларуский политический комитет преобразовал себя в правительство Беларуской Народной Республики. Это было первое беларуское правительство, обладавшее реальной властью на определенной части беларуской территории. Премьер-министром стал Вячеслав Адамович (старший), Павел Алексюк — его заместителем и министром иностранных дел, Юрий Синкевич — министром экономики, Радослав Островский — министром просвещения, полковник Беляев — военным министром.

Правительство Адамовича издало манифест к беларуского народу, в котором изложило свою программу: борьба за независимость Беларуси, выработка конституции, конфискация крупных помещичьих владений, союз с Польшей, опора на страны Антанты. Оно присвоило С. Булак-Балаховичу титул «начальника» беларуского государства — в подражание Пилсудскому. За одну неделю удалось сформировать крестьянский партизанский отряд и армейский полк.

Поражение Булак-Балахавича. После Мозыря, видимо под влиянием русских офицеров и Б. Савинкова, армия Булак-Балаховича, вместо наступлення в направлении Бобруйск — Минск, двинулась в сторону Речицы — Гомеля, в надежде соединиться с армией Врангеля. Но вскоре пришли сведения, что 14 ноября войска Врангеля разбиты Красной армией. Эта новость резко отрицательно повлияла на боевой дух балаховцев. Взять Речицу не удалось.

Большевики срочно направили в Полесье значительные военные силы (16-ю армию под командованием Н.В. Соллогуба), которые окружили войска Булак-Балаховича. Им пришлось отступать. В конце ноября — начале декабря 1920 года они пробились через заслоны красных на территорию Западной Беларуси, где и были интернированы. Лишь некоторые беларуские отряды остались на вос-

родня, подавая в 1619 году челобитную Ксении Ивановне, матери царя Михаила Романова, платила толмачу за перевод с финского костромского наречия на «государев» язык (т.е. на славянский «койне» знати). Забавно, что сегодня мордовская Кострома считается в России как бы «эталоном русскости» (даже рок-группа есть, поющая старинные мордовские песни, переведенные на русский язык, с типично финским завыванием женщин, выдаваемым за «славянское»). Но всего два столетия назад никто в Костромском крае по-русски не говорил.

Тот факт, что Московская церковь вещала на староболгарском языке (а дьяки писали на нем грамоты и прочие документы), в этом плане ничего не значит, так как вся Европа тогда в соборах говорила на латыни и вела делопроизводство на латинском языке, хотя ни один народ на этом языке уже давно не говорил. Напомню заодно, что после Люблинской унии 1569 года, когда беларусы создали вместе с поляками конфедеративное государство — Республику (по-польски Речь Посполитую), ВКЛ сохранило своим государственным языком литвинский (то есть, беларуский), а Польша ввела в качестве государственного латинский язык. Но это вовсе не значит, что народный язык поляков — латынь. Точно так же русский язык не был народным в Московии вплоть до того сравнительно недавнего времени, когда российские деревни его наконец выучили.

Вот еще пример: по сей день во многих деревнях Смоленской, Курской и Брянской областей, входивших когда-то в состав ВКЛ, никто не «окает» на финский манер (как в Рязани или Костроме), а говорят на том же языке, на котором говорят селяне Витебщины и Минщины. Любой лингвист мог бы сделать вывод, что в этих областях живет беларуское население. Но, исполняя политический заказ, российские лингвисты относят их население к тем «окающим» восточным соседям, которые во времена Лудольфа знали всего лишь 41 славянское слово, да и то не во всех деревнях.

Улуханов пишет, что, говоря о существовании у московитов двух языков — славянского (церковного болгарского) и московитского, Лудольф сообщил в «Грамматике языка московитов» следующую подробность:

> «Чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи».

Что же это за «славянский язык», если людей смешит употребление славянских слов вместо финских и тюркских? Такого никогда не было в Литве (Беларуси). Наоборот, здесь никто не понял бы того,

Весьма показательны в этом плане записки тверского купца Афанасия Никитина (конец XV века) о «хождении за три моря». В них автор запросто переходит со славяно-финского койне Московии на тюркский язык, не видя особой разницы между ними. В своем «хождении», буквально на каждой странице, Никитин то разражается длинной тирадой на тюркском, то непринужденно вплетает короткие тюркские фразы между русских. Вот типичный пример:

> «В Индейской земле купцы останавливаются на подворьях, еду для них варят хозяйки. Они и постель гостям стелют, и спят с ними. сикиш илересен ду шитель бересин, сикиш илимесь ёкъжитель берсен достур аврат чекгур, а сикиш муфут».

В этом фрагменте Никитин привел на тюркском языке некоторые деликатные подробности: «хочешь с хозяйкой иметь близкую связь — даешь два шителя, не хочешь — даешь один шитель».

Свои записки он закончил весьма характерной благодарственной молитвой: «Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного и Иисуса Духа Божия. Аллах велик»... В подлиннике дословно сказано: «Бисмилля Рахман Рахим. Иса Рух Уалло. Аллах акбар. Аллах керим»*.

В средневековой Московии существовали одновременно несколько языков. Во-первых, общеславянский «койне» — язык княжеско-боярской знати и чиновников (дьяков). Во-вторых, старо-болгарский язык — язык христианских текстов. В-третьих, народные языки туземцев (финские). В-четвертых, тюркские языки — средство «межнационального общения» и язык исламского компонента религии. Вся эта смесь и послужила основой для нынешнего русского языка, совпадающего своей базовой лексикой** с другими славянскими языками не более чем на 30–35%. Напротив, базовая лексика славянских языков, в том числе беларуского и украинского, совпадает между собой на 70–80% .

Сегодня российские лингвисты в своем большинстве сводят истоки современного русского языка только к двум составляющим:

---

* Никитин совершил свое путешествие в 1466–1472 гг. В Твери тогда правил великий князь Михаил Борисович, в Москве — великий князь Иван III. В то время общей для Московии и Орды была религия, являвшаяся гибридом христианства и ислама (верующие равно почитали Иисуса и Магомета). Процесс их разделения начался с момента «стояния на Угре» (1480 г.) и завершился к 1589 г. (при царе Федоре I).

** Базовая лексика — около 5000 слов и лексических выражений. Попутно надо отметить, что беларуский язык испытал заметное влияние немецкого языка. В словарях народных говоров западной и центральной Беларуси XIX века слова немецкого происхождения составляют от четверти до трети лексики. Этот вопрос подробно рассмотрен в книге Валентины Выхоты «Нямецка-беларускія моўныя паралелі» (Мн., 1999). — *Прим. Ред.*

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

«А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Лане и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

«Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

Были опрошены 1500 человек в разных точках страны. Кроме того, проведены дискуссии в различных возрастных группах, где люди могли не просто ответить на вопросы, но и объяснить свою позицию.

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, пьянство, лень, сострадание, самопожертвование — вот, судя по ответам, главные составляющие русского характера. Но не единственные. Многие респонденты сказали, что русским свойственны доброта, гостеприимство, оптимизм, простота (раскованность), приветливость, находчивость, живучесть, халявность, русский «авось», уживчивость, безответственность, смелость, щедрость, любовь к Родине.

В дискуссиях добавляли и такие характеристики: «Мы часто ругаемся, но и часто миримся»; «Русские всегда чего-то ждут, пока все само собой сделается»; «На сегодняшний день воровство — это национальная черта». Всё, как во времена Карамзина. Таков русский человек — един во многих лицах, прямая противоположность самому себе.

Причины, истоки русского менталитета, молодое поколение (до 34 лет) видит в том, что русские всегда имели сильного правителя, что Россия — фильтр между Европой и Азией, и что она изначально была несвободной страной. С другой стороны, на нашем характере сказались большие просторы и природные богатства. Старшие тоже согласны: «Огромная территория, избыток природных богатств привели к широте души». Но они видят и другие корни нашего менталитета: постоянная борьба, угнетение, климатические условия («на севере люди добрее, чем на юге»), смешение народов».

Через полгода газета «Беларусь сегодня» рассказала об аналогичном исследовании среди беларусов. 14 июля 2004 года Виолетта Дралюк в статье «Что беларусу хорошо, то и японцу неплохо» рассказала о том, что ученые из Гомельского государственного технического университета им. П.О.Сухого «вот уже несколько лет упорно исследуют загадку беларуского менталитета»:

«Особые природные условия, тесные взаимоотношения с соседями, мирное сосуществование разных христианских конфессий и религий, военные походы через беларускую землю, «прививки» восточных культур — вот что сформировало ментальные особенности беларуса, считают гомельские ученые. Например, под влиянием балтов появилась у нас сдержанность, выносливость, настороженность и скрытность. Зато нет у беларусов легкомысленности и бахвальства, присущего «шляхетным» полякам. Лишены беларусы и раскованности, открытой и порой грубой простоты, столь свойственной русским. Евреям беларусы уступают в находчивости, настойчивости, умении приспосабливаться к жизненным обстоятельствам.

пертуара БДТ-1 исключили пьесу «Здешние» («Тутэйшыя») Янки Купалы. В 1927 году та же судьба постигла пьесу «Преисподняя» Андрея Мрия, в сказочной форме показывавшую борьбу беларусов за свой родной язык.

В 1920 году режиссер Юрий Тарич снял первый беларуский фильм «Лесная быль» о борьбе партизан с польскими захватчиками. Киностудия «Советская Беларусь» из-за отсутствия собственной материальной базы была создана в 1928 году в Ленинграде. В 1930 году беларуский кинематограф стал звуковым. Однако Москва приказала, чтобы кинофильмы снимали только на русском языке.

Белорусизация и самоутверждение нации. Главным идейным стержнем беларусизации являлась советизация. Она совпала по времени с формированием современной беларуской нации, существенно деформировав естественное течение этого процесса. Беларусизация городов заложила основы советской беларуской культуры, имевшей пролетарский (а не крестьянский) характер и противопоставленной культурной традиции «Нашей Нивы», развивавшейся в Западной Беларуси и в эмиграции. Все это существенно снижало ее привлекательность и обедняло национальное содержание.

Но в 20-е годы советизация в «национальной упаковке» еще не стала разрушительной для беларуского общества, так как сохранялось традиционное крестьянское хозяйство и существовала традиционная крестьянская культура. Советскому руководству еще не удалось навязать крестьянам идеалы большевизма. Беларусы добились признания своей самобытности, в чем царский режим им отказывал. Простые люди начали даже обращаться друг к другу с традиционными словами «дзядзька» («дядя») и «цётка» («тётя») вместо «товарищ».

БССР в нашей истории. Политика НЭПа и беларусизации укрепила советскую власть в Беларуси. Но политические мотивы создания большевиками БССР тогда мало кто понимал. Между тем, они всего-навсего разыграли беларускую карту против Польши — в противовес доставшимся ей западным беларуским землям.

Создание национально-культурной автономии БССР в 20-е годы тоже стало вынужденным шагом большевистского руководства. Ограниченное самоуправление ввели в БССР с единственной целью — не допустить реализации идеи национальной независимости беларуского народа. И все же под опекой советской России национальные идеалы беларусов частично осуществились. Уже сам факт существования БССР способствовал росту национального самосознания беларусов и международному признанию идеи беларуской государственности.

---

* Перевод со стр. 21: «Сябар» — друг. Текст рекламы гласит «Ценность дружбы — держаться вместе».

Весьма показательны в этом плане записки тверского купца Афанасия Никитина (конец XV века) о «хождении за три моря». В них автор запросто переходит со славяно-финского койне Московии на тюркский язык, не видя особой разницы между ними. В своем «хождении», буквально на каждой странице, Никитин то разражается длинной тирадой на тюркском, то непринужденно вплетает короткие тюркские фразы между русских. Вот типичный пример:

«В Индейской земле купцы останавливаются на подворьях, еду для них варят хозяйки. Они и постель гостям стелют, и спят с ними, сикиш илересен ду шитель бересин, сикиш илимесь ёкъжитель берсен достур аврат чектур, а сикиш муфут».

В этом фрагменте Никитин привел на тюркском языке некоторые деликатные подробности: «хочешь с хозяйкой иметь близкую связь — даешь два шителя, не хочешь — даешь один шитель».

Свои записки он закончил весьма характерной благодарственной молитвой: «Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного и Иисуса Духа Божия. Аллах велик»... В подлиннике дословно сказано: «Бисмилля Рахман Рахим. Иса Рух Уалло. Аллах акбар. Аллах керим»*.

В средневековой Московии существовали одновременно несколько языков. Во-первых, общеславянский «койне» — язык княжеско-боярской знати и чиновников (дьяков). Во-вторых, старо-болгарский язык — язык христианских текстов. В-третьих, народные языки туземцев (финские). В-четвертых, тюркские языки — средство «межнационального общения» и язык исламского компонента религии. Вся эта смесь и послужила основой для нынешнего русского языка, совпадающего своей базовой лексикой** с другими славянскими языками не более чем на 30–35%. Напротив, базовая лексика славянских языков, в том числе беларуского и украинского, совпадает между собой на 70–80% .

Сегодня российские лингвисты в своем большинстве сводят истоки современного русского языка только к двум составляющим:

---

* Никитин совершил свое путешествие в 1466–1472 гг. В Твери тогда правил великий князь Михаил Борисович, в Москве — великий князь Иван III. В то время общей для Московии и Орды была религия, являвшаяся гибридом христианства и ислама (верующие равно почитали Иисуса и Магомета). Процесс их разделения начался с момента «стояния на Угре» (1480 г.) и завершился к 1589 г. (при царе Федоре I).

** Базовая лексика — около 5000 слов и лексических выражений. Попутно надо отметить, что беларуский язык испытал заметное влияние немецкого языка. В словарях народных говоров западной и центральной Беларуси XIX века слова немецкого происхождения составляют от четверти до трети лексики. Этот вопрос подробно рассмотрен в книге Валентины Выхоты «Нямецка-беларускія моўныя паралелі» (Мн.. 1999). — *Прим. Ред.*

родня, подавая в 1619 году челобитную Ксении Ивановне, матери царя Михаила Романова, платила толмачу за перевод с финского костромского наречия на «государев» язык (т.е. на славянский «койне» знати). Забавно, что сегодня мордовская Кострома считается в России как бы «эталоном русскости» (даже рок-группа есть, поющая старинные мордовские песни, переведенные на русский язык, с типично финским завыванием женщин, выдаваемым за «славянское»). Но всего два столетия назад никто в Костромском крае по-русски не говорил.

Тот факт, что Московская церковь вещала на староболгарском языке (а дьяки писали на нем грамоты и прочие документы), в этом плане ничего не значит, так как вся Европа тогда в соборах говорила на латыни и вела делопроизводство на латинском языке, хотя ни один народ на этом языке уже давно не говорил. Напомню заодно, что после Люблинской унии 1569 года, когда беларусы создали вместе с поляками конфедеративное государство — Республику (по-польски Речь Посполитую), ВКЛ сохранило своим государственным языком литвинский (то есть, беларуский), а Польша ввела в качестве государственного латинский язык. Но это вовсе не значит, что народный язык поляков — латынь. Точно так же русский язык не был народным в Московии вплоть до того сравнительно недавнего времени, когда российские деревни его наконец выучили.

Вот еще пример: по сей день во многих деревнях Смоленской, Курской и Брянской областей, входивших когда-то в состав ВКЛ, никто не «окает» на финский манер (как в Рязани или Костроме), а говорят на том же языке, на котором говорят селяне Витебщины и Минщины. Любой лингвист мог бы сделать вывод, что в этих областях живет беларуское население. Но, исполняя политический заказ, российские лингвисты относят их население к тем «окающим» восточным соседям, которые во времена Лудольфа знали всего лишь 41 славянское слово, да и то не во всех деревнях.

Улуханов пишет, что, говоря о существовании у московитов двух языков — славянского (церковного болгарского) и московитского, Лудольф сообщил в «Грамматике языка московитов» следующую подробность:

> «Чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи».

Что же это за «славянский язык», если людей смешит употребление славянских слов вместо финских и тюркских? Такого никогда не было в Литве (Беларуси). Наоборот, здесь никто не понял бы того,

его — всеобщее рабство (крестьян по отношению к помещикам, дворян по отношению к царю и т.д.), всплесками несогласия с которыми и является эта «лихость». То есть, бунтарство.

Часто употребляются как синонимы термины «национальный характер» и «ментальность». Однако различие между ними все же существует. Оно заключается в том, что ментальность представляет собой способ мышления (мировоззрение) определенной этнической общности, а национальный характер проявляется в таких психологических феноменах, как темперамент, эмоции, чувства, способы деятельности и поведения.

Беларусы — крестьянская нация

Иначе говоря, ментальность охватывает преимущественно сферу рационального мышления, установок и взглядов человека, тогда как национальный характер — область преимущественно бессознательных эмоционально-чувственных реакций, влечений и потребностей. В структуре национального характера различают четыре группы составных элементов:

а) национальный темперамент («возбудимый» или «спокойный»; например, южане обычно более возбудимые, чем северяне);

б) национальные эмоции (типа «восторженности» или «скептицизма»);

в) национальные чувства (например, «гордость» или «скромность»);

г) национальные предрассудки (например, русским присуще ощущение превосходства над другими нациями в Российской империи и СССР — пресловутый «комплекс старшего брата»).

Так, специальные этнопсихологические исследования показали, что 75% населения США составляют экстраверты (люди, ориентированные на внешнее окружение); в Англии экстраверты и интраверты представлены в равной пропорции, в ряде стран преобладают интроверты (люди, для которых главное значение имеют личные проблемы и потребности).

В Беларуси подобные исследования не проводились, но ряд косвенных данных позволяет отнести большинство населения Белару-

алфавит? Никакого. А ведь поляки — братья-славяне и соседи навсегда, тогда как с неславянской Грецией Беларусь не граничит и ничего общего с греками беларусы не имеют. Выбор между греческим и латинским алфавитами лишен политического подтекста.

Зато такой подтекст всегда присутствует в демагогических заявлениях российских идеологов и парламентариев, склонных ужасаться «отходу от России» по любому поводу, ибо в их представлениях Москва — «третий Рим», своего рода мистический центр, вокруг которого «обязано» группироваться все «прогрессивное человечество».

Когда большевики захватили власть в Российской империи, комиссары от просвещения осуществили реформу «великорусского» языка. Во-первых, его переименовали в просто «русский», дабы удалить имперское» «велико», а заодно превратили великороссов в русских. Между тем, нет в русском языке такого обычая, чтобы название национальности было прилагательным (хотя чего требовать от авторов новшества Троцкого и Свердлова, евреев, слабо разбиравшихся в тонкостях русского языка). Во-вторых, Троцкий и Свердлов утвердили «новый гражданский алфавит»: отменили букву «ять» и ряд других букв, одобрили изменение грамматических правил.

А в-третьих, мало кто помнит о том, что Лейба Бронштейн (он же Лев Троцкий) настаивал на переводе русского языка на латинский алфавит— «в целях мировой революции». Эту идею не приняли потому, что ни Сумароков, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Толстой на латинице не писали. Напротив, беларуские хронисты, поэты и писатели вплоть до начала XX века создавали свои произведения на беларуской латинице...

Кирилл и Мефодий умерли, соответственно, в 869 и 885 годах, задолго до принятия Киевом христианства (988 год), Москва в их времена еще не существовала в природе, Новгород только-только появился в виде маленькой крепости. Они создали в Моравии квазигреческий алфавит для чехов, а не для языческой Киевской Руси.

Кирилл потому и не поехал в земли нынешних Украины и России «обращать славян в православие», что никаких славян там еще не было. Некому было давать «славянский алфавит на основе греческого». Киев тогда не был славянским, он «дружил» с Хазарией, в нем жили сарматы (предки украинцев) и иудеи, поскольку сарматские князья Киева были тогда породнены с тюркскими князьями Хазарии, исповедавшими иудаизм. Они тоже исповедали иудаизм, так что Киев был тогда «городом синагог» и языческих капищ*. Чего же было Кириллу ехать в Киев к язычникам и иудеям?

---

* К сведению русских и украинских «ура-патриотов», возмущенных «очередной исторической выдумкой»: эта тема всесторонне исследована в израильском научно-популярном телесериале о Хазарии как «еще одной прародине израильтян». Имеются также солидные научные труды по данному вопросу. — *Прим. Ред.*

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефолий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

тальных — в специальные детские дома для ЧСИР («членов семей изменников родины»). Иными словами, большевикам мало было оклеветать и убить ни в чем не повинного интеллигента, они стремились уничтожить всю его семью!

Под угрозой находился любой мыслящий человек. Бывший нарком внутренних дел БССР Алексей Наседкин уже в камере смертников признался бывшему советскому разведчику Дмитрию Быстролетову, что получил из Москвы устный приказ выявлять и расстреливать в первую очередь «людей думающих». Беларуский поэт Сергей Граховский вспоминал, что когда его арестовали, то предложили такую сделку: сдай пять «мыслящих», и ты свободен!

Важное обстоятельство: почти все следователи НКВД в Беларуси (до 90%) были людьми «временными». Их присылали в Беларусь из России. Как и судей, входивших в так называемые «тройки». Они приезжали на несколько дней, зачитывали сотню-другую смертельных приговоров и уезжали. «Суд» обычно длился 10–15 минут, при этом сам обвиняемый отсутствовал!

Места массовых расстрелов коммунисты скрывали, все убийства производились тайно, по ночам. Беларускому археологу и искусствоведу Зенону Позняку удалось найти одно из таких мест под Минском — урочище Броды (Куропаты). Здесь в 1937–39 гг. людей расстреливали почти каждую ночь. По официальной оценке — около 30 тысяч жителей Беларуси и перебежчиков из Западной Беларуси. Однако такие Куропаты были возле каждого крупного города и районного центра Беларуси.

Трагическим результатом массовых репрессий 30-х годов в БССР явилось полное уничтожение дореволюционной интеллигенции и значительной части новой, советской.

Все они были репрессированы безвинно. Подтверждение тому — реабилитация этих людей государственными комиссиями, работавшими с 1955 года под контролем советских судебных органов.

Репрессии погубили элиту беларуской нации, ее интеллектуальный потенциал — литераторов, ученых, педагогов, священников, деятелей культуры. Это ужасное событие катастрофическим образом деформировало духовно-интеллектуальную жизнь беларусов на все последующие десятилетия. Была прервана связь поколений, утрачены многие духовные ценности, подавлено национальное самосознание народа. Понятно без лишних слов, что все это в колоссальной мере способствовало русификации беларусов.

Последствия большевистского духовного геноцида не преодолены в Беларуси до сих пор.

2. Период польско-русского противостояния и беларуского распутья (1831–1863)

Восстание 1831 года

1794, 1812, наконец, 1831 год... Уже в который раз польский народ поднимался на борьбу за свое национальное освобождение. А эта борьба становилась частью беларуской истории.

Царь Николай и Польша. Новый император Николай I (правил в 1825–1855 гг.) был воспитан в духе милитаризма, абсолютного самодержавия и великорусского шовинизма. Он, в отличие от своего брата Александра, не мог и не хотел быть лояльным по отношению к непокорным полякам. Королевство Польское (его конституцию, сейм и армию) в Петербурге терпели только потому, что того требовало Венское соглашение европейских монархов. Не помогало полякам и то, что наместником Польши был старший брат Николая, великий князь Константин (1779–1831).

Между тем, разгром декабристов не испугал радикально настроенных польских патриотов. Они продолжили подготовку к вооруженной борьбе за полную независимость от России, планируя провозгласить республику и отменить крепостное право. Однако их взгляды не разделяло большинство польских аристократов. Консерваторы отвергали любые социальные реформы и желали установления в Польше конституционной монархии.

Радикалов, объединившихся в «Патриотическом обществе», возглавил профессор истории Иоахим Лелевель, а лидером консервативной аристократии был давний друг царя Александра — князь Адам Чарторыйский. Несмотря на противоположность социальных программ, обе эти партии объединяло стремление возродить Речь Посполитую в границах 1772 года. Великое княжество Литовское они считали частью Польши, хотя на его территории жили не поляки, а предки современных беларусов и литовцев.

Спор за беларуские земли. Польское королевство в 1831 году восстало и вступило в войну против России. В польской армии было много беларусов, уроженцев Белостокского округа и Гродненской губернии. Были беларусы и в русской армии. Как и в 1812 году, они воевали друг против друга.

Значительную роль в восстании 1831 года играла борьба за беларуские земли. Так, восставшие варшавяне предъявили великому князю Константину два требования: во-первых, признать Польшу независимым суверенным государством; во-вторых, присоединить к ней все бывшие земли Речи Посполитой, в том числе беларуские и жемойтские. Царя Николая I польские посланники просили о том же, что и Константина. Когда русские в августе окружили Варшаву

Пинская, Полесская, Полоцкая), а несколько позже еще и Молодеченская область.

Первых секретарей ЦК КПБ с 1956 года начали назначать (формально — «избирать», по принципу «один кандидат на одно кресло») из беларусов. «Пионером» стал Кирилл Мазуров (1956–1965 гг.). Он попытался поначалу проводить политику беларусизации, но быстро понял, что плывет против течения. Беларусы составляли в то время примерно две трети в партийно-государственном аппарате своей республики, однако по-прежнему занимали преимущественно второстепенные должности.

К 1963 году были ликвидированы 98 из 175 районов, имевшихся в республике. В ее западных областях расформировали политотделы при МТС (машиннно-тракторных станициях).

Москва заявила о расширении прав союзных республик. В этой связи в БССР были утверждены государственный флаг (1953 г.), гимн (1955 г.) и герб (1956 г.), которые символизировали коммунистическую систему правления, «нерушимую связь» с Россией и «великим старшим братом» — русским народом. В 1961 и 1964 гг. к БССР присоединили небольшие территории Смоленской области, в связи с давними требованиями беларуского населения этих районов.

С 1958 года Хрущев совмещал обязанности первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР. Это время вошло в историю как период экономических экспериментов. Главным среди них явилось создание с конца 1957 года так называемых советов народного хозяйства (совнархозов). Они объединяли все отрасли и предприятия экономики по территориальному, а не по отраслевому принципу. В масштабах Советского Союза совнархозы принесли больше вреда, чем пользы, и в сентябре 1965 года на очередном пленуме ЦК от них отказались.

Но в союзных республиках (кроме РСФСР) совнархозы сыграли в основном положительную роль. Семь лет (1958–65 гг.) все отрасли экономики БССР были объединены в единый комплекс. Фактически это означало административную автономию, несмотря на то, что плановые задания для совнархозов по-прежнему устанавливала Москва. Но когда Хрущева «товарищи по партии» сняли со всех постов (14 октября 1964 г.), совнархозы ликвидировали и беларуская экономика снова оказалась под жестким контролем союзных министерств.

Усиление партийной диктатуры. Осуждение Сталина не повлекло за собой отстранение от власти его соратников. Основы большевистской тоталитарной системы сохранились практически в неизменном виде. Вслед за провозглашением на XXI (1959 г.) и XXII (1961 г.) съездах КПСС курса на «развернутое строительство коммунизма» происходило усиление диктатуры партийных органов в общественной жизни БССР. Партийные и комсомольские организа-

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

няк» (мастер выделки кож), и что эта фамилия была в старину одной из распространенных среди славян.

Зато «исконно русским и славянским» стали считать в современной России финский «окающий» акцент: им наделяют в фильмах героев «Древней Руси», его эксплуатируют популярные комики — «русские бабки». Никого не смущает тот факт, что ближайшие родственники русских — финны Финляндии — точно так окают, когда говорят по-русски или по-немецки.

Такое же смешение понятий произошло в вопросе антропологической идентичности. Поскольку финны внешне похожи на индоевропейцев, нетрудно придти к выводу, что именно так должны выглядеть славяне. Вот характерный пример: в повести «Кто стреляет последним» (1976 г.) российский писатель Николай Наумов пишет, как некий гауптман Отто, рассматривая пленного снайпера, родом из Рязани (то есть, из этноса эрзя), констатирует: «типичный славянин — круглое лицо, короткий широкий нос». Но это описание финна, а не славянина. Среди беларусов и поляков таких лиц нет.

Российские археологи нашли массу вещественных доказательств того, что до IX века на территории современной России вообще не было славян. Важнейшую роль в этом открытии сыграли раскопки в Новгороде, которые ведутся уже нескольких десятилетий. Было установлено (специально подчеркиваю — достоверно установлено учеными), что славяне, древнерусский язык и Рюрик появились в Новгороде одновременно! Более того, сам Новгород основали в середине IX века именно эти славяне-колонисты из Полабской Руси (т.е., с территории нынешней Германии).

Никаких «исконных» славян до Рюрика не было. Этот факт вызвал шок, хотя подозрения на сей счет существовали и раньше. Так, Л.В. Алексеев в книге «Полоцкая земля» еще в 1966 году писал:

> «Современные данные археологии и топонимики показывают, что в эпоху раннего железа Восточную Европу населяло три крупных группы племен. Первая, ирано-язычная, занимала Крымский полуостров, Кубань, Нижний Дон, Нижний Днепр и доходила на севере до водораздела Сейма, Десны и Оки...
>
> Вторая, финно-язычная группа, охватывала все Верхнее Поволжье, бассейн Средней и Нижней Оки, на западе доходила до озера Эзель и оставила так называемую Дьяковскую культуру.
>
> Третья, балто-язычная, охватывала все Верхнее Поднепровье (включая Киев, правобережье Сейма, верхнюю Оку) и уходила на запад в Прибалтику».

Обратите внимание: иранцы, финны и балты. Никаких славян!

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефолий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 голах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Были опрошены 1500 человек в разных точках страны. Кроме того, проведены дискуссии в различных возрастных группах, где люди могли не просто ответить на вопросы, но и объяснить свою позицию.

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, пьянство, лень, сострадание, самопожертвование — вот, судя по ответам, главные составляющие русского характера. Но не единственные. Многие респонденты сказали, что русским свойственны доброта, гостеприимство, оптимизм, простота (раскованность), приветливость, находчивость, живучесть, халявность, русский «авось», уживчивость, безответственность, смелость, щедрость, любовь к Родине.

В дискуссиях добавляли и такие характеристики: «Мы часто ругаемся, но и часто миримся»; «Русские всегда чего-то ждут, пока все само собой сделается»; «На сегодняшний день воровство — это национальная черта». Всё, как во времена Карамзина. Таков русский человек — един во многих лицах, прямая противоположность самому себе.

Причины, истоки русского менталитета, молодое поколение (до 34 лет) видит в том, что русские всегда имели сильного правителя, что Россия — фильтр между Европой и Азией, и что она изначально была несвободной страной. С другой стороны, на нашем характере сказались большие просторы и природные богатства. Старшие тоже согласны: «Огромная территория, избыток природных богатств привели к широте души». Но они видят и другие корни нашего менталитета: постоянная борьба, угнетение, климатические условия («на севере люди добрее, чем на юге»), смешение народов».

Через полгода газета «Беларусь сегодня» рассказала об аналогичном исследовании среди беларусов. 14 июля 2004 года Виолетта Дралюк в статье «Что беларусу хорошо, то и японцу неплохо» рассказала о том, что ученые из Гомельского государственного технического университета им. П.О.Сухого «вот уже несколько лет упорно исследуют загадку беларуского менталитета»:

«Особые природные условия, тесные взаимоотношения с соседями, мирное сосуществование разных христианских конфессий и религий, военные походы через беларускую землю, «прививки» восточных культур — вот что сформировало ментальные особенности беларуса, считают гомельские ученые. Например, под влиянием балтов появилась у нас сдержанность, выносливость, настороженность и скрытность. Зато нет у беларусов легкомысленности и бахвальства, присущего «шляхетным» полякам. Лишены беларусы и раскованности, открытой и порой грубой простоты, столь свойственной русским. Евреям беларусы уступают в находчивости, настойчивости, умении приспосабливаться к жизненным обстоятельствам.

Показательно изобилие этнических русских, поляков, евреев, украинцев, татар, ставших беларускими деятелями культуры в первые десятилетия советской власти (З. Азгур, З. Аксельрод, А. Александрович, А. Бембель, Зм. Бядуля, М. Блистинов, Я. Бронштейн, В. Головчин, И. Замотин, Г. Кобец, Я. Мавр (И. Федоров), Е. Мирович, Н. Никольский, А. Овечкин, В. Пичета и др.)...

Интересно в этом контексте и отсутствие антисемитизма во всех слоях беларуского социума. Начиная со времен Великого Княжества Литовского, когда беларусы и евреи впервые зажили бок о бок, обмениваясь не только товарами, но и гуманитарными достижениями (известно, что первый перевод нескольких религиозных текстов на старобелорусский язык принадлежит виленским евреям), напряженности между этими двумя народами практически не было, что доказала Вторая мировая война.

И по сей день израильское посольство в Минске ежегодно чествует вновь обнаруженных «нееврейских праведников», не предполагавших, что они праведники, — людей, прятавших по погребам и чердакам своих домов знакомых и незнакомых евреев. Разумеется, в советскую эпоху существовал государственный антисемитизм, и он накладывал отпечаток на повседневное, бытовое поведение, однако уже в первые годы перестройки антисемитизм как явление испарился практически без следа.

Характерно для беларусов и непредвзятое отношение к «лицам кавказской», «азиатской» и прочих несуществующих национальностей. Более того, само миролюбие и нежелание беларусов входить в конфликт, а также знаменитая беларуская толерантность по отношению к иным народам и конфессиям, понимаемые как экзистенциальные этнические ценности (так называемые «фокальные» или «доминантные»), привели к тому, что национальная идея беларусов имеет «посреднический» характер. Та роль, в которой, по мнению Вл. Соловьева, должно было реализоваться мессианское предназначение России — быть посредницей между народами — в силу политических и общих социокультурных событий была принята беларусами практически внерефлективно».

Интересно сравнить современные научные исследования национального характера русских и беларусов, которые независимо друг от друга проводились в России и Беларуси и освещались центральными изданиями.

«Российская газета» 29 ноября 2003 года в публикации Татьяны Смольяковой «Украинцы близки русским так же, как немцы» сообщила:

«Независимый исследовательский центр РОМИР по заказу Союза создателей социальной рекламы провел исследование «Национальное самосознание русского человека в современный период».

няк» (мастер выделки кож), и что эта фамилия была в старину одной из распространенных среди славян.

Зато «исконно русским и славянским» стали считать в современной России финский «окающий» акцент: им наделяют в фильмах героев «Древней Руси», его эксплуатируют популярные комики — «русские бабки». Никого не смущает тот факт, что ближайшие родственники русских — финны Финляндии — точно так окают, когда говорят по-русски или по-немецки.

Такое же смешение понятий произошло в вопросе антропологической идентичности. Поскольку финны внешне похожи на индоевропейцев, нетрудно придти к выводу, что именно так должны выглядеть славяне. Вот характерный пример: в повести «Кто стреляет последним» (1976 г.) российский писатель Николай Наумов пишет, как некий гауптман Отто, рассматривая пленного снайпера, родом из Рязани (то есть, из этноса эрзя), констатирует: «типичный славянин — круглое лицо, короткий широкий нос». Но это описание финна, а не славянина. Среди беларусов и поляков таких лиц нет.

Российские археологи нашли массу вещественных доказательств того, что до IX века на территории современной России вообще не было славян. Важнейшую роль в этом открытии сыграли раскопки в Новгороде, которые ведутся уже нескольких десятилетий. Было установлено (специально подчеркиваю — достоверно установлено учеными), что славяне, древнерусский язык и Рюрик появились в Новгороде одновременно! Более того, сам Новгород основали в середине IX века именно эти славяне-колонисты из Полабской Руси (т.е., с территории нынешней Германии).

Никаких «исконных» славян до Рюрика не было. Этот факт вызвал шок, хотя подозрения на сей счет существовали и раньше. Так, Л.В. Алексеев в книге «Полоцкая земля» еще в 1966 году писал:

> «Современные данные археологии и топонимики показывают, что в эпоху раннего железа Восточную Европу населяло три крупных группы племен. Первая, ирано-язычная, занимала Крымский полуостров, Кубань, Нижний Дон, Нижний Днепр и доходила на севере до водораздела Сейма, Десны и Оки...
>
> Вторая, финно-язычная группа, охватывала все Верхнее Поволжье, бассейн Средней и Нижней Оки, на западе доходила до озера Эзель и оставила так называемую Дьяковскую культуру.
>
> Третья, балто-язычная, охватывала все Верхнее Поднепровье (включая Киев, правобережье Сейма, верхнюю Оку) и уходила на запад в Прибалтику».

Обратите внимание: иранцы, финны и балты. Никаких славян!

няк» (мастер выделки кож), и что эта фамилия была в старину одной из распространенных среди славян.

Зато «исконно русским и славянским» стали считать в современной России финский «окающий» акцент: им наделяют в фильмах героев «Древней Руси», его эксплуатируют популярные комики — «русские бабки». Никого не смущает тот факт, что ближайшие родственники русских — финны Финляндии — точно так окают, когда говорят по-русски или по-немецки.

Такое же смешение понятий произошло в вопросе антропологической идентичности. Поскольку финны внешне похожи на индоевропейцев, нетрудно придти к выводу, что именно так должны выглядеть славяне. Вот характерный пример: в повести «Кто стреляет последним» (1976 г.) российский писатель Николай Наумов пишет, как некий гауптман Отто, рассматривая пленного снайпера, родом из Рязани (то есть, из этноса эрзя), констатирует: «типичный славянин — круглое лицо, короткий широкий нос». Но это описание финна, а не славянина. Среди беларусов и поляков таких лиц нет.

Российские археологи нашли массу вещественных доказательств того, что до IX века на территории современной России вообще не было славян. Важнейшую роль в этом открытии сыграли раскопки в Новгороде, которые ведутся уже нескольких десятилетий. Было установлено (специально подчеркиваю — достоверно установлено учеными), что славяне, древнерусский язык и Рюрик появились в Новгороде одновременно! Более того, сам Новгород основали в середине IX века именно эти славяне-колонисты из Полабской Руси (т.е., с территории нынешней Германии).

Никаких «исконных» славян до Рюрика не было. Этот факт вызвал шок, хотя подозрения на сей счет существовали и раньше. Так, Л.В. Алексеев в книге «Полоцкая земля» еще в 1966 году писал:

> «Современные данные археологии и топонимики показывают, что в эпоху раннего железа Восточную Европу населяло три крупных группы племен. Первая, ирано-язычная, занимала Крымский полуостров, Кубань, Нижний Дон, Нижний Днепр и доходила на севере до водораздела Сейма, Десны и Оки...
>
> Вторая, финно-язычная группа, охватывала все Верхнее Поволжье, бассейн Средней и Нижней Оки, на западе доходила до озера Эзель и оставила так называемую Дьяковскую культуру.
>
> Третья, балто-язычная, охватывала все Верхнее Поднепровье (включая Киев, правобережье Сейма, верхнюю Оку) и уходила на запад в Прибалтику».

Обратите внимание: иранцы, финны и балты. Никаких славян!

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

По моему мнению, российские историки и идеологи раздувают культ Кирилла и Мефодия для того, чтобы скрывать огромные противоречия в их представлениях о самих себе как о якобы «славянах» — и чтобы отвергать «нежелательные» факты, этому мифу противоречащие (то есть, всю историческую, этнографическую и лингвистическую фактуру).

Кстати, Кирилл и Мефодий вовсе не греки, и не родные братья. Оба они — богатые православные арабы из Дамаска (Сирия тогда была христианской), нанятые властями Византии для миссии в Моравии. Например, об этом пишет, цитируя документы, российский историк А.А. Бычков в книге «Киевская Русь: Страна, которой никогда не было?» Но самое забавное то, что чехи, ради создания алфавита которых приехал православный араб Кирилл, вообще о нем не помнят, зато его возвели в культ в России, где он никогда не был...

Итак, формирование русского и беларуского языков — автономные процессы, не связанные между собой. Беларуский язык вовсе не «отпочкование» от языка Московии, как это бездоказательно утверждают российские идеологи. Он сформировался задолго до появления Москвы, и никакого отношения к восточному соседу не имеет.

Исторически беларуский язык — это язык западных балтов (ятвягов, дайнова, лютвы, пруссов, мазуров). В Польше в период до союза с Мазовией (когда ляхи жили вокруг Кракова) язык был кристально чистым славянским. Союз с Мазовией создал новый этнос: ляхи смешались с мазурами, и появился польский народ с его пшекающим языком.

Точно так же в Литве был «дзэкающий», «гэкающий», «цэкающий», «акающий» западно-балтский язык ятвягов (позже литвинов), который сегодня некоторые историки именуют «древнебеларуским» (на нем написаны Статуты и Метрика ВКЛ), хотя он тогда именовался «литовским языком». Средневековые слависты Чехии, Польши и Германии относили литовский язык к семье славянских языков, а при издании Статута ВКЛ в переводе на польский язык в издательстве Мамоничев (1614, 1619, 1623 гг.) и королевским издателем П. Элертом (1648 год) указывалось, что это перевод с литовского языка, а не с языка «беларуского».

Великий польский поэт беларуского происхождения Адам Мицкевич два века назад сказал о беларуском языке:

> «На беларускай мове, якую называюць русінскай альбо літоўска-русінскай, таксама размаўляе каля дзесяці мільёнаў чалавек; гэта самая багатая і самая чыстая гаворка, яна ўзнікла даўно і выдатна распрацавана. У перыяд незалежнасці Літвы вялікія князі карысталіся ёю для сваёй дыпламатычнай перапіскі.

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

«А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Лане и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

«Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

«А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Ланe и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

«Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

и истории, на развитие национальной культуры. В этой связи следует вспомнить П.М. Машерова, занимавшего пост первого секретаря ЦК КПБ в течение 15 лет: с 1965 по 1980 год. Есть немало публикаций, авторы которых называют его «славным сыном беларуского народа». Значительно ближе к истине другая оценка: он был «верным сыном коммунистической партии», но не народа. В наше время просто нелепо отождествлять понятия «партия» и «народ».

Машеров настойчиво и последовательно проводил в жизнь космополитичные интересы партии, изрядно потрудился на поприще формирования денационализированного «советского человека» и русификации беларусов. Вот что, например, писал о нем Иван Шамякин, народный писатель Беларуси:

> «Много хорошего сделал этот человек для экономики, для культуры. Но... Исчезал же язык народа — основа национальной культуры. Эти вопросы мы задавали и тогда, эта боль жгла, и мы кричали. Говорили и Машерову, и он соглашался. Но русификация не прекращалась. Она шла так же интенсивно, как при Гусарове (так ведь это был русский), при Мазурове; даже русак Пономаренко не позволял таких поворотов, когда газеты западных областей, районов, «Сельская газета» переходили на русский язык. Процесс этот не был стихийным. Он поощрялся — при стыдливом молчании многих. Машеров ни разу, ни на одном пленуме, совещании, съезде, сессии, торжественном заседании — не выступил по-беларуски».

Однако никакие ограничения не смогли остановить пробуждение и дальнейшее усиление интереса к своим национальным корням в среде беларуских интеллектуалов. В различных областях отечественной науки шло накопление ценных материалов, ждавших своего времени для использования в интересах нации. В 1967–75 гг. увидела свет 12-томная «Беларуская савецкая энцыклапедыя», в которой многие статьи по истории и литературе были написаны с национальных позиций.

На почве народной культуры (пусть изуродованной большевистским мракобесием), под влиянием интеллигентов, прошедших через сталинские лагеря (пусть их осталось мало), под воздействием идей беларуской эмиграции (хотя радио глушили, а литература поступала нелегально) появлялись все новые и новые национально сознательные личности. Полулегально, эзоповым языком они вели национальную пропаганду. Параллельно с конца 1960-х годов спонтанно формировалось движение в защиту историко-архитектурного наследия, развивалось краеведение, появилось движение по изучению фольклора.

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

Ликвидация крепостного права. После смерти Николая I его сын Александр II (правил в 1855–1881 гг.) начал подготовку к упразднению крепостного права. Для первого опыта он выбрал беларуские губернии. Здешние помещики были более подготовлены к столь радикальным изменениям как экономически, так и морально. Пример Польши и Прусии, где крестьяне уже имели личную свободу, давал помещикам надежду на сносное будущее и без крепостничества.

Местные помещики соглашались на освобождение крестьян без земли, что превратило бы землю в товар, а бывших крепостных — большей частью в батраков, меньшей — в фермеров (если кто-то из них нашел бы средства выкупить землю). Для крестьян же это был наихудший вариант. Но царизм не пошел по такому пути, хотя вовсе не из сострадания крестьянству. Сыграл свою роль элементарный расчет. Из 23 миллионов «душ» крепостных в империи возникла бы мощная армия неимущих батраков, которая смела бы и дворянское землевладение, и правящую династию. Поэтому российских крепостных освобождали с землей в обязательном порядке. Землю, в свою очередь, требовалось обязательно выкупать.

Однако крепостная система довела крестьян до такого состояния (особенно в Беларуси), что без помощи государства (в виде займа) они не могли откупиться от помещиков. Кроме того, в России сохранялась сельская община (мир), основанная на круговой поруке. Из-за нее аграрная реформа проводилась очень медленно. В Беларуси же (за исключением Могилевской и части Витебской губернии) общину ликвидировали еще в XVI веке. Это обстоятельство тоже повлияло на решение начать отмену «крепости» с западных губерний.

Отмена крепостничества стала очень важным шагом русской деревни на пути к рыночным отношениям, но оказалась недостаточной для Беларуси. Более высокий уровень развития товарно-денежных отношений требовал здесь и более радикальных перемен. Традиционное подворное землепользование делало беларуских крестьян вполне самостоятельными хозяевами. Поэтому они считали крайней несправедливостью выкуп земли, которой неизменно пользовались на протяжении столетий. По реформе крестьяне получили недостаточные наделы, которыми к тому же нельзя было распоряжаться до уплаты выкупа. Это делало деревню экономически зависимой как от помещиков, так и от государства, кредитовавшего выкупные операции.

В поисках «настоящей воли». Ознакомление с условиями реформы вызвало глубокое разочарование крестьян. Среди них повсеместно распространился фантастический слух, будто бы царь издал указ о «настоящей воле», но «паны» прячут его. Весной 1861 года беларуские крестьяне повсеместно отказывались работать в имениях. Столь мощный протест наблюдался еще только в Литве и Поволжье, так

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Аниценко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

нуждались, но даже детскую одежду, часы, женские украшания, а потом пропивали награбленное. Было много случаев избиения и убийства крестьян. Партизан стали называть бандитами даже те, кто ждал прихода Красной Армии.

В 1942 году партизанское движение концентрировалось в Восточной Беларуси. К концу года советские партизаны, по официальным советским данным, действовали на 30% территории Беларуси, в их рядах якобы насчитывалось 50 тысяч человек (фактически — не более 12 тысяч). До лета 1943 года массового партизанского движения не было. Пресловутые «партизанские» и «освобожденные» зоны представляли собой глухие лесные и заболоченные территории, где отсутствовали не только немецкие гарнизоны, но даже блок-посты на проселочных дорогах.

Советские партизаны в 1943 г. Только с весны 1943 года партизанское движение начало приобретать действительно массовый характер. Партизанские отряды объединялись в бригады, имевшие штабы и комиссаров. Обычно комиссар одновременно являлся секретарем подпольного райкома партии. В отряды назначались политруки. Компартия взяла партизанское движение под жесткий контроль. Усилилась дисциплина. Мародёров стали наказывать. Партизанским командирам запретили расстреливать подчиненных без следствия и суда.

В конце февраля 1943 года правительство БССР в эвакуации (оно находилось в московской гостинице «Якорь») издало воззвание к полицейским об амнистии при условии перехода на сторону партизан. Это увеличило число перебежчиков.

Победа Красной Армии под Сталинградом сделала перспективу возвращения советской власти более реальной. А жители Восточной Беларуси хорошо знали, что это такое. Среди них ходили слухи о том, что всех, кто не помогал партизанам, большевики сурово накажут. Люди стали уходить к партизанам, думая о своем будущем. Многие брались за оружие, чтобы отомстить за издевательства карателей над их родственниками. Представители беларуской советской интеллигенции в своем большинстве сознательно боролись на стороне советской власти, которая дала им образование и соответствующее идейное воспитание. Чем больше местных жителей уходило в леса, тем шире помогали партизанам крестьяне.

В западных же областях параллельно росту численности партизан увеличивалось и количество полицейских. Среди западных беларусов, успевших познакомиться с практикой большевизма за полтора предвоенных года, преобладали антисоветские настроения. Кроме того люди видели, что там, где нет партизан, нет и карательных акций против гражданского населения.

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Аниценко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

риканцам /и русским — *В.Д.*/ более присуща ориентация на современность и будущее».

«Поскольку жизнь беларусов всегда сильно зависела от природных явлений, от времен года или природно-сезонных циклов, им был свойствен так называемый «календарный модус» мышления... Существовало детальное распределение дней на благоприятные и неблагоприятные, тяжелые для работы, на постные и скоромные, счастливые и несчастливые, женские и мужские, наконец, на будние и праздничные дни. Так, во многих местах Беларуси благоприятными днями традиционно считались вторник и четверг, а неблагоприятными — понедельник и пятница... Мужскими днями обычно считали понедельник, вторник и четверг, а женскими — среду, пятницу, субботу и воскресенье...

Религиозность беларусов никогда не достигала степени фанатизма, не носила характера слепой всепоглощающей веры в Божью справедливость и всемогущество».

«В прошлом у беларусов сформировался уникальный менталитет, который в некоторых чертах сохранялся почти неизменным весь период исторического развития беларуского народа. Лишь в последние два — три столетия ментальность беларусов подверглась некоторым заметным изменениям... В XVII—XIX веках она была в определенной степени деформирована под влиянием неуклонного усиления процесса ассимиляции, денационализации (сначала в виде полонизации, а затем русификации). Правда, в те времена фактически только привилегированные слои общества воспринимали польский или русский способ мышления. Самое многочисленное социальное сообщество — беларуское крестьянство — все же смогло тогда сохранить свою традиционную национальную ментальность».

В психологии существует такое понятие, как акцентуация характера, означающее доминирование в его структуре каких-то отдельных черт. Психологи выделяют не менее 12 типов акцентуаций. Вот что пишет в этой связи Э. Дубенецкий:

«У беларусов сложились преимущественно дистимный и конформный типы характера, которые определяются недостаточной инициативностью, пассивностью, склонностью к депрессии, консерватизмом, чрезмерной зависимостью от воли и мыслей «вышестоящих», официальных авторитетов, определенным «комплексом неполноценности...

Поскольку любой национальный характер представляет собой совокупность различных (нередко прямо противоположных) психологических качеств, то с некоторой долей условности можно все черты беларусов разделить на две основные группы — «положительные» и «отрицательные»...

К первой группе относятся их толерантность (терпимость), сговорчивость, добродушие, благожелательность, гостеприимство, вы-

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

Адам Пусловский (1842–1863), командир отряда повстанцев

Калиновский мог уехать за границу. Однако вместо этого он перешел на нелегальное положение и остался — готовить весеннее выступление. Его искали жандармы. Приходилось почти ежедневно менять имена, одежду, квартиры. В январе 1864 года его все же арестовали в Вильне. Суд приговорил вожля повстанцев к смертной казни. 10 марта его повесили на Лукишской площади. Он не дрогнул перед смертью, шел к виселице твердым шагом.

Беларуские историки считают Калиновского национальным героем. Шляхтич по происхождению, он связал свою судьбу с крестьянством, составлявшим подавляющее большинство народа, принял его язык, понял его коренные интересы и с оружием в руках боролся за «волю и землю». Наконец, он пожертвовал своему народу собственную жизнь.

Достижения или утраты? Беларуская интеллигенция шляхетского происхождения во главе с Калиновским, вопреки польскому национализму, вопреки пришлым русификаторам, отстаивала идею федеративного союза Беларуси с Польшей. Но эту идею беларуские крестьяне либо вообще не понимали, либо расценивали как союз с бывшими хозяевами, а потому отвергали. До 70% повстанцев составила шляхта. Крестьян было среди них в среднем 18%, только в Гродненской губернии — около 33%.

В результате разгрома повстанцев почти все интеллигенты, осознавшие свою связь с крестьянством и вступившие в борьбу за улучшение его положения, погибли, оказались в ссылке, эмигрировали. В то же время политика русификации принесла первые плоды. Почти все православные беларуские крестьяне проявили покорность царю. Пропасть между православной частью крестьянства и католическими помещиками еще больше углубилась.

Восстания 1831 и 1863 года окончательно изменили прежний культурный ландшафт беларуских земель. Полонизацию сменила волна русификации в виде обширного комплекса административных, идеологических и экономических мер. И всё же благодаря польско-русскому противостоянию понимание беларуской самобытности значительно возросло. Русские убедили беларусов в том,

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

и истории, на развитие национальной культуры. В этой связи следует вспомнить П.М. Машерова, занимавшего пост первого секретаря ЦК КПБ в течение 15 лет: с 1965 по 1980 год. Есть немало публикаций, авторы которых называют его «славным сыном беларуского народа». Значительно ближе к истине другая оценка: он был «верным сыном коммунистической партии», но не народа. В наше время просто нелепо отождествлять понятия «партия» и «народ».

Машеров настойчиво и последовательно проводил в жизнь космополитичные интересы партии, изрядно потрудился на поприще формирования денационализированного «советского человека» и русификации беларусов. Вот что, например, писал о нем Иван Шамякин, народный писатель Беларуси:

> «Много хорошего сделал этот человек для экономики, для культуры. Но... Исчезал же язык народа — основа национальной культуры. Эти вопросы мы задавали и тогда, эта боль жгла, и мы кричали. Говорили и Машерову, и он соглашался. Но русификация не прекращалась. Она шла так же интенсивно, как при Гусарове (так ведь это был русский), при Мазурове; даже русак Пономаренко не позволял таких поворотов, когда газеты западных областей, районов, «Сельская газета» переходили на русский язык. Процесс этот не был стихийным. Он поощрялся — при стыдливом молчании многих. Машеров ни разу, ни на одном пленуме, совещании, съезде, сессии, торжественном заседании — не выступил по-беларуски».

Однако никакие ограничения не смогли остановить пробуждение и дальнейшее усиление интереса к своим национальным корням в среде беларуских интеллектуалов. В различных областях отечественной науки шло накопление ценных материалов, ждавших своего времени для использования в интересах нации. В 1967–75 гг. увидела свет 12-томная «Беларуская савецкая энцыклапедыя», в которой многие статьи по истории и литературе были написаны с национальных позиций.

На почве народной культуры (пусть изуродованной большевистским мракобесием), под влиянием интеллигентов, прошедших через сталинские лагеря (пусть их осталось мало), под воздействием идей беларуской эмиграции (хотя радио глушили, а литература поступала нелегально) появлялись все новые и новые национально сознательные личности. Полулегально, эзоповым языком они вели национальную пропаганду. Параллельно с конца 1960-х годов спонтанно формировалось движение в защиту историко-архитектурного наследия, развивалось краеведение, появилось движение по изучению фольклора.

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

народы Полабской Руси и Поморья, спасаясь от немецкой экспансии, уходили все дальше и дальше на восток.

Летописи свидетельствуют, что «славянские элементы» появились на территории Литвы (будущей Беларуси) благодаря миграции славян из Полабской Руси и Поморья (ободритов, лютичей-лютвинов, русинов острова Русин /Рюген/ и Старгорода /Ольденбурга/, лужичан Лужицкой Сербии, поморских пруссов, а также мазуров). Тогдашние этносы Западной и Центральной Беларуси (ятвяги, лайнова, лютва) не только дали им всем место, но и смешались с ними. В результате этого смешения возникло Великое княжество Литовское.

Мигрировавшие народы Центральной Европы принесли сюда свои фамилии на «ич», отсутствующие в языках современных поляков, украинцев и русских. Отмечу попутно, что писатель Юрий Брезан, лужицкий серб, лауреат двух Государственных премий ГДР, в книге «Избранное» (Москва, 1987 г.) своих персонажей лужичан называет «беларускими» именами Якуб, Михась, Ян, Ганна и т.д. Но «беларуские» ли это имена и фамилии? Скорее, они «собственность» лужичан.

Молодые беларуские крестьянки

Более чем вероятно, что литвинский (беларуский) язык и этнос возникли в процессе взаимодействия языков и этносов полабско-поморских славян и балтов. Древние культурные истоки беларусов надо искать у лужицких сербов. Серьезных исследований в этом направлении не было, хотя именно тут очевидна полная идентичность и совпадение в деталях, а не просто нечто этнически «похожее».

Обращаю внимание читателей на указанную проблему по той причине, что в России существует принципиально иная, ничем не обоснованная версия этнокультурного происхождения беларусов: мол, беларусы — это восточные славяне, которые изначально проживали на территории Днепра (и оттуда же якобы «вышли» русские).

Именно такая концепция позволяла идеологам царизма изображать беларусов как «младший» и «изначально родственный» рус-

Были опрошены 1500 человек в разных точках страны. Кроме того, проведены дискуссии в различных возрастных группах, где люди могли не просто ответить на вопросы, но и объяснить свою позицию.

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, пьянство, лень, сострадание, самопожертвование — вот, судя по ответам, главные составляющие русского характера. Но не единственные. Многие респонденты сказали, что русским свойственны доброта, гостеприимство, оптимизм, простота (раскованность), приветливость, находчивость, живучесть, халявность, русский «авось», уживчивость, безответственность, смелость, щедрость, любовь к Родине.

В дискуссиях добавляли и такие характеристики: «Мы часто ругаемся, но и часто миримся»; «Русские всегда чего-то ждут, пока все само собой сделается»; «На сегодняшний день воровство — это национальная черта». Всё, как во времена Карамзина. Таков русский человек — един во многих лицах, прямая противоположность самому себе.

Причины, истоки русского менталитета, молодое поколение (до 34 лет) видит в том, что русские всегда имели сильного правителя, что Россия — фильтр между Европой и Азией, и что она изначально была несвободной страной. С другой стороны, на нашем характере сказались большие просторы и природные богатства. Старшие тоже согласны: «Огромная территория, избыток природных богатств привели к широте души». Но они видят и другие корни нашего менталитета: постоянная борьба, угнетение, климатические условия («на севере люди добрее, чем на юге»), смешение народов».

Через полгода газета «Беларусь сегодня» рассказала об аналогичном исследовании среди беларусов. 14 июля 2004 года Виолетта Дралюк в статье «Что беларусу хорошо, то и японцу неплохо» рассказала о том, что ученые из Гомельского государственного технического университета им. П.О.Сухого «вот уже несколько лет упорно исследуют загадку беларуского менталитета»:

«Особые природные условия, тесные взаимоотношения с соседями, мирное сосуществование разных христианских конфессий и религий, военные походы через беларускую землю, «прививки» восточных культур — вот что сформировало ментальные особенности беларуса, считают гомельские ученые. Например, под влиянием балтов появилась у нас сдержанность, выносливость, настороженность и скрытность. Зато нет у беларусов легкомысленности и бахвальства, присущего «шляхетным» полякам. Лишены беларусы и раскованности, открытой и порой грубой простоты, столь свойственной русским. Евреям беларусы уступают в находчивости, настойчивости, умении приспосабливаться к жизненным обстоятельствам.

По мере нарастания освободительного движения развернулась борьба между либералами и радикалами за руководящую роль в нем. Сначала инициатива принадлежала радикальной молодежи во главе с Калиновским, чьим идеалом являлась крестьянская республика. Поэтому свои главные надежды они возлагали не на иностранную помощь, а на крестьянское восстание, которое готовили изо всех сил. Сторонники Калиновского верили, что крестьянское восстание в Беларуси послужит примером для русского крестьянства, оно тоже восстанет, и тогда царизму придет конец.

Либеральная польская и беларуская шляхта выступала против российского самодержавия, но не разделяла столь радикальных методов его свержения. Она достаточно обоснованно опасалась, что крестьянский бунт заодно с царизмом сметет и ее. Не нравился ей и беларуский сепаратизм, усилившийся параллельно с недовольством тем, как руководило восстанием Временное правительство. Варшавские либералы быстро договорились с виленскими либералами. Между тем, в конце февраля главные посты в Национальном комитете в Варшаве перешли к «белым». За спиной радикалов они создали новое правительство для Беларуси — Отдел временного правительства для руководства провинциями Литвы. Его возглавил Якуб Гейштор. Литовский провинциальный комитет был распущен, его постановления отменены.

Калиновский признал смену власти и принял от Гейштора должность комиссара Гродненской губернии. Он и его сторонники не

Нападение крестьян-косинёров на царскую пехоту

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

Показательно изобилие этнических русских, поляков, евреев, украинцев, татар, ставших беларускими деятелями культуры в первые десятилетия советской власти (З. Азгур, З. Аксельрод, А. Александрович, А. Бембель, Зм. Бядуля, М. Блистинов, Я. Бронштейн, В. Головчин, И. Замотин, Г. Кобец, Я. Мавр (И. Федоров), Е. Мирович, Н. Никольский, А. Овечкин, В. Пичета и др.)...

Интересно в этом контексте и отсутствие антисемитизма во всех слоях беларуского социума. Начиная со времен Великого Княжества Литовского, когда беларусы и евреи впервые зажили бок о бок, обмениваясь не только товарами, но и гуманитарными достижениями (известно, что первый перевод нескольких религиозных текстов на старобелорусский язык принадлежит виленским евреям), напряженности между этими двумя народами практически не было, что доказала Вторая мировая война.

И по сей день израильское посольство в Минске ежегодно чествует вновь обнаруженных «нееврейских праведников», не предполагавших, что они праведники, — людей, прятавших по погребам и чердакам своих домов знакомых и незнакомых евреев. Разумеется, в советскую эпоху существовал государственный антисемитизм, и он накладывал отпечаток на повседневное, бытовое поведение, однако уже в первые годы перестройки антисемитизм как явление испарился практически без следа.

Характерно для беларусов и непредвзятое отношение к «лицам кавказской», «азиатской» и прочих несуществующих национальностей. Более того, само миролюбие и нежелание беларусов входить в конфликт, а также знаменитая беларуская толерантность по отношению к иным народам и конфессиям, понимаемые как экзистенциальные этнические ценности (так называемые «фокальные» или «доминантные»), привели к тому, что национальная идея беларусов имеет «посреднический» характер. Та роль, в которой, по мнению Вл. Соловьева, должно было реализоваться мессианское предназначение России — быть посредницей между народами — в силу политических и общих социокультурных событий была принята беларусами практически внерефлективно».

Интересно сравнить современные научные исследования национального характера русских и беларусов, которые независимо друг от друга проводились в России и Беларуси и освещались центральными изданиями.

«Российская газета» 29 ноября 2003 года в публикации Татьяны Смольяковой «Украинцы близки русским так же, как немцы» сообщила:

«Независимый исследовательский центр РОМИР по заказу Союза создателей социальной рекламы провел исследование «Национальное самосознание русского человека в современный период».

Посткоммунистическое наследие. Независимая Беларусь получила в наследство от прежней БССР колхозно-совхозную систему, которая за все 70 лет советской власти так и не сделала крестьян ни свободными, ни зажиточными. После распада СССР военная продукция, которую производило большинство беларуских промышленных предприятий, стала никому не нужна. А к переходу на «мирные рельсы», к тому же в условиях рынка, они абсолютно не были готовы.

Жителям Беларуси оставались неизвестными многочисленные зарубежные достижения в области гуманитарных наук. Глаза людям заслонял марксизм-ленинизм, безосновательность и утопизм которого сегодня очевидны. Широко пропагандировавшаяся доступность высшего и среднего специального образования на деле оборачивалась русификацией и приобретением знаний, не ценившихся в обществе, не воспринимавшихся всерьёз на международном уровне.

Коммунистический период нашей истории — это время неиспользованных возможностей.

Послевоенный период в Беларуси примечателен тем, что идея независимого государства исчезла из массового сознания, беларуский язык вышел из массового употребления, а беларуская школа стала чуждой повседневной жизни людей. Большинству жителей страны «беларуская идея» (идея государственной независимости, приоритета национальной культуры и родного языка) казалась чем-то очень далеким от них и даже странным. Свой подлинный смысл она сохранила только в узком круге беларуских интеллектуалов. Представители коммунистических властей республики, несмотря на то, что сами являлись этническими беларусами, не шли дальше признания этнографической специфики беларусов как части единого советского народа.

Нация утратила свое естественное духовное наполнение (язык, религию, традиции, образцы культуры, историческую память). После 1930 года она потеряла почти все, что приобрела упорным трудом многих поколений за предыдущие столетия. В результате духовного геноцида коммунистов сформировалась беларуская эрзац-нация, то есть нация без национальной духовности, без национальных традиций, без своего языка. Ее внешней оболочкой являлся факт существования беларуской земли, беларуского этноса и отдельной республики — БССР. И это было то немногое, что спасало беларусов от полной и окончательной денационализации.

Но в 1991 году беларусы обрели независимость. С этого времени для нас начался принципиально новый период истории. Мы — нация древняя и в то же время очень молодая. Мы в самом начале пути...

Ликвидация крепостного права. После смерти Николая I его сын Александр II (правил в 1855–1881 гг.) начал подготовку к упразднению крепостного права. Для первого опыта он выбрал беларуские губернии. Здешние помещики были более подготовлены к столь радикальным изменениям как экономически, так и морально. Пример Польши и Прусии, где крестьяне уже имели личную свободу, давал помещикам надежду на сносное будущее и без крепостничества.

Местные помещики соглашались на освобождение крестьян без земли, что превратило бы землю в товар, а бывших крепостных — большей частью в батраков, меньшей — в фермеров (если кто-то из них нашел бы средства выкупить землю). Для крестьян же это был наихудший вариант. Но царизм не пошел по такому пути, хотя вовсе не из сострадания крестьянству. Сыграл свою роль элементарный расчет. Из 23 миллионов «душ» крепостных в империи возникла бы мощная армия неимущих батраков, которая смела бы и дворянское землевладение, и правящую династию. Поэтому российских крепостных освобождали с землей в обязательном порядке. Землю, в свою очередь, требовалось обязательно выкупать.

Однако крепостная система довела крестьян до такого состояния (особенно в Беларуси), что без помощи государства (в виде займа) они не могли откупиться от помещиков. Кроме того, в России сохранялась сельская община (мир), основанная на круговой поруке. Из-за нее аграрная реформа проводилась очень медленно. В Беларуси же (за исключением Могилевской и части Витебской губернии) общину ликвидировали еще в XVI веке. Это обстоятельство тоже повлияло на решение начать отмену «крепости» с западных губерний.

Отмена крепостничества стала очень важным шагом русской деревни на пути к рыночным отношениям, но оказалась недостаточной для Беларуси. Более высокий уровень развития товарно-денежных отношений требовал здесь и более радикальных перемен. Традиционное подворное землепользование делало беларуских крестьян вполне самостоятельными хозяевами. Поэтому они считали крайней несправедливостью выкуп земли, которой неизменно пользовались на протяжении столетий. По реформе крестьяне получили недостаточные наделы, которыми к тому же нельзя было распоряжаться до уплаты выкупа. Это делало деревню экономически зависимой как от помещиков, так и от государства, кредитовавшего выкупные операции.

В поисках «настоящей воли». Ознакомление с условиями реформы вызвало глубокое разочарование крестьян. Среди них повсеместно распространился фантастический слух, будто бы царь издал указ о «настоящей воле», но «паны» прячут его. Весной 1861 года беларуские крестьяне повсеместно отказывались работать в имениях. Столь мощный протест наблюдался еще только в Литве и Поволжье, так

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

В 1837 году царь Николай I своим указом подчинил Греко-униатскую коллегию департаменту иностранных вероисповеданий Святейшего Синода.

В 1831–37 гг. один за другим умерли пять униатских епископов (А. Головня, И. Жарский, И. Матусевич, К. Сератинский, Л. Яворовский) — противники слияния с РПЦ. А в начале февраля 1838 года умер глава униатов, митрополит Иосафат Булгак, более всех других сопротивлявшийся «воссоединению» (ходили упорные слухи о том, что его отравили).

После этого у Семашко освободились руки. Он потребовал от всех священников дать подписку о согласии на объединение с РПЦ. Правда, такую подписку дали только 186 человек. Большинство воздержалось, а самые смелые пытались бороться. Но отдельные протесты ничего не могли изменить. Секретный комитет по униатским делам, созданный в Петербурге в 1835 году, уже готовил полное уничтожение униатской церкви.

В него вошли 10 человек: от РПЦ — митрополит Московский Филарет, митрополит Новгородский Серафим, архиепископ Тверской Григорий; от правительства — министр внутренних дел Блудов, обер-прокурор синода Нечаев, статс-секретарь Танеев, действительный тайный советник Голицын, генерал граф Толстой; от униатской церкви — епископ Иосиф Семашко и митрополит Иосафат Булгак. Уже по составу комитета можно судить о том, сколь большое значение придавали власти проблеме ликвидации униатства. Из всех его членов только И. Булгак являлся противником этого плана, но после его смерти, наступившей 25 февраля 1838 года, исчезло и это последнее препятствие.

Из секретного письма министра внутренних дел Блудова от 29 мая 1835 года, направленного Семашко, ясно следует, что главной функцией данного комитета являлась вовсе не «защита» униатов от польско-римского влияния, а полная интеграция их в православие.

Разумеется, польское католическое духовенство, помещики и чиновники католического вероисповедания в Беларуси и Украине видели, к чему ведут дело правительство и Синод. Опасаясь полной утраты своего влияния на несколько миллионов беларусов и украинцев, они стали открыто высказывать недовольство политикой Петербурга в отношении униатской церкви. Более половины помещиков-католиков находилось в оппозиции к официальному курсу по этому вопросу. После 1832 года значительное распространение получили действия ксендзов и помещиков, направленные на то, чтобы удержать униатов в их вере, а тех, кто уже перешел в православие, обратить в католичество.

ским этнос, а его фактическую несхожесть с русским народом они объявляли результатом «полонизации». На самом же деле беларусы в своем этническом содержании похожи не столько на поляков, сколько на лужицких сербов, на других славян и балтов Полабья и Поморья.

2. Разное происхождение: генетика и антропология

Главная проблема для русских идеологов состоит в том, что они — вопреки научным данным — отождествляют себя со «славянами». Это заблуждение вбито в их головы с раннего детства благодаря псевдоисторическим рассказам о том, «как жили наши далекие предки». Например, в совершенно фантастическом мультике о каком-то Ратиборе, якобы жившем в VI веке, голос за кадром вещает, что «наши предки тогда назывались россичами или русичами»*.

Так вот, «россичи» — это термин XIX века, а вместо слова «русич» (тоже термин XIX века) в средние века бытовал термин «русины». Так себя именовали украинцы (и жители юго-восточных районов Беларуси), тогда как предки нынешних россиян даже во времена царя Петра I называли себя московитами. Что же касается VI века, то славян в то время на территории нынешней России вообще не было.

Историческая наука давно установила, что коренное население Московии — финские племена — закончило процесс своей славянизации к XVI–XVII векам, а население Поволжья — лишь к концу XIX — началу XX веков. То есть там, где, согласно современным российским мифам, уже в VI веке «жили славяне».

Где же следы их пребывания? Все исторические топонимы Московии — не славянские, а финские: Москва, Калуга, Муром, Рязань (Эрзя), Суздаль, Тула и т.д. Но эти финские топонимы большинство россиян по незнанию истории считают «славянскими». И точно так же (как «славянские») они воспринимают тысячи татарских фамилий типа Карамзина, Кутузова, Сумбулова или Сумарокова (прозвища татарских мурз, перешедших на службу Москве).

А действительно славянскую фамилию Скорина считают «нерусской» и «неславянской». Например, известный в России историк и публицист Мурад Аджи пишет, что «эта фамилия чужда и инородна русскому уху». Оно и понятно: поскольку Аджи себя — чистокровного тюрка — записал в «исконно русского», такому «русскому» действительно чужда старославянская лексика. Он и ему подобные знать не знают, что фамилия Скорина происходит от слова «скор-

* То же самое утверждает современный российский писатель Валентин Иванов в своем романе «Русь изначальная» (1982 год). Книга талантливая в художественном отношении, но в плане истории представляет собой ненаучную фантастику.

кевич. В состав комитета вошли почти все известные беларуские политические деятели Западной Беларуси.

БЦИК избрал тактику единого блока беларусов с евреями, украинцами и немцами. Он требовал автономии края с центром в Вильне, а также защиты культурных и социальных прав беларусов и других меньшинств. Программа получила поддержку населения и обеспечила успех на выборах. Послами (депутатами) сейма от БЦИК стали 11 человек, в том числе Павел Волошин, Петр Метла, Антон Неканда-Трепко, Радослав Островский, Симон Рак-Михайловский, Адам Станкевич, Бронислав Тарашкевич, Фабиан Яремич.

Сенаторами были избраны Александр Власов, преподаватель православной духовной семинарии в Вильне Вячеслав Богданович и кооператор Александр Назаревский. Антон Луцкевич свою кандидатуру не выставил.

Депутаты обеих палат основали парламентскую фракцию (беларуский посольский клуб) во главе с Тарашкевичем. В январе 1923 года она внесла в парламент проект закона о культурной автономии для беларусов. Однако за целый год работы беларуским депутатам и сенаторам не удалося добиться от польского правительства ни одной уступки.

Национальное угнетение. Конституция 1921 года лишь формально гарантировала права национальных меньшинств. Польские власти, как и русский царизм, относили всех католиков к числу поляков.

В 1921 году православные епископы Юрий Ярославский и Дионисий Веледынский получили от московского патриарха Тихона согласие на автокефалию православной церкви в Польше. Польское же правительство дало согласие на это спустя четыре года — 17 сентября 1925 года. Богослужение в церквях поначалу велось только на русском языке, но в 30-е годы в ряде случаев уже на польском. С 1921 до 1924 года число православных церквей в Западной Беларуси сократилось с 500 до 195, беларуских школ — с 400 до 20, беларуских кооперативов — с 40 до двух.

Бронислав Тарашкевич (1892–1938), языковед, видный деятель национального движения в Западной Беларуси

Беларуская молодежь практически не имела доступа в высшие учебные учреждения. Это вынуждало ее ехать на учебу в Чехию или даже в советскую Беларусь, которые давали стипендии.

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

своих страницах специальную рубрику, названную аналогично статье — «Шанаваць родную мову». Выдержки из некоторых писем уместно здесь привести. Так, студент 5-го курса филологического факультета БГУ В. Чемерецкий пишет:

Писатель Борис Саченко (1936–1995)

«Добрых 90 процентов учебников и произведений художественной литературы, которые студент должен прочесть за пять лет учебы, изданы на русском языке... На иных лекциях испытываешь чувство стыда за преподавателей, столько в их речи небеларуских выражений, небеларуских слов. Какой-то русско-беларуский диалект! Наши выпускники говорят правду, сетуя, что университет им ничего не дал в плане практического владения беларуским языком, напротив, они больше забыли, чем приобрели. А ведь точно так же обстоит дело с беларуским языком и в других вузах республики»*.

Автор письма, продолжая мысль Саченко, делает следующий вывод:

«Только тогда, когда мы услышим живую беларускую речь из уст преподавателя, из уст продавца магазина, секретарши, инженера, директора завода, министра, когда все деловые бумаги, научные диссертации, протоколы судебных заседаний мы увидим написанными по-беларуски– только тогда беларуский язык займет надлежащее место в нашей жизни».

А вот что пишет учитель Валейковскай школы Сморгонского района:

«Б. Саченко справедливо отмечает, что в наших высших учебных заведениях трудно услышать родное слово. Даже в университете, о котором обычно говорится, что он– кузница национальных кадров. Я в прошлом году окончил беларуское отделение филфака БГУ, но лекции на родном языке читались только по курсу изучения беларуского языка и литературы. Как бы я порадовался за тех, кто учится сегодня, если бы и все остальные дисциплины стали преподаваться на родном языке!»**.

Не менее красноречивы замечания студента Минского архитектурно-строительного техникума В. Голуба, в которых содержатся ценные фактические данные:

---

* «ЛіМ», № 3 от 8.01.1958.

** Там же

«Наш родной язык— беларуский. Но как это ни странно, он занимает совсем незначительное место в культурной жизни. В Минске работают ныне 58 средних школ, из них лишь 9 — беларуские. Да если бы в одном Минске было такое положение! То же самое наблюдается в Гомеле, Бресте, Могилеве и других городах»*.

Упомянув конкретные примеры дискриминации беларуского языка в системе школьного образования, Голуб приводит факты такой же дискриминации и в других областях культуры:

«Не к лицу студии «Беларусьфильм» выпускать картины, в которых нет беларуской речи, стыдно за Академию Наук, что такие книги, как «История БССР», «История Минска», «Белорусское искусство» лишь незначительной частью тиража изданы на беларуском языке, а некоторые издания вышли только на русском»**.

Вторит авторам этих писем и преподаватель беларуского языка Майской школы-семилетки Крупского района К. Санько:

«В нашем районе насчитывается 79 школ с беларуским языком обучения, в них работает большая армия учителей с высшим и средним образованием, подавляющее большинство ведут уроки по-русски, за исключением уроков беларуского языка. Я целиком согласен с Б. Саченко, что беларуский язык должен войти в повседневный быт всех слоев населения»***...

Газета «Літаратура і Мастацтва» далее приводит такой характерный пример:

«Учитель В. Василец /Погостская средняя школа Старобинского района/ пишет, что в школьной библиотеке из программных произведений беларуской литературы имеется только один экземпляр книги К. Чорного, две книги К. Крапивы и три экземпляра трилогии Я. Колоса «На ростанях», причем в русском переводе. Такое положение не только в библиотеке Погостской школы, но и во многих других школьных библиотеках».

...Все эти публикации «ЛіМа» не могли не вызвать определенный отклик «верхов». В номере от 26 февраля 1958 года газета опубликовала следующую информацию:

«Недавно министр просвещения БССР тов. Ильюшин обратился в нашу редакцию с письмом, в котором пишет, что «изучению родного языка в школах и педагогических учебных заведениях уделяется огромное внимание. Для начальной и средней школы, средних и высших учебных заведений педагогического профиля Министерством просвещения БССР разработаны соответствующие програм-

---

* «ЛіМ», № 3 от 8.01.1958.

** Там же.

*** «ЛіМ», № 17 от 26.02.1958.

няк» (мастер выделки кож), и что эта фамилия была в старину одной из распространенных среди славян.

Зато «исконно русским и славянским» стали считать в современной России финский «окающий» акцент: им наделяют в фильмах героев «Древней Руси», его эксплуатируют популярные комики — «русские бабки». Никого не смущает тот факт, что ближайшие родственники русских — финны Финляндии — точно так окают, когда говорят по-русски или по-немецки.

Такое же смешение понятий произошло в вопросе антропологической идентичности. Поскольку финны внешне похожи на индоевропейцев, нетрудно придти к выводу, что именно так должны выглядеть славяне. Вот характерный пример: в повести «Кто стреляет последним» (1976 г.) российский писатель Николай Наумов пишет, как некий гауптман Отто, рассматривая пленного снайпера, родом из Рязани (то есть, из этноса эрзя), констатирует: «типичный славянин — круглое лицо, короткий широкий нос». Но это описание финна, а не славянина. Среди беларусов и поляков таких лиц нет.

Российские археологи нашли массу вещественных доказательств того, что до IX века на территории современной России вообще не было славян. Важнейшую роль в этом открытии сыграли раскопки в Новгороде, которые ведутся уже нескольких десятилетий. Было установлено (специально подчеркиваю — достоверно установлено учеными), что славяне, древнерусский язык и Рюрик появились в Новгороде одновременно! Более того, сам Новгород основали в середине IX века именно эти славяне-колонисты из Полабской Руси (т.е., с территории нынешней Германии).

Никаких «исконных» славян до Рюрика не было. Этот факт вызвал шок, хотя подозрения на сей счет существовали и раньше. Так, Л.В. Алексеев в книге «Полоцкая земля» еще в 1966 году писал:

> «Современные данные археологии и топонимики показывают, что в эпоху раннего железа Восточную Европу населяло три крупных группы племен. Первая, ирано-язычная, занимала Крымский полуостров, Кубань, Нижний Дон, Нижний Днепр и доходила на севере до водораздела Сейма, Десны и Оки...
>
> Вторая, финно-язычная группа, охватывала все Верхнее Поволжье, бассейн Средней и Нижней Оки, на западе доходила до озера Эзель и оставила так называемую Дьяковскую культуру.
>
> Третья, балто-язычная, охватывала все Верхнее Поднепровье (включая Киев, правобережье Сейма, верхнюю Оку) и уходила на запад в Прибалтику».

Обратите внимание: иранцы, финны и балты. Никаких славян!

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

Ликвидация крепостного права. После смерти Николая I его сын Александр II (правил в 1855–1881 гг.) начал подготовку к упразднению крепостного права. Для первого опыта он выбрал беларуские губернии. Здешние помещики были более подготовлены к столь радикальным изменениям как экономически, так и морально. Пример Польши и Прусии, где крестьяне уже имели личную свободу, давал помещикам надежду на сносное будущее и без крепостничества.

Местные помещики соглашались на освобождение крестьян без земли, что превратило бы землю в товар, а бывших крепостных — большей частью в батраков, меньшей — в фермеров (если кто-то из них нашел бы средства выкупить землю). Для крестьян же это был наихудший вариант. Но царизм не пошел по такому пути, хотя вовсе не из сострадания крестьянству. Сыграл свою роль элементарный расчет. Из 23 миллионов «душ» крепостных в империи возникла бы мощная армия неимущих батраков, которая смела бы и дворянское землевладение, и правящую династию. Поэтому российских крепостных освобождали с землей в обязательном порядке. Землю, в свою очередь, требовалось обязательно выкупать.

Однако крепостная система довела крестьян до такого состояния (особенно в Беларуси), что без помощи государства (в виде займа) они не могли откупиться от помещиков. Кроме того, в России сохранялась сельская община (мир), основанная на круговой поруке. Из-за нее аграрная реформа проводилась очень медленно. В Беларуси же (за исключением Могилевской и части Витебской губернии) общину ликвидировали еще в XVI веке. Это обстоятельство тоже повлияло на решение начать отмену «крепости» с западных губерний.

Отмена крепостничества стала очень важным шагом русской деревни на пути к рыночным отношениям, но оказалась недостаточной для Беларуси. Более высокий уровень развития товарно-денежных отношений требовал здесь и более радикальных перемен. Традиционное подворное землепользование делало беларуских крестьян вполне самостоятельными хозяевами. Поэтому они считали крайней несправедливостью выкуп земли, которой неизменно пользовались на протяжении столетий. По реформе крестьяне получили недостаточные наделы, которыми к тому же нельзя было распоряжаться до уплаты выкупа. Это делало деревню экономически зависимой как от помещиков, так и от государства, кредитовавшего выкупные операции.

В поисках «настоящей воли». Ознакомление с условиями реформы вызвало глубокое разочарование крестьян. Среди них повсеместно распространился фантастический слух, будто бы царь издал указ о «настоящей воле», но «паны» прячут его. Весной 1861 года беларуские крестьяне повсеместно отказывались работать в имениях. Столь мощный протест наблюдался еще только в Литве и Поволжье, так

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

«Наш родной язык — беларуский. Но как это ни странно, он занимает совсем незначительное место в культурной жизни. В Минске работают ныне 58 средних школ, из них лишь 9 — беларуские. Да если бы в одном Минске было такое положение! То же самое наблюдается в Гомеле, Бресте, Могилеве и других городах»*.

Упомянув конкретные примеры дискриминации беларуского языка в системе школьного образования, Голуб приводит факты такой же дискриминации и в других областях культуры:

«Не к лицу студии «Беларусьфильм» выпускать картины, в которых нет беларуской речи, стыдно за Академию Наук, что такие книги, как «История БССР», «История Минска», «Белорусское искусство» лишь незначительной частью тиража изданы на беларуском языке, а некоторые издания вышли только на русском»**.

Вторит авторам этих писем и преподаватель беларуского языка Майской школы-семилетки Крупского района К. Санько:

«В нашем районе насчитывается 79 школ с беларуским языком обучения, в них работает большая армия учителей с высшим и средним образованием, подавляющее большинство ведут уроки по-русски, за исключением уроков беларуского языка. Я целиком согласен с Б. Саченко, что беларуский язык должен войти в повседневный быт всех слоев населения»***...

Газета «Літаратура і Мастацтва» далее приводит такой характерный пример:

«Учитель В. Василец /Погостская средняя школа Старобинского района/ пишет, что в школьной библиотеке из программных произведений беларуской литературы имеется только один экземпляр книги К. Чорного, две книги К. Крапивы и три экземпляра трилогии Я. Колоса «На ростанях», причем в русском переводе. Такое положение не только в библиотеке Погостской школы, но и во многих других школьных библиотеках».

...Все эти публикации «ЛіМа» не могли не вызвать определенный отклик «верхов». В номере от 26 февраля 1958 года газета опубликовала следующую информацию:

«Недавно министр просвещения БССР тов. Ильюшин обратился в нашу редакцию с письмом, в котором пишет, что «изучению родного языка в школах и педагогических учебных заведениях уделяется огромное внимание. Для начальной и средней школы, средних и высших учебных заведений педагогического профиля Министерством просвещения БССР разработаны соответствующие програм-

* «ЛіМ», № 3 от 8.01.1958.

** Там же.

*** «ЛіМ», № 17 от 26.02.1958.

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

ским этнос, а его фактическую несхожесть с русским народом они объявляли результатом «полонизации». На самом же деле беларусы в своем этническом содержании похожи не столько на поляков, сколько на лужицких сербов, на других славян и балтов Полабья и Поморья.

2. Разное происхождение: генетика и антропология

Главная проблема для русских идеологов состоит в том, что они — вопреки научным данным — отождествляют себя со «славянами». Это заблуждение вбито в их головы с раннего детства благодаря псевдоисторическим рассказам о том, «как жили наши далекие предки». Например, в совершенно фантастическом мультике о каком-то Ратиборе, якобы жившем в VI веке, голос за кадром вещает, что «наши предки тогда назывались россичами или русичами»*.

Так вот, «россичи» — это термин XIX века, а вместо слова «русич» (тоже термин XIX века) в средние века бытовал термин «русины». Так себя именовали украинцы (и жители юго-восточных районов Беларуси), тогда как предки нынешних россиян даже во времена царя Петра I называли себя московитами. Что же касается VI века, то славян в то время на территории нынешней России вообще не было.

Историческая наука давно установила, что коренное население Московии — финские племена — закончило процесс своей славянизации к XVI–XVII векам, а население Поволжья — лишь к концу XIX — началу XX веков. То есть там, где, согласно современным российским мифам, уже в VI веке «жили славяне».

Где же следы их пребывания? Все исторические топонимы Московии — не славянские, а финские: Москва, Калуга, Муром, Рязань (Эрзя), Суздаль, Тула и т.д. Но эти финские топонимы большинство россиян по незнанию истории считают «славянскими». И точно так же (как «славянские») они воспринимают тысячи татарских фамилий типа Карамзина, Кутузова, Сумбулова или Сумарокова (прозвища татарских мурз, перешедших на службу Москве).

А действительно славянскую фамилию Скорина считают «нерусской» и «неславянской». Например, известный в России историк и публицист Мурад Аджи пишет, что «эта фамилия чужда и инородна русскому уху». Оно и понятно: поскольку Аджи себя — чистокровного тюрка — записал в «исконно русского», такому «русскому» действительно чужда старославянская лексика. Он и ему подобные знать не знают, что фамилия Скорина происходит от слова «скор-

* То же самое утверждает современный российский писатель Валентин Иванов в своем романе «Русь изначальная» (1982 год). Книга талантливая в художественном отношении, но в плане истории представляет собой ненаучную фантастику.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефолий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефолий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 голах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

---

* Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — *Прим. Ред.*

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2–3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700–1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

> «А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Лане и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

> «Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

ре оба издательства власти объединили в Беларуское государственное издательство (БелГИЗ) во главе с Д. Жилуновичем.

После этого издательская деятельность в БССР полностью оказалась под контролем партийных органов. Они следили за тем, чтобы кроме беларуских изданий выходила литература на языках всех наций, живших в Беларуси. В 1927 году из 11 республиканских газет 4 выходили на русском языке, 3 — на беларуском, по 2 на еврейском и польском. Все окружные газеты были русскоязычные. Из 11 журналов 4 выходили на беларуском языке, 3 на русском, 2 на русском и беларуском, 2 на идиш. Эти цифры свидетельствуют, что беларуская пресса находилась в ущемленном положении.

Образование. Больших успехов удалось достичь в беларусизации школы, несмотря на то, что русифицированная часть учительства относилась к переводу обучения на беларуский язык без малейшего энтузиазма. В 1922 году беларускоязычными были только около четверти школ, зато в 1928 году — до 80%. Вместе с тем открывались русские, еврейские, польские, украинские и литовские школы. Развернулось массовое движение за ликвидацию неграмотности.

В 1921 году в Минске открылся Беларуский государственный университет (БГУ), а через год — институт сельского и лесного хозяйства. В 1925 году его присоединили к Горецкому сельхозинституту, создав Академию сельского хозяйства. Годом раньше начал работать Витебский ветеринарный институт. Но беларуский язык был слабо представлен в ВУЗах. По-беларуски преподавали только отдельные предметы. Большевистское руководство заставляло студентов (как и военнослужащих, как чиновников) изучать беларуский язык, но не требовало пользоваться им. Кафедры беларусоведения при ВУЗах так и не создали. В 1924 году большевики произвели «чистку» студентов и преподавателей от «классово чуждых элементов».

Инбелкульт. Наркомат просвещения во главе с Игнатовским многое сделал для развертывания беларуской научно-просветительской деятельности, которая часто выходила за рамки официальной политики беларусизации. В 1921 году по его инициативе были созданы Государственная и Университетская библиотеки, Государственный музей, Центральный архив. А в 1922 году Наркомат просвещения выделил из своего состава Институт беларуской культуры (Инбелкульт) — первое официальное учреждение беларуской науки.

Для реорганизации Инбелкульта в Академию Наук большевикам потребовались 6 лет (1922–28). Такое учреждение, как Инбелкульт, не существовало более нигде. Оно возникло по инициативе беларуской интеллигенции, уставшей ждать разрешения Москвы на создание своей Академии. Положение о статусе Инбелкульта было утверждено лишь 25 июля 1924 года, после того как руководство республики взяло курс на беларусизацию и началось «укрупнение»

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

В 1837 году царь Николай I своим указом подчинил Греко-униатскую коллегию департаменту иностранных вероисповеданий Святейшего Синода.

В 1831–37 гг. один за другим умерли пять униатских епископов (А. Головня, И. Жарский, И. Матусевич, К. Сератинский, Л. Яворовский) — противники слияния с РПЦ. А в начале февраля 1838 года умер глава униатов, митрополит Иосафат Булгак, более всех других сопротивлявшийся «воссоединению» (ходили упорные слухи о том, что его отравили).

После этого у Семашко освободились руки. Он потребовал от всех священников дать подписку о согласии на объединение с РПЦ. Правда, такую подписку дали только 186 человек. Большинство воздержалось, а самые смелые пытались бороться. Но отдельные протесты ничего не могли изменить. Секретный комитет по униатским делам, созданный в Петербурге в 1835 году, уже готовил полное уничтожение униатской церкви.

В него вошли 10 человек: от РПЦ — митрополит Московский Филарет, митрополит Новгородский Серафим, архиепископ Тверской Григорий; от правительства — министр внутренних дел Блудов, обер-прокурор синода Нечаев, статс-секретарь Танеев, действительный тайный советник Голицын, генерал граф Толстой; от униатской церкви — епископ Иосиф Семашко и митрополит Иосафат Булгак. Уже по составу комитета можно судить о том, сколь большое значение придавали власти проблеме ликвидации униатства. Из всех его членов только И. Булгак являлся противником этого плана, но после его смерти, наступившей 25 февраля 1838 года, исчезло и это последнее препятствие.

Из секретного письма министра внутренних дел Блудова от 29 мая 1835 года, направленного Семашко, ясно следует, что главной функцией данного комитета являлась вовсе не «защита» униатов от польско-римского влияния, а полная интеграция их в православие.

Разумеется, польское католическое духовенство, помещики и чиновники католического вероисповедания в Беларуси и Украине видели, к чему ведут дело правительство и Синод. Опасаясь полной утраты своего влияния на несколько миллионов беларусов и украинцев, они стали открыто высказывать недовольство политикой Петербурга в отношении униатской церкви. Более половины помещиков-католиков находилось в оппозиции к официальному курсу по этому вопросу. После 1832 года значительное распространение получили действия ксендзов и помещиков, направленные на то, чтобы удержать униатов в их вере, а тех, кто уже перешел в православие, обратить в католичество.

риканцам /и русским — *В.Д.*/ более присуща ориентация на современность и будущее».

«Поскольку жизнь беларусов всегда сильно зависела от природных явлений, от времен года или природно-сезонных циклов, им был свойствен так называемый «календарный модус» мышления... Существовало детальное распределение дней на благоприятные и неблагоприятные, тяжелые для работы, на постные и скоромные, счастливые и несчастливые, женские и мужские, наконец, на будние и праздничные дни. Так, во многих местах Беларуси благоприятными днями традиционно считались вторник и четверг, а неблагоприятными — понедельник и пятница... Мужскими днями обычно считали понедельник, вторник и четверг, а женскими — среду, пятницу, субботу и воскресенье...

Религиозность беларусов никогда не достигала степени фанатизма, не носила характера слепой всепоглощающей веры в Божью справедливость и всемогущество».

«В прошлом у беларусов сформировался уникальный менталитет, который в некоторых чертах сохранялся почти неизменным весь период исторического развития беларуского народа. Лишь в последние два — три столетия ментальность беларусов подверглась некоторым заметным изменениям... В XVII—XIX веках она была в определенной степени деформирована под влиянием неуклонного усиления процесса ассимиляции, денационализации (сначала в виде полонизации, а затем русификации). Правда, в те времена фактически только привилегированные слои общества воспринимали польский или русский способ мышления. Самое многочисленное социальное сообщество — беларуское крестьянство — все же смогло тогда сохранить свою традиционную национальную ментальность».

В психологии существует такое понятие, как акцентуация характера, означающее доминирование в его структуре каких-то отдельных черт. Психологи выделяют не менее 12 типов акцентуаций. Вот что пишет в этой связи Э. Дубенецкий:

«У беларусов сложились преимущественно дистимный и конформный типы характера, которые определяются недостаточной инициативностью, пассивностью, склонностью к депрессии, консерватизмом, чрезмерной зависимостью от воли и мыслей «вышестоящих», официальных авторитетов, определенным «комплексом неполноценности...

Поскольку любой национальный характер представляет собой совокупность различных (нередко прямо противоположных) психологических качеств, то с некоторой долей условности можно все черты беларусов разделить на две основные группы — «положительные» и «отрицательные»...

К первой группе относятся их толерантность (терпимость), сговорчивость, добродушие, благожелательность, гостеприимство, вы-

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Были опрошены 1500 человек в разных точках страны. Кроме того, проведены дискуссии в различных возрастных группах, где люди могли не просто ответить на вопросы, но и объяснить свою позицию.

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, пьянство, лень, сострадание, самопожертвование — вот, судя по ответам, главные составляющие русского характера. Но не единственные. Многие респонденты сказали, что русским свойственны доброта, гостеприимство, оптимизм, простота (раскованность), приветливость, находчивость, живучесть, халявность, русский «авось», уживчивость, безответственность, смелость, щедрость, любовь к Родине.

В дискуссиях добавляли и такие характеристики: «Мы часто ругаемся, но и часто миримся»; «Русские всегда чего-то ждут, пока все само собой сделается»; «На сегодняшний день воровство — это национальная черта». Всё, как во времена Карамзина. Таков русский человек — един во многих лицах, прямая противоположность самому себе.

Причины, истоки русского менталитета, молодое поколение (до 34 лет) видит в том, что русские всегда имели сильного правителя, что Россия — фильтр между Европой и Азией, и что она изначально была несвободной страной. С другой стороны, на нашем характере сказались большие просторы и природные богатства. Старшие тоже согласны: «Огромная территория, избыток природных богатств привели к широте души». Но они видят и другие корни нашего менталитета: постоянная борьба, угнетение, климатические условия («на севере люди добрее, чем на юге»), смешение народов».

Через полгода газета «Беларусь сегодня» рассказала об аналогичном исследовании среди беларусов. 14 июля 2004 года Виолетта Дралюк в статье «Что беларусу хорошо, то и японцу неплохо» рассказала о том, что ученые из Гомельского государственного технического университета им. П.О.Сухого «вот уже несколько лет упорно исследуют загадку беларуского менталитета»:

«Особые природные условия, тесные взаимоотношения с соседями, мирное сосуществование разных христианских конфессий и религий, военные походы через беларускую землю, «прививки» восточных культур — вот что сформировало ментальные особенности беларуса, считают гомельские ученые. Например, под влиянием балтов появилась у нас сдержанность, выносливость, настороженность и скрытность. Зато нет у беларусов легкомысленности и бахвальства, присущего «шляхетным» полякам. Лишены беларусы и раскованности, открытой и порой грубой простоты, столь свойственной русским. Евреям беларусы уступают в находчивости, настойчивости, умении приспосабливаться к жизненным обстоятельствам.

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

«А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Ланe и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

«Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

к народному языку России (как уже сказано, отнюдь не славянскому, а славяно-финскому койне, с большим тюркским влиянием) и древнему болгарскому (он же «церковно-славянский»).

В качестве третьего языка можно указать современный литературный русский язык, — искусственное кабинетное изобретение, своего рода «эсперанто» на основе двух указанных выше источников (на этом «эсперанто» написана данная статья, а вы ее читаете).

Почему нынешний русский язык больше похож на болгарский язык, чем на беларуский и украинский? (Хотя в одну языковую группу с русским относят почему-то именно их, а не болгарский и не сербский.) Это кажется странным, ведь Россия не граничит с Болгарией, но соседка с Беларусью и Украиной, в чьих исконных языках нет болгарского влияния, а если его иногда находят сегодня, то оно привнесено в более поздние времена русскими завоевателями.

В том-то и дело, что в Московии коренных славян никогда не было (кроме немногочисленных выходцев из Киевской земли в XII–XIV веках). Поэтому усвоение туземцами Московии славянского языка шло через религию, которая опиралась на болгарские тексты. Туземцы Владимира, Суздаля, Москвы, Костромы, Тулы, Рязани, Мурома, Вятки и прочих финских земель усваивали славянский язык через болгарский язык церковных книг. Именно потому небольшое славянское содержание «базы» русского языка (около 30–35% лексики) является общим болгарскому языку.

В Беларуси и Украине ситуация была иной: здесь местное население (балто-славянское в Беларуси, сармато-славянское в Украине) само выработало свои славянские говоры, которые не позволили внедряться болгарской лексике из православных книг.

Есть три факта, которые прячут все российские лингвисты, хотя шила в мешке все равно не утаить. Они таковы:

1) до начала XVIII века язык Московии никто в Европе не называл русским, а только московским, или московитским;

2) русским языком до той поры называли украинский язык;

3) московитский язык до XVIII века европейские лингвисты (в том числе из славянских стран) относили к финским говорам.

Конечно, сегодня все уже не так: власти Российской империи оказали огромное влияние на лингвистическую науку, поставив ей задачу придания московскому языку «славянского статуса». Реформа московского языка, осуществленная в XVIII веке Ф. Прокоповичем, М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым ставила целью именно усиление его слабых славянских черт. Однако даже через сто с лишним лет после Ломоносова, умершего в 1765 году, известный польский славист Ежи Лещинский заявлял:

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

риканцам /и русским — *В.Д.*/ более присуща ориентация на современность и будущее».

«Поскольку жизнь беларусов всегда сильно зависела от природных явлений, от времен года или природно-сезонных циклов, им был свойствен так называемый «календарный модус» мышления... Существовало детальное распределение дней на благоприятные и неблагоприятные, тяжелые для работы, на постные и скоромные, счастливые и несчастливые, женские и мужские, наконец, на будние и праздничные дни. Так, во многих местах Беларуси благоприятными днями традиционно считались вторник и четверг, а неблагоприятными — понедельник и пятница... Мужскими днями обычно считали понедельник, вторник и четверг, а женскими — среду, пятницу, субботу и воскресенье...

Религиозность беларусов никогда не достигала степени фанатизма, не носила характера слепой всепоглощающей веры в Божью справедливость и всемогущество».

«В прошлом у беларусов сформировался уникальный менталитет, который в некоторых чертах сохранялся почти неизменным весь период исторического развития беларуского народа. Лишь в последние два — три столетия ментальность беларусов подверглась некоторым заметным изменениям... В XVII—XIX веках она была в определенной степени деформирована под влиянием неуклонного усиления процесса ассимиляции, денационализации (сначала в виде полонизации, а затем русификации). Правда, в те времена фактически только привилегированные слои общества воспринимали польский или русский способ мышления. Самое многочисленное социальное сообщество — беларуское крестьянство — все же смогло тогда сохранить свою традиционную национальную ментальность».

В психологии существует такое понятие, как акцентуация характера, означающее доминирование в его структуре каких-то отдельных черт. Психологи выделяют не менее 12 типов акцентуаций. Вот что пишет в этой связи Э. Дубенецкий:

«У беларусов сложились преимущественно дистимный и конформный типы характера, которые определяются недостаточной инициативностью, пассивностью, склонностью к депрессии, консерватизмом, чрезмерной зависимостью от воли и мыслей «вышестоящих», официальных авторитетов, определенным «комплексом неполноценности...

Поскольку любой национальный характер представляет собой совокупность различных (нередко прямо противоположных) психологических качеств, то с некоторой долей условности можно все черты беларусов разделить на две основные группы — «положительные» и «отрицательные»...

К первой группе относятся их толерантность (терпимость), сговорчивость, добродушие, благожелательность, гостеприимство, вы-

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

ским этнос, а его фактическую несхожесть с русским народом они объявляли результатом «полонизации». На самом же деле беларусы в своем этническом содержании похожи не столько на поляков, сколько на лужицких сербов, на других славян и балтов Полабья и Поморья.

2. Разное происхождение: генетика и антропология

Главная проблема для русских идеологов состоит в том, что они — вопреки научным данным — отождествляют себя со «славянами». Это заблуждение вбито в их головы с раннего детства благодаря псевдоисторическим рассказам о том, «как жили наши далекие предки». Например, в совершенно фантастическом мультике о каком-то Ратиборе, якобы жившем в VI веке, голос за кадром вещает, что «наши предки тогда назывались россичами или русичами»*.

Так вот, «россичи» — это термин XIX века, а вместо слова «русич» (тоже термин XIX века) в средние века бытовал термин «русины». Так себя именовали украинцы (и жители юго-восточных районов Беларуси), тогда как предки нынешних россиян даже во времена царя Петра I называли себя московитами. Что же касается VI века, то славян в то время на территории нынешней России вообще не было.

Историческая наука давно установила, что коренное население Московии — финские племена — закончило процесс своей славянизации к XVI–XVII векам, а население Поволжья — лишь к концу XIX — началу XX веков. То есть там, где, согласно современным российским мифам, уже в VI веке «жили славяне».

Где же следы их пребывания? Все исторические топонимы Московии — не славянские, а финские: Москва, Калуга, Муром, Рязань (Эрзя), Суздаль, Тула и т.д. Но эти финские топонимы большинство россиян по незнанию истории считают «славянскими». И точно так же (как «славянские») они воспринимают тысячи татарских фамилий типа Карамзина, Кутузова, Сумбулова или Сумарокова (прозвища татарских мурз, перешедших на службу Москве).

А действительно славянскую фамилию Скорина считают «нерусской» и «неславянской». Например, известный в России историк и публицист Мурад Аджи пишет, что «эта фамилия чужда и инородна русскому уху». Оно и понятно: поскольку Аджи себя — чистокровного тюрка — записал в «исконно русского», такому «русскому» действительно чужда старославянская лексика. Он и ему подобные знать не знают, что фамилия Скорина происходит от слова «скор-

---

* То же самое утверждает современный российский писатель Валентин Иванов в своем романе «Русь изначальная» (1982 год). Книга талантливая в художественном отношении, но в плане истории представляет собой ненаучную фантастику.

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

риканцам /и русским — *В.Д.*/ более присуща ориентация на современность и будущее».

«Поскольку жизнь беларусов всегда сильно зависела от природных явлений, от времен года или природно-сезонных циклов, им был свойствен так называемый «календарный модус» мышления... Существовало детальное распределение дней на благоприятные и неблагоприятные, тяжелые для работы, на постные и скоромные, счастливые и несчастливые, женские и мужские, наконец, на будние и праздничные дни. Так, во многих местах Беларуси благоприятными днями традиционно считались вторник и четверг, а неблагоприятными — понедельник и пятница... Мужскими днями обычно считали понедельник, вторник и четверг, а женскими — среду, пятницу, субботу и воскресенье...

Религиозность беларусов никогда не достигала степени фанатизма, не носила характера слепой всепоглощающей веры в Божью справедливость и всемогущество».

«В прошлом у беларусов сформировался уникальный менталитет, который в некоторых чертах сохранялся почти неизменным весь период исторического развития беларуского народа. Лишь в последние два — три столетия ментальность беларусов подверглась некоторым заметным изменениям... В XVII—XIX веках она была в определенной степени деформирована под влиянием неуклонного усиления процесса ассимиляции, денационализации (сначала в виде полонизации, а затем русификации). Правда, в те времена фактически только привилегированные слои общества воспринимали польский или русский способ мышления. Самое многочисленное социальное сообщество — беларуское крестьянство — все же смогло тогда сохранить свою традиционную национальную ментальность».

В психологии существует такое понятие, как акцентуация характера, означающее доминирование в его структуре каких-то отдельных черт. Психологи выделяют не менее 12 типов акцентуаций. Вот что пишет в этой связи Э. Дубенецкий:

«У беларусов сложились преимущественно дистимный и конформный типы характера, которые определяются недостаточной инициативностью, пассивностью, склонностью к депрессии, консерватизмом, чрезмерной зависимостью от воли и мыслей «вышестоящих», официальных авторитетов, определенным «комплексом неполноценности...

Поскольку любой национальный характер представляет собой совокупность различных (нередко прямо противоположных) психологических качеств, то с некоторой долей условности можно все черты беларусов разделить на две основные группы — «положительные» и «отрицательные»...

К первой группе относятся их толерантность (терпимость), сговорчивость, добродушие, благожелательность, гостеприимство, вы-

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

риканцам /и русским — *В.Д.*/ более присуща ориентация на современность и будущее».

«Поскольку жизнь беларусов всегда сильно зависела от природных явлений, от времен года или природно-сезонных циклов, им был свойствен так называемый «календарный модус» мышления... Существовало детальное распределение дней на благоприятные и неблагоприятные, тяжелые для работы, на постные и скоромные, счастливые и несчастливые, женские и мужские, наконец, на будние и праздничные дни. Так, во многих местах Беларуси благоприятными днями традиционно считались вторник и четверг, а неблагоприятными — понедельник и пятница... Мужскими днями обычно считали понедельник, вторник и четверг, а женскими — среду, пятницу, субботу и воскресенье...

Религиозность беларусов никогда не достигала степени фанатизма, не носила характера слепой всепоглощающей веры в Божью справедливость и всемогущество».

«В прошлом у беларусов сформировался уникальный менталитет, который в некоторых чертах сохранялся почти неизменным весь период исторического развития беларуского народа. Лишь в последние два — три столетия ментальность беларусов подверглась некоторым заметным изменениям... В XVII—XIX веках она была в определенной степени деформирована под влиянием неуклонного усиления процесса ассимиляции, денационализации (сначала в виде полонизации, а затем русификации). Правда, в те времена фактически только привилегированные слои общества воспринимали польский или русский способ мышления. Самое многочисленное социальное сообщество — беларуское крестьянство — все же смогло тогда сохранить свою традиционную национальную ментальность».

В психологии существует такое понятие, как акцентуация характера, означающее доминирование в его структуре каких-то отдельных черт. Психологи выделяют не менее 12 типов акцентуаций. Вот что пишет в этой связи Э. Дубенецкий:

«У беларусов сложились преимущественно дистимный и конформный типы характера, которые определяются недостаточной инициативностью, пассивностью, склонностью к депрессии, консерватизмом, чрезмерной зависимостью от воли и мыслей «вышестоящих», официальных авторитетов, определенным «комплексом неполноценности...

Поскольку любой национальный характер представляет собой совокупность различных (нередко прямо противоположных) психологических качеств, то с некоторой долей условности можно все черты беларусов разделить на две основные группы — «положительные» и «отрицательные»...

К первой группе относятся их толерантность (терпимость), сговорчивость, добродушие, благожелательность, гостеприимство, вы-

ре оба издательства власти объединили в Беларуское государственное издательство (БелГИЗ) во главе с Д. Жилуновичем.

После этого издательская деятельность в БССР полностью оказалась под контролем партийных органов. Они следили за тем, чтобы кроме беларуских изданий выходила литература на языках всех наций, живших в Беларуси. В 1927 году из 11 республиканских газет 4 выходили на русском языке, 3 — на беларуском, по 2 на еврейском и польском. Все окружные газеты были русскоязычные. Из 11 журналов 4 выходили на беларуском языке, 3 на русском, 2 на русском и беларуском, 2 на идиш. Эти цифры свидетельствуют, что беларуская пресса находилась в ущемленном положении.

Образование. Больших успехов удалось достичь в беларусизации школы, несмотря на то, что русифицированная часть учительства относилась к переводу обучения на беларуский язык без малейшего энтузиазма. В 1922 году беларускоязычными были только около четверти школ, зато в 1928 году — до 80%. Вместе с тем открывались русские, еврейские, польские, украинские и литовские школы. Развернулось массовое движение за ликвидацию неграмотности.

В 1921 году в Минске открылся Беларуский государственный университет (БГУ), а через год — институт сельского и лесного хозяйства. В 1925 году его присоединили к Горецкому сельхозинституту, создав Академию сельского хозяйства. Годом раньше начал работать Витебский ветеринарный институт. Но беларуский язык был слабо представлен в ВУЗах. По-беларуски преподавали только отдельные предметы. Большевистское руководство заставляло студентов (как и военнослужащих, как чиновников) изучать беларуский язык, но не требовало пользоваться им. Кафедры беларусоведения при ВУЗах так и не создали. В 1924 году большевики произвели «чистку» студентов и преподавателей от «классово чуждых элементов».

Инбелкульт. Наркомат просвещения во главе с Игнатовским многое сделал для развертывания беларуской научно-просветительской деятельности, которая часто выходила за рамки официальной политики беларусизации. В 1921 году по его инициативе были созданы Государственная и Университетская библиотеки, Государственный музей, Центральный архив. А в 1922 году Наркомат просвещения выделил из своего состава Институт беларуской культуры (Инбелкульт) — первое официальное учреждение беларуской науки.

Для реорганизации Инбелкульта в Академию Наук большевикам потребовались 6 лет (1922–28). Такое учреждение, как Инбелкульт, не существовало более нигде. Оно возникло по инициативе беларуской интеллигенции, уставшей ждать разрешения Москвы на создание своей Академии. Положение о статусе Инбелкульта было утверждено лишь 25 июля 1924 года, после того как руководство республики взяло курс на беларусизацию и началось «укрупнение»

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

«Проявления рецидива буржуазно-националистических концепций в области истории белорусской литературы и литературной критики, искажение марксистско-ленинской методологии в области литературоведения до современного момента не получили еще соответствующего раскрытия на страницах наших литературно-художественных журналов».

Далее он сделал вывод о том, что «белорусский национализм всегда был и есть наихудшим образцом низкопоклонства перед империалистическим Западом».

«Идеологически ориентированные» критики (типа Борисенко) заклеймили как безыдейные стихотворения Констанции Буйло из сборника «Рассвет», стихотворения Петруся Бровки «Скворец» и «Ива над водою», Максима Танка «Я не знаю, кто ты» и «Дорогая моя», Аркадия Кулешова «Земля и море» и «Земля и небо», Петра Глебки «Смерть солдата», Адама Русака «Осенние напевы», проникнутые чувством искреннего патриотизма, любви к родной природе и своему краю.

Идеологические кампании в некоторых случаях завершались очередными арестами, хотя они уже не имели массового характера. Например, в конце 40-х годов по второму разу арестовали Станислава Шушкевича, Андрея Александровича, Бориса Микулича, Сергея Граховского и несколько других беларуских литераторов, в том числе находившихся в ссылке с 30-х годов!

Новая кампания идеологической травли беларуских писателей началась в 1951 году после появления в газете «Правда» статьи «Против идеологических искажений в литературе». «Националистический уклон» бдительные партийцы обнаружили в стихотворении украинского поэта Владимира Сосюры «Люби Украину». В связи с этой кампанией беларуская республиканская газета «Литература и искусство» («Літаратура і мастацтва») отметила в своей передовой статье:

«Статья «Правды» «Против идеологических искажений в литературе» предупредила всех писателей, всех поэтов о необходимости отчетливой идейной направленности каждого произведения, о необходимости того, чтобы каждое произведение по-настоящему отображало нашу героическую жизнь в эпоху великого Сталина».

В «Материалах к отчетному докладу ЦК КП(б)Б XIX съезду КПСС» (1952 год) подчеркивалось, что компартия БССР считает своей главной задачей «организацию идеологической борьбы против любых проявлений национализма».

В феврале 1956 года состоялся знаменитый XX съезд КПСС, на котором генеральный секретарь партии Н.С. Хрущев выступил с сенсационными разоблачениями так называемого «культа личности Сталина». Съезд ознаменовал начало пресловутой «хрущевской

риканцам /и русским — *В.Д.*/ более присуща ориентация на современность и будущее».

«Поскольку жизнь беларусов всегда сильно зависела от природных явлений, от времен года или природно-сезонных циклов, им был свойствен так называемый «календарный модус» мышления... Существовало детальное распределение дней на благоприятные и неблагоприятные, тяжелые для работы, на постные и скоромные, счастливые и несчастливые, женские и мужские, наконец, на будние и праздничные дни. Так, во многих местах Беларуси благоприятными днями традиционно считались вторник и четверг, а неблагоприятными — понедельник и пятница... Мужскими днями обычно считали понедельник, вторник и четверг, а женскими — среду, пятницу, субботу и воскресенье...

Религиозность беларусов никогда не достигала степени фанатизма, не носила характера слепой всепоглощающей веры в Божью справедливость и всемогущество».

«В прошлом у беларусов сформировался уникальный менталитет, который в некоторых чертах сохранялся почти неизменным весь период исторического развития беларуского народа. Лишь в последние два — три столетия ментальность беларусов подверглась некоторым заметным изменениям... В XVII—XIX веках она была в определенной степени деформирована под влиянием неуклонного усиления процесса ассимиляции, денационализации (сначала в виде полонизации, а затем русификации). Правда, в те времена фактически только привилегированные слои общества воспринимали польский или русский способ мышления. Самое многочисленное социальное сообщество — беларуское крестьянство — все же смогло тогда сохранить свою традиционную национальную ментальность».

В психологии существует такое понятие, как акцентуация характера, означающее доминирование в его структуре каких-то отдельных черт. Психологи выделяют не менее 12 типов акцентуаций. Вот что пишет в этой связи Э. Дубенецкий:

«У беларусов сложились преимущественно дистимный и конформный типы характера, которые определяются недостаточной инициативностью, пассивностью, склонностью к депрессии, консерватизмом, чрезмерной зависимостью от воли и мыслей «вышестоящих», официальных авторитетов, определенным «комплексом неполноценности...

Поскольку любой национальный характер представляет собой совокупность различных (нередко прямо противоположных) психологических качеств, то с некоторой долей условности можно все черты беларусов разделить на две основные группы — «положительные» и «отрицательные»...

К первой группе относятся их толерантность (терпимость), сговорчивость, добродушие, благожелательность, гостеприимство, вы-

«Проявления рецидива буржуазно-националистических концепций в области истории белорусской литературы и литературной критики, искажение марксистско-ленинской методологии в области литературоведения до современного момента не получили еще соответствующего раскрытия на страницах наших литературно-художественных журналов».

Далее он сделал вывод о том, что «белорусский национализм всегда был и есть наихудшим образцом низкопоклонства перед империалистическим Западом».

«Идеологически ориентированные» критики (типа Борисенко) заклеймили как безыдейные стихотворения Констанции Буйло из сборника «Рассвет», стихотворения Петруся Бровки «Скворец» и «Ива над водою», Максима Танка «Я не знаю, кто ты» и «Дорогая моя», Аркадия Кулешова «Земля и море» и «Земля и небо», Петра Глебки «Смерть солдата», Адама Русака «Осенние напевы», проникнутые чувством искреннего патриотизма, любви к родной природе и своему краю.

Идеологические кампании в некоторых случаях завершались очередными арестами, хотя они уже не имели массового характера. Например, в конце 40-х годов по второму разу арестовали Станислава Шушкевича, Андрея Александровича, Бориса Микулича, Сергея Граховского и несколько других беларуских литераторов, в том числе находившихся в ссылке с 30-х годов!

Новая кампания идеологической травли беларуских писателей началась в 1951 году после появления в газете «Правда» статьи «Против идеологических искажений в литературе». «Националистический уклон» бдительные партийцы обнаружили в стихотворении украинского поэта Владимира Сосюры «Люби Украину». В связи с этой кампанией беларуская республиканская газета «Литература и искусство» («Літаратура і мастацтва») отметила в своей передовой статье:

«Статья «Правды» «Против идеологических искажений в литературе» предупредила всех писателей, всех поэтов о необходимости отчетливой идейной направленности каждого произведения, о необходимости того, чтобы каждое произведение по-настоящему отображало нашу героическую жизнь в эпоху великого Сталина».

В «Материалах к отчетному докладу ЦК КП(б)Б XIX съезду КПСС» (1952 год) подчеркивалось, что компартия БССР считает своей главной задачей «организацию идеологической борьбы против любых проявлений национализма».

В феврале 1956 года состоялся знаменитый XX съезд КПСС, на котором генеральный секретарь партии Н.С. Хрущев выступил с сенсационными разоблачениями так называемого «культа личности Сталина». Съезд ознаменовал начало пресловутой «хрущевской

риканцам /и русским — *В.Д.*/ более присуща ориентация на современность и будущее».

«Поскольку жизнь беларусов всегда сильно зависела от природных явлений, от времен года или природно-сезонных циклов, им был свойствен так называемый «календарный модус» мышления... Существовало детальное распределение дней на благоприятные и неблагоприятные, тяжелые для работы, на постные и скоромные, счастливые и несчастливые, женские и мужские, наконец, на будние и праздничные дни. Так, во многих местах Беларуси благоприятными днями традиционно считались вторник и четверг, а неблагоприятными — понедельник и пятница... Мужскими днями обычно считали понедельник, вторник и четверг, а женскими — среду, пятницу, субботу и воскресенье...

Религиозность беларусов никогда не достигала степени фанатизма, не носила характера слепой всепоглощающей веры в Божью справедливость и всемогущество».

«В прошлом у беларусов сформировался уникальный менталитет, который в некоторых чертах сохранялся почти неизменным весь период исторического развития беларуского народа. Лишь в последние два — три столетия ментальность беларусов подверглась некоторым заметным изменениям... В XVII—XIX веках она была в определенной степени деформирована под влиянием неуклонного усиления процесса ассимиляции, денационализации (сначала в виде полонизации, а затем русификации). Правда, в те времена фактически только привилегированные слои общества воспринимали польский или русский способ мышления. Самое многочисленное социальное сообщество — беларуское крестьянство — все же смогло тогда сохранить свою традиционную национальную ментальность».

В психологии существует такое понятие, как акцентуация характера, означающее доминирование в его структуре каких-то отдельных черт. Психологи выделяют не менее 12 типов акцентуаций. Вот что пишет в этой связи Э. Дубенецкий:

«У беларусов сложились преимущественно дистимный и конформный типы характера, которые определяются недостаточной инициативностью, пассивностью, склонностью к депрессии, консерватизмом, чрезмерной зависимостью от воли и мыслей «вышестоящих», официальных авторитетов, определенным «комплексом неполноценности...

Поскольку любой национальный характер представляет собой совокупность различных (нередко прямо противоположных) психологических качеств, то с некоторой долей условности можно все черты беларусов разделить на две основные группы — «положительные» и «отрицательные»...

К первой группе относятся их толерантность (терпимость), сговорчивость, добродушие, благожелательность, гостеприимство, вы-

Показательно изобилие этнических русских, поляков, евреев, украинцев, татар, ставших беларускими деятелями культуры в первые десятилетия советской власти (З. Азгур. З. Аксельрод. А. Александрович, А. Бембель, Зм. Бядуля, М. Блистинов, Я.Бронштейн, В. Головчин. И. Замотин, Г. Кобец. Я. Мавр (И. Федоров), Е. Мирович, Н. Никольский, А. Овечкин, В. Пичета и др.)...

Интересно в этом контексте и отсутствие антисемитизма во всех слоях беларуского социума. Начиная со времен Великого Княжества Литовского, когда беларусы и евреи впервые зажили бок о бок, обмениваясь не только товарами, но и гуманитарными достижениями (известно, что первый перевод нескольких религиозных текстов на старобелорусский язык принадлежит виленским евреям), напряженности между этими двумя народами практически не было, что доказала Вторая мировая война.

И по сей день израильское посольство в Минске ежегодно чествует вновь обнаруженных «нееврейских праведников», не предполагавших, что они праведники, — людей, прятавших по погребам и чердакам своих домов знакомых и незнакомых евреев. Разумеется, в советскую эпоху существовал государственный антисемитизм, и он накладывал отпечаток на повседневное, бытовое поведение, однако уже в первые годы перестройки антисемитизм как явление испарился практически без следа.

Характерно для беларусов и непредвзятое отношение к «лицам кавказской», «азиатской» и прочих несуществующих национальностей. Более того, само миролюбие и нежелание беларусов входить в конфликт, а также знаменитая беларуская толерантность по отношению к иным народам и конфессиям, понимаемые как экзистенциальные этнические ценности (так называемые «фокальные» или «доминантные»), привели к тому, что национальная идея беларусов имеет «посреднический» характер. Та роль, в которой, по мнению Вл. Соловьева, должно было реализоваться мессианское предназначение России — быть посредницей между народами — в силу политических и общих социокультурных событий была принята беларусами практически внерефлективно».

Интересно сравнить современные научные исследования национального характера русских и беларусов, которые независимо друг от друга проводились в России и Беларуси и освещались центральными изданиями.

«Российская газета» 29 ноября 2003 года в публикации Татьяны Смольяковой «Украинцы близки русским так же, как немцы» сообщила:

«Независимый исследовательский центр РОМИР по заказу Союза создателей социальной рекламы провел исследование «Национальное самосознание русского человека в современный период».

Были опрошены 1500 человек в разных точках страны. Кроме того, проведены дискуссии в различных возрастных группах, где люди могли не просто ответить на вопросы, но и объяснить свою позицию.

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, пьянство, лень, сострадание, самопожертвование — вот, судя по ответам, главные составляющие русского характера. Но не единственные. Многие респонденты сказали, что русским свойственны доброта, гостеприимство, оптимизм, простота (раскованность), приветливость, находчивость, живучесть, халявность, русский «авось», уживчивость, безответственность, смелость, щедрость, любовь к Родине.

В дискуссиях добавляли и такие характеристики: «Мы часто ругаемся, но и часто миримся»; «Русские всегда чего-то ждут, пока все само собой сделается»; «На сегодняшний день воровство — это национальная черта». Всё, как во времена Карамзина. Таков русский человек — един во многих лицах, прямая противоположность самому себе.

Причины, истоки русского менталитета, молодое поколение (до 34 лет) видит в том, что русские всегда имели сильного правителя, что Россия — фильтр между Европой и Азией, и что она изначально была несвободной страной. С другой стороны, на нашем характере сказались большие просторы и природные богатства. Старшие тоже согласны: «Огромная территория, избыток природных богатств привели к широте души». Но они видят и другие корни нашего менталитета: постоянная борьба, угнетение, климатические условия («на севере люди добрее, чем на юге»), смешение народов».

Через полгода газета «Беларусь сегодня» рассказала об аналогичном исследовании среди беларусов. 14 июля 2004 года Виолетта Дралюк в статье «Что беларусу хорошо, то и японцу неплохо» рассказала о том, что ученые из Гомельского государственного технического университета им. П.О.Сухого «вот уже несколько лет упорно исследуют загадку беларуского менталитета»:

«Особые природные условия, тесные взаимоотношения с соседями, мирное сосуществование разных христианских конфессий и религий, военные походы через беларускую землю, «прививки» восточных культур — вот что сформировало ментальные особенности беларуса, считают гомельские ученые. Например, под влиянием балтов появилась у нас сдержанность, выносливость, настороженность и скрытность. Зато нет у беларусов легкомысленности и бахвальства, присущего «шляхетным» полякам. Лишены беларусы и раскованности, открытой и порой грубой простоты, столь свойственной русским. Евреям беларусы уступают в находчивости, настойчивости, умении приспосабливаться к жизненным обстоятельствам.

Показательно изобилие этнических русских, поляков, евреев, украинцев, татар, ставших беларускими деятелями культуры в первые десятилетия советской власти (З. Азгур, З. Аксельрод, А. Александрович, А. Бембель, Зм. Бядуля, М. Блистинов, Я. Бронштейн, В. Головчин, И. Замотин, Г. Кобец, Я. Мавр (И. Федоров), Е. Мирович, Н. Никольский, А. Овечкин, В. Пичета и др.)...

Интересно в этом контексте и отсутствие антисемитизма во всех слоях беларуского социума. Начиная со времен Великого Княжества Литовского, когда беларусы и евреи впервые зажили бок о бок, обмениваясь не только товарами, но и гуманитарными достижениями (известно, что первый перевод нескольких религиозных текстов на старобелорусский язык принадлежит виленским евреям), напряженности между этими двумя народами практически не было, что доказала Вторая мировая война.

И по сей день израильское посольство в Минске ежегодно чествует вновь обнаруженных «нееврейских праведников», не предполагавших, что они праведники, — людей, прятавших по погребам и чердакам своих домов знакомых и незнакомых евреев. Разумеется, в советскую эпоху существовал государственный антисемитизм, и он накладывал отпечаток на повседневное, бытовое поведение, однако уже в первые годы перестройки антисемитизм как явление испарился практически без следа.

Характерно для беларусов и непредвзятое отношение к «лицам кавказской», «азиатской» и прочих несуществующих национальностей. Более того, само миролюбие и нежелание беларусов входить в конфликт, а также знаменитая беларуская толерантность по отношению к иным народам и конфессиям, понимаемые как экзистенциальные этнические ценности (так называемые «фокальные» или «доминантные»), привели к тому, что национальная идея беларусов имеет «посреднический» характер. Та роль, в которой, по мнению Вл. Соловьева, должно было реализоваться мессианское предназначение России — быть посредницей между народами — в силу политических и общих социокультурных событий была принята беларусами практически внерефлективно».

Интересно сравнить современные научные исследования национального характера русских и беларусов, которые независимо друг от друга проводились в России и Беларуси и освещались центральными изданиями.

«Российская газета» 29 ноября 2003 года в публикации Татьяны Смольяковой «Украинцы близки русским так же, как немцы» сообщила:

«Независимый исследовательский центр РОМИР по заказу Союза создателей социальной рекламы провел исследование «Национальное самосознание русского человека в современный период».

приветствие Пилсудскому. Это обеспокоило поляков. 20 ноября Пилсудский вызвал к себе Луцкевича и предложил изменить статус Рады БНР с «государственной» на «национальную». Луцкевич дипломатично согласился, после чего получил разрешение созвать 12 декабря ее сессию.

Среди радовцев образовались две группировки. Большинство (эсеры и социалисты-федералисты) считали, что сотрудничать с оккупантами нет никакого смысла. Они уже вели партизанскую борьбу против поляков. На ноябрьской (1919 г.) конференции партии эсеров было решено бороться на два фронта: против польских властей и против сторонников деникинской «неделимой России». С российскими большевиками эсеровские лидеры надеялись договориться о создании независимой Беларуской социалистической республики.

Меньшинство (правоцентристы, часть социал-демократов) утверждало, что есть надежда увидеть поворот польской политики по отношению к беларусам в лучшую сторону. Они рассчитывали с помощью Польши поднять культурный уровень и национальное самосознание народа, чтобы таким образом обеспечить условия для подлинной независимости Беларуси.

На такой почве уже 13 декабря Рада раскололась. Антипольская фракция (50 человек) образовала Народную Раду БНР (во главе с федералистом Петром Крачевским) и свой кабинет министров во главе с эсером Вацлавом Ластовским. А те, кто надеялись на поддержку поляков (37 человек), создали Наивысшую Раду БНР (во главе с Иваном Середой) и свое правительство во главе с социал-демократом А. Луцкевичем. Правда, Луцкевич находился в это время в Варшаве. Раскол Рады БНР сильно ослабил беларуское национальное движение.

Оккупационный режим. Власть на оккупированных беларуских территориях осуществлял Генеральный комиссариат восточных земель, созданный поляками при штабе Литовско-Беларуского фронта. Его возглавлял Ежи Осмоловский, бывший офицер корпуса генерала Довбур-Мусницкого. Новые хозяева прежде всего разогнали крестьянские советы (местные органы самоуправления), возникшие в конце 1918 года под немецкой оккупацией и защищавшие беларуские деревни от грабежа со стороны польских армейских подразделений.

Восточнее Белостока поляки учредили четыре округа — Виленский, Брестский, Волынский и Минский, а их, в свою очередь, разделили на уезды во главе со старостами. Гражданская оккупационная администрация полностью подчинялась военному командованию и самостоятельного значения практически не имела. Польские солдаты отбирали у крестьян то, что не успели отобрать предыдущие

ре оба издательства власти объединили в Беларуское государственное издательство (БелГИЗ) во главе с Д. Жилуновичем.

После этого издательская деятельность в БССР полностью оказалась под контролем партийных органов. Они следили за тем, чтобы кроме беларуских изданий выходила литература на языках всех наций, живших в Беларуси. В 1927 году из 11 республиканских газет 4 выходили на русском языке, 3 — на беларуском, по 2 на еврейском и польском. Все окружные газеты были русскоязычные. Из 11 журналов 4 выходили на беларуском языке, 3 на русском, 2 на русском и беларуском, 2 на идиш. Эти цифры свидетельствуют, что беларуская пресса находилась в ущемленном положении.

Образование. Больших успехов удалось достичь в беларусизации школы, несмотря на то, что русифицированная часть учительства относилась к переводу обучения на беларуский язык без малейшего энтузиазма. В 1922 году беларускоязычными были только около четверти школ, зато в 1928 году — до 80%. Вместе с тем открывались русские, еврейские, польские, украинские и литовские школы. Развернулось массовое движение за ликвидацию неграмотности.

В 1921 году в Минске открылся Беларуский государственный университет (БГУ), а через год — институт сельского и лесного хозяйства. В 1925 году его присоединили к Горецкому сельхозинституту, создав Академию сельского хозяйства. Годом раньше начал работать Витебский ветеринарный институт. Но беларуский язык был слабо представлен в ВУЗах. По-беларуски преподавали только отдельные предметы. Большевистское руководство заставляло студентов (как и военнослужащих, как чиновников) изучать беларуский язык, но не требовало пользоваться им. Кафедры беларусоведения при ВУЗах так и не создали. В 1924 году большевики произвели «чистку» студентов и преподавателей от «классово чуждых элементов».

Инбелкульт. Наркомат просвещения во главе с Игнатовским многое сделал для развертывания беларуской научно-просветительской деятельности, которая часто выходила за рамки официальной политики беларусизации. В 1921 году по его инициативе были созданы Государственная и Университетская библиотеки, Государственный музей, Центральный архив. А в 1922 году Наркомат просвещения выделил из своего состава Институт беларуской культуры (Инбелкульт) — первое официальное учреждение беларуской науки.

Для реорганизации Инбелкульта в Академию Наук большевикам потребовались 6 лет (1922–28). Такое учреждение, как Инбелкульт, не существовало более нигде. Оно возникло по инициативе беларуской интеллигенции, уставшей ждать разрешения Москвы на создание своей Академии. Положение о статусе Инбелкульта было утверждено лишь 25 июля 1924 года, после того как руководство республики взяло курс на беларусизацию и началось «укрупнение»

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

ре оба издательства власти объединили в Беларуское государственное издательство (БелГИЗ) во главе с Д. Жилуновичем.

После этого издательская деятельность в БССР полностью оказалась под контролем партийных органов. Они следили за тем, чтобы кроме беларуских изданий выходила литература на языках всех наций, живших в Беларуси. В 1927 году из 11 республиканских газет 4 выходили на русском языке, 3 — на беларуском, по 2 на еврейском и польском. Все окружные газеты были русскоязычные. Из 11 журналов 4 выходили на беларуском языке, 3 на русском, 2 на русском и беларуском, 2 на идиш. Эти цифры свидетельствуют, что беларуская пресса находилась в ущемленном положении.

Образование. Больших успехов удалось достичь в беларусизации школы, несмотря на то, что русифицированная часть учительства относилась к переводу обучения на беларуский язык без малейшего энтузиазма. В 1922 году беларускоязычными были только около четверти школ, зато в 1928 году — до 80%. Вместе с тем открывались русские, еврейские, польские, украинские и литовские школы. Развернулось массовое движение за ликвидацию неграмотности.

В 1921 году в Минске открылся Беларуский государственный университет (БГУ), а через год — институт сельского и лесного хозяйства. В 1925 году его присоединили к Горецкому сельхозинституту, создав Академию сельского хозяйства. Годом раньше начал работать Витебский ветеринарный институт. Но беларуский язык был слабо представлен в ВУЗах. По-беларуски преподавали только отдельные предметы. Большевистское руководство заставляло студентов (как и военнослужащих, как чиновников) изучать беларуский язык, но не требовало пользоваться им. Кафедры беларусоведения при ВУЗах так и не создали. В 1924 году большевики произвели «чистку» студентов и преподавателей от «классово чуждых элементов».

Инбелкульт. Наркомат просвещения во главе с Игнатовским многое сделал для развертывания беларуской научно-просветительской деятельности, которая часто выходила за рамки официальной политики беларусизации. В 1921 году по его инициативе были созданы Государственная и Университетская библиотеки, Государственный музей, Центральный архив. А в 1922 году Наркомат просвещения выделил из своего состава Институт беларуской культуры (Инбелкульт) — первое официальное учреждение беларуской науки.

Для реорганизации Инбелкульта в Академию Наук большевикам потребовались 6 лет (1922–28). Такое учреждение, как Инбелкульт, не существовало более нигде. Оно возникло по инициативе беларуской интеллигенции, уставшей ждать разрешения Москвы на создание своей Академии. Положение о статусе Инбелкульта было утверждено лишь 25 июля 1924 года, после того как руководство республики взяло курс на беларусизацию и началось «укрупнение»

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

Показательно изобилие этнических русских, поляков, евреев, украинцев, татар, ставших беларускими деятелями культуры в первые десятилетия советской власти (З. Азгур, З. Аксельрод, А. Александрович, А. Бембель, Зм. Бядуля, М. Блистинов, Я.Бронштейн, В. Головчин, И. Замотин, Г. Кобец, Я. Мавр (И. Федоров), Е. Мирович, Н. Никольский, А. Овечкин, В. Пичета и др.)...

Интересно в этом контексте и отсутствие антисемитизма во всех слоях беларуского социума. Начиная со времен Великого Княжества Литовского, когда беларусы и евреи впервые зажили бок о бок, обмениваясь не только товарами, но и гуманитарными достижениями (известно, что первый перевод нескольких религиозных текстов на старобелорусский язык принадлежит виленским евреям), напряженности между этими двумя народами практически не было, что доказала Вторая мировая война.

И по сей день израильское посольство в Минске ежегодно чествует вновь обнаруженных «нееврейских праведников», не предполагавших, что они праведники, — людей, прятавших по погребам и чердакам своих домов знакомых и незнакомых евреев. Разумеется, в советскую эпоху существовал государственный антисемитизм, и он накладывал отпечаток на повседневное, бытовое поведение, однако уже в первые годы перестройки антисемитизм как явление испарился практически без следа.

Характерно для беларусов и непредвзятое отношение к «лицам кавказской», «азиатской» и прочих несуществующих национальностей. Более того, само миролюбие и нежелание беларусов входить в конфликт, а также знаменитая беларуская толерантность по отношению к иным народам и конфессиям, понимаемые как экзистенциальные этнические ценности (так называемые «фокальные» или «доминантные»), привели к тому, что национальная идея беларусов имеет «посреднический» характер. Та роль, в которой, по мнению Вл. Соловьева, должно было реализоваться мессианское предназначение России — быть посредницей между народами — в силу политических и общих социокультурных событий была принята беларусами практически внерефлективно».

Интересно сравнить современные научные исследования национального характера русских и беларусов, которые независимо друг от друга проводились в России и Беларуси и освещались центральными изданиями.

«Российская газета» 29 ноября 2003 года в публикации Татьяны Смольяковой «Украинцы близки русским так же, как немцы» сообщила:

«Независимый исследовательский центр РОМИР по заказу Союза создателей социальной рекламы провел исследование «Национальное самосознание русского человека в современный период».

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

«Проявления рецидива буржуазно-националистических концепций в области истории белорусской литературы и литературной критики, искажение марксистско-ленинской методологии в области литературоведения до современного момента не получили еще соответствующего раскрытия на страницах наших литературно-художественных журналов».

Далее он сделал вывод о том, что «белорусский национализм всегда был и есть наихудшим образцом низкопоклонства перед империалистическим Западом».

«Идеологически ориентированные» критики (типа Борисенко) заклеймили как безыдейные стихотворения Констанции Буйло из сборника «Рассвет», стихотворения Петруся Бровки «Скворец» и «Ива над водою», Максима Танка «Я не знаю, кто ты» и «Дорогая моя», Аркадия Кулешова «Земля и море» и «Земля и небо», Петра Глебки «Смерть солдата», Адама Русака «Осенние напевы», проникнутые чувством искреннего патриотизма, любви к родной природе и своему краю.

Идеологические кампании в некоторых случаях завершались очередными арестами, хотя они уже не имели массового характера. Например, в конце 40-х годов по второму разу арестовали Станислава Шушкевича, Андрея Александровича, Бориса Микулича, Сергея Граховского и несколько других беларуских литераторов, в том числе находившихся в ссылке с 30-х годов!

Новая кампания идеологической травли беларуских писателей началась в 1951 году после появления в газете «Правда» статьи «Против идеологических искажений в литературе». «Националистический уклон» бдительные партийцы обнаружили в стихотворении украинского поэта Владимира Сосюры «Люби Украину». В связи с этой кампанией беларуская республиканская газета «Литература и искусство» («Літаратура і мастацтва») отметила в своей передовой статье:

«Статья «Правды» «Против идеологических искажений в литературе» предупредила всех писателей, всех поэтов о необходимости отчетливой идейной направленности каждого произведения, о необходимости того, чтобы каждое произведение по-настоящему отображало нашу героическую жизнь в эпоху великого Сталина».

В «Материалах к отчетному докладу ЦК КП(б)Б XIX съезду КПСС» (1952 год) подчеркивалось, что компартия БССР считает своей главной задачей «организацию идеологической борьбы против любых проявлений национализма».

В феврале 1956 года состоялся знаменитый XX съезд КПСС, на котором генеральный секретарь партии Н.С. Хрущев выступил с сенсационными разоблачениями так называемого «культа личности Сталина». Съезд ознаменовал начало пресловутой «хрущевской

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

> «А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Лане и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

> «Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

---

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

риканцам /и русским — *В.Д.*/ более присуща ориентация на современность и будущее».

«Поскольку жизнь беларусов всегда сильно зависела от природных явлений, от времен года или природно-сезонных циклов, им был свойствен так называемый «календарный модус» мышления... Существовало детальное распределение дней на благоприятные и неблагоприятные, тяжелые для работы, на постные и скоромные, счастливые и несчастливые, женские и мужские, наконец, на будние и праздничные дни. Так, во многих местах Беларуси благоприятными днями традиционно считались вторник и четверг, а неблагоприятными — понедельник и пятница... Мужскими днями обычно считали понедельник, вторник и четверг, а женскими — среду, пятницу, субботу и воскресенье...

Религиозность беларусов никогда не достигала степени фанатизма, не носила характера слепой всепоглощающей веры в Божью справедливость и всемогущество».

«В прошлом у беларусов сформировался уникальный менталитет, который в некоторых чертах сохранялся почти неизменным весь период исторического развития беларуского народа. Лишь в последние два — три столетия ментальность беларусов подверглась некоторым заметным изменениям... В XVII—XIX веках она была в определенной степени деформирована под влиянием неуклонного усиления процесса ассимиляции, денационализации (сначала в виде полонизации, а затем русификации). Правда, в те времена фактически только привилегированные слои общества воспринимали польский или русский способ мышления. Самое многочисленное социальное сообщество — беларуское крестьянство — все же смогло тогда сохранить свою традиционную национальную ментальность».

В психологии существует такое понятие, как акцентуация характера, означающее доминирование в его структуре каких-то отдельных черт. Психологи выделяют не менее 12 типов акцентуаций. Вот что пишет в этой связи Э. Дубенецкий:

«У беларусов сложились преимущественно дистимный и конформный типы характера, которые определяются недостаточной инициативностью, пассивностью, склонностью к депрессии, консерватизмом, чрезмерной зависимостью от воли и мыслей «вышестоящих», официальных авторитетов, определенным «комплексом неполноценности...

Поскольку любой национальный характер представляет собой совокупность различных (нередко прямо противоположных) психологических качеств, то с некоторой долей условности можно все черты беларусов разделить на две основные группы — «положительные» и «отрицательные»...

К первой группе относятся их толерантность (терпимость), сговорчивость, добродушие, благожелательность, гостеприимство, вы-

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

Уничтожение памятников национальной истории и культуры

Республиканская газета «Литература и искусство» 2 июня 1956 года напечатала статью доктора искусствоведения М. Кацера «Нужны срочные меры». В ней он привел многочисленные факты разрушения ценных исторических памятников. Причем происходило уничтожение архитектурных и культурно-исторических памятников как не включенных в списки по охране наследия, так и тех, что находились под охраной государства.

Например, в Минске на площади Свободы был уничтожено прекрасное здание XVIII века — башня ратуши, а для строительства спортивного комплекса на древнем минском Замчище был выкопан котлован площадью около 500 кв. м, глубиной до 8 метров. На древнем городище Витебска развернулось строительства театра. Разрушались древние городища в Орше, Турове и Полоцке, замки в Лиде, Креве, Новогрудке, Смольянах.

Кацер требовал «срочно улучшить работу отделов Министерства культуры БССР, призванных заниматься охраной памятников, оживить работу научно-методического совета Академии наук БССР».

Письмо Кацера вызвало многочисленные отклики читателей, в которых они тоже возмущались безответственным отношением республиканских и местных управлений культуры к памятникам беларуской истории и культуры. Но Комитет по делам строительства и архитектуры при Совете Министров БССР не спешил реагировать на обращения.

В защиту памятников архитектуры выступили на общем собрании научные сотрудники Института истории АН БССР. Они поддержали инициативу ученых Москвы по созданию добровольного общества охраны памятников архитектуры, избрали комиссию по созданию общества в составе Я. Корнейчика, М. Гринблата и Л. Побаля. С призывом «Дорожить культурным наследием народа» обратился со страниц газеты в сентябре 1956 года тогдашний заведующий сектором этнографии и народного творчества Института истории АН БССР Адам Залесский.

В связи с этим обращением в редакцию «Литературы и искусства» пришло много писем. В конце концов властям пришлось както отреагировать на многочисленные обращения общественности и ученых, связанные с проблемами сохранения культурно-исторического наследия. 22 сентября 1956 года постановлением Совета Министров БССР в Минском художественном училище была открыта группа прикладного искусства по ткачеству и вышивке. Министерство культуры приступило к созданию в Государственном

приветствие Пилсудскому. Это обеспокоило поляков. 20 ноября Пилсудский вызвал к себе Луцкевича и предложил изменить статус Рады БНР с «государственной» на «национальную». Луцкевич дипломатично согласился, после чего получил разрешение созвать 12 декабря ее сессию.

Среди радовцев образовались две группировки. Большинство (эсеры и социалисты-федералисты) считали, что сотрудничать с оккупантами нет никакого смысла. Они уже вели партизанскую борьбу против поляков. На ноябрьской (1919 г.) конференции партии эсеров было решено бороться на два фронта· против польских властей и против сторонников деникинской «неделимой России». С российскими большевиками эсеровские лидеры надеялись договориться о создании независимой Беларуской социалистической республики.

Меньшинство (правоцентристы, часть социал-демократов) утверждало, что есть надежда увидеть поворот польской политики по отношению к беларусам в лучшую сторону. Они рассчитывали с помощью Польши поднять культурный уровень и национальное самосознание народа, чтобы таким образом обеспечить условия для подлинной независимости Беларуси.

На такой почве уже 13 декабря Рада раскололась. Антипольская фракция (50 человек) образовала Народную Раду БНР (во главе с федералистом Петром Крачевским) и свой кабинет министров во главе с эсером Вацлавом Ластовским. А те, кто надеялись на поддержку поляков (37 человек), создали Наивысшую Раду БНР (во главе с Иваном Середой) и свое правительство во главе с социал-демократом А. Луцкевичем. Правда, Луцкевич находился в это время в Варшаве. Раскол Рады БНР сильно ослабил беларуское национальное движение.

Оккупационный режим. Власть на оккупированных беларуских территориях осуществлял Генеральный комиссариат восточных земель, созданный поляками при штабе Литовско-Беларуского фронта. Его возглавлял Ежи Осмоловский, бывший офицер корпуса генерала Довбур-Мусницкого. Новые хозяева прежде всего разогнали крестьянские советы (местные органы самоуправления), возникшие в конце 1918 года под немецкой оккупацией и защищавшие беларуские деревни от грабежа со стороны польских армейских подразделений.

Восточнее Белостока поляки учредили четыре округа — Виленский, Брестский, Волынский и Минский, а их, в свою очередь, разделили на уезды во главе со старостами. Гражданская оккупационная администрация полностью подчинялась военному командованию и самостоятельного значения практически не имела. Польские солдаты отбирали у крестьян то, что не успели отобрать предыдущие

Поэт Максим Богданович (1891–1917)

российского уровня почти в два раза. Местных жителей ежедневно хоронили десятками.

Что касается беларуского национального движения, то оно в восточной части имело две особенности.

Во-первых, деятельность беларуских патриотов протекала в намного худших условиях, чем под немецкой оккупацией. Царское правительство разрешило беларуским комитетам помощи беженцам только гуманитарную деятельность.

Культурная запрещалась, так как царские власти «в упор» не видели, чем жители беларуских губерний отличаются от жителей Тулы или Пензы. Вплоть до 1917 года на территории Беларуси, свободной от немцев, не выходила ни одна беларуская газета.

Во-вторых, и эта гуманитарная деятельность более или менее развернулась только в Минске, который стал вслед за Вильней вторым центром беларуского движения. Беженцы значительно увеличили удельный вес беларусов среди минчан.

Летом 1915 года в Минске открылась Беларуское общество по оказанию помощи пострадавшим от войны, в которое вошли 50 человек. Его возглавлял адвокат В. Чаусов. Все сотрудники общества питались в платной столовой, находившейся возле Красного костела (костел Св. Симона и Св. Елены) и получила названис «Беларуская хатка».

Фактически, она стала клубом творческой беларуской интеллигенции, которая устраивала вечеринки для беженцев, не спрашивая разрешения городских чиновников. С лекциями, докладами, чтением своих произведений там выступали беларуские писатели и поэты — Змитрок Бядуля, Ядвигин Ш., Альберт Павлович, Язеп Фарботка, Фабиан Шантырь, Зоська Верас (Людвика Сивицкая), театральные деятели Владислав Голубок и Всеволод Фальский, архитектор Леон Дубейковский и другие. Именно в «Хатке» читал свои стихи Максим Богданович, в том числе знаменитую «Погоню».

Свержение царизма

Революционные перемены. Великая европейская война доказала полное банкротство и нежизнеспособность российской империи. Она не смогла обеспечить ни экономической, ни военной, ни поли-

повская разъясняет, что не надо верить мифам. Следует вспомнить, что раньше эти территории действительно были исконно финскими:

«Термин «исконный» русский ареал мы всегда берем в кавычки, помня, что история дославянского населения на этой территории НА ПОРЯДОК дольше славянского. Генетическая память пронизывает все слои генофонда, все напластования, пришедшие от разных обитателей Восточной Европы. Поэтому, анализируя «исконный» ареал, мы никогда не говорим об «исконно» русском генофонде, об «исконно» русских генах. Авторы считают, что их просто нет.

Есть генофонд, раскинувшийся в этом ареале и вобравший в себя (как и все другие генофонды) гены многих популяций, оставивших в ходе многих тысячелетий свой генетический след. И любая привязка гена к народу неверна — это разные системы координат. Принадлежность к народу определяется самосознанием человека. Генофонд определяется концентрацией генов в исторически определенном ареале. Поэтому, говоря «русский генофонд», мы имеем в виду все гены, собранные ходом истории в «исконном» русском ареале и запечатленные в нем».

Итак, концепция о «едином происхождении восточных славян» (русских, украинцев, беларусов) — ныне уже разоблаченный миф. Никаких «восточных славян» нет. Генетически и антропологически русские — это финны (усвоившие язык славянского типа, принявшие православие). На картах, составленных генетиками, влияние русского генофонда еще ощутимо в Витебской и Могилевской областях, но далее в Центральной и Западной Беларуси (исторической Литве) его уже нет, генетически там ближайший сосед — польская Мазовия (Мазова).

Все это навсегда поставило точку в придуманной царизмом лжи о «едином происхождении беларусов и русских». Генетически и антропологически — это два разных этноса, более того — это разные этнические группы, ибо беларусы — индоевропейцы, а русские — нет*.

---

* Итак, точная наука генетика доказала, что русские, беларусы и украинцы вовсе не «родные братья-славяне». Они даже не двоюродные! Славянами являются только беларусы и украинцы. Кто действительно «прямая родня» русским, так это вепсы, коми-зыряне, марийцы, мордвины, тогда как современные финны и эстонцы им двоюродные братья.

Подобные заявления русскому человеку кажутся шокирующими, достаточно вспомнить популярные в России анекдоты о «горячих эстонских парнях». Поэтому выводы генетиков будут усваиваться очень медленно, ибо они опровергают ВСЕ традиционные представления на этот счет. Принципиально новую концепцию требуется не столько понять (с этим дело обстоит достаточно просто), сколько принять. Другими словами, к ней надо привыкнуть. — *Прим. Ред.*

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

> «Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

> «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Были опрошены 1500 человек в разных точках страны. Кроме того, проведены дискуссии в различных возрастных группах, где люди могли не просто ответить на вопросы, но и объяснить свою позицию.

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, пьянство, лень, сострадание, самопожертвование — вот, судя по ответам, главные составляющие русского характера. Но не единственные. Многие респонденты сказали, что русским свойственны доброта, гостеприимство, оптимизм, простота (раскованность), приветливость, находчивость, живучесть, халявность, русский «авось», уживчивость, безответственность, смелость, щедрость, любовь к Родине.

В дискуссиях добавляли и такие характеристики: «Мы часто ругаемся, но и часто миримся»; «Русские всегда чего-то ждут, пока все само собой сделается»; «На сегодняшний день воровство — это национальная черта». Всё, как во времена Карамзина. Таков русский человек — един во многих лицах, прямая противоположность самому себе.

Причины, истоки русского менталитета, молодое поколение (до 34 лет) видит в том, что русские всегда имели сильного правителя, что Россия — фильтр между Европой и Азией, и что она изначально была несвободной страной. С другой стороны, на нашем характере сказались большие просторы и природные богатства. Старшие тоже согласны: «Огромная территория, избыток природных богатств привели к широте души». Но они видят и другие корни нашего менталитета: постоянная борьба, угнетение, климатические условия («на севере люди добрее, чем на юге»), смешение народов».

Через полгода газета «Беларусь сегодня» рассказала об аналогичном исследовании среди беларусов. 14 июля 2004 года Виолетта Дралюк в статье «Что беларусу хорошо, то и японцу неплохо» рассказала о том, что ученые из Гомельского государственного технического университета им. П.О.Сухого «вот уже несколько лет упорно исследуют загадку беларуского менталитета»:

«Особые природные условия, тесные взаимоотношения с соседями, мирное сосуществование разных христианских конфессий и религий, военные походы через беларускую землю, «прививки» восточных культур — вот что сформировало ментальные особенности беларуса, считают гомельские ученые. Например, под влиянием балтов появилась у нас сдержанность, выносливость, настороженность и скрытность. Зато нет у беларусов легкомысленности и бахвальства, присущего «шляхетным» полякам. Лишены беларусы и раскованности, открытой и порой грубой простоты, столь свойственной русским. Евреям беларусы уступают в находчивости, настойчивости, умении приспосабливаться к жизненным обстоятельствам.

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

пертуара БДТ-1 исключили пьесу «Здешние» («Тутэйшыя») Янки Купалы. В 1927 году та же судьба постигла пьесу «Преисподняя» Андрея Мрия, в сказочной форме показывавшую борьбу беларусов за свой родной язык.

В 1920 году режиссер Юрий Тарич снял первый беларуский фильм «Лесная быль» о борьбе партизан с польскими захватчиками. Киностудия «Советская Беларусь» из-за отсутствия собственной материальной базы была создана в 1928 году в Ленинграде. В 1930 году беларуский кинематограф стал звуковым. Однако Москва приказала, чтобы кинофильмы снимали только на русском языке.

Белорусизация и самоутверждение нации. Главным идейным стержнем беларусизации являлась советизация. Она совпала по времени с формированием современной беларуской нации, существенно деформировав естественное течение этого процесса. Беларусизация городов заложила основы советской беларуской культуры, имевшей пролетарский (а не крестьянский) характер и противопоставленной культурной традиции «Нашей Нивы», развивавшейся в Западной Беларуси и в эмиграции. Все это существенно снижало ее привлекательность и обедняло национальное содержание.

Но в 20-е годы советизация в «национальной упаковке» еще не стала разрушительной для беларуского общества, так как сохранялось традиционное крестьянское хозяйство и существовала традиционная крестьянская культура. Советскому руководству еще не удалось навязать крестьянам идеалы большевизма. Беларусы добились признания своей самобытности, в чем царский режим им отказывал. Простые люди начали даже обращаться друг к другу с традиционными словами «дзядзька» («дядя») и «цётка» («тётя») вместо «товарищ».

БССР в нашей истории. Политика НЭПа и беларусизации укрепила советскую власть в Беларуси. Но политические мотивы создания большевиками БССР тогда мало кто понимал. Между тем, они всего-навсего разыграли беларускую карту против Польши — в противовес доставшимся ей западным беларуским землям.

Создание национально-культурной автономии БССР в 20-е годы тоже стало вынужденным шагом большевистского руководства. Ограниченное самоуправление ввели в БССР с единственной целью — не допустить реализации идеи национальной независимости беларуского народа. И все же под опекой советской России национальные идеалы беларусов частично осуществились. Уже сам факт существования БССР способствовал росту национального самосознания беларусов и международному признанию идеи беларуской государственности.

---

* Перевод со стр. 21: «Сябар» — друг. Текст рекламы гласит «Ценность дружбы — держаться вместе».

к народному языку России (как уже сказано, отнюдь не славянскому, а славяно-финскому койне, с большим тюркским влиянием) и древнему болгарскому (он же «церковно-славянский»).

В качестве третьего языка можно указать современный литературный русский язык, — искусственное кабинетное изобретение, своего рода «эсперанто» на основе двух указанных выше источников (на этом «эсперанто» написана данная статья, а вы ее читаете).

Почему нынешний русский язык больше похож на болгарский язык, чем на беларуский и украинский? (Хотя в одну языковую группу с русским относят почему-то именно их, а не болгарский и не сербский.) Это кажется странным, ведь Россия не граничит с Болгарией, но соседка с Беларусью и Украиной, в чьих исконных языках нет болгарского влияния, а если его иногда находят сегодня, то оно привнесено в более поздние времена русскими завоевателями.

В том-то и дело, что в Московии коренных славян никогда не было (кроме немногочисленных выходцев из Киевской земли в XII–XIV веках). Поэтому усвоение туземцами Московии славянского языка шло через религию, которая опиралась на болгарские тексты. Туземцы Владимира, Суздаля, Москвы, Костромы, Тулы, Рязани, Мурома, Вятки и прочих финских земель усваивали славянский язык через болгарский язык церковных книг. Именно потому небольшое славянское содержание «базы» русского языка (около 30–35% лексики) является общим болгарскому языку.

В Беларуси и Украине ситуация была иной: здесь местное население (балто-славянское в Беларуси, сармато-славянское в Украине) само выработало свои славянские говоры, которые не позволили внедряться болгарской лексике из православных книг.

Есть три факта, которые прячут все российские лингвисты, хотя шила в мешке все равно не утаить. Они таковы:

1) до начала XVIII века язык Московии никто в Европе не называл русским, а только московским, или московитским;

2) русским языком до той поры называли украинский язык;

3) московитский язык до XVIII века европейские лингвисты (в том числе из славянских стран) относили к финским говорам.

Конечно, сегодня все уже не так: власти Российской империи оказали огромное влияние на лингвистическую науку, поставив ей задачу придания московскому языку «славянского статуса». Реформа московского языка, осуществленная в XVIII веке Ф. Прокоповичем, М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым ставила целью именно усиление его слабых славянских черт. Однако даже через сто с лишним лет после Ломоносова, умершего в 1765 году, известный польский славист Ежи Лещинский заявлял:

языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

скому наречию»), на 65—70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

> «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнѣ своѣ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации.

Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII–XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

бождения беларуских земель от большевизма временно объединила беларусов, поляков и русских, хотя свои действия во время похода они координировали плохо. Тем не менее, 6 ноября Булак-Балахович освободил Туров, 8 ноября — Петриков, 10 ноября — Мозырь. Повсеместное недовольство крестьян большевистской продразвёрсткой способствовало быстрому увеличению численности армии (с 5,5 тысяч человек в октябре до 11 тысяч в ноябре).

В Мозыре Булак-Балахович провозгласил независимость Беларуси, объявил о формировании Беларуской армии и назначил сам себя ее главнокомандующим. Командование русскими воинскими подразделениями (савинковцами) он поручил своему брату — полковнику Язепу Булак-Балаховичу. Правительства Народной Рады (во главе с Ластовским) и Наивысшей Рады (во главе со Смоличем), а также большевистский ВРК (во главе с Червяковым), были объявлены незаконными.

Беларуский политический комитет преобразовал себя в правительство Беларуской Народной Республики. Это было первое беларуское правительство, обладавшее реальной властью на определенной части беларуской территории. Премьер-министром стал Вячеслав Адамович (старший), Павел Алексюк — его заместителем и министром иностранных дел, Юрий Синкевич — министром экономики, Радослав Островский — министром просвещения, полковник Беляев — военным министром.

Правительство Адамовича издало манифест к беларуского народу, в котором изложило свою программу: борьба за независимость Беларуси, выработка конституции, конфискация крупных помещичьих владений, союз с Польшей, опора на страны Антанты. Оно присвоило С. Булак-Балаховичу титул «начальника» беларуского государства — в подражание Пилсудскому. За одну неделю удалось сформировать крестьянский партизанский отряд и армейский полк.

Поражение Булак-Балахавича. После Мозыря, видимо под влиянием русских офицеров и Б. Савинкова, армия Булак-Балаховича, вместо наступлення в направлении Бобруйск — Минск, двинулась в сторону Речицы — Гомеля, в надежде соединиться с армией Врангеля. Но вскоре пришли сведения, что 14 ноября войска Врангеля разбиты Красной армией. Эта новость резко отрицательно повлияла на боевой дух балаховцев. Взять Речицу не удалось.

Большевики срочно направили в Полесье значительные военные силы (16-ю армию под командованием Н.В. Соллогуба), которые окружили войска Булак-Балаховича. Им пришлось отступать. В конце ноября — начале декабря 1920 года они пробились через заслоны красных на территорию Западной Беларуси, где и были интернированы. Лишь некоторые беларуские отряды остались на вос-

«Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

«Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...

Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910—20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

---

* «Наука и жизнь», 2006, № 3.

Называть «схожими до степени братства» абсолютно разные по содержанию МАШИНЫ воспроизводства генофонда просто нелепо. У беларусов — генофонд и антропология сплава западных балтов и славян, у русских — генофонд и антропология сплава финнов и тюрок.

Дополняют картину современные исследования беларуских ученых, изучавших антропологию и генетику беларусов. В 2005 году, одновременно с завершением работы российских ученых по изучению русского генофонда, в Беларуси были опубликованы результаты аналогичного исследования. Это книга А.И. Микулича «Беларусы в генетическом пространстве: Антропология этноса». Вот отрывки из рецензии Дмитрия Санько на нее (в переводе В. Деружинского):

«Монография подводит итоги более чем 30-летним экспедиционным исследованиям, проведенным известным антропогенетиком Алексеем Микуличем в Республике Беларусь и на смежных территориях стран-соседей — Российской Федерации, Республики Летува, Украины. Объектом их было, прежде всего, сельское население как носитель наиболее характерных генетических и конституционных особенностей популяций. Изучением было охвачено около 120 избранных групп. Они формировались из тех представителей, которые имеют предков местного происхождения до 4—5 колена.

Исследование генофонда коренных местных популяций показало целостность беларуского этноса, его гомеостаз /устойчивость — *В.Д.*/ во времени и пространстве, а также очевидность геногеографического компонента в этнической истории.

На карте генетической отдаленности от средних беларуских частот генов в населении Восточной Европы, созданной на основе значений ДНК-маркеров, ясно видна особенность генофонда беларусов, к которым примыкают коренные жители Псковщины, Новгородчины, Смоленщины, Брянщины, Виленского края и Украинского Полесья. Компактный ареал беларуского генофонда на этой карте в общих чертах соответствует сфере расселения беларусов в исторической ретроспективе...

Известно, что «европеизация» российского населения остановилась под татаро-монгольским нашествием. Изучение генофонда беларусов практически не показало присутствия в нем примет монгольской расы. Это подтверждает исторические свидетельства о том, что Беларусь не знала татаро-монгольского ига. Интересно также отметить, что общая тенденция изменчивости в границах беларуского ареала имеет меридиональное направление /Запад — Восток — *В.Д.*/, в то время как для российского ареала ее направление перпендикулярно — широтное /Север — Юг — *В.Д.*/.

алфавит? Никакого. А ведь поляки — братья-славяне и соседи навсегда, тогда как с неславянской Грецией Беларусь не граничит и ничего общего с греками беларусы не имеют. Выбор между греческим и латинским алфавитами лишен политического подтекста.

Зато такой подтекст всегда присутствует в демагогических заявлениях российских идеологов и парламентариев, склонных ужасаться «отходу от России» по любому поводу, ибо в их представлениях Москва — «третий Рим», своего рода мистический центр, вокруг которого «обязано» группироваться все «прогрессивное человечество».

Когда большевики захватили власть в Российской империи, комиссары от просвещения осуществили реформу «великорусского» языка. Во-первых, его переименовали в просто «русский», дабы удалить имперское» «велико», а заодно превратили великороссов в русских. Между тем, нет в русском языке такого обычая, чтобы название национальности было прилагательным (хотя чего требовать от авторов новшества Троцкого и Свердлова, евреев, слабо разбиравшихся в тонкостях русского языка). Во-вторых, Троцкий и Свердлов утвердили «новый гражданский алфавит»: отменили букву «ять» и ряд других букв, одобрили изменение грамматических правил.

А в-третьих, мало кто помнит о том, что Лейба Бронштейн (он же Лев Троцкий) настаивал на переводе русского языка на латинский алфавит– «в целях мировой революции». Эту идею не приняли потому, что ни Сумароков, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Толстой на латинице не писали. Напротив, беларуские хронисты, поэты и писатели вплоть до начала XX века создавали свои произведения на беларуской латинице...

Кирилл и Мефодий умерли, соответственно, в 869 и 885 годах, задолго до принятия Киевом христианства (988 год), Москва в их времена еще не существовала в природе, Новгород только-только появился в виде маленькой крепости. Они создали в Моравии квазигреческий алфавит для чехов, а не для языческой Киевской Руси.

Кирилл потому и не поехал в земли нынешних Украины и России «обращать славян в православие», что никаких славян там еще не было. Некому было давать «славянский алфавит на основе греческого». Киев тогда не был славянским, он «дружил» с Хазарией, в нем жили сарматы (предки украинцев) и иудеи, поскольку сарматские князья Киева были тогда породнены с тюркскими князьями Хазарии, исповедавшими иудаизм. Они тоже исповедали иудаизм, так что Киев был тогда «городом синагог» и языческих капищ*. Чего же было Кириллу ехать в Киев к язычникам и иудеям?

---

* К сведению русских и украинских «ура-патриотов», возмущенных «очередной исторической выдумкой»: эта тема всесторонне исследована в израильском научно-популярном телесериале о Хазарии как «еще одной прародине израильтян». Имеются также солидные научные труды по данному вопросу. — *Прим. Ред.*

кто строил фразы, используя вместо славянской лексики финскую или тюркскую.

Проблема такого «двуязычия» из-за отсутствия в России народной славянской основы всегда преследовала создателей литературного русского языка. Сначала он назывался московским, затем российским. Однако после захвата Россией в 1772–1795 годах ВКЛ и Западной Украины пришлось его менять на «великорусское наречие русского языка».

Именно так русский язык фигурировал в 1840-е годы в названии словаря Владимира Даля: «Толковый словарь великорусского наречия русского языка». Даль разделял русский язык на три наречия — беларуское, украинское и российское. Но позже российские лингвисты специально изменили это название на «Толковый словарь живого русского языка», хотя труд под таким названием Даль в типографию никогда не сдавал.

В 1778 году в Москве была напечатана брошюра писателя и лингвиста Федора Григорьевича Карина «Письмо о преобразителях российского языка». Он писал:

> «Ужасная разность между нашим языком /повсюду в своей работе он называет его «московским наречием» — *В.Д.* / и славянским часто пресекает у нас способы изъясняться на нем с тою вольностию, которая одна оживляет красноречие и которая приобретается не иным чем, как ежедневным разговором...
>
> Как искусный садовник молодым прививком обновляет старое дерево, очищая засохлые на нем лозы и тернии, при корени его растущие, так великие писатели поступили в преображении нашего языка, который сам по себе был беден, а подделанный к славянскому сделался уже безобразен».

«Беден» и «безобразен» — это сильно расходится с будущей его оценкой как «великого и могучего». Оправданием может служить лишь тот факт, что Пушкин еще не родился и не приступил к совершенствованию молодого языка («эсперанто»), только что созданного экспериментами Прокоповича — Ломоносова — Сумарокова.

Опять-таки, подобной проблемы никогда не знали беларусы, украинцы, поляки, чехи, болгары, сербы и остальные славяне, у которых язык сельских жителей органично становился языком всего народа. Это чисто российская проблема: как сочетать финский язык селян со славянским языком государства.

В итоге российские лингвисты XVIII века разорвали «пуповину» многовековой связи языка Москвы с болгарским языком, который они дружно нашли «чуждым», «вычурным в условиях России», «тормозившим становление литературного российского языка». И, отвергнув болгарский язык, припали к народному языку («москов-

народы Полабской Руси и Поморья, спасаясь от немецкой экспансии, уходили все дальше и дальше на восток.

Летописи свидетельствуют, что «славянские элементы» появились на территории Литвы (будущей Беларуси) благодаря миграции славян из Полабской Руси и Поморья (ободритов, лютичей-лютвинов, русинов острова Русин /Рюген/ и Старгорода /Ольденбурга/, лужичан Лужицкой Сербии, поморских пруссов, а также мазуров). Тогдашние этносы Западной и Центральной Беларуси (ятвяги, дайнова, лютва) не только дали им всем место, но и смешались с ними. В результате этого смешения возникло Великое княжество Литовское.

Мигрировавшие народы Центральной Европы принесли сюда свои фамилии на «ич», отсутствующие в языках современных поляков, украинцев и русских. Отмечу попутно, что писатель Юрий Брезан, лужицкий серб, лауреат двух Государственных премий ГДР, в книге «Избранное» (Москва, 1987 г.) своих персонажей лужичан называет «беларускими» именами Якуб, Михась, Ян, Ганна и т.д. Но «беларуские» ли это имена и фамилии? Скорее, они «собственность» лужичан.

Молодые беларуские крестьянки

Более чем вероятно, что литвинский (беларуский) язык и этнос возникли в процессе взаимодействия языков и этносов полабско-поморских славян и балтов. Древние культурные истоки беларусов надо искать у лужицких сербов. Серьезных исследований в этом направлении не было, хотя именно тут очевидна полная идентичность и совпадение в деталях, а не просто нечто этнически «похожее».

Обращаю внимание читателей на указанную проблему по той причине, что в России существует принципиально иная, ничем не обоснованная версия этнокультурного происхождения беларусов: мол, беларусы — это восточные славяне, которые изначально проживали на территории Днепра (и оттуда же якобы «вышли» русские).

Именно такая концепция позволяла идеологам царизма изображать беларусов как «младший» и «изначально родственный» рус-

бождения беларуских земель от большевизма временно объединила беларусов, поляков и русских, хотя свои действия во время похода они координировали плохо. Тем не менее, 6 ноября Булак-Балахович освободил Туров, 8 ноября — Петриков, 10 ноября — Мозырь. Повсеместное недовольство крестьян большевистской продразвёрсткой способствовало быстрому увеличению численности армии (с 5,5 тысяч человек в октябре до 11 тысяч в ноябре).

В Мозыре Булак-Балахович провозгласил независимость Беларуси, объявил о формировании Беларуской армии и назначил сам себя ее главнокомандующим. Командование русскими воинскими подразделениями (савинковцами) он поручил своему брату — полковнику Язепу Булак-Балаховичу. Правительства Народной Рады (во главе с Ластовским) и Наивысшей Рады (во главе со Смоличем), а также большевистский ВРК (во главе с Червяковым), были объявлены незаконными.

Беларуский политический комитет преобразовал себя в правительство Беларуской Народной Республики. Это было первое беларуское правительство, обладавшее реальной властью на определенной части беларуской территории. Премьер-министром стал Вячеслав Адамович (старший), Павел Алексюк — его заместителем и министром иностранных дел, Юрий Синкевич — министром экономики, Радослав Островский — министром просвещения, полковник Беляев — военным министром.

Правительство Адамовича издало манифест к беларуского народу, в котором изложило свою программу: борьба за независимость Беларуси, выработка конституции, конфискация крупных помещичьих владений, союз с Польшей, опора на страны Антанты. Оно присвоило С. Булак-Балаховичу титул «начальника» беларуского государства — в подражание Пилсудскому. За одну неделю удалось сформировать крестьянский партизанский отряд и армейский полк.

Поражение Булак-Балахавича. После Мозыря, видимо под влиянием русских офицеров и Б. Савинкова, армия Булак-Балаховича, вместо наступлення в направлении Бобруйск — Минск, двинулась в сторону Речицы — Гомеля, в надежде соединиться с армией Врангеля. Но вскоре пришли сведения, что 14 ноября войска Врангеля разбиты Красной армией. Эта новость резко отрицательно повлияла на боевой дух балаховцев. Взять Речицу не удалось.

Большевики срочно направили в Полесье значительные военные силы (16-ю армию под командованием Н.В. Соллогуба), которые окружили войска Булак-Балаховича. Им пришлось отступать. В конце ноября — начале декабря 1920 года они пробились через заслоны красных на территорию Западной Беларуси, где и были интернированы. Лишь некоторые беларуские отряды остались на вос-

ге на беларуском языке свою повесть в стихах «Сынок», несколько поучений для народа («Слово о проклятой водке и о жизни и смерти пьяницы»), другие произведения.

Поэт Франтишек Богушевич (1840–1900)

Хранителями родного языка выступали кружки ученической и студенческой молодежи, которые под влиянием этнографических исследований интересовались вопросами народной культуры. Студенческие кружки уроженцев Беларуси возникли в конце XIX века в Варшаве, Кракове, Киеве, Одессе, Харькове, Москве и Петербурге. Среди московских студентов пользовался популярностью Антон Левицкий (1868–1922), будущий беларуский писатель, известный под псевдонимом Ядвигин Ш.

В Петербурге студент технологического института Вацлав Ивановский организовал в 1899 году студенческий кружок из земляков. В начале нового века члены кружка издали на гектографе литературные сборники «Колядная писанка» и «Великодная писанка», а также переиздали в 1903 году под видом болгарской книжку Янки Лучины «Вязанка».

Города как центры культуры. После реформы 1861 года в Беларуси ускорилось формирование профессиональной культуры — сферы деятельности творческой интеллигенции. Центром беларуской профессиональной культуры выступала Вильня. Но даже в 1897 году беларусы составляли лишь 17% горожан Северо-Западного края и были слабо представлены среди состоятельной их части.

Традиционная (народная) культура безбрежным морем окружала города, своеобразные «острова» профессионального творчества. Беларуская деревня привлекала городских интеллигентов своими деревянными скульптурами и церквями, народной праздничной одеждой, изделиями ткачества и гончарного промысла, богатейшим фольклором, музыкальными мелодиями, традиционными обрядами и праздниками.

У беларусов уже давно не было своего государства, но сохранился родной язык, была родная земля. Язык и земля позволяли им мечтать о национальном самоопределении.

Наиболее значимыми проводниками русского культурного влияния являлись губернские города. Русская либеральная интеллигенция группировалась вокруг редакций периодических изданий,

Алесь, Анатоль, Антось, Апанас, Аўген, Багрым, Браніслаў, Васіль, Вацлаў, Вітаўт, Генадзь, Зьміцер, Зянон, Карусь, Лаўрын, Лукаш, Лявон, Марка, Мікола, Міхась, Піліп, Радзім, Сымон, Хвёдар, Юрка, Якуб, Янка, Ясь, Яўген...

Алеся, Алёна, Аўгіньня, Вольга, Галька, Ганна, Зарына, Зоська, Івонка, Люцыя, Мальвіна, Міліта, Надзея, Наста, Паўліна, Стэфанія, Храсціна, Яніна...

После этого остается лишь удивляться тому, что армяне почему-то называют своих сыновей именем Ованес, но не Иван, а латыши — Петерис вместо простого и понятного Петр.

Между тем, проблема личных имен не столь проста, как это кажется многим нашим современникам, по уши погрязшим в материализме самого вульгарного толка и категорически не желающим думать о скрытой сути всех вещей. Чтобы много не рассуждать по этому поводу, ограничусь всего одной цитатой из работы православного русского философа Павла Флоренского «Об Имени Божием», написанной в 1921 году. В ней он, в частности, утверждал:

> «Имя — это материализация, сгусток благодатных или оккультных сил, мистический корень, которым человек связан с иными мирами. И поэтому имя — самый больной, самый чувствительный член человека. Но мало того. Имя есть сама мистическая личность человека, его трансцендентальный субъект... По своему происхождению имя — небесно... В особенности — имена, принадлежащие великим богам, теофорные, т.е. богоносные имена, несущие с собой благодать, преобразующие их носителей, влекущие их по особым путям, кующие их судьбы, охраняющие и ограждающие их».

Мы в этой книге говорим о национальном самосознании людей. Позволю себе задать в данной связи риторический вопрос: кем ощущает себя человек, нареченный чужестранным именем, не имеющим никакого отношения ни к его национальному языку, ни к традициям его нации?

И в какой стране мы с вами живем: в России, или, может быть, все-таки в Беларуси?!

В 1837 году царь Николай I своим указом подчинил Греко-униатскую коллегию департаменту иностранных вероисповеданий Святейшего Синода.

В 1831–37 гг. один за другим умерли пять униатских епископов (А. Головня, И. Жарский, И. Матусевич, К. Сератинский, Л. Яворовский) — противники слияния с РПЦ. А в начале февраля 1838 года умер глава униатов, митрополит Иосафат Булгак, более всех других сопротивлявшийся «воссоединению» (ходили упорные слухи о том, что его отравили).

После этого у Семашко освободились руки. Он потребовал от всех священников дать подписку о согласии на объединение с РПЦ. Правда, такую подписку дали только 186 человек. Большинство воздержалось, а самые смелые пытались бороться. Но отдельные протесты ничего не могли изменить. Секретный комитет по униатским делам, созданный в Петербурге в 1835 году, уже готовил полное уничтожение униатской церкви.

В него вошли 10 человек: от РПЦ — митрополит Московский Филарет, митрополит Новгородский Серафим, архиепископ Тверской Григорий; от правительства — министр внутренних дел Блудов, обер-прокурор синода Нечаев, статс-секретарь Танеев, действительный тайный советник Голицын, генерал граф Толстой; от униатской церкви — епископ Иосиф Семашко и митрополит Иосафат Булгак. Уже по составу комитета можно судить о том, сколь большое значение придавали власти проблеме ликвидации униатства. Из всех его членов только И. Булгак являлся противником этого плана, но после его смерти, наступившей 25 февраля 1838 года, исчезло и это последнее препятствие.

Из секретного письма министра внутренних дел Блудова от 29 мая 1835 года, направленного Семашко, ясно следует, что главной функцией данного комитета являлась вовсе не «защита» униатов от польско-римского влияния, а полная интеграция их в православие.

Разумеется, польское католическое духовенство, помещики и чиновники католического вероисповедания в Беларуси и Украине видели, к чему ведут дело правительство и Синод. Опасаясь полной утраты своего влияния на несколько миллионов беларусов и украинцев, они стали открыто высказывать недовольство политикой Петербурга в отношении униатской церкви. Более половины помещиков-католиков находилось в оппозиции к официальному курсу по этому вопросу. После 1832 года значительное распространение получили действия ксендзов и помещиков, направленные на то, чтобы удержать униатов в их вере, а тех, кто уже перешел в православие, обратить в католичество.

Были опрошены 1500 человек в разных точках страны. Кроме того, проведены дискуссии в различных возрастных группах, где люди могли не просто ответить на вопросы, но и объяснить свою позицию.

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, пьянство, лень, сострадание, самопожертвование — вот, судя по ответам, главные составляющие русского характера. Но не единственные. Многие респонденты сказали, что русским свойственны доброта, гостеприимство, оптимизм, простота (раскованность), приветливость, находчивость, живучесть, халявность, русский «авось», уживчивость, безответственность, смелость, щедрость, любовь к Родине.

В дискуссиях добавляли и такие характеристики: «Мы часто ругаемся, но и часто миримся»; «Русские всегда чего-то ждут, пока все само собой сделается»; «На сегодняшний день воровство — это национальная черта». Всё, как во времена Карамзина. Таков русский человек — един во многих лицах, прямая противоположность самому себе.

Причины, истоки русского менталитета, молодое поколение (до 34 лет) видит в том, что русские всегда имели сильного правителя, что Россия — фильтр между Европой и Азией, и что она изначально была несвободной страной. С другой стороны, на нашем характере сказались большие просторы и природные богатства. Старшие тоже согласны: «Огромная территория, избыток природных богатств привели к широте души». Но они видят и другие корни нашего менталитета: постоянная борьба, угнетение, климатические условия («на севере люди добрее, чем на юге»), смешение народов».

Через полгода газета «Беларусь сегодня» рассказала об аналогичном исследовании среди беларусов. 14 июля 2004 года Виолетта Дралюк в статье «Что беларусу хорошо, то и японцу неплохо» рассказала о том, что ученые из Гомельского государственного технического университета им. П.О.Сухого «вот уже несколько лет упорно исследуют загадку беларуского менталитета»:

«Особые природные условия, тесные взаимоотношения с соседями, мирное сосуществование разных христианских конфессий и религий, военные походы через беларускую землю, «прививки» восточных культур — вот что сформировало ментальные особенности беларуса, считают гомельские ученые. Например, под влиянием балтов появилась у нас сдержанность, выносливость, настороженность и скрытность. Зато нет у беларусов легкомысленности и бахвальства, присущего «шляхетным» полякам. Лишены беларусы и раскованности, открытой и порой грубой простоты, столь свойственной русским. Евреям беларусы уступают в находчивости, настойчивости, умении приспосабливаться к жизненным обстоятельствам.

«Проявления рецидива буржуазно-националистических концепций в области истории белорусской литературы и литературной критики, искажение марксистско-ленинской методологии в области литературоведения до современного момента не получили еще соответствующего раскрытия на страницах наших литературно-художественных журналов».

Далее он сделал вывод о том, что «белорусский национализм всегда был и есть наихудшим образцом низкопоклонства перед империалистическим Западом».

«Идеологически ориентированные» критики (типа Борисенко) заклеймили как безыдейные стихотворения Констанции Буйло из сборника «Рассвет», стихотворения Петруся Бровки «Скворец» и «Ива над водою», Максима Танка «Я не знаю, кто ты» и «Дорогая моя», Аркадия Кулешова «Земля и море» и «Земля и небо», Петра Глебки «Смерть солдата», Адама Русака «Осенние напевы», проникнутые чувством искреннего патриотизма, любви к родной природе и своему краю.

Идеологические кампании в некоторых случаях завершались очередными арестами, хотя они уже не имели массового характера. Например, в конце 40-х годов по второму разу арестовали Станислава Шушкевича, Андрея Александровича, Бориса Микулича, Сергея Граховского и несколько других беларуских литераторов, в том числе находившихся в ссылке с 30-х годов!

Новая кампания идеологической травли беларуских писателей началась в 1951 году после появления в газете «Правда» статьи «Против идеологических искажений в литературе». «Националистический уклон» бдительные партийцы обнаружили в стихотворении украинского поэта Владимира Сосюры «Люби Украину». В связи с этой кампанией беларуская республиканская газета «Литература и искусство» («Літаратура і мастацтва») отметила в своей передовой статье:

«Статья «Правды» «Против идеологических искажений в литературе» предупредила всех писателей, всех поэтов о необходимости отчетливой идейной направленности каждого произведения, о необходимости того, чтобы каждое произведение по-настоящему отображало нашу героическую жизнь в эпоху великого Сталина».

В «Материалах к отчетному докладу ЦК КП(б)Б XIX съезду КПСС» (1952 год) подчеркивалось, что компартия БССР считает своей главной задачей «организацию идеологической борьбы против любых проявлений национализма».

В феврале 1956 года состоялся знаменитый XX съезд КПСС, на котором генеральный секретарь партии Н.С. Хрущев выступил с сенсационными разоблачениями так называемого «культа личности Сталина». Съезд ознаменовал начало пресловутой «хрущевской

значение в предвыборных кампаниях), газетные публикации, листовки и плакаты с броскими лозунгами, коротенькие пропагандистские брошюрки, напечатанные крупным шрифтом, радиопередачи. Спрятаться в СССР от пропаганды никто не мог, особенно в городах и на производстве. Митинги, собрания, лекции, политинформации, демонстрации...

Кроме того, большевики использовали во всю мощь кино. Ленин не зря утверждал, что «кино -- наиважнейшее дело». Сегодня нам трудно даже вообразить ту колоссальную силу эмоционального воздействия, которое оно оказывало на массы в 30-е и 40-е годы. Фильмы, предельно примитивные по своим сюжетам, идеологии, режиссуре, актерской игре вроде «Броненосца Потемкина», «Максима», «Чапаева» сыграли гигантскую роль в деле оболванивания миллионных масс. У сегодняшнего зрителя они вызывают скуку и недоумение: чем здесь восторгались наши деды?

Террор

Первым, кто выдвинул концепцию создания «нового человека», был Николай Бухарин (по определению Ленина — «главный теоретик и любимец партии большевиков»). Он еще в 1915 году заявил о неизбежности «складывания нового типа человека» при социализме. И он же четко указал, что главным средством такого «складывания» является насилие. В 1919 году в своей работе «Азбука коммунизма» Бухарин писал:

> «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Формы большевистского насилия были многообразны: экспроприация собственности имущих классов и слоев населения; «разбуржуазивание», «расказачивание» и «раскулачивание»; принудительное уравнивание населения по имущественным, культурным, идеологическим параметрам; агрессивный атеизм, тюремное заключение, казни...

Но центральным звеном всей большевистской системы «перековки» стал концентрационный лагерь. Напомню, что трудовые лагеря для перевоспитания «классово чуждых элементов» придумали Ленин и Троцкий, первые такие учреждения появились уже в 1918 году. Советские концлагеря исполняли не столько карательные, сколько экономические и воспитательные функции. Один поляк из Западной Беларуси (Александр Ват), прошедший через советские лагеря, написал:

> «Название «исправительно-трудовой лагерь» является абсолютно точным. Это исправительный лагерь, только с одной оговоркой

Происходит не исправление тех пяти или пятнадцати миллионов узников, ведь это меньшинство..., а дело во всем населении. Почти в каждой семье кто-то был в лагере, и каждый мог ждать, что туда попадет. И в этом было всё дело, чтобы каждый знал, что ему это угрожает каждую минуту, что лагерь страшен, и что об этом нельзя говорить... Чтобы посредством лагерей воспитывать всё население, которое еще не сидело в лагере».

Александр Солженицын в своем знаменитом исследовании «Архипелаг ГУЛАГ» оценивал число заключенных советской лагерной империи в 1938 году в диапазоне от 12 до 15 миллионов человек! Но ведь 15 миллионов — это почти каждый десятый житель страны. А если исключить детей до 12 лет, немощных стариков и беспомощных инвалидов, то еще больше, каждый седьмой или даже шестой!

Лагеря не какое-то малозначительное «отступление» от гуманных норм социализма, сугубо прекрасного общественного строя, как утверждали идеологи большевиков. Более чем 600 лагерей с миллионами абсолютно бесправных рабов, разбросанные по всему СССР от Бреста до Чукотки, это и была основа основ ленинско-сталинского советского общества. В переносном смысле, весь Советский Союз представлял собой огромный концентрационный лагерь. Такое сравнение проводится во множестве научных исследований, публицистических и художественных произведений.

А тот человеческий материал, который для лагерей не годился по причине слабого здоровья, отсутствия привычки к физическому труду или в силу особого упорства в «заблуждениях», подлежал списанию в расход. Около 22% лиц, арестованных карательными органами в СССР за период с 1922 по 1953 год, были казнены.

Школа

Очень большое внимание большевики уделяли школе. В первые несколько лет после октябрьского переворота они использовали школу для отрицания всей предыдущей культуры как «буржуазной» и «поповской». Отсюда, в частности, проистекали знаменитые лозунги комсомольцев 20-х годов, типа «долой стыд, семью и материнство», «попы — это кровопийцы» и подобные им.

Но по мере усиления системы власти большевиков облик и функции школы постепенно менялись. Коммунисты организовали школьное обучение таким образом, чтобы никто не мог выйти за рамки официально разрешенных знаний, а «пролетарское» государство не получало молодых граждан, владеющих «вредными» знаниями или научившихся задавать «ненужные вопросы». Соответственно, общей характеристикой всех школьных учебников по гуманитарным предметам (по истории, литературе, обществоведению)

кто строил фразы, используя вместо славянской лексики финскую или тюркскую.

Проблема такого «двуязычия» из-за отсутствия в России народной славянской основы всегда преследовала создателей литературного русского языка. Сначала он назывался московским, затем российским. Однако после захвата Россией в 1772–1795 годах ВКЛ и Западной Украины пришлось его менять на «великорусское наречие русского языка».

Именно так русский язык фигурировал в 1840-е годы в названии словаря Владимира Даля: «Толковый словарь великорусского наречия русского языка». Даль разделял русский язык на три наречия — беларуское, украинское и российское. Но позже российские лингвисты специально изменили это название на «Толковый словарь живого русского языка», хотя труд под таким названием Даль в типографию никогда не сдавал.

В 1778 году в Москве была напечатана брошюра писателя и лингвиста Федора Григорьевича Карина «Письмо о преобразителях российского языка». Он писал:

> «Ужасная разность между нашим языком /повсюду в своей работе он называет его «московским наречием» — *В.Д.*/ и славянским часто пресекает у нас способы изъясняться на нем с тою вольностию, которая одна оживляет красноречие и которая приобретается не иным чем, как ежедневным разговором...
>
> Как искусный садовник молодым прививком обновляет старое дерево, очищая засохлые на нем лозы и тернии, при корени его растущие, так великие писатели поступили в преображении нашего языка, который сам по себе был беден, а подделанный к славянскому сделался уже безобразен».

«Беден» и «безобразен» — это сильно расходится с будущей его оценкой как «великого и могучего». Оправданием может служить лишь тот факт, что Пушкин еще не родился и не приступил к совершенствованию молодого языка («эсперанто»), только что созданного экспериментами Прокоповича — Ломоносова — Сумарокова.

Опять-таки, подобной проблемы никогда не знали беларусы, украинцы, поляки, чехи, болгары, сербы и остальные славяне, у которых язык сельских жителей органично становился языком всего народа. Это чисто российская проблема: как сочетать финский язык селян со славянским языком государства.

В итоге российские лингвисты XVIII века разорвали «пуповину» многовековой связи языка Москвы с болгарским языком, который они дружно нашли «чуждым», «вычурным в условиях России», «тормозившим становление литературного российского языка». И, отвергнув болгарский язык, припали к народному языку («москов-

В 1837 году царь Николай I своим указом подчинил Греко-униатскую коллегию департаменту иностранных вероисповеданий Святейшего Синода.

В 1831–37 гг. один за другим умерли пять униатских епископов (А. Головня, И. Жарский, И. Матусевич, К. Сератинский, Л. Яворовский) — противники слияния с РПЦ. А в начале февраля 1838 года умер глава униатов, митрополит Иосафат Булгак, более всех других сопротивлявшийся «воссоединению» (ходили упорные слухи о том, что его отравили).

После этого у Семашко освободились руки. Он потребовал от всех священников дать подписку о согласии на объединение с РПЦ. Правда, такую подписку дали только 186 человек. Большинство воздержалось, а самые смелые пытались бороться. Но отдельные протесты ничего не могли изменить. Секретный комитет по униатским делам, созданный в Петербурге в 1835 году, уже готовил полное уничтожение униатской церкви.

В него вошли 10 человек: от РПЦ — митрополит Московский Филарет, митрополит Новгородский Серафим, архиепископ Тверской Григорий; от правительства — министр внутренних дел Блудов, обер-прокурор синода Нечаев, статс-секретарь Танеев, действительный тайный советник Голицын, генерал граф Толстой; от униатской церкви — епископ Иосиф Семашко и митрополит Иосафат Булгак. Уже по составу комитета можно судить о том, сколь большое значение придавали власти проблеме ликвидации униатства. Из всех его членов только И. Булгак являлся противником этого плана, но после его смерти, наступившей 25 февраля 1838 года, исчезло и это последнее препятствие.

Из секретного письма министра внутренних дел Блудова от 29 мая 1835 года, направленного Семашко, ясно следует, что главной функцией данного комитета являлась вовсе не «защита» униатов от польско-римского влияния, а полная интеграция их в православие.

Разумеется, польское католическое духовенство, помещики и чиновники католического вероисповедания в Беларуси и Украине видели, к чему ведут дело правительство и Синод. Опасаясь полной утраты своего влияния на несколько миллионов беларусов и украинцев, они стали открыто высказывать недовольство политикой Петербурга в отношении униатской церкви. Более половины помещиков-католиков находилось в оппозиции к официальному курсу по этому вопросу. После 1832 года значительное распространение получили действия ксендзов и помещиков, направленные на то, чтобы удержать униатов в их вере, а тех, кто уже перешел в православие, обратить в католичество.

и истории, на развитие национальной культуры. В этой связи следует вспомнить П.М. Машерова, занимавшего пост первого секретаря ЦК КПБ в течение 15 лет: с 1965 по 1980 год. Есть немало публикаций, авторы которых называют его «славным сыном беларуского народа». Значительно ближе к истине другая оценка: он был «верным сыном коммунистической партии», но не народа. В наше время просто нелепо отождествлять понятия «партия» и «народ».

Машеров настойчиво и последовательно проводил в жизнь космополитичные интересы партии, изрядно потрудился на поприще формирования денационализированного «советского человека» и русификации беларусов. Вот что, например, писал о нем Иван Шамякин, народный писатель Беларуси:

> «Много хорошего сделал этот человек для экономики, для культуры. Но... Исчезал же язык народа — основа национальной культуры. Эти вопросы мы задавали и тогда, эта боль жгла, и мы кричали. Говорили и Машерову, и он соглашался. Но русификация не прекращалась. Она шла так же интенсивно, как при Гусарове (так ведь это был русский), при Мазурове; даже русак Пономаренко не позволял таких поворотов, когда газеты западных областей, районов, «Сельская газета» переходили на русский язык. Процесс этот не был стихийным. Он поощрялся — при стыдливом молчании многих. Машеров ни разу, ни на одном пленуме, совещании, съезде, сессии, торжественном заседании — не выступил по-беларуски».

Однако никакие ограничения не смогли остановить пробуждение и дальнейшее усиление интереса к своим национальным корням в среде беларуских интеллектуалов. В различных областях отечественной науки шло накопление ценных материалов, ждавших своего времени для использования в интересах нации. В 1967–75 гг. увидела свет 12-томная «Беларуская савецкая энцыклапедыя», в которой многие статьи по истории и литературе были написаны с национальных позиций.

На почве народной культуры (пусть изуродованной большевистским мракобесием), под влиянием интеллигентов, прошедших через сталинские лагеря (пусть их осталось мало), под воздействием идей беларуской эмиграции (хотя радио глушили, а литература поступала нелегально) появлялись все новые и новые национально сознательные личности. Полулегально, эзоповым языком они вели национальную пропаганду. Параллельно с конца 1960-х годов спонтанно формировалось движение в защиту историко-архитектурного наследия, развивалось краеведение, появилось движение по изучению фольклора.

алфавит? Никакого. А ведь поляки — братья-славяне и соседи навсегда, тогда как с неславянской Грецией Беларусь не граничит и ничего общего с греками беларусы не имеют. Выбор между греческим и латинским алфавитами лишен политического подтекста.

Зато такой подтекст всегда присутствует в демагогических заявлениях российских идеологов и парламентариев, склонных ужасаться «отходу от России» по любому поводу, ибо в их представлениях Москва — «третий Рим», своего рода мистический центр, вокруг которого «обязано» группироваться все «прогрессивное человечество».

Когда большевики захватили власть в Российской империи, комиссары от просвещения осуществили реформу «великорусского» языка. Во-первых, его переименовали в просто «русский», дабы удалить имперское» «велико», а заодно превратили великороссов в русских. Между тем, нет в русском языке такого обычая, чтобы название национальности было прилагательным (хотя чего требовать от авторов новшества Троцкого и Свердлова, евреев, слабо разбиравшихся в тонкостях русского языка). Во-вторых, Троцкий и Свердлов утвердили «новый гражданский алфавит»: отменили букву «ять» и ряд других букв, одобрили изменение грамматических правил.

А в-третьих, мало кто помнит о том, что Лейба Бронштейн (он же Лев Троцкий) настаивал на переводе русского языка на латинский алфавит– «в целях мировой революции». Эту идею не приняли потому, что ни Сумароков, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Толстой на латинице не писали. Напротив, беларуские хронисты, поэты и писатели вплоть до начала XX века создавали свои произведения на беларуской латинице...

Кирилл и Мефодий умерли, соответственно, в 869 и 885 годах, задолго до принятия Киевом христианства (988 год), Москва в их времена еще не существовала в природе, Новгород только-только появился в виде маленькой крепости. Они создали в Моравии квазигреческий алфавит для чехов, а не для языческой Киевской Руси.

Кирилл потому и не поехал в земли нынешних Украины и России «обращать славян в православие», что никаких славян там еще не было. Некому было давать «славянский алфавит на основе греческого». Киев тогда не был славянским, он «дружил» с Хазарией, в нем жили сарматы (предки украинцев) и иудеи, поскольку сарматские князья Киева были тогда породнены с тюркскими князьями Хазарии, исповедавшими иудаизм. Они тоже исповедали иудаизм, так что Киев был тогда «городом синагог» и языческих капищ*. Чего же было Кириллу ехать в Киев к язычникам и иудеям?

---

* К сведению русских и украинских «ура-патриотов», возмущенных «очередной исторической выдумкой»: эта тема всесторонне исследована в израильском научно-популярном телесериале о Хазарии как «еще одной прародине израильтян». Имеются также солидные научные труды по данному вопросу. — *Прим. Ред.*

кто строил фразы, используя вместо славянской лексики финскую или тюркскую.

Проблема такого «двуязычия» из-за отсутствия в России народной славянской основы всегда преследовала создателей литературного русского языка. Сначала он назывался московским, затем российским. Однако после захвата Россией в 1772–1795 годах ВКЛ и Западной Украины пришлось его менять на «великорусское наречие русского языка».

Именно так русский язык фигурировал в 1840-е годы в названии словаря Владимира Даля: «Толковый словарь великорусского наречия русского языка». Даль разделял русский язык на три наречия — беларуское, украинское и российское. Но позже российские лингвисты специально изменили это название на «Толковый словарь живого русского языка», хотя труд под таким названием Даль в типографию никогда не сдавал.

В 1778 году в Москве была напечатана брошюра писателя и лингвиста Федора Григорьевича Карина «Письмо о преобразителях российского языка». Он писал:

> «Ужасная разность между нашим языком /повсюду в своей работе он называет его «московским наречием» — *В.Д.*/ и славянским часто пресекает у нас способы изъясняться на нем с тою вольностию, которая одна оживляет красноречие и которая приобретается не иным чем, как ежедневным разговором...
>
> Как искусный садовник молодым прививком обновляет старое дерево, очищая засохлые на нем лозы и тернии, при корени его растущие, так великие писатели поступили в преображении нашего языка, который сам по себе был беден, а подделанный к славянскому сделался уже безобразен».

«Беден» и «безобразен» — это сильно расходится с будущей его оценкой как «великого и могучего». Оправданием может служить лишь тот факт, что Пушкин еще не родился и не приступил к совершенствованию молодого языка («эсперанто»), только что созданного экспериментами Прокоповича — Ломоносова — Сумарокова.

Опять-таки, подобной проблемы никогда не знали беларусы, украинцы, поляки, чехи, болгары, сербы и остальные славяне, у которых язык сельских жителей органично становился языком всего народа. Это чисто российская проблема: как сочетать финский язык селян со славянским языком государства.

В итоге российские лингвисты XVIII века разорвали «пуповину» многовековой связи языка Москвы с болгарским языком, который они дружно нашли «чуждым», «вычурным в условиях России», «тормозившим становление литературного российского языка». И, отвергнув болгарский язык, припали к народному языку («москов-

няк» (мастер выделки кож), и что эта фамилия была в старину одной из распространенных среди славян.

Зато «исконно русским и славянским» стали считать в современной России финский «окающий» акцент: им наделяют в фильмах героев «Древней Руси», его эксплуатируют популярные комики — «русские бабки». Никого не смущает тот факт, что ближайшие родственники русских — финны Финляндии — точно так окают, когда говорят по-русски или по-немецки.

Такое же смешение понятий произошло в вопросе антропологической идентичности. Поскольку финны внешне похожи на индоевропейцев, нетрудно придти к выводу, что именно так должны выглядеть славяне. Вот характерный пример: в повести «Кто стреляет последним» (1976 г.) российский писатель Николай Наумов пишет, как некий гауптман Отто, рассматривая пленного снайпера, родом из Рязани (то есть, из этноса эрзя), констатирует: «типичный славянин — круглое лицо, короткий широкий нос». Но это описание финна, а не славянина. Среди беларусов и поляков таких лиц нет.

Российские археологи нашли массу вещественных доказательств того, что до IX века на территории современной России вообще не было славян. Важнейшую роль в этом открытии сыграли раскопки в Новгороде, которые ведутся уже нескольких десятилетий. Было установлено (специально подчеркиваю — достоверно установлено учеными), что славяне, древнерусский язык и Рюрик появились в Новгороде одновременно! Более того, сам Новгород основали в середине IX века именно эти славяне-колонисты из Полабской Руси (т.е., с территории нынешней Германии).

Никаких «исконных» славян до Рюрика не было. Этот факт вызвал шок, хотя подозрения на сей счет существовали и раньше. Так, Л.В. Алексеев в книге «Полоцкая земля» еще в 1966 году писал:

> «Современные данные археологии и топонимики показывают, что в эпоху раннего железа Восточную Европу населяло три крупных группы племен. Первая, ирано-язычная, занимала Крымский полуостров, Кубань, Нижний Дон, Нижний Днепр и доходила на севере до водораздела Сейма, Десны и Оки...
>
> Вторая, финно-язычная группа, охватывала все Верхнее Поволжье, бассейн Средней и Нижней Оки, на западе доходила до озера Эзель и оставила так называемую Дьяковскую культуру.
>
> Третья, балто-язычная, охватывала все Верхнее Поднепровье (включая Киев, правобережье Сейма, верхнюю Оку) и уходила на запад в Прибалтику».

Обратите внимание: иранцы, финны и балты. Никаких славян!

Были опрошены 1500 человек в разных точках страны. Кроме того, проведены дискуссии в различных возрастных группах, где люди могли не просто ответить на вопросы, но и объяснить свою позицию.

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, пьянство, лень, сострадание, самопожертвование — вот, судя по ответам, главные составляющие русского характера. Но не единственные. Многие респонденты сказали, что русским свойственны доброта, гостеприимство, оптимизм, простота (раскованность), приветливость, находчивость, живучесть, халявность, русский «авось», уживчивость, безответственность, смелость, щедрость, любовь к Родине.

В дискуссиях добавляли и такие характеристики: «Мы часто ругаемся, но и часто миримся»; «Русские всегда чего-то ждут, пока все само собой сделается»; «На сегодняшний день воровство — это национальная черта». Всё, как во времена Карамзина. Таков русский человек — един во многих лицах, прямая противоположность самому себе.

Причины, истоки русского менталитета, молодое поколение (до 34 лет) видит в том, что русские всегда имели сильного правителя, что Россия — фильтр между Европой и Азией, и что она изначально была несвободной страной. С другой стороны, на нашем характере сказались большие просторы и природные богатства. Старшие тоже согласны: «Огромная территория, избыток природных богатств привели к широте души». Но они видят и другие корни нашего менталитета: постоянная борьба, угнетение, климатические условия («на севере люди добрее, чем на юге»), смешение народов».

Через полгода газета «Беларусь сегодня» рассказала об аналогичном исследовании среди беларусов. 14 июля 2004 года Виолетта Дралюк в статье «Что беларусу хорошо, то и японцу неплохо» рассказала о том, что ученые из Гомельского государственного технического университета им. П.О.Сухого «вот уже несколько лет упорно исследуют загадку беларуского менталитета»:

«Особые природные условия, тесные взаимоотношения с соседями, мирное сосуществование разных христианских конфессий и религий, военные походы через беларускую землю, «прививки» восточных культур — вот что сформировало ментальные особенности беларуса, считают гомельские ученые. Например, под влиянием балтов появилась у нас сдержанность, выносливость, настороженность и скрытность. Зато нет у беларусов легкомысленности и бахвальства, присущего «шляхетным» полякам. Лишены беларусы и раскованности, открытой и порой грубой простоты, столь свойственной русским. Евреям беларусы уступают в находчивости, настойчивости, умении приспосабливаться к жизненным обстоятельствам.

родня, подавая в 1619 году челобитную Ксении Ивановне, матери царя Михаила Романова, платила толмачу за перевод с финского костромского наречия на «государев» язык (т.е. на славянский «койне» знати). Забавно, что сегодня мордовская Кострома считается в России как бы «эталоном русскости» (даже рок-группа есть, поющая старинные мордовские песни, переведенные на русский язык, с типично финским завыванием женщин, выдаваемым за «славянское»). Но всего два столетия назад никто в Костромском крае по-русски не говорил.

Тот факт, что Московская церковь вещала на староболгарском языке (а дьяки писали на нем грамоты и прочие документы), в этом плане ничего не значит, так как вся Европа тогда в соборах говорила на латыни и вела делопроизводство на латинском языке, хотя ни один народ на этом языке уже давно не говорил. Напомню заодно, что после Люблинской унии 1569 года, когда беларусы создали вместе с поляками конфедеративное государство — Республику (по-польски Речь Посполитую), ВКЛ сохранило своим государственным языком литвинский (то есть, беларуский), а Польша ввела в качестве государственного латинский язык. Но это вовсе не значит, что народный язык поляков — латынь. Точно так же русский язык не был народным в Московии вплоть до того сравнительно недавнего времени, когда российские деревни его наконец выучили.

Вот еще пример: по сей день во многих деревнях Смоленской, Курской и Брянской областей, входивших когда-то в состав ВКЛ, никто не «окает» на финский манер (как в Рязани или Костроме), а говорят на том же языке, на котором говорят селяне Витебщины и Минщины. Любой лингвист мог бы сделать вывод, что в этих областях живет беларуское население. Но, исполняя политический заказ, российские лингвисты относят их население к тем «окающим» восточным соседям, которые во времена Лудольфа знали всего лишь 41 славянское слово, да и то не во всех деревнях.

Улуханов пишет, что, говоря о существовании у московитов двух языков — славянского (церковного болгарского) и московитского, Лудольф сообщил в «Грамматике языка московитов» следующую подробность:

> «Чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи».

Что же это за «славянский язык», если людей смешит употребление славянских слов вместо финских и тюркских? Такого никогда не было в Литве (Беларуси). Наоборот, здесь никто не понял бы того,

кто строил фразы, используя вместо славянской лексики финскую или тюркскую.

Проблема такого «двуязычия» из-за отсутствия в России народной славянской основы всегда преследовала создателей литературного русского языка. Сначала он назывался московским, затем российским. Однако после захвата Россией в 1772–1795 годах ВКЛ и Западной Украины пришлось его менять на «великорусское наречие русского языка».

Именно так русский язык фигурировал в 1840-е годы в названии словаря Владимира Даля: «Толковый словарь великорусского наречия русского языка». Даль разделял русский язык на три наречия — беларуское, украинское и российское. Но позже российские лингвисты специально изменили это название на «Толковый словарь живого русского языка», хотя труд под таким названием Даль в типографию никогда не сдавал.

В 1778 году в Москве была напечатана брошюра писателя и лингвиста Федора Григорьевича Карина «Письмо о преобразителях российского языка». Он писал:

> «Ужасная разность между нашим языком /повсюду в своей работе он называет его «московским наречием» — *В.Д.*/ и славянским часто пресекает у нас способы изъясняться на нем с тою вольностию, которая одна оживляет красноречие и которая приобретается не иным чем, как ежедневным разговором...
>
> Как искусный садовник молодым прививком обновляет старое дерево, очищая засохлые на нем лозы и тернии, при корени его растущие, так великие писатели поступили в преображении нашего языка, который сам по себе был беден, а подделанный к славянскому сделался уже безобразен».

«Беден» и «безобразен» — это сильно расходится с будущей его оценкой как «великого и могучего». Оправданием может служить лишь тот факт, что Пушкин еще не родился и не приступил к совершенствованию молодого языка («эсперанто»), только что созданного экспериментами Прокоповича — Ломоносова — Сумарокова.

Опять-таки, подобной проблемы никогда не знали беларусы, украинцы, поляки, чехи, болгары, сербы и остальные славяне, у которых язык сельских жителей органично становился языком всего народа. Это чисто российская проблема: как сочетать финский язык селян со славянским языком государства.

В итоге российские лингвисты XVIII века разорвали «пуповину» многовековой связи языка Москвы с болгарским языком, который они дружно нашли «чуждым», «вычурным в условиях России», «тормозившим становление литературного российского языка». И, отвергнув болгарский язык, припали к народному языку («москов-

данные генетики (которая, в отличие от истории — точная наука) утверждают: беларусы — это славянизированные западные балты, а русские — это славянизированные финны.

Руководитель исследования, доктор медицинских наук Е.В. Балановская отметила:

«Пришлось рассмотреть данные многих систем — антропологии (соматологии, дерматоглифики, одонтологии), классической генетики (группы крови, белки крови), тысяч фамилий, данные по разным системам ДНК маркеров (аутосомных, Y-хромосомы, митохондриальной ДНК).

...Мы собрали воедино два огромных массива информации о русском народе, накопленные за многие десятилетия антропологией и генетикой. Мы провели два новых исследования — ДНК и фамилий. И придумали способ, как сравнить эти четыре столь разных системы признаков — антропологии, классической генетики, молекулярной генетики, фамилий. Мы строили компьютерные геногеографические карты для каждого признака.

Например, для антропологии — карту роста бороды; для классической генетики — карты встречаемости генов групп крови; для молекулярной генетики — карту гена устойчивости к СПИДу; для фамилий — карту встречаемости Ивановых во всех частях русского ареала. Четыре столь разных системы, и в каждой — много признаков. Для каждого создана карта. А затем получили «обобщенные» карты для каждой системы признаков. И после этого впервые могли сравнить все данные о русском генофонде...

Наше «открытие» в том, что совершенно разные науки и признаки — антропология, генетика, фамилии — полностью согласны друг с другом и, дополняя друг друга, рисуют общий портрет русского генофонда. Причем русский генофонд здесь, к счастью, не одинок. Еще до изучения русского генофонда мы сделали аналогичный набросок портрета генофонда народов Восточной Европы, включая в него и народы «ближнего зарубежья» (от Черного моря до Балтики), и Кавказа, и Приуралья. И обнаружили вновь единогласие свидетелей! Хотя портрет генофонда народов Восточной Европы оказался совершенно иным — волны генофонда следовали в Восточной Европе не по оси «север — юг», как в русском генофонде, а по оси «запад — восток».

Поэтому и для русского генофонда — занимающего огромную часть Восточной Европы — мы ожидали увидеть все ту же восточноевропейскую закономерность. Но нет! Русский генофонд обнаружил свое собственное строение, связанное с его собственной историей. Однако все генофонды в равной степени важны и интересны».

Результаты указанного исследования шокировали в России очень многих. Чтобы успокоить возмущенных несогласных сограждан (главным образом публицистов и некоторых историков), Е.В. Бала-

бождения беларуских земель от большевизма временно объединила беларусов, поляков и русских, хотя свои действия во время похода они координировали плохо. Тем не менее, 6 ноября Булак-Балахович освободил Туров, 8 ноября — Петриков, 10 ноября — Мозырь. Повсеместное недовольство крестьян большевистской продразвёрсткой способствовало быстрому увеличению численности армии (с 5,5 тысяч человек в октябре до 11 тысяч в ноябре).

В Мозыре Булак-Балахович провозгласил независимость Беларуси, объявил о формировании Беларуской армии и назначил сам себя ее главнокомандующим. Командование русскими воинскими подразделениями (савинковцами) он поручил своему брату — полковнику Язепу Булак-Балаховичу. Правительства Народной Рады (во главе с Ластовским) и Наивысшей Рады (во главе со Смоличем), а также большевистский ВРК (во главе с Червяковым), были объявлены незаконными.

Беларуский политический комитет преобразовал себя в правительство Беларуской Народной Республики. Это было первое беларуское правительство, обладавшее реальной властью на определенной части беларуской территории. Премьер-министром стал Вячеслав Адамович (старший), Павел Алексюк — его заместителем и министром иностранных дел, Юрий Синкевич — министром экономики, Радослав Островский — министром просвещения, полковник Беляев — военным министром.

Правительство Адамовича издало манифест к беларуского народу, в котором изложило свою программу: борьба за независимость Беларуси, выработка конституции, конфискация крупных помещичьих владений, союз с Польшей, опора на страны Антанты. Оно присвоило С. Булак-Балаховичу титул «начальника» беларуского государства — в подражание Пилсудскому. За одну неделю удалось сформировать крестьянский партизанский отряд и армейский полк.

Поражение Булак-Балахавича. После Мозыря, видимо под влиянием русских офицеров и Б. Савинкова, армия Булак-Балаховича, вместо наступлення в направлении Бобруйск — Минск, двинулась в сторону Речицы — Гомеля, в надежде соединиться с армией Врангеля. Но вскоре пришли сведения, что 14 ноября войска Врангеля разбиты Красной армией. Эта новость резко отрицательно повлияла на боевой дух балаховцев. Взять Речицу не удалось.

Большевики срочно направили в Полесье значительные военные силы (16-ю армию под командованием Н.В. Соллогуба), которые окружили войска Булак-Балаховича. Им пришлось отступать. В конце ноября — начале декабря 1920 года они пробились через заслоны красных на территорию Западной Беларуси, где и были интернированы. Лишь некоторые беларуские отряды остались на вос-

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

«А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Лане и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

«Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

---

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

бождения беларуских земель от большевизма временно объединила беларусов, поляков и русских, хотя свои действия во время похода они координировали плохо. Тем не менее, 6 ноября Булак-Балахович освободил Туров, 8 ноября — Петриков, 10 ноября — Мозырь. Повсеместное недовольство крестьян большевистской продразвёрсткой способствовало быстрому увеличению численности армии (с 5,5 тысяч человек в октябре до 11 тысяч в ноябре).

В Мозыре Булак-Балахович провозгласил независимость Беларуси, объявил о формировании Беларуской армии и назначил сам себя ее главнокомандующим. Командование русскими воинскими подразделениями (савинковцами) он поручил своему брату — полковнику Язепу Булак-Балаховичу. Правительства Народной Рады (во главе с Ластовским) и Наивысшей Рады (во главе со Смоличем), а также большевистский ВРК (во главе с Червяковым), были объявлены незаконными.

Беларуский политический комитет преобразовал себя в правительство Беларуской Народной Республики. Это было первое беларуское правительство, обладавшее реальной властью на определенной части беларуской территории. Премьер-министром стал Вячеслав Адамович (старший), Павел Алексюк — его заместителем и министром иностранных дел, Юрий Синкевич — министром экономики, Радослав Островский — министром просвещения, полковник Беляев — военным министром.

Правительство Адамовича издало манифест к беларуского народу, в котором изложило свою программу: борьба за независимость Беларуси, выработка конституции, конфискация крупных помещичьих владений, союз с Польшей, опора на страны Антанты. Оно присвоило С. Булак-Балаховичу титул «начальника» беларуского государства — в подражание Пилсудскому. За одну неделю удалось сформировать крестьянский партизанский отряд и армейский полк.

Поражение Булак-Балахавича. После Мозыря, видимо под влиянием русских офицеров и Б. Савинкова, армия Булак-Балаховича, вместо наступлення в направлении Бобруйск — Минск, двинулась в сторону Речицы — Гомеля, в надежде соединиться с армией Врангеля. Но вскоре пришли сведения, что 14 ноября войска Врангеля разбиты Красной армией. Эта новость резко отрицательно повлияла на боевой дух балаховцев. Взять Речицу не удалось.

Большевики срочно направили в Полесье значительные военные силы (16-ю армию под командованием Н.В. Соллогуба), которые окружили войска Булак-Балаховича. Им пришлось отступать. В конце ноября — начале декабря 1920 года они пробились через заслоны красных на территорию Западной Беларуси, где и были интернированы. Лишь некоторые беларуские отряды остались на вос-

> «Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

> «Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...
>
> Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910—20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

---

* «Наука и жизнь», 2006, № 3.

бождения беларуских земель от большевизма временно объединила беларусов, поляков и русских, хотя свои действия во время похода они координировали плохо. Тем не менее, 6 ноября Булак-Балахович освободил Туров, 8 ноября — Петриков, 10 ноября — Мозырь. Повсеместное недовольство крестьян большевистской продразвёрсткой способствовало быстрому увеличению численности армии (с 5,5 тысяч человек в октябре до 11 тысяч в ноябре).

В Мозыре Булак-Балахович провозгласил независимость Беларуси, объявил о формировании Беларуской армии и назначил сам себя ее главнокомандующим. Командование русскими воинскими подразделениями (савинковцами) он поручил своему брату — полковнику Язепу Булак-Балаховичу. Правительства Народной Рады (во главе с Ластовским) и Наивысшей Рады (во главе со Смоличем), а также большевистский ВРК (во главе с Червяковым), были объявлены незаконными.

Беларуский политический комитет преобразовал себя в правительство Беларуской Народной Республики. Это было первое беларуское правительство, обладавшее реальной властью на определенной части беларуской территории. Премьер-министром стал Вячеслав Адамович (старший), Павел Алексюк — его заместителем и министром иностранных дел, Юрий Синкевич — министром экономики, Радослав Островский — министром просвещения, полковник Беляев — военным министром.

Правительство Адамовича издало манифест к беларуского народу, в котором изложило свою программу: борьба за независимость Беларуси, выработка конституции, конфискация крупных помещичьих владений, союз с Польшей, опора на страны Антанты. Оно присвоило С. Булак-Балаховичу титул «начальника» беларуского государства — в подражание Пилсудскому. За одну неделю удалось сформировать крестьянский партизанский отряд и армейский полк.

Поражение Булак-Балахавича. После Мозыря, видимо под влиянием русских офицеров и Б. Савинкова, армия Булак-Балаховича, вместо наступлення в направлении Бобруйск — Минск, двинулась в сторону Речицы — Гомеля, в надежде соединиться с армией Врангеля. Но вскоре пришли сведения, что 14 ноября войска Врангеля разбиты Красной армией. Эта новость резко отрицательно повлияла на боевой дух балаховцев. Взять Речицу не удалось.

Большевики срочно направили в Полесье значительные военные силы (16-ю армию под командованием Н.В. Соллогуба), которые окружили войска Булак-Балаховича. Им пришлось отступать. В конце ноября — начале декабря 1920 года они пробились через заслоны красных на территорию Западной Беларуси, где и были интернированы. Лишь некоторые беларуские отряды остались на вос-

«Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

«Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...

Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910—20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

* «Наука и жизнь», 2006, № 3.

значение в предвыборных кампаниях), газетные публикации, листовки и плакаты с броскими лозунгами, коротенькие пропагандистские брошюрки, напечатанные крупным шрифтом, радиопередачи. Спрятаться в СССР от пропаганды никто не мог, особенно в городах и на производстве. Митинги, собрания, лекции, политинформации, демонстрации...

Кроме того, большевики использовали во всю мощь кино. Ленин не зря утверждал, что «кино — наиважнейшее дело». Сегодня нам трудно даже вообразить ту колоссальную силу эмоционального воздействия, которое оно оказывало на массы в 30-е и 40-е годы. Фильмы, предельно примитивные по своим сюжетам, идеологии, режиссуре, актерской игре вроде «Броненосца Потемкина», «Максима», «Чапаева» сыграли гигантскую роль в деле оболванивания миллионных масс. У сегодняшнего зрителя они вызывают скуку и недоумение: чем здесь восторгались наши деды?

Террор

Первым, кто выдвинул концепцию создания «нового человека», был Николай Бухарин (по определению Ленина — «главный теоретик и любимец партии большевиков»). Он еще в 1915 году заявил о неизбежности «складывания нового типа человека» при социализме. И он же четко указал, что главным средством такого «складывания» является насилие. В 1919 году в своей работе «Азбука коммунизма» Бухарин писал:

> «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Формы большевистского насилия были многообразны: экспроприация собственности имущих классов и слоев населения; «разбуржуазивание», «расказачивание» и «раскулачивание»; принудительное уравнивание населения по имущественным, культурным, идеологическим параметрам; агрессивный атеизм, тюремное заключение, казни...

Но центральным звеном всей большевистской системы «перековки» стал концентрационный лагерь. Напомню, что трудовые лагеря для перевоспитания «классово чуждых элементов» придумали Ленин и Троцкий, первые такие учреждения появились уже в 1918 году. Советские концлагеря исполняли не столько карательные, сколько экономические и воспитательные функции. Один поляк из Западной Беларуси (Александр Ват), прошедший через советские лагеря, написал:

> «Название «исправительно-трудовой лагерь» является абсолютно точным. Это исправительный лагерь, только с одной оговоркой

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

«Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобивость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841–1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*.

Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

«Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

---

* «Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — *Прим. Ред.*

нация стремилась навязать покоренным народам свой язык, достаточно вспомнить Индостан во времена английского господства. Но советский тип империализма и в этой области выделился новизной: большевики осуществляли не только языковую денационализацию, но и денационализацию историческую, последовательно вычеркивая из памяти народов их историческое прошлое.

Ради этого был взят курс на перевод партийных, государственных, хозяйственных, научных учреждений, средней, профессиональной и высшей школы национальных республик на русский язык, с ограничением сферы использования местных языков только пропагандой и художественной литературой, да и то временно. С этой целью под видом «Истории СССР» везде изучалась история Московского государства и Российской империи.

Давайте вспомним, что изучали в школе наши деды, отцы, да и те из нас, кто окончил школу до 1992 года. Все мы изучали историю России, хотя государство было многонациональным, объединяло около 100 народов, состояло из 15 республик. Но в коммунистической империи не имела права на жизнь ни история беларуского народа, ни украинского, ни литовского, ни казахского, ни прочих. Лишь тогда, когда очередной народ становился жертвой имперской агрессии, в учебниках вдруг появлялся новый, неведомо откуда взявшийся народ, «добровольно присоединившийся» к русскому.

Одни народы (например, беларусы и украинцы) якобы желали таким способом избавиться от «ига польских феодалов», другие (например, прибалты) — спастись от «онемечивания», третьи (армяне, грузины, азербайджанцы) — избежать «отуречивания», и т.д. Свои собственные «истории» местные холопы московского «начальства» трактовали как изначальное стремление народных масс «слиться в объятиях с русским старшим братом». Яркий пример — труды Лаврентия Абецедарского и его соратников. При этом открыто утверждалось, что во всех без исключения случаях утрата народами своей независимости и последующая русификация было явлением сугубо прогрессивным!

А если кто-то присоединялся «не добровольно», значит, речь шла об «отсталых племенах», погрязших в невежестве и нищете, способных вести только «примитивное хозяйство». Дескать, именно русским выпала миссия приобщить их к более высокой культуре, вывести из тьмы... Что ж, все мы видели, как уже в наше время русские «выводили из тьмы» многострадальный чеченский народ.

Позже потомки сегодняшних русских открестятся и от этого греха, снова перепишут свою историю и забудут о нынешнем варварском разбое, как забыли они все свои прошлые преступления. А ведь они уничтожают гордый чеченский народ уже 150 лет кряду. Вся ис-

«Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

«Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...

Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910–20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

---

* «Наука и жизнь», 2006, № 3.

Называть «схожими до степени братства» абсолютно разные по содержанию МАШИНЫ воспроизводства генофонда просто нелепо. У беларусов — генофонд и антропология сплава западных балтов и славян, у русских — генофонд и антропология сплава финнов и тюрок.

Дополняют картину современные исследования беларуских ученых, изучавших антропологию и генетику беларусов. В 2005 году, одновременно с завершением работы российских ученых по изучению русского генофонда, в Беларуси были опубликованы результаты аналогичного исследования. Это книга А.И. Микулича «Беларусы в генетическом пространстве: Антропология этноса». Вот отрывки из рецензии Дмитрия Санько на нее (в переводе В. Деружинского):

«Монография подводит итоги более чем 30-летним экспедиционным исследованиям, проведенным известным антропогенетиком Алексеем Микуличем в Республике Беларусь и на смежных территориях стран-соседей — Российской Федерации, Республики Летува, Украины. Объектом их было, прежде всего, сельское население как носитель наиболее характерных генетических и конституционных особенностей популяций. Изучением было охвачено около 120 избранных групп. Они формировались из тех представителей, которые имеют предков местного происхождения до 4—5 колена.

Исследование генофонда коренных местных популяций показало целостность беларуского этноса, его гомеостаз /устойчивость — *В.Д.*/ во времени и пространстве, а также очевидность геногеографического компонента в этнической истории.

На карте генетической отдаленности от средних беларуских частот генов в населении Восточной Европы, созданной на основе значений ДНК-маркеров, ясно видна особенность генофонда беларусов, к которым примыкают коренные жители Псковщины, Новгородчины, Смоленщины, Брянщины, Виленского края и Украинского Полесья. Компактный ареал беларуского генофонда на этой карте в общих чертах соответствует сфере расселения беларусов в исторической ретроспективе...

Известно, что «европеизация» российского населения остановилась под татаро-монгольским нашествием. Изучение генофонда беларусов практически не показало присутствия в нем примет монгольской расы. Это подтверждает исторические свидетельства о том, что Беларусь не знала татаро-монгольского ига. Интересно также отметить, что общая тенденция изменчивости в границах беларуского ареала имеет меридиональное направление /Запад — Восток — *В.Д.*/, в то время как для российского ареала ее направление перпендикулярно — широтное /Север — Юг — *В.Д.*/.

к народному языку России (как уже сказано, отнюдь не славянскому, а славяно-финскому койне, с большим тюркским влиянием) и древнему болгарскому (он же «церковно-славянский»).

В качестве третьего языка можно указать современный литературный русский язык, — искусственное кабинетное изобретение, своего рода «эсперанто» на основе двух указанных выше источников (на этом «эсперанто» написана данная статья, а вы ее читаете).

Почему нынешний русский язык больше похож на болгарский язык, чем на беларуский и украинский? (Хотя в одну языковую группу с русским относят почему-то именно их, а не болгарский и не сербский.) Это кажется странным, ведь Россия не граничит с Болгарией, но соседка с Беларусью и Украиной, в чьих исконных языках нет болгарского влияния, а если его иногда находят сегодня, то оно привнесено в более поздние времена русскими завоевателями.

В том-то и дело, что в Московии коренных славян никогда не было (кроме немногочисленных выходцев из Киевской земли в XII–XIV веках). Поэтому усвоение туземцами Московии славянского языка шло через религию, которая опиралась на болгарские тексты. Туземцы Владимира, Суздаля, Москвы, Костромы, Тулы, Рязани, Мурома, Вятки и прочих финских земель усваивали славянский язык через болгарский язык церковных книг. Именно потому небольшое славянское содержание «базы» русского языка (около 30–35% лексики) является общим болгарскому языку.

В Беларуси и Украине ситуация была иной: здесь местное население (балто-славянское в Беларуси, сармато-славянское в Украине) само выработало свои славянские говоры, которые не позволили внедряться болгарской лексике из православных книг.

Есть три факта, которые прячут все российские лингвисты, хотя шила в мешке все равно не утаить. Они таковы:

1) до начала XVIII века язык Московии никто в Европе не называл русским, а только московским, или московитским;

2) русским языком до той поры называли украинский язык;

3) московитский язык до XVIII века европейские лингвисты (в том числе из славянских стран) относили к финским говорам.

Конечно, сегодня все уже не так: власти Российской империи оказали огромное влияние на лингвистическую науку, поставив ей задачу придания московскому языку «славянского статуса». Реформа московского языка, осуществленная в XVIII веке Ф. Прокоповичем, М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым ставила целью именно усиление его слабых славянских черт. Однако даже через сто с лишним лет после Ломоносова, умершего в 1765 году, известный польский славист Ежи Лещинский заявлял:

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

«кинжальщиков — для приведения в исполнение приговоров этого трибунала. Первым терактом стало неудачное покушение на виленского предводителя дворянства Домейко.

Отдельные повстанческие отряды действовали в Гродненской губернии до октября. Они отказались от пеших бойцов, разделились на конные группы по 10–12 человек и стали практически неуловимыми. Однако сопротивление карателям становилось все более бессмысленным. Повстанцы покидали леса. Одни скрывались за границами империи, другие маскировались под верных подданных государя-императора.

Тем не менее, призрак крестьянского восстания по-прежнему беспокоил Муравьева. Он узнал, что на весну 1864 года планируется новое восстание. Поэтому Муравьев создал специальную комиссию для рассмотрения уставных грамот, сделавшую немало земельных подачек крестьянам за счет помещиков. В ноябре Муравьев распространил действие царского указа от 1 марта (об отмене временных обязанностей крестьян и о сокращении на 20% выкупных платежей за землю) на территорию Витебской и Могилёвской губерний. Он также восстановил право крестьян пасти свою скотину в лесах и на убранных от урожая помещичьих полях.

Муравьев, как никто другой, способствовал распространению среди беларуского крестьянства веры в «доброго царя», а также разжиганию враждебности православной его части по отношению к католической шляхте. С того времени политика противопоставления православных крестьян национальной католической элите стала традиционной для российских властей в западных губерниях империи.

Результаты восстания. Царь, его правительство и русские шовинисты праздновали победу «над поляками». М.Н. Муравьева провозгласили русским национальным героем. Царь даровал ему титул графа. По его личным приказам были казнены 128 повстанцев (не считая расстрелянных на местах боев), около 12,5 тысяч человек сосланы, более чем на шесть тысяч человек наложены различные административные взыскания. Жестокость царского палача оправдывали все российские газеты, в том числе либеральные «Московские новости» М.Н. Каткова. Пели дифирамбы ему известные поэты П.А. Вяземский и Н.А. Некрасов. Только Александр Герцен в своем «Колоколе» постоянно называл Муравьева «вешателем» и «людоедом».

Михаил Муравьев (1796–1866)

значение в предвыборных кампаниях), газетные публикации, листовки и плакаты с броскими лозунгами, коротенькие пропагандистские брошюрки, напечатанные крупным шрифтом, радиопередачи. Спрятаться в СССР от пропаганды никто не мог, особенно в городах и на производстве. Митинги, собрания, лекции, политинформации, демонстрации...

Кроме того, большевики использовали во всю мощь кино. Ленин не зря утверждал, что «кино — наиважнейшее дело». Сегодня нам трудно даже вообразить ту колоссальную силу эмоционального воздействия, которое оно оказывало на массы в 30-е и 40-е годы. Фильмы, предельно примитивные по своим сюжетам, идеологии, режиссуре, актерской игре вроде «Броненосца Потемкина», «Максима», «Чапаева» сыграли гигантскую роль в деле оболванивания миллионных масс. У сегодняшнего зрителя они вызывают скуку и недоумение: чем здесь восторгались наши деды?

Террор

Первым, кто выдвинул концепцию создания «нового человека», был Николай Бухарин (по определению Ленина — «главный теоретик и любимец партии большевиков»). Он еще в 1915 году заявил о неизбежности «складывания нового типа человека» при социализме. И он же четко указал, что главным средством такого «складывания» является насилие. В 1919 году в своей работе «Азбука коммунизма» Бухарин писал:

> «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Формы большевистского насилия были многообразны: экспроприация собственности имущих классов и слоев населения; «разбуржуазивание», «расказачивание» и «раскулачивание»; принудительное уравнивание населения по имущественным, культурным, идеологическим параметрам; агрессивный атеизм, тюремное заключение, казни...

Но центральным звеном всей большевистской системы «перековки» стал концентрационный лагерь. Напомню, что трудовые лагеря для перевоспитания «классово чуждых элементов» придумали Ленин и Троцкий, первые такие учреждения появились уже в 1918 году. Советские концлагеря исполняли не столько карательные, сколько экономические и воспитательные функции. Один поляк из Западной Беларуси (Александр Ват), прошедший через советские лагеря, написал:

> «Название «исправительно-трудовой лагерь» является абсолютно точным. Это исправительный лагерь, только с одной оговоркой

Решающее слово могли бы сказать властные структуры, но о[illegible] не желают вмешиваться в спор, так как не заинтересованы в эволюции беларусов ни в европейцев, ни в российскую «пятую колонну». Им хочется как можно более долго сохранять «советских беларусов» такими, какие они есть сейчас. Управлять такими людьми эта власть умеет, а вот двумя другими типами — нет.

С одной стороны, власть заявляет, будто бы беларусы не имеют вкуса к политике, не хотят вступать в политические партии, поэтому наш парламент не будет формироваться по партийному принципу. Но откуда взяться в стране массовым партиям, если политические дискуссии на ТВ и в центральной прессе запрещены? То есть, в этом пункте власть хочет сохранить «гомо советикуса»*.

С другой стороны, власть испытывает огромное давление со стороны России — и от Кремля, и от воротил бизнеса. Поддаться ему — значит потерять свои кресла в пользу марионеток, которых в таком случае назначит московская администрация. Отсюда — выжидание и балансирование как единственно возможная политика.

Сегодня полемика в беларуском обществе, а также в России по поводу Беларуси, связана, в основном, с выбором между двумя указанными путями.

Упомяну в этой связи книгу российских докторов философских наук С.В. Лебедева и Г.В. Стельмашука «Белорусский феномен», изданную в 2006 году. Суть феномена они видят в том, что беларусы равнодушны к своей национальной самоидентификации и, в отличие от других соседей, «сохранили верность Русской империи». Выдавая желаемое за действительное, хвалят нас за то, что мы якобы настроены против Запада, и объявляют сторонниками московской идеи Великой Империи. Понятно, что от русских национал-шовинистов ничего иного ждать не приходится. Те же Лебедев и Стельмашук, к примеру, в одной из своих статей заявили, «что нет такой нации — украинцы»!

---

* Тем не менее, чиновники выражают уверенность в том, что «гражданское общество» в Беларуси обязательно появится. Осталось лишь дождаться того удивительного момента, когда все соотечественники начнут свято соблюдать законы и инструкции, разрабатываемые чиновниками. Представители исполнительной власти не желают ни думать сами, ни слышать от других о том, что гражданское общество основывается на трех «столпах» — на экономической самостоятельности населения, независимого в этом плане от власти; на участии населения, объединенного в политические партии и массовые движения, в выработке управленческих решений; на контроле «снизу» за деятельностью чиновников всех уровней, от районов до «первых лиц». А «первые лица», кстати говоря, в гражданском обществе должны являть собой примеры для подражания, вместо того, чтобы увлеченно играть роли «главных погонял». Государственным чиновникам любого ранга еще чужда элементарная истина, что все они — только менеджеры по обслуживанию интересов народа.

бождения беларуских земель от большевизма временно объединила беларусов, поляков и русских, хотя свои действия во время похода они координировали плохо. Тем не менее, 6 ноября Булак-Балахович освободил Туров, 8 ноября — Петриков, 10 ноября — Мозырь. Повсеместное недовольство крестьян большевистской продразвёрсткой способствовало быстрому увеличению численности армии (с 5,5 тысяч человек в октябре до 11 тысяч в ноябре).

В Мозыре Булак-Балахович провозгласил независимость Беларуси, объявил о формировании Беларуской армии и назначил сам себя ее главнокомандующим. Командование русскими воинскими подразделениями (савинковцами) он поручил своему брату — полковнику Язепу Булак-Балаховичу. Правительства Народной Рады (во главе с Ластовским) и Наивысшей Рады (во главе со Смоличем), а также большевистский ВРК (во главе с Червяковым), были объявлены незаконными.

Беларуский политический комитет преобразовал себя в правительство Беларуской Народной Республики. Это было первое беларуское правительство, обладавшее реальной властью на определенной части беларуской территории. Премьер-министром стал Вячеслав Адамович (старший), Павел Алексюк — его заместителем и министром иностранных дел, Юрий Синкевич — министром экономики, Радослав Островский — министром просвещения, полковник Беляев — военным министром.

Правительство Адамовича издало манифест к беларуского народу, в котором изложило свою программу: борьба за независимость Беларуси, выработка конституции, конфискация крупных помещичьих владений, союз с Польшей, опора на страны Антанты. Оно присвоило С. Булак-Балаховичу титул «начальника» беларуского государства — в подражание Пилсудскому. За одну неделю удалось сформировать крестьянский партизанский отряд и армейский полк.

Поражение Булак-Балахавича. После Мозыря, видимо под влиянием русских офицеров и Б. Савинкова, армия Булак-Балаховича, вместо наступлення в направлении Бобруйск — Минск, двинулась в сторону Речицы — Гомеля, в надежде соединиться с армией Врангеля. Но вскоре пришли сведения, что 14 ноября войска Врангеля разбиты Красной армией. Эта новость резко отрицательно повлияла на боевой дух балаховцев. Взять Речицу не удалось.

Большевики срочно направили в Полесье значительные военные силы (16-ю армию под командованием Н.В. Соллогуба), которые окружили войска Булак-Балаховича. Им пришлось отступать. В конце ноября — начале декабря 1920 года они пробились через заслоны красных на территорию Западной Беларуси, где и были интернированы. Лишь некоторые беларуские отряды остались на вос-

мать, что беларуская нация в самом деле появилась на свет Божий исключительно стараниями большевиков.

Не способствует национальному возрождению беларусов и Беларуская православная церковь, которая должна выступать, по определению, хранительницей национальных традиций и национального языка. Вместо этого священники БПЦ ведут службы в храмах, дают интервью, выступают перед общественностью только на русском языке, а традициями беларусов провозглашают традиции Российского государства, но не Великого княжества Литовского. Их как-то не убеждает в собственной неправоте тот факт, например, что Минск и Орша, Борисов и Полоцк, Брест и Новогрудок, все беларуские города более 400 лет (до 1772–1795 гг.) входили в состав именно ВКЛ, не Московского государства. Более того, некоторые церковные деятели даже восхваляют Суворова и Муравьева, этих палачей беларуского народа.

К счастью, наша власть уже поняла опасность подобных воззрений и концепций, которые фактически отрицают беларускую государственность как нечто самостоятельное от Москвы.

Приведенные выше примеры наглядно показывают диапазон выбора беларусов: если они не принимают национальной беларуской самоидентификации, то автоматически оказываются в лагере воинствующих московских империалистов. Тогда и ментально они становятся русскими, с присущим им презрением к чужим традициям и обычаям, языкам и религиям, с железобетонной уверенностью в монопольном обладании истиной во всех вопросах. Беларусам же свойственна толерантность (терпимость + либерализм), чуждая национальному характеру московских военно-служилых людей, каковыми они были на протяжении всей своей 800-летней истории. Это последнее обстоятельство позволяет думать, что в дальнейшей эволюции весь беларуский народ обретет менталитет европейцев.

бождения беларуских земель от большевизма временно объединила беларусов, поляков и русских, хотя свои действия во время похода они координировали плохо. Тем не менее, 6 ноября Булак-Балахович освободил Туров, 8 ноября — Петриков, 10 ноября — Мозырь. Повсеместное недовольство крестьян большевистской продразвёрсткой способствовало быстрому увеличению численности армии (с 5,5 тысяч человек в октябре до 11 тысяч в ноябре).

В Мозыре Булак-Балахович провозгласил независимость Беларуси, объявил о формировании Беларуской армии и назначил сам себя ее главнокомандующим. Командование русскими воинскими подразделениями (савинковцами) он поручил своему брату — полковнику Язепу Булак-Балаховичу. Правительства Народной Рады (во главе с Ластовским) и Наивысшей Рады (во главе со Смоличем), а также большевистский ВРК (во главе с Червяковым), были объявлены незаконными.

Беларуский политический комитет преобразовал себя в правительство Беларуской Народной Республики. Это было первое беларуское правительство, обладавшее реальной властью на определенной части беларуской территории. Премьер-министром стал Вячеслав Адамович (старший), Павел Алексюк — его заместителем и министром иностранных дел, Юрий Синкевич — министром экономики, Радослав Островский — министром просвещения, полковник Беляев — военным министром.

Правительство Адамовича издало манифест к беларуского народу, в котором изложило свою программу: борьба за независимость Беларуси, выработка конституции, конфискация крупных помещичьих владений, союз с Польшей, опора на страны Антанты. Оно присвоило С. Булак-Балаховичу титул «начальника» беларуского государства — в подражание Пилсудскому. За одну неделю удалось сформировать крестьянский партизанский отряд и армейский полк.

Поражение Булак-Балахавича. После Мозыря, видимо под влиянием русских офицеров и Б. Савинкова, армия Булак-Балаховича, вместо наступлення в направлении Бобруйск — Минск, двинулась в сторону Речицы — Гомеля, в надежде соединиться с армией Врангеля. Но вскоре пришли сведения, что 14 ноября войска Врангеля разбиты Красной армией. Эта новость резко отрицательно повлияла на боевой дух балаховцев. Взять Речицу не удалось.

Большевики срочно направили в Полесье значительные военные силы (16-ю армию под командованием Н.В. Соллогуба), которые окружили войска Булак-Балаховича. Им пришлось отступать. В конце ноября — начале декабря 1920 года они пробились через заслоны красных на территорию Западной Беларуси, где и были интернированы. Лишь некоторые беларуские отряды остались на вос-

Каждый из трех восточно-славянских этносов, согласно антропологическим данным, по своему уникален. Они формировались в разном географическом пространстве, на особых субстратных праосновах. Помещенная в книге графическая интерпретация обобщенных характеристик генофондов позволяет наглядно увидеть степень схожести и различия.

«Этнические облака» беларусов и украинцев довольно компактны и частично перекрываются. Российское же «облако» размытое, только незначительная его доля перекрывается с первыми двумя. В то время как украинское «этническое облако» вообще не граничит с финно-угорскими, а беларуское лишь касается их — центр «этнического облака» российских популяций находится в одном кластере с финно-угорскими, а не славянскими этносами.

Алексей Микулич аргументировано опровергает суждения московских коллег о том, что ядро российского генофонда исстари находится на северо-западе российского этнического ареала (Псковщина, Новгородчина) с привлечением части земель, которые сегодня находятся в составе Республики Беларусь. Он отмечает, что к беларусам Придвинья генетически весьма близки коренные жители Псковской и Новгородской, как и Смоленской областей (этому факту есть историческое объяснение — это этнически территория кривичей). Но это вовсе не повод исключать их из беларуского этнического ареала.

Сопоставление данных генной географии с материалами археологов дает очень интересные результаты. Географическая структура современного беларуского генофонда во многом соответствует древним археологическим культурам... Это важный аргумент в пользу генетической непрерывности поколений. Анализ антропогенетического и генодемографического материала приводит автора к выводам о глубокой древности беларуского этноса. Современная картина беларуского генофонда сформировалась как путем долговременного приспособления в результате естественного отбора, так и в процессе этнической консолидации.

Пользуясь «генетическим календарем», автор установил, что популяции коренных жителей Беларуси ведут свою родословную непрерывно не менее 130—140 поколений, то есть, самое позднее с середины 2-го тысячелетия до нашей эры. По мнению автора, происхождение, особенности языка, материальной и духовной культуры, существование в течение многих веков своего государства — Великого княжества Литовского, перевес эмиграционных процессов над иммиграционными — содействовали консолидации и формированию этнического содержания беларусов».

Исследование интереснейшее. Но книга издана на беларуском языке, а его русские не понимают, несмотря на постоянные заявле-

Ільяшэвіч М. **Расейская палітыка на землях былога Беларуска-Літоўскага гаспадарства за панаваньня Кацярыны II і Паўлы I (1772—1801).** /2-е выданне/ Мн., 1992.

Каваленя А. **Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі, 1941—1944 г. (Вытокі. Структура. Дзейнасць).** Мн.: БДПУ. 1999. — 236 с.

Каваленя А. **Беларусь у выпрабаваннях вайны (1939—1945 гг.).** Мінск: БДПУ. 2001. — 100 с.

Казбярук У. **Рамантычны пошук: Назіранні над беларускім рамантызмам пачатку XX стагоддзя.** Мн.: «Навука и тэхника», 1983. — 184 с.

Казбярук У. **Светлай волі зычны звон: Алесь Гарун.** Мн.: «Навука и тэхника» 1991. — 64 с.

Казлоў Л. **Беларусь на сямі рубяжах (XI — пачатак XX стагоддзя).** /Карты Мн.: «Арты-Фэкс». 2000. — 58 с.

Каліноўскі К. **За нашую вольнасць: Творы, дакументы.** Мн.: «Беларускі кнігазбор», 1999. — 460 с.

Калубовіч А. **Крокі гісторыі (Даследванні, артыкулы, успаміны).** Беласток — Вільня — Менск: «ГаМакс», 1993. — 286 с.

Калубовіч А. **На крыжовай дарозе: Творы з эміграцыі.** Мн.: «Бацькаўшчына». 1994. — 318 с.

Канапацкі І., Смолік А. **Гісторыя і культура беларускіх татар.** Мн.: Беларускі інстытут культуры. 2000. — 258 с.

Кандыбовіч С. **Разгром нацыянальнага руху ў Беларусі.** Мн.: «Беларускі гістарычны агляд», 2000. — 158 с.

Карнейчык Я. **Беларуская нацыя (Гістарычны нарыс).** Мн.: «Навука і тэхніка», 1969. — 310 с.

Касмовіч Д. **За вольную і суверэнную Беларусь.** Вільня: «Gudas». 2006. — 224 с.

Касцюк М. **Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі.** Мн.: «Экаперспектыва». 2000. — 308 с.

Каўка А. **Жывом! Старонкамі беларускага самапазнання.** Мн.: Выданне «Дзядзькі Язэпа», 1997. — 160 с.

Каўка А. **Каб не забыцца (Допісы розных гадоў).** Мн.: «Медысант». 2006. — 368 с.

Кіпель В. **Беларусы ў ЗША.** Мн.: «Беларусь». 1993. — 350 с.

Клыкоўская Ц. **Саюз Беларускай Моладзі — вяртаньне з забыцьця.** Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства. 2004. — 226 с.

Крук У. **Сялянскі рух на Беларусі, 1864—1900 гг.** Мн.: «Навука і тэхніка». 1993. — 175 с.

Крук Я. **Сімволіка беларускай народнай культуры.** /2-е выданне/ Мн.: «Беларусь». 2003. — 350 с.

Куль-Сяльверстава С. **Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: Фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII — 1820-я гг.).** Мн., БДУ, 2000. — 260 с.

Лабачэўская В.А. **Зберагаючы самабытнасць: З гісторыі народнага мастацтва і промыслаў Беларусі.** Мн.: «Беларуская навука». 1998. — 376 с.

Лалысеў У. **Шлях да свабоды: З гісторыі рэвалюцыйна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі ў 1919—1939 гг.** Мн.: «Голас Радзімы». 1978. — 132 с.

пертуара БДТ-1 исключили пьесу «Здешние» («Тутэйшыя») Янки Купалы. В 1927 году та же судьба постигла пьесу «Преисподняя» Андрея Мрия, в сказочной форме показывавшую борьбу беларусов за свой родной язык.

В 1920 году режиссер Юрий Тарич снял первый беларуский фильм «Лесная быль» о борьбе партизан с польскими захватчиками. Киностудия «Советская Беларусь» из-за отсутствия собственной материальной базы была создана в 1928 году в Ленинграде. В 1930 году беларуский кинематограф стал звуковым. Однако Москва приказала, чтобы кинофильмы снимали только на русском языке.

Белорусизация и самоутверждение нации. Главным идейным стержнем беларусизации являлась советизация. Она совпала по времени с формированием современной беларуской нации, существенно деформировав естественное течение этого процесса. Беларусизация городов заложила основы советской беларуской культуры, имевшей пролетарский (а не крестьянский) характер и противопоставленной культурной традиции «Нашей Нивы», развивавшейся в Западной Беларуси и в эмиграции. Все это существенно снижало ее привлекательность и обедняло национальное содержание.

Но в 20-е годы советизация в «национальной упаковке» еще не стала разрушительной для беларуского общества, так как сохранялось традиционное крестьянское хозяйство и существовала традиционная крестьянская культура. Советскому руководству еще не удалось навязать крестьянам идеалы большевизма. Беларусы добились признания своей самобытности, в чем царский режим им отказывал. Простые люди начали даже обращаться друг к другу с традиционными словами «дзядзька» («дядя») и «цётка» («тётя») вместо «товарищ».

БССР в нашей истории. Политика НЭПа и беларусизации укрепила советскую власть в Беларуси. Но политические мотивы создания большевиками БССР тогда мало кто понимал. Между тем, они всего-навсего разыграли беларускую карту против Польши — в противовес доставшимся ей западным беларуским землям.

Создание национально-культурной автономии БССР в 20-е годы тоже стало вынужденным шагом большевистского руководства. Ограниченное самоуправление ввели в БССР с единственной целью — не допустить реализации идеи национальной независимости беларуского народа. И все же под опекой советской России национальные идеалы беларусов частично осуществились. Уже сам факт существования БССР способствовал росту национального самосознания беларусов и международному признанию идеи беларуской государственности.

---

* Перевод со стр. 21: «Сябар» — друг. Текст рекламы гласит «Ценность дружбы — держаться вместе».

няк» (мастер выделки кож), и что эта фамилия была в старину одной из распространенных среди славян.

Зато «исконно русским и славянским» стали считать в современной России финский «окающий» акцент: им наделяют в фильмах героев «Древней Руси», его эксплуатируют популярные комики — «русские бабки». Никого не смущает тот факт, что ближайшие родственники русских — финны Финляндии — точно так окают, когда говорят по-русски или по-немецки.

Такое же смешение понятий произошло в вопросе антропологической идентичности. Поскольку финны внешне похожи на индоевропейцев, нетрудно придти к выводу, что именно так должны выглядеть славяне. Вот характерный пример: в повести «Кто стреляет последним» (1976 г.) российский писатель Николай Наумов пишет, как некий гауптман Отто, рассматривая пленного снайпера, родом из Рязани (то есть, из этноса эрзя), констатирует: «типичный славянин — круглое лицо, короткий широкий нос». Но это описание финна, а не славянина. Среди беларусов и поляков таких лиц нет.

Российские археологи нашли массу вещественных доказательств того, что до IX века на территории современной России вообще не было славян. Важнейшую роль в этом открытии сыграли раскопки в Новгороде, которые ведутся уже нескольких десятилетий. Было установлено (специально подчеркиваю — достоверно установлено учеными), что славяне, древнерусский язык и Рюрик появились в Новгороде одновременно! Более того, сам Новгород основали в середине IX века именно эти славяне-колонисты из Полабской Руси (т.е., с территории нынешней Германии).

Никаких «исконных» славян до Рюрика не было. Этот факт вызвал шок, хотя подозрения на сей счет существовали и раньше. Так, Л.В. Алексеев в книге «Полоцкая земля» еще в 1966 году писал:

> «Современные данные археологии и топонимики показывают, что в эпоху раннего железа Восточную Европу населяло три крупных группы племен. Первая, ирано-язычная, занимала Крымский полуостров, Кубань, Нижний Дон, Нижний Днепр и доходила на севере до водораздела Сейма, Десны и Оки...
>
> Вторая, финно-язычная группа, охватывала все Верхнее Поволжье, бассейн Средней и Нижней Оки, на западе доходила до озера Эзель и оставила так называемую Дьяковскую культуру.
>
> Третья, балто-язычная, охватывала все Верхнее Поднепровье (включая Киев, правобережье Сейма, верхнюю Оку) и уходила на запад в Прибалтику».

Обратите внимание: иранцы, финны и балты. Никаких славян!

няк» (мастер выделки кож), и что эта фамилия была в старину одной из распространенных среди славян.

Зато «исконно русским и славянским» стали считать в современной России финский «окающий» акцент: им наделяют в фильмах героев «Древней Руси», его эксплуатируют популярные комики — «русские бабки». Никого не смущает тот факт, что ближайшие родственники русских — финны Финляндии — точно так окают, когда говорят по-русски или по-немецки.

Такое же смешение понятий произошло в вопросе антропологической идентичности. Поскольку финны внешне похожи на индоевропейцев, нетрудно придти к выводу, что именно так должны выглядеть славяне. Вот характерный пример: в повести «Кто стреляет последним» (1976 г.) российский писатель Николай Наумов пишет, как некий гауптман Отто, рассматривая пленного снайпера, родом из Рязани (то есть, из этноса эрзя), констатирует: «типичный славянин — круглое лицо, короткий широкий нос». Но это описание финна, а не славянина. Среди беларусов и поляков таких лиц нет.

Российские археологи нашли массу вещественных доказательств того, что до IX века на территории современной России вообще не было славян. Важнейшую роль в этом открытии сыграли раскопки в Новгороде, которые ведутся уже нескольких десятилетий. Было установлено (специально подчеркиваю — достоверно установлено учеными), что славяне, древнерусский язык и Рюрик появились в Новгороде одновременно! Более того, сам Новгород основали в середине IX века именно эти славяне-колонисты из Полабской Руси (т.е., с территории нынешней Германии).

Никаких «исконных» славян до Рюрика не было. Этот факт вызвал шок, хотя подозрения на сей счет существовали и раньше. Так, Л.В. Алексеев в книге «Полоцкая земля» еще в 1966 году писал:

> «Современные данные археологии и топонимики показывают, что в эпоху раннего железа Восточную Европу населяло три крупных группы племен. Первая, ирано-язычная, занимала Крымский полуостров, Кубань, Нижний Дон, Нижний Днепр и доходила на севере до водораздела Сейма, Десны и Оки...
>
> Вторая, финно-язычная группа, охватывала все Верхнее Поволжье, бассейн Средней и Нижней Оки, на западе доходила до озера Эзель и оставила так называемую Дьяковскую культуру.
>
> Третья, балто-язычная, охватывала все Верхнее Поднепровье (включая Киев, правобережье Сейма, верхнюю Оку) и уходила на запад в Прибалтику».

Обратите внимание: иранцы, финны и балты. Никаких славян!

Швед В., С. Данскіх. **Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў.** Гродна: ГрДУ, 2006. — 252 с.

Шыбека З. **Гарады Беларусі (60-я гады XIX — пачатак стагоддзяў).** Мн.: «ЭўроФорум», 1997. — 320 с.

Шыбека З. **Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002).** Мн.: «Энцыклапедыкс», 2003. — 490 с.

Шыбека З. **Минскъ сто гадоў таму.** Мн.: «Беларусь», 2007. — 304 с.

Эбэрхардт П. **Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі. 1889–1989.** /Перак. з польск./ Мн.: Беларускі фонд Сораса, 1997. — 277 с.

Юрэвіч Л. **Жыццё пад агнём: Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Б. Рагулі на фоне яго эпохі.** Мінск: «Arche», 1999. — 254 с.

Юрэвіч Л. **Вырваныя бачыны: Да гісторыі Саюзу Беларускай Моладзі.** Мн.: «Энцыклапедыкс», 2001. — 212 с.

Юрэвіч Л. **Літаратурны рух на эміграцыі.** Мн.: «Беларускі гістарычны агляд», 2002. — 242 с.

Юхо Я. **Гісторыя дзяржавы і права Беларусі.** (Вучэбны дапаможнік) Мн.: РІВШ БДУ, 2000. Часткі 1 (350 с.), 2 (274 с.).

Яноўская В.В. **Хрысціянская царква ў Беларусі. 1863–1914 гг.** Мн.: БДУ, 2002. — 197 с.

Янушкевіч Я. **Неадменны сакратар Адраджэння: Вацлаў Ластоўскі.** Мн.: «Навука і тэхніка», 1995. — 68 с.

Ярмалковіч В. **Кароткі нарыс гісторыі Беларусі да 1914 года**. Беласток: «Ніва», 1997. — 163 с.

Даведнікі, зборнікі, энцыклапедыі

Антысавецкія рухі ў Беларусі: 1944–1956: Даведнік. /Пад рэд. А. Дзярновіча/. Мн.: /б.в./, 1999. — 190 с.

Аняменне: З хронікі знішчэння беларускай мовы. /Пад рэд. Л. Дзіцэвіч/ Вільня: «Gudas», 2000. — 320 с.

Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. /Уклад. С. Шупа/ Том 1, кніга 1 (866 с.), кніга 2 (872 с.). Вільня — Нью-Ёрк — Менск — Прага, 1998.

Асвета і педагагічная думка ў Беларусі. Са старажытных часоў да пачатку XX ст. /Склад. Г. Сянькевіч і інш./

Частка 1 (172 с.), частка 2 (206 с.). Мн.: Нацыянальны інстытут адукацыі, 1995.

Частка 3: **1917–1945 гг.** (327 с.). Мн.: НІА, 2001 г.

Беларусазнаўства. (Навуч. дапамож.). /Пад рэд. П. Брыгадзіна/ Мн.: «Завігар», 1997. — 288 с.

Беларуская думка XX стагоддзя: Філасофія, рэлігія, культура (Анталогія). /Склад. Ю. Гарбінскі/ Варшава: выданне ПАН, 1998. — 742 с.

Беларуская дыяспара: Нарысы гісторыі і сучаснага стану. /Аўтары-складальнікі М. Бацян і інш./ Мн.: «Трыялета», 2006. — 158 с.

Беларуская народная вусна-паэтычная творчасць. /К. Кабашнікаў і інш. Мн.: «Лексіс», 2000. — 512 с.

Беларускі нацыяналізм: Даведнік. /Склад. П. Казак/ Мн.: «Голас краю», 2001. — 46 с.

Каждый из трех восточно-славянских этносов, согласно антропологическим данным, по своему уникален. Они формировались в разном географическом пространстве, на особых субстратных праосновах. Помещенная в книге графическая интерпретация обобщенных характеристик генофондов позволяет наглядно увидеть степень схожести и различия.

«Этнические облака» беларусов и украинцев довольно компактны и частично перекрываются. Российское же «облако» размытое, только незначительная его доля перекрывается с первыми двумя. В то время как украинское «этническое облако» вообще не граничит с финно-угорскими, а беларуское лишь касается их — центр «этнического облака» российских популяций находится в одном кластере с финно-угорскими, а не славянскими этносами.

Алексей Микулич аргументировано опровергает суждения московских коллег о том, что ядро российского генофонда исстари находится на северо-западе российского этнического ареала (Псковщина, Новгородчина) с привлечением части земель, которые сегодня находятся в составе Республики Беларусь. Он отмечает, что к беларусам Придвинья генетически весьма близки коренные жители Псковской и Новгородской, как и Смоленской областей (этому факту есть историческое объяснение — это этнически территория кривичей). Но это вовсе не повод исключать их из беларуского этнического ареала.

Сопоставление данных генной географии с материалами археологов дает очень интересные результаты. Географическая структура современного беларуского генофонда во многом соответствует древним археологическим культурам... Это важный аргумент в пользу генетической непрерывности поколений. Анализ антропогенетического и генодемографического материала приводит автора к выводам о глубокой древности беларуского этноса. Современная картина беларуского генофонда сформировалась как путем долговременного приспособления в результате естественного отбора, так и в процессе этнической консолидации.

Пользуясь «генетическим календарем», автор установил, что популяции коренных жителей Беларуси ведут свою родословную непрерывно не менее 130—140 поколений, то есть, самое позднее с середины 2-го тысячелетия до нашей эры. По мнению автора, происхождение, особенности языка, материальной и духовной культуры, существование в течение многих веков своего государства — Великого княжества Литовского, перевес эмиграционных процессов над иммиграционными — содействовали консолидации и формированию этнического содержания беларусов».

Исследование интереснейшее. Но книга издана на беларуском языке, а его русские не понимают, несмотря на постоянные заявле-

> «Проявления рецидива буржуазно-националистических концепций в области истории белорусской литературы и литературной критики, искажение марксистско-ленинской методологии в области литературоведения до современного момента не получили еще соответствующего раскрытия на страницах наших литературно-художественных журналов».

Далее он сделал вывод о том, что «белорусский национализм всегда был и есть наихудшим образцом низкопоклонства перед империалистическим Западом».

«Идеологически ориентированные» критики (типа Борисенко) заклеймили как безыдейные стихотворения Констанции Буйло из сборника «Рассвет», стихотворения Петруся Бровки «Скворец» и «Ива над водою», Максима Танка «Я не знаю, кто ты» и «Дорогая моя», Аркадия Кулешова «Земля и море» и «Земля и небо», Петра Глебки «Смерть солдата», Адама Русака «Осенние напевы», проникнутые чувством искреннего патриотизма, любви к родной природе и своему краю.

Идеологические кампании в некоторых случаях завершались очередными арестами, хотя они уже не имели массового характера. Например, в конце 40-х годов по второму разу арестовали Станислава Шушкевича, Андрея Александровича, Бориса Микулича, Сергея Граховского и несколько других беларуских литераторов, в том числе находившихся в ссылке с 30-х годов!

Новая кампания идеологической травли беларуских писателей началась в 1951 году после появления в газете «Правда» статьи «Против идеологических искажений в литературе». «Националистический уклон» бдительные партийцы обнаружили в стихотворении украинского поэта Владимира Сосюры «Люби Украину». В связи с этой кампанией беларуская республиканская газета «Литература и искусство» («Літаратура і мастацтва») отметила в своей передовой статье:

> «Статья «Правды» «Против идеологических искажений в литературе» предупредила всех писателей, всех поэтов о необходимости отчетливой идейной направленности каждого произведения, о необходимости того, чтобы каждое произведение по-настоящему отображало нашу героическую жизнь в эпоху великого Сталина».

В «Материалах к отчетному докладу ЦК КП(б)Б XIX съезду КПСС» (1952 год) подчеркивалось, что компартия БССР считает своей главной задачей «организацию идеологической борьбы против любых проявлений национализма».

В феврале 1956 года состоялся знаменитый XX съезд КПСС, на котором генеральный секретарь партии Н.С. Хрущев выступил с сенсационными разоблачениями так называемого «культа личности Сталина». Съезд ознаменовал начало пресловутой «хрущевской

«Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

«Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...

Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910—20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

* «Наука и жизнь», 2006, № 3.

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

«А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Лане и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

«Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2–3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

* Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54–60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

к народному языку России (как уже сказано, отнюдь не славянскому, а славяно-финскому койне, с большим тюркским влиянием) и древнему болгарскому (он же «церковно-славянский»).

В качестве третьего языка можно указать современный литературный русский язык, — искусственное кабинетное изобретение, своего рода «эсперанто» на основе двух указанных выше источников (на этом «эсперанто» написана данная статья, а вы ее читаете).

Почему нынешний русский язык больше похож на болгарский язык, чем на беларуский и украинский? (Хотя в одну языковую группу с русским относят почему-то именно их, а не болгарский и не сербский.) Это кажется странным, ведь Россия не граничит с Болгарией, но соседка с Беларусью и Украиной, в чьих исконных языках нет болгарского влияния, а если его иногда находят сегодня, то оно привнесено в более поздние времена русскими завоевателями.

В том-то и дело, что в Московии коренных славян никогда не было (кроме немногочисленных выходцев из Киевской земли в XII–XIV веках). Поэтому усвоение туземцами Московии славянского языка шло через религию, которая опиралась на болгарские тексты. Туземцы Владимира, Суздаля, Москвы, Костромы, Тулы, Рязани, Мурома, Вятки и прочих финских земель усваивали славянский язык через болгарский язык церковных книг. Именно потому небольшое славянское содержание «базы» русского языка (около 30–35% лексики) является общим болгарскому языку.

В Беларуси и Украине ситуация была иной: здесь местное население (балто-славянское в Беларуси, сармато-славянское в Украине) само выработало свои славянские говоры, которые не позволили внедряться болгарской лексике из православных книг.

Есть три факта, которые прячут все российские лингвисты, хотя шила в мешке все равно не утаить. Они таковы:

1) до начала XVIII века язык Московии никто в Европе не называл русским, а только московским, или московитским;

2) русским языком до той поры называли украинский язык:

3) московитский язык до XVIII века европейские лингвисты (в том числе из славянских стран) относили к финским говорам.

Конечно, сегодня все уже не так: власти Российской империи оказали огромное влияние на лингвистическую науку, поставив ей задачу придания московскому языку «славянского статуса». Реформа московского языка, осуществленная в XVIII веке Ф. Прокоповичем, М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым ставила целью именно усиление его слабых славянских черт. Однако даже через сто с лишним лет после Ломоносова, умершего в 1765 году, известный польский славист Ежи Лещинский заявлял:

Показательно изобилие этнических русских, поляков, евреев, украинцев, татар, ставших беларускими деятелями культуры в первые десятилетия советской власти (З. Азгур. З. Аксельрод. А. Александрович, А. Бембель, Зм. Бядуля, М. Блистинов. Я. Бронштейн, В. Головчин. И. Замотин, Г. Кобец. Я. Мавр (И. Федоров), Е. Мирович, Н. Никольский, А. Овечкин, В. Пичета и др.)...

Интересно в этом контексте и отсутствие антисемитизма во всех слоях беларуского социума. Начиная со времен Великого Княжества Литовского, когда беларусы и евреи впервые зажили бок о бок, обмениваясь не только товарами, но и гуманитарными достижениями (известно, что первый перевод нескольких религиозных текстов на старобелорусский язык принадлежит виленским евреям), напряженности между этими двумя народами практически не было, что доказала Вторая мировая война.

И по сей день израильское посольство в Минске ежегодно чествует вновь обнаруженных «нееврейских праведников», не предполагавших, что они праведники, — людей, прятавших по погребам и чердакам своих домов знакомых и незнакомых евреев. Разумеется, в советскую эпоху существовал государственный антисемитизм, и он накладывал отпечаток на повседневное, бытовое поведение, однако уже в первые годы перестройки антисемитизм как явление испарился практически без следа.

Характерно для беларусов и непредвзятое отношение к «лицам кавказской», «азиатской» и прочих несуществующих национальностей. Более того, само миролюбие и нежелание беларусов входить в конфликт, а также знаменитая беларуская толерантность по отношению к иным народам и конфессиям, понимаемые как экзистенциальные этнические ценности (так называемые «фокальные» или «доминантные»), привели к тому, что национальная идея беларусов имеет «посреднический» характер. Та роль, в которой, по мнению Вл. Соловьева, должно было реализоваться мессианское предназначение России — быть посредницей между народами — в силу политических и общих социокультурных событий была принята беларусами практически внерефлективно».

Интересно сравнить современные научные исследования национального характера русских и беларусов, которые независимо друг от друга проводились в России и Беларуси и освещались центральными изданиями.

«Российская газета» 29 ноября 2003 года в публикации Татьяны Смольяковой «Украинцы близки русским так же, как немцы» сообщила:

«Независимый исследовательский центр РОМИР по заказу Союза создателей социальной рекламы провел исследование «Национальное самосознание русского человека в современный период».

Каждый из трех восточно-славянских этносов, согласно антропологическим данным, по своему уникален. Они формировались в разном географическом пространстве, на особых субстратных праосновах. Помещенная в книге графическая интерпретация обобщенных характеристик генофондов позволяет наглядно увидеть степень схожести и различия.

«Этнические облака» беларусов и украинцев довольно компактны и частично перекрываются. Российское же «облако» размытое, только незначительная его доля перекрывается с первыми двумя. В то время как украинское «этническое облако» вообще не граничит с финно-угорскими, а беларуское лишь касается их — центр «этнического облака» российских популяций находится в одном кластере с финно-угорскими, а не славянскими этносами.

Алексей Микулич аргументировано опровергает суждения московских коллег о том, что ядро российского генофонда исстари находится на северо-западе российского этнического ареала (Псковщина, Новгородчина) с привлечением части земель, которые сегодня находятся в составе Республики Беларусь. Он отмечает, что к беларусам Придвинья генетически весьма близки коренные жители Псковской и Новгородской, как и Смоленской областей (этому факту есть историческое объяснение — это этнически территория кривичей). Но это вовсе не повод исключать их из беларуского этнического ареала.

Сопоставление данных генной географии с материалами археологов дает очень интересные результаты. Географическая структура современного беларуского генофонда во многом соответствует древним археологическим культурам... Это важный аргумент в пользу генетической непрерывности поколений. Анализ антропогенетического и генодемографического материала приводит автора к выводам о глубокой древности беларуского этноса. Современная картина беларуского генофонда сформировалась как путем долговременного приспособления в результате естественного отбора, так и в процессе этнической консолидации.

Пользуясь «генетическим календарем», автор установил, что популяции коренных жителей Беларуси ведут свою родословную непрерывно не менее 130—140 поколений, то есть, самое позднее с середины 2-го тысячелетия до нашей эры. По мнению автора, происхождение, особенности языка, материальной и духовной культуры, существование в течение многих веков своего государства — Великого княжества Литовского, перевес эмиграционных процессов над иммиграционными — содействовали консолидации и формированию этнического содержания беларусов».

Исследование интереснейшее. Но книга издана на беларуском языке, а его русские не понимают, несмотря на постоянные заявле-

Уничтожение памятников национальной истории и культуры

Республиканская газета «Литература и искусство» 2 июня 1956 года напечатала статью доктора искусствоведения М. Кацера «Нужны срочные меры». В ней он привел многочисленные факты разрушения ценных исторических памятников. Причем происходило уничтожение архитектурных и культурно-исторических памятников как не включенных в списки по охране наследия, так и тех, что находились под охраной государства.

Например, в Минске на площади Свободы был уничтожено прекрасное здание XVIII века — башня ратуши, а для строительства спортивного комплекса на древнем минском Замчище был выкопан котлован площадью около 500 кв. м, глубиной до 8 метров. На древнем городище Витебска развернулось строительства театра. Разрушались древние городища в Орше, Турове и Полоцке, замки в Лиде, Креве, Новогрудке, Смольянах.

Кацер требовал «срочно улучшить работу отделов Министерства культуры БССР, призванных заниматься охраной памятников, оживить работу научно-методического совета Академии наук БССР».

Письмо Кацера вызвало многочисленные отклики читателей, в которых они тоже возмущались безответственным отношением республиканских и местных управлений культуры к памятникам беларуской истории и культуры. Но Комитет по делам строительства и архитектуры при Совете Министров БССР не спешил реагировать на обращения.

В защиту памятников архитектуры выступили на общем собрании научные сотрудники Института истории АН БССР. Они поддержали инициативу ученых Москвы по созданию добровольного общества охраны памятников архитектуры, избрали комиссию по созданию общества в составе Я. Корнейчика, М. Гринблата и Л. Побаля. С призывом «Дорожить культурным наследием народа» обратился со страниц газеты в сентябре 1956 года тогдашний заведующий сектором этнографии и народного творчества Института истории АН БССР Адам Залесский.

В связи с этим обращением в редакцию «Литературы и искусства» пришло много писем. В конце концов властям пришлось както отреагировать на многочисленные обращения общественности и ученых, связанные с проблемами сохранения культурно-исторического наследия. 22 сентября 1956 года постановлением Совета Министров БССР в Минском художественном училище была открыта группа прикладного искусства по ткачеству и вышивке. Министерство культуры приступило к созданию в Государственном

Докторские и кандидатские диссертации по историческим наукам БССР: Библиографический указатель 1944—1982 гг. /Сост. В.Н. Михнюк/ Мн.: /б.и./, 1982. — 106 с.

Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР: Документы и материалы. Том 1: **1917 март — 1919 февраль.** /Ред. А.И. Азаров и др./ Мн.: АН БССР, 1954. — 514 с.

История Беларуси в документах и материалах. /Сост. И.Н. Кузнецов, В.Г. Мазец/ Мн.: «Амалфея», 2000. — 672 с.

История Беларуси: Словарь-справочник. /Сост. И.Н. Кузнецов и др./ Мн.: «Экономпресс». 2000. — 320 с.

Куропаты: Следствие продолжается. /Тарнавский Г. и др./ М.: «Юридическая литература», 1990.

Очерки истории Беларуси. /М.П. Костюк и др./ Часть 2. Мн.: «Беларусь», 1995. — 560 с.

Перед крутым поворотом. Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925—1928 гг.): Отражение времени в архивных документах. /Авт.-сост. Р.П. Платонов/ Мн.: БелНИИДАД, 2001. — 310 с.

Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939—1954 гг.). /Ситкевич С.А. и др./ Гродно: Аграрный унив-т, 2004. — 344 с.

Правда истории: Память и боль (Сборник материалов о репрессиях в 30—50-е гг. в Белоруссии). /Сост. Н.М. Жилинский/ Мн.: «Беларусь», 1991. — 431 с.

Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии: 1941—1944. (Документы и материалы). Мн. «Беларусь», 1965. — 464 с.

Публицистика белорусских народников. Нелегальные издания белорусских народников (1881—1884). /Сост. С.Х. и И.С. Александрович/ Мн.: БГУ, 1983. — 134 с.

Революционное движение в Белоруссии, июнь 1907 — февраль 1917 гг. (Документы и материалы). /Сост. Т.А. Воробьева, Н.А. Рябцевич/ Мн.: «Наука и техника», 1987. — 285 с.

Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921—1939 гг.). /А.Н. Мацко и др./ Мн. «Беларусь». 1966. — 403 с.

Репрессивная политика советской власти в Беларуси. /Сб. науч. работ/ Вып. 1. (Сост. И. Кузнецов, Л. Басин). Мн.: /б.и./, 2007. — 376 с.

Страницы истории компартии Белоруссии: Суждения, аргументы и факты. /Под ред. Р.П. Платонова/ Мн.: «Университетское», 1990. — 446 с.

У истоков политического противостояния (Материалы и документы по истории общественных движений и политических партий Республики Беларусь). /Под ред. Э.М. Энтина/. Гомель: ГГУ, 1993. — 228 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

ИСТОРИЯ ИМПЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ БЕЛАРУСЫ И РУССКИЕ. 1772–1991

Составитель, переводчик и научный редактор
Тарас Анатолий Ефимович

Отзывы направлять редактору-составителю по адресу:
А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь

Ответственный за выпуск А.Н. Вараксин

Подписано в печать 26.12.2008. Формат 60x90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC.
Усл. печ. л. 38. Уч.-изд. л. 33.9. Тираж 200 экз.
Заказ 39.

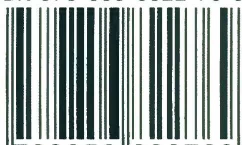
Издатель и полиграфическое исполнение:
издатель А.Н. Вараксин
ЛИ № 02330/0131774 от 06.03.2006.

E-mail: editpol@tut.by

После захвата Российской империей в 1772—1795 гг. беларуской части Речи Посполитой (Великого княжества Литовского) в памяти жителей Беларуси за 200 лет было стерто почти все, что могло способствовать национальной самоидентификации. В послевоенный период организованный партийно-советским руководством процесс «забывания» беларусами своего языка, своей истории и культуры приобрел новый импульс. По замыслу кремлевских идеологов, все народы СССР должны были «слиться» в единую «коммунистическую нацию» на базе русского языка, советской культуры, марксистско-ленинской идеологии.

Несмотря на то, что Беларусь обрела в 1991 году независимость, общественность соседних стран, в первую очередь России, продолжает рассматривать ее через призму старых мифов и догм — как эпохи царизма, так и советской эпохи. Даже некоторые беларусы (а тем более представители других этносов) все еще верят в то, что «беларусы — часть великой русской нации», что «Беларусь — условное название Северо-Западного края Российской империи», что «язык, религию, культуру, искусство и вообще цивилизацию беларусы получили от русских».

Предлагаемая книга последовательно и аргументировано опровергает эти и многие другие выдумки шовинистов.

ISBN 978-985-6822-76-9
9 789856 822769